

Россия
в мемуарах
дипломатов

**ПРОЕЗЖАЯ
ПО
МОСКОВИИ**

**«МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ»**

RUSSIAE, MOSCOVIAE ET TARTARIAE DESCRIPTIO. Auctore Antonio Tenckenjone Angli edidit London Anno 1663 & dedicata Illustri D. Henrico Sydenae Wallie praesidi

Scala miliarum

Russiae 40	Ro 100	140
------------	--------	-----

Россия
в мемуарах
дипломатов

ПРОЕЗЖАЯ ПО МОСКОВИИ

(Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов)

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

1991

Ответственный редактор и автор вступительной
статьи *Н. М. Рогожин*
Составитель и автор комментариев *Г. И. Герасимова*

П79 Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов)/Отв. ред. и автор вступительной статьи Н. М. Рогожин; составитель и автор комментариев Г. И. Герасимова. — М.: Междунар. отношения, 1991. — 368 с. — (Россия в мемуарах дипломатов)

ISBN 5-7133-0353-5

Книга «Проезжая по Московии» из серии «Россия в мемуарах дипломатов» предлагает читателю воспоминания дипломатов, посещавших Россию в период правления царей от Ивана Грозного до Алексея Михайловича. В сборник вошли материалы, наиболее полно освещающие внутреннюю жизнь России, ее обычаи и нравы, международную политику. Все мемуары публикуются впервые в послеоктябрьский период.

Для широкого круга читателей.

П $\frac{0503020200 - 056}{003 (01) - 91}$ 52—91

ББК 63.3(2)44

ISBN 5-7133-0353-5

- © Подготовка текста и оформление изд-ва «Международные отношения», 1991
- © Вступительная статья Н. М. Рогожина, 1991
- © Составитель и автор комментариев Г. И. Герасимова, 1991

ИНОСТРАННЫЕ ДИПЛОМАТЫ О РОССИИ XVI—XVII ВЕКОВ

В сочинениях иностранцев XVI—XVII вв. образ России необычайно популярен. Среди тех, кто писал о нашей стране в это время, были англичане, австрийцы, итальянцы, немцы, шведы, датчане, поляки, голландцы, французы, персы. Кто эти люди? Прежде всего дипломаты, а также военные, купцы, врачи, художники и писатели. Одним словом, все, кто обладал острым умом, хорошей памятью и умением излагать свои наблюдения, «были ошеломлены» огромной империей и пытались запечатлеть увиденное. В XVI в. всеобщий интерес к русским проявлялся во всех сферах духовной жизни Запада. О загадочной, полной чудес стране пишут Рабле и Шекспир, говорят театральные герои и кричат шуты на ярмарках. За рубежом появился даже особый вид литературы, посвященной Московии и получившей в дальнейшем название «Россика».

В этой книге собраны записи о путешествиях в Россию только дипломатов и членов официальных посольств, далеко не все, что известно, а только различные по форме изложения произведения дипломатических представителей стран Европы и Востока, которые еще не издавались в послеоктябрьский период. Публикуемые документы отражают хронологически период с 80-х годов XVI в. по 70-е годы XVII в.

В жанре мемуарной литературы написаны сочинение английского посланника Дж. Флетчера и рассказ о путешествии польских послов 1667 г.; дневниковый характер носят описания путешествий посла римского императора Н. Варкоча, секретаря посольства от шаха Аббаса I дон Хуана Персидского, шведского посольства 1655 г. и секретаря датского

посланника А. Роде; представлены в форме официального отчета результаты поездки ганзейского посольства 1603 г., составитель — секретарь И. Брамбах, и журнал нидерландских посланников 1615—1616 гг.

Знакомясь с этими произведениями, надо помнить о том, что представление одного народа о другом складывается на основе стереотипов, определенных устойчивых образов. Существует даже такая отрасль науки, как имагология (*imago (лат.)* — образ, подобие).

Почему мы сегодня говорим, что американцы — деловые, англичане — сдержанные и чопорные, французы — любвеобильные, итальянцы — экспансивные, немцы — пунктуальные и аккуратные, а русские — простоватые, с загадочной и широкой душой? Потому что в истории при определенных условиях создаются устойчивые представления, стереотипы восприятия различными народами друг друга, даже если они никогда не виделись.

Благодаря исследованиям американского ученого У. Липпмана известны две важнейшие причины возникновения социальных стереотипов*. Первая — принцип экономии усилий, характерный для повседневного человеческого мышления и выражающийся в том, что людям свойственно не реагировать каждый раз по-новому на новые факты и явления, а подводить их под уже имеющиеся категории. Вторая причина — защита групповых ценностей, являющаяся чисто социальной функцией. Стереотипы защищают наши традиции, поэтому покушение на них часто воспринимается как посягательство на основы «нашего» мироздания.

Процесс создания стереотипов проявился в некоторых видах исторических источников, а затем получил толкование в трудах историков, литературоведов и публицистов. В дореволюционной историографии одним из первых сочинения иностранцев о России стал изучать В. О. Ключевский**. Затем эту тему, но применительно только к одному автору, продолжил С. М. Середонин***.

В советское время образ России и ее исторического пути в западноевропейских сочинениях, а также представления о европейских странах и других континентах в трудах русских книжников исследовали М. А. Алпатов, Н. А. Ерофеев,

* См. Lippman W. *Public Opinion*. — N. Y., 1960.

** Ключевский В. О. *Сказания иностранцев о Московском государстве*. — Пг., 1918.

*** Середонин С. М. *Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common wealth» как исторический источник*. — СПб., 1891.

Л. А. Зак, И. В. Карацуба, И. С. Кон, Ю. А. Лимонов, Е. В. Чистякова. Из иностранных авторов проблеме национального характера и национальным стереотипам посвящена интересная работа Х. Г. Дьюкера и Н. Х. Фрийд.

Среди источников, содержащих информацию одних народов о других, значительное место занимает деловая письменность. Скажем, в «Хождении за три моря» Афанасий Никитин ставил себе прежде всего практические, а не литературные цели. Записки иностранных дипломатов и отчеты — «статейные списки» — русских послов о выполненных ими поручениях с описанием событий, послуживших причиной переговоров, с рассказом о всем виденном и слышанном, также относятся к деловой письменности и сочетают в себе элементы литературы и дипломатической практики*.

В XVI—XVII вв. в России происходит тесное взаимодействие жанров деловой и художественной литературы. В это время очень трудно определить степень их взаимовлияния. Но в любом случае деловая письменность носит отпечаток индивидуального, творческого восприятия действительности и является ценным отпечатком социально-психологической среды своего времени.

Используя различные источники, большинство отечественных авторов считают, что в отдельных социокультурных слоях одной и той же страны иногда могут создаваться различные портреты какого-либо чужого народа, они обуславливаются и территориальной близостью, и длительностью наблюдения, культурным уровнем и степенью информированности. При этом стереотипы зачастую не соответствовали действительности. Это можно сказать о России. Существовала обратная связь между наблюдениями иностранцев о России и воздействием их на общественную мысль своей страны. Негативный стереотип России нередко служил для оправдания и подкрепления экономической и колониальной политики. Надо сказать, что подобный метод касался не только России. Н. А. Ерофеев в своих работах убедительно доказал это явление в отношении представителей английского колониализма к подчиненным народам — ирландцам и африканцам**.

* См. Око всей великой России. Об истории дипломатической службы XVI—XVII веков. — М., 1989.

** Ерофеев Н. А. Английский колониализм и стереотип африканцев в конце XIX в. // Вопросы истории. — 1971. — № 12; он же. Английский колониализм и стереотип ирландцев в XIX в. // Новая и новейшая история. — 1980. — № 5.

При всех национальных и временных различиях кругозора, восприятия каждым из публикуемых авторов увиденного им в России попытаемся проследить то общее, что характерно для всех описаний и оценок. За основу возьмем тематический признак, то есть сведения географического, государственно-административного, судебного и финансового порядка. Анализ причин и характера непонимания или искажения событий и явлений даст нам ценные сведения о мировоззрении дипломатов.

О первом из наших авторов, Джилсе Флетчере, известно, что он был доктором гражданского права и «мейстером богомольных книг», то есть магистром теологии английской королевы Елизаветы I, родился в Кенте в 1548 г. и воспитывался в Кембридже. В 36 лет у него родился сын Финеас, который также получил образование в Кембридже, а впоследствии стал известным писателем и стихотворцем. Вероятно, здесь не обошлось без влияния отца, которого, по некоторым данным, современники именovali поэтом. Поскольку источников о личности Флетчера у нас очень мало, то из известного можно еще добавить, что его брат, Ричард Флетчер, был епископом бристольским, ворчестерским, а затем даже лондонским. Очень меткое определение нашему автору дал Н. М. Карамзин: «...приехал в Москву доктор Флетчер. Сей более ученый, нежели знатный посланник». Случилось это в 1588 г., и целью дипломатической миссии было заключение дружественного союза и восстановление торговых отношений Англии с Россией. Прибыл Флетчер в Холмогоры в начале сентября. С известием о нем и за царским разрешением на въезд посланника в Москву был отправлен гонец. После завершения всех формальностей в сопровождении пристава посольство наконец отправилось в путь и 25 ноября прибыло в заснеженную столицу Московии. Впоследствии Флетчер вспоминал, что «от одного взгляда на зиму в России можно замерзнуть». Обрато выехали только 6 мая следующего года, но около двух месяцев прожили в Вологде, ожидая царского ответа на новую грамоту, полученную от королевы Елизаветы I. В середине июля из Москвы был отправлен указ вологодскому воеводе об отпуске посольства в Холмогоры, а оттуда в Лондон. Вернувшись, Флетчер подал отчет английскому министерству, а затем написал публикуемое нами сочинение.

Из дальнейшей его жизни известно, что он был городским секретарем в Лондоне, рекетмейстером королевы и казначеем церкви св. Павла и что он умер в 1611 г.

Читателю, вероятно, небезынтересно будет узнать названия других его произведений: «О препятствиях торговле англичан в России и средствах заслужить благоволение царя и устрашить русских», «Победа и торжество Христа на небесах и на земле, над смертью и по смерти», «Возвращение израильтян, два кратких рассуждения, одно — Джилса Флетчера, доктора права, другое — Самуила Ли» и «Рассуждение о том, что татары суть потомки десяти колен, отведенных в плен Салманасаром».

Сочинение Флетчера «О государстве Русском» написано в период очередного острого конфликта между Англией и Россией. Незадолго до приезда Флетчера в Москву английская торговая «Московская компания» в 1586 г. получила привилегию на значительные льготы, включая право на беспошлинную торговлю. До этого пошлины составляли значительную по тем временам сумму — 2000 фунтов стерлингов в год. Англичане не были вполне удовлетворены, поскольку добивались еще монополии в торговле через все северное побережье России до устья Енисея. Как раз в это время английский купец Антоний Марш, служащий компании, от ее имени набрал в долг деньги у бояр, служилых людей, купцов, монахов и даже у самого Бориса Годунова. Всего более 23 тыс. рублей. Сумма по тем временам огромная. Марш говорил, что эти деньги нужны на общие расходы и товары компании. Когда же пришло время платить долги, его товарищи объявили, что он брал деньги без их ведома и что долги эти — личное дело самого Марша. Борис Годунов с жалобой на компанию отправил в Лондон своего посла Романа Бекмана, а вместе с ним и неудачливого коммерсанта Марша. Правительство королевы Елизаветы I приняло сторону компании и еще до возвращения Бекмана послало в Москву Дж. Флетчера.

Надо сказать, что «дело Марша» весьма запутано. В ходе разбирательства он уличил своих сограждан в политическом шпионаже и преступной торговле. В результате в уплату его долга были конфискованы товары компании. Будучи уже в Англии, Марш объявил, что все долги велел ему делать ближний царю думный посольский дьяк Андрей Щелкалов, который дал слово «очистить его и помочь собрать все долги». Андрей Яковлевич Щелкалов известен в нашей истории как расчетливый политический делец, «пронырливый, умный и злой», о котором иностранцы говорили: «Это хитрейший скиф, какой когда-либо жил на свете». Флетчер передал слова Марша государю и

получил ответ, что «Марш вор ведомый, сказал слова ложные и то диво великое, что королевские думные люди такого вора не обличили».

Содержали Флетчера в Москве под строгим надзором, не признавали за ним ранга посланника, а подарки королевы Елизаветы I с презрением вернули «по причине их ничтожности». Соответственно вызываясь вел себя и Флетчер, отказавшись произнести полный титул царя, что являлось грубым нарушением дипломатического церемониала. Однако «дело Марша» было лишь поводом, в то время как истинная причина конфликта состояла в том, что Россия в это время шла на сближение с Империей и Испанией. Ниже мы расскажем о сложных и затянувшихся переговорах с имперским послом Н. Варкочем.

В 1588 г., как раз в год приезда Флетчера в Москву, англичане разбили испанскую «Непобедимую армаду». Московские политики были на стороне Испании, и сочинение Флетчера фактически стало продолжением дипломатической борьбы, но другими средствами. Озлобленный, недовольный приемом и результатами посольства, Флетчер содал свое произведение о России и посвятил его королеве.

Свою задачу он видел в том, чтобы изобразить порядки российские как противоположные порядкам английским: «русский деспотизм — британская вольность». Тяжелое бремя тиранического правления в России описывается одновременно с восхвалением политической системы Англии: «Поступки их, в какой степени они тягостны и бедственны для угнетенного народа, в точно такой же могут подать мне и другим верноподданым Вашего Величества справедливый повод признать себя счастливыми». Флетчер определяет русский деспотизм «весьма похожим на турецкий», при этом сознательно «забывает», что такой же образ правления был в то время во Франции, Испании, Дании, Швеции и т. д.

Путь книги Флетчера к читателю оказался сложным и драматическим как в России, так и у него на родине. Английские купцы не на шутку переполошились, полагая, что подобное сочинение еще более ухудшит их положение. Руководители компании приложили все возможные усилия, чтобы книга Флетчера не увидела свет. Они даже обратились к правительству Елизаветы I с просьбой запретить книгу Флетчера в Англии.

Но существовала еще и обратная сторона: стереотип восприятия России у Флетчера тесно связан с его собственным стереотипом восприятия английских порядков; ибо «человек смотрится, как в зеркало, в другого

человека». В изображении русского тиранического правления англичане могли без труда увидеть зеркальное отражение порядков времен Тюдоров — Генриха VIII, Марии Кровавой и самой Елизаветы I. Как справедливо заметил один из исследователей книги Флетчера, «она должна рассматриваться не только как записки о России, но также и как книга об Англии: то, что Флетчер говорит о России, показывает и то, что он думает об Англии...»*. Когда в Лондоне вышло в 1591 г. первое издание публикуемого нами сочинения Флетчера, министр Сесиль запретил его и почти все экземпляры были уничтожены. Частично и в отрывках книга стала издаваться в Англии начиная с 1625 г. В России ее перевод был впервые напечатан лишь в 1848 г.

Какими же источниками пользовался Флетчер? Для столь фундаментального труда, который он написал, восьми месяцев пребывания в России было явно недостаточно. Тем более что он не знал русского языка и наблюдал окружающую действительность из окна или в сопровождении пристава. Свои сведения он мог получить от английских купцов, в том числе А. Марша. Значительное влияние на записки большинства иностранцев, в том числе и Флетчера, оказало сочинение австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в Москве в 1517 и 1526 гг.** Но основным источником информации для Флетчера был агент английской торговой компании Джером Горсей, живший в России в 70—90-е годы XVI в. и много знавший об этой стране***. Надо сказать, что плагиат — характерное явление для многих сочинений иностранцев. Это не считалось предосудительным, было даже почетно пересказать классические труды Герберштейна, Флетчера, Олеария.

Герберштейн — единственный автор, знавший славянский язык, он изучал летописи, переписывал законодательные и юридические памятники. Горсей также уверяет своих читателей, что он знаком с русскими летописями. Иного мнения придерживается Флетчер, доказывая, что у русских «нет ни истории, ни памятников старины». Являясь правоверным протестантом, он уверяет, что православное

* Fletcher G. Of the Russe Commonwealth. — Cambridge, Mass., 1966. — P. 26.

** Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. — М.: Изд-во Московского университета, 1988. — С. 45.

*** Джером Горсей. Записки о России XVI — начала XVII в. — М.: Изд-во Московского университета, 1990. — С. 33.

духовенство — противник просвещения: «Будучи сами невеждами во всем, они стараются всеми средствами воспрепятствовать распространению просвещения, как бы опасаясь, чтобы не обнаружилось их собственное невежество и нечестие». И это в то время, когда реформация, иезуиты, угроза унии вызвали необычайное книжное творчество русских православных людей и им пришлось создавать оригинальную литературу апологетического и полемического характера.

Не ссылаясь на Герберштейна, Флетчер полностью списал у него известную геродотовскую легенду об усмирении скифами своих рабов. Господа ушли на войну, и жены, не дождавшись их возвращения, вышли замуж за рабов. Когда господа вернулись домой, им навстречу вышло войско рабов. Господа двинулись на него с кнутами. Это показалось рабам столь страшным и дало им такое напоминание о значении кнута, что они все бросились бежать, как овцы, гонимые пастухом. Нетрудно увидеть определенную тенденциозность обоих авторов, применивших эту легенду по отношению к новгородцам.

Но все же, как уже говорилось, основной источник сведений для Флетчера, особенно о времени Ивана IV и Б. Годунова, — это Горсей. Флетчер как ученый систематизировал и группировал его данные, обобщая и используя их для своих доказательств. Он создал свою концепцию, во многом соответствующую действительности, расположения политических сил в России, заменяя лишь действующие лица. На месте Грозного не царь Федор Иоаннович, а фактический правитель Борис Годунов. Борется он с боярскими родами не как с врагами государства, а как со своими конкурентами на царский престол. Провидчески предсказал Флетчер смерть царевича Дмитрия и тяжелое бремя Смутного времени: «Вот в каком положении находится царский род в России..., который, по-видимому, скоро пресечется со смертью особ, ныне живущих, и произведет переворот в русском царстве». Вероятно, в данном случае это не смутное предчувствие, а отголосок современных Флетчеру убеждений народа. С другой стороны, он же ошибочно считал, что «заговора между войском и простым народом опасаться также нельзя, потому что цели их слишком между собой различны и противоположны». Флетчер желал и видел будущее России только в одном. «Это безнадежное состояние вещей внутри государства заставляет народ, большей частью, желать вторжения какой-нибудь внешней державы...» Вспомним, что Англия в это время вступала на путь колониальной державы и необходимо

было создать определенный стереотип правил обращения с зависимыми странами. Среди прочих существовал и проект захвата англичанами русского Севера в 1614 г. Отсюда берет свои истоки столь распространенный в XVI—XVII вв. среди английских путешественников и даже в народной лирической поэзии образ «рожденного рабом московита».

В Лондон Флетчер привез прибавку старым правам английских купцов, которым теперь разрешалось торговать «по Волге», но они вновь облагались пошлиной, хотя и в половинном размере. В отличие от английского абсолютизма русское самодержавие не нравилось Флетчеру уже только потому, что оно ущемляло интересы его соотечественников.

Справедливости ради надо сказать, что Флетчер, несомненно, одаренный человек, ученый, юрист, дал систематическое описание российского феодального общества, административного устройства, русского войска. Его сочинение — ценный источник для изучения права и истории России XVI в.

Австрийский посол императора Рудольфа II Николай Варкоч приезжал в Россию три раза — в 1589, 1593 и в 1594 г. Известно, что он был силезским дворянином из Добщиц. Русские источники конца XVI в. свидетельствуют, что «Варкоч с Нопшиц из Велемздорфа... у цесаря дворянин думной, великий человек, а родом он угренин (венгр. — *Авт.*), а Стефану королю, что был в Литве (Баторию. — *Авт.*), племянник»*.

На исходе XVI в. почти все государства Европы находились в состоянии войны или оказывали дипломатическую и материальную поддержку одной из воюющих сторон. Испания вела продолжительную и безуспешную борьбу с восставшими Нидерландами, которым активно помогала Англия. Как уже говорилось, в 1588 г. разгромом испанской «Великой армады» были отмечены боевые действия между Испанией и Англией. После поражения союзных феодальных государств Центральной Европы в 1526 г. у Мохача обострилось противоборство Австрии и Османской империи. Турки, уже владевшие Балканским полуостровом, захватили еще и значительную часть Вен-

* Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — Т. 1. — СПб., 1851. — С. 1143, 1150, 1113; Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России в 1700 г. и их сочинения. Ч. 1—2. — М., 1864. — С. 253,

герского королевства. Начались непрерывные опустошительные набеги на австрийские земли, и уже Вена была в опасности. Во Франции шла гражданская война между католиками и гугенотами. В Речи Посполитой велась борьба за престол, в которую вмешивались Габсбурги: брат австрийского императора Рудольфа II эрцгерцог Максимилиан был избран на польско-литовский трон, но встретил сильное сопротивление со стороны антигабсбургской партии польской шляхты во главе с Я. Замойским, войска которой разгромили Максимилиана и захватили его в плен.

Такова была ситуация в Европе, когда Рудольф II отправил в Москву в 1589 г. своего посла. В первый раз Варкоч послали с целью возобновить начатые ранее, но затем прерванные переговоры о союзе. Он должен был лично передать московскому царю сведения о состоянии польских дел и просить военной или денежной помощи. Содействие России было необходимо Габсбургам для войны за избрание Максимилиана на престол Речи Посполитой. Император надеялся, что Россия, оттесненная от Финского залива и утратившая Прибалтику в результате Ливонской войны, будет искать союзников для борьбы с Речью Посполитой и Швецией и предпочтет одного из Габсбургов на польском престоле представителю династии Ваза. Варкоч должен был также обсудить вопрос о создании антитурецкой лиги, которая объединила бы многие страны Европы, в том числе Россию. В это время крымские татары, союзники турецкого султана, беспрестанно совершали набеги на русские земли, а в 1571 г. даже сожгли Москву. Поэтому Россия была крайне заинтересована в этих переговорах. Варкоч получил также особое задание — разузнать, нет ли шансов у представителей Габсбургского дома занять московский престол ввиду отсутствия наследников у царя Федора Ивановича. В это время вся европейская дипломатия осознавала значение России как барьера, заслонявшего Западную Европу от нашествий из Азии, и как силы, сковывавшей экспансионистские устремления Османской империи.

Публикуемое «Описание путешествия в Москву...» представляет собой особый жанр деловой письменности — путевой дневник. Вел дневник не сам Варкоч, а один из сопровождавших его по имени Стефан Гейс или Гизен. Среди сопровождавших русские посольства был специальный «подъячий для письма», который вел все записи и составлял черновик отчета, «статейного списка». Затем его правил глава посольства. Подобная практика существовала

и за границей. Дневник представляет собой подневное и очень поверхностное описание местностей, по которым проезжало посольство, обычаев, обрядов и одежды того времени в России. Надо сказать, что составитель был плохо знаком с русским языком, поэтому названия славянских мест, рек, имена и фамилии достаточно искажены. Чаще всего автор фиксирует места, где завтракали, ночевали дипломаты и сколько раз их кормили.

В тексте дневника отдельно выделен «Краткий очерк вероисповедания, нравов и обычаев москвитян и состояние города Москвы». В вопросе веры особое внимание обращается на различие в обрядах православной и католической церквей, таких как причастие, крещение, венчание и т. д. О Москве говорится как о большом, «прекрасном и сильном» городе, в котором процветает торговля и множество церквей, вызолоченных «добрым» золотом. Читая дневник посольства Н. Варкоча, надо постоянно помнить, что цель миссии — получить денежную помощь, а для этого надо было знать, насколько Российское государство богато. И тогда становится понятно, почему с такой тщательностью описывается убранство дворца, количество золотой посуды на обеде. Автор дневника фиксирует все, что представляло материальную ценность, начиная от царского престола и колец с сапфирами на руках Б. Годунова и кончая свои записи количеством съеденных волов, баранов и кур.

В результате первой поездки в Московию Варкоч привез 3 млн. гульденов в слитках. Второе и третье его путешествия преследовали те же цели и принесли императору Рудольфу II 40 360 соболей, 20 760 куниц, 120 черных лисиц, 337 235 белок и 3000 бобров. Всего на сумму в 44 000 тогдашних московских рублей. В ответ русские ждали только прочного союза с Империей в борьбе против «общего врага всего христианства» — Оттоманской Порты. Ожидания не сбылись: из России вытягивали только деньги.

В 1599 г. шах Аббас I отправил посольство Хосейн Али-бека Байата к разным европейским дворам для заключения союза против Османской империи. В числе знатных персиян, составлявших свиту посла, находился некто Орудж-бек Баят. Он был одним из четырех секретарей посольства, общее руководство которым было вверено англичанину Антонию Ширли. Послы прибыли в Астрахань в начале октября 1599 г. и продолжали путь до Москвы сначала Волгой, а потом сухим путем. Пробыв в Москве

всю зиму, посольство весной 1600 г. отправилось в Архангельск и отсюда 9 июля на корабле отплыло в Западную Европу. Когда посольство находилось в Испании, вышеупомянутый Орудж-бек перешел в католичество и принял имя Дон Жуана (Хуана) Персидского. Хорошо образованный, он написал на персидском языке сочинение в трех книгах о путешествии посольства с историческим очерком о Сефевидском государстве. Первые две книги заключают в себе описание Персии и ее историю с древнейших времен, а третья содержит рассказ о путешествии посольства. Орывок третьей книги с описанием путешествия посольства через Россию публикуется в нашем издании. Большую ценность в нем представляет изложение современных автору событий, особенно тех, участником которых он был. Однако от описания самого существенного Дон Жуан уклоняется. Он ни слова не говорит о целях и задачах своего посольства и посольства Пер Кули-бека, выехавшего почти одновременно с посольством Байата из Ирана, с которым он встретился в Астрахани и прибыл вместе в Москву.

То, что приемная аудиенция состоялась всего лишь через восемь дней по прибытии посольств в столицу, говорит об интересе, проявленном московским правительством к шахскому посланнику. О результатах миссии Байата можно судить по тому, что в ответ на нее московское правительство в срочном порядке отправило в Иран посольство кн. А. Ф. Жирового-Засекина для заключения антитурецкого военного соглашения.

Ганзейское посольство из Любека в Москву и Новгород продолжает прерванную традицию торговых сношений Ганзейского союза немецких городов с Россией, заметим, сношений, служивших для союза неисчерпаемым источником обогащения до присоединения Новгорода царем Иваном III Васильевичем в 1478 г. к Московскому государству. Начиная с XII в. в Новгороде существовали колонии торговых людей с острова Готланд, со временем к ним, «готам», присоединились «немецкие гости». И те, и другие имели собственные купеческие дворы, о чем свидетельствуют летописные источники. С конца XIV в. вся торговля перешла только к Ганзе, что переводится как «гильдия, союз» немецких городов, первое место среди которых принадлежало Любеку. После того как по приказу царя Ивана III в покоренном им Новгороде был закрыт немецкий купеческий двор, Ганза всеми путями старалась восстано-

вить прерванные выгодные отношения. При помощи дипломатических переговоров она пыталась добиться возвращения всех бывших прав и привилегий. На первом месте среди них было право на собственный Новгородский двор и связанные с этим «вольности» (свобода ввоза различных товаров, низкие пошлины, небольшой налог с оборота проданного товара). Многочисленные попытки Ганзы вновь завоевать русский рынок были безуспешны из-за конкуренции с городами Лифляндии — Дерпта, Ревеля и Риги, не говоря о все более укреплявшемся положении в России англичан и голландцев. Из всех городов, входивших в состав Ганзы, особенные усилия прилагал Любек, поскольку извлекал из торговли с Россией наибольшие выгоды. Переговоры начались почти сразу же после закрытия Новгородской немецкой конторы еще в царствование Ивана III и безрезультатно продолжались вплоть до 1603 г. Ганзейское посольство, отчет о котором мы публикуем, впервые имело положительный результат. Перед поездкой послы получили «Инструкцию» от имени 58 городов, составлявших в то время Ганзейский союз, в которой изложены ходатайства союза перед русским царем. Основными пунктами были: восстановление купеческих дворов и предоставление права беспошлинной торговли. Отчет о поездке дипломатов в Москву составил секретарь посольства, ученый по имени Иоганн Брамбах. О нем известно только, что овладел он многими науками, хорошо знал латынь, ибо переписывался по-латыни с лейб-медиком царя Бориса доктором Г. Шредером (!). О ходе переговоров и достигнутых результатах Брамбахом была составлена специальная «реляция», представленная в Любеке и нам неизвестная. Но помимо официального донесения им же был составлен «Отчет...», имевший гораздо более широкое распространение. Как читатель увидит сам, содержание отчета представляет собой подневное описание путешествия с интересными фактическими данными как в топографо-географическом, так и в культурно-историческом отношении. Опять же обращается внимание на невежество, необычайную бедность и леность русского народа. И это про страну, за рынок которой Ганза вела столь долгую борьбу и выдерживала беспощадную конкуренцию!

Содержание журнала нидерландских посланников Рейнгоута ван Бредероде, Дидериха Басса и Альберта Иоакими связано с одним из сложнейших периодов истории нашей Родины. Начало XVII в. — период восстановления дипломати-

ческих отношений, прерванных в годы Смуты. В 1613—1616 гг. правительство Романовых отправило в разные страны серию посольств. Главы посольств должны были оповестить правителей государств об окончании Смуты, восшествии на престол Михаила Романова и просить дипломатической, денежной и военной помощи против агрессивных намерений Польши и Швеции. Одним из посланников стал И. Г. Кондырев, отправившийся во Францию и Голландию в 1615 г. После заключения союзного договора между Голландией и Швецией 10 мая 1614 г. король Густав Альдоф обратился, правда, под определенным нажимом со стороны Англии, к голландским Генеральным штатам с просьбой оказать содействие при заключении мира с Россией и послать туда своих послов. Генеральные штаты ответили, что они готовы выступить посредниками в мирных переговорах Швеции и России, принимая во внимание свои интересы в развитии торговли и судоходства.

Публикуемый отчет — яркое свидетельство деятельности ван Бредероде и его товарищей. Это, можно сказать, одна из первых дипломатических миссий Москвы со страной, которую уже внук царя Михаила Федоровича, Петр I, изберет своей школой и образцом и где он будет работать как простой плотник на судовой верфи. Среди всех отчетов иностранных дипломатов документация голландских резидентов в России отличается определенной направленностью. Перед послами не ставили задач политического и дипломатического характера. Они должны были получить все подробности о быте страны, ее производительности, степени просвещения, чтобы на основании этих данных более сознательно вести с Россией торговые дела. До Смутного времени большинство стран Западной Европы вступали в отношения с Россией с одной лишь целью: извлечь как можно больше выгод. Польша, Швеция, Англия, Ганза покушались на независимость России, в то время как Голландия не могла и думать о захвате русского Севера, Новгорода или Пскова. Кроме того, протестантское вероисповедание голландцев не представляло такой опасности и не вызывало такого неприятия, как католичество Польши. Первые посланники приехали в Россию с официальной целью — содействовать замирению ее со Швецией. О значении, которое придавали этой миссии Генеральные штаты, говорит состав ее участников. Глава посольства ван Бредероде — представитель старинного дворянского рода. Он родился в 1567 г. и во время назначения посланником в Россию состоял председателем

Верховного совета, то есть высшей судебной инстанции Голландии. Второй посланник — А. Иоакими — принадлежал к числу самых выдающихся представителей голландской дипломатии. В 1610 и 1624 гг. был послан с дипломатическими поручениями в Англию, в 1621 г. — в Германию, с 1627 г. в течение 22 лет был постоянным представителем Голландии в Лондоне. Третий член посольства — Д. Басс — был доктором права и бургомистром Амстердама. В 1610 г. он исполнял дипломатическую миссию в Дании, в 1622 г. — в Англии.

Составленный ими отчет о посольстве представляет собой правдивый и объективный рассказ просвещенных людей, которые старались отнестись к своим задачам максимально беспристрастно. Деятельность послов в России можно разделить на два периода, из которых первый занимает время от их приезда до начала переговоров, второй — от начала переговоров до отъезда посланников. Что касается первого периода, то им пришлось почти целый месяц провести среди споров шведов с русскими из-за недоразумений дипломатического церемониала относительно титулов государей, места переговоров, форм совершения присяги, целования креста и т. п. Ван Бредероде по мере возможности содействовал устранению этих недоразумений, «...чтобы не терять в пустых спорах времени и не откладывать переговоров». В качестве английского посредника в переговорах участвовал известный в нашей истории агент, посол Джон Мерик, по русским источникам Иван Ульянов, который весьма ревностно относился к деятельности ван Бредероде, опасаясь потерять свой авторитет у русских. С самого начала переговоров голландские посланники сообща с Джоном Мериком приложили все старания, чтобы согласовать несоразмерные требования русских и шведских уполномоченных. Русские требовали, чтобы им возвратили все города, занятые шведами в России, и возместили убытки в размере 3 млн. рублей, а за то, что предыдущие договоры и союзы были, по их мнению, нарушены Швецией, они настаивали на возвращении всех городов и крепостей Лифляндии.

Уполномоченные Швеции желали не менее как всего Российского государства и признания русскими царем одного из сыновей короля Карла IX.

Видя, что личные сношения между обеими партиями не дают желаемого результата, посредники 17 января 1616 г. решили сначала выслушать обе стороны отдельно, а затем вместе. Русские заявили, что они в крайнем случае

согласны утвердить Тевзинский договор 1595 г., а из условий Выборгского договора исполнить пункт об уступке Кексгольма и заплатить еще 100 тыс. рублей за возвращение всех российских городов. Но шведы на это тоже не согласились. Наконец после нескольких совещаний с посредниками уполномоченные обеих сторон решили записать все спорные пункты и отправить трактат в Москву царю для отзыва. Редакцию проекта русско-шведского мирного договора посредники окончили 10 февраля. Главное место в проекте занимали три условия относительно возвращения русских городов и земель, занятых шведами, которые предложили царю на выбор.

Первое: шведский король должен вернуть России Великий Новгород, Старую Русу, Порхов, Гдов, Ивангород, Ям, Копорье, Ладогу и Нотебург (Орешек) с принадлежащими им землями. Кроме того, король должен отказаться от всех притязаний на Московское государство и Новгородскую область. Царь же, со своей стороны, обязан был уплатить королю 2 млн. рублей.

Второе предложение: король должен уступить России Новгород, Старую Русу, Порхов, Гдов, Ладогу с Сумерской волостью и принадлежащие им земли и отказаться от всех притязаний на Россию. Царь же обязуется отдать королю Ивангород, Ям, Копорье и Нотебург со всеми их землями и уплатить королю 150 тыс. рублей.

Третье предложение: король должен возвратить царю Новгород, Старую Русу, Порхов, Гдов, Ладогу и принадлежащие им земли. За это царь должен уступить королю Ивангород с Сумерской волостью, Ям, Копорье, Нотебург и уплатить 100 тыс. рублей.

Когда проект был готов, русские просили не отсылать царю весь договор, а только три предложения о возвращении городов, поскольку остальное они уполномочены подписывать сами. Шведы были не против, и 14 февраля сын главы посольства капитан Николай ван Бредероде выехал в Москву в сопровождении Ричарда Свифта, секретаря английского посла, с упомянутыми тремя предложениями и письмами посредников к царю. Голландские послы обратились также к шведскому королю с письмом, в котором просили его смягчить свои условия. В конце февраля шведские уполномоченные заявили, что у них осталось очень мало съестных припасов, что срок, к которому, по словам русских, можно было ожидать ответа из Москвы, уже истек и что они готовятся к отъезду обратно в Новгород. Тогда князь Данило Иванович Ме-

зецкий попросил ван Бредероде уговорить шведов подождать царского ответа и отложить поездку, «дабы царь не лишил их милости своей».

Несмотря на уговоры, шведские уполномоченные настаивали на отъезде. Тогда русские, обратившись к ним вновь через голландских посредников, предложили заключить перемирие на определенный срок, с тем чтобы в течение этого же года был назначен другой посольский съезд. Было высказано также пожелание, чтобы после заключения перемирия один из голландских посланников поехал вместе с Мериком в Москву. Но английский посол просил прекратить все дальнейшие переговоры об этом. Наконец шведы согласились на перемирие, и 22 февраля обе партии составили и подписали соответствующие акты, в которых срок перемирия был определен до 31 мая того же года. После назначенного срока послы должны были съехаться снова между Ладогой и Тихвином. Английский и голландский послы приложили к актам свои подписи и родовые печати, утвердили и укрепили их. После этого голландцы, простившись с русским и английским послами, выехали в Романов, а оттуда в Новгород. Вскоре их догнал капитан Николай ван Бредероде с грамотами царя и членов царской думы. 17 марта посланники оставили Новгород и через Ям, Нарву и Ревель 28 мая прибыли в Стокгольм, потратив много времени, ожидая открытия судходства. 11 июня состоялась аудиенция голландских посредников у короля. Они доложили королю обо всем, что происходило во время переговоров в Дидерине, представили истинное положение дел и просили его уменьшить требуемую в первом предложении сумму денег и смягчить условия двух других предложений.

22 июня посланникам был вручен ответ короля, в котором он высказывал им искреннюю благодарность за деятельное участие в переговорах и заявлял, что не позволит своим уполномоченным участвовать в дальнейших переговорах, пока русские не примут одно из трех предложенных условий.

Комиссары короля вместе с ответом поднесли каждому из посланников по золотой цепи с портретом короля и проводили их во дворец, где они имели честь откланяться. Здесь король Густав II Адольф обратился к каждому с лестными словами и наградил Бредероде потомственным титулом и званием барона Везенбергского. Басса король даровал потомственным дворянством и лично возвел его в рыцари. Родовой герб Иоакими был украшен новой эмблемой: золотым грифом на синем поле.

Получив ответ короля, посланники уведомили царя о тех условиях, которые поставил Густав Адольф, и заявили, что они теперь считают свое участие в переговорах не столь обязательным. Подобное же письмо они отправили и Джону Мерику, а 24 июня отплыли из Стокгольма в Любек. На последующие предложения царя, князя Мезецкого и других русских уполномоченных участвовать в дальнейших переговорах послы ответили отказом, так как не принимали на себя ранее подобных обязательств.

Мирный договор между Россией и Швецией был, как известно, подписан 27 февраля 1617 г. при посредничестве одного только Дж. Мерика.

Описание посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда относится к середине XVII в., а именно к марту — июлю 1659 г., и составлено секретарем посольства Андреем Роде. С середины XVII в. внешняя политика Московского государства была обращена на Запад (борьба с Польшей за украинские и белорусские земли, с Швецией — за выход к Балтийскому морю) и на Юг (борьба с Турцией за выход к Черному морю). Балтийский и турецкий вопросы ввели Москву в круг основных проблем западноевропейской политики XVII в. Экономический рост Московского государства и его связи с Востоком привлекали к нему внимание западноевропейских государств во главе с Англией и Голландией. Укрепив свои экономические и военно-политические позиции, Москва вступала равноправным членом в круг европейских держав. В это время Англия, Голландия, Дания и Швеция находились в непрерывных дипломатических отношениях с Россией: одно посольство следовало за другим. Гораздо менее оживленными становятся отношения с Австрией, утратившей большие экономические интересы в Московском государстве. Открывают постоянные дипломатические представительства в Москве наиболее заинтересованные державы — Англия, Швеция, Дания и Голландия. Соответственно возрастает и степень конкуренции между этими странами за российский рынок.

В 1656 г. царь Алексей Михайлович принимает решение назначить посольский съезд для мирных переговоров с Речью Посполитой и одновременно начинает готовиться к войне со Швецией. В мае 1656 г. царь выступил в поход и удачно овладел южной частью Ливонии. Русские гарнизоны заняли крепости Динабург, Кокнесе, Юрьев, Нейгаузен, Мариенбург. Удалось достичь определенных успехов

в Карелии и Ижорской земле. Однако ключевая задача кампании — овладение Ригой и Нарвой — осталась нерешенной.

Желая для борьбы со Швецией заручиться поддержкой Дании, Алексей Михайлович еще до начала похода, в марте 1656 г., отправил к королю датскому Фредерiku III стольника князя Даниила Ефимовича Мышецкого, чтобы предложить королю соединить свои войска с русскими и идти войной против Швеции. В ответ на это посольство Фредерик III направил в июне вместе с князем Мышецким своего посланника Германа Косса, который 10 августа был представлен государю. Косс имел поручение уверить царя, что король согласен выступить против Швеции, но с тем, чтобы без согласия короля Россия не заключала мир со Швецией.

17 августа датский посланник выехал из царского стана, вместе с ним был вторично отправлен в Данию князь Мышецкий с грамотой, в которой царь Алексей Михайлович вновь предлагал королю наступательный союз против Швеции. Мышецкий вручил грамоту 17 сентября, но от заключения договора о союзе отказался, ссылаясь на то, что «без царского указа сделать ему этого не уметь». Переговоры с Мышецким затянулись, и он прожил в Копенгагене до лета 1657 г. Еще при нем король Фредерик III начал войну со Швецией, о чем и уведомил царя грамотой от 10 июня 1657 г. Чтобы закончить переговоры о наступательном союзе против Швеции, король отправил в Москву своего посла Ганса Ольделанда. Мирные переговоры между Россией и Швецией к концу года увенчались успехом, и 20 декабря 1658 г. в деревне Валиесар удалось заключить мир на три года.

Военные действия Дании против Швеции продолжались недолго. Благодаря сильным морозам шведский король Карл X перешел со своими полками по льду на датские острова Фюнен и Зеландию и заставил Данию просить о мире, который и был заключен в Ротшильде в феврале 1658 г. Однако Карл X остался недоволен условиями мира и в августе 1658 г. приступил к осаде Копенгагена. На этот раз он встретил сильный отпор со стороны датчан, храбро защищавших крепость. В ноябре 1658 г. датский король отправил в Россию вторично Ганса Ольделанда, чтобы предложить царю снова союз против Швеции и изложить причины, побудившие его в феврале 1658 г. заключить мир с Карлом X.

Ольделанд приехал в Москву 23 марта 1659 г. и оставался в первопрестольной столице до 29 мая. В совокупности публикуемое описание охватывает время со дня приезда в Мос-

кву по 4 июня 1659 г., то есть по шестой день со дня выезда посольства из Москвы в Данию по Волоколамскому тракту. Дневник представляет собой подневные записки с развернутым рассказом о въезде в столицу, аудиенции в Кремле, церковных праздниках, об угощении «с царского стола», о взаимоотношениях с должностными лицами Посольского приказа. В частности, неоднократно упоминается крупный дипломат, начальник Посольского приказа Алмаз Иванов. О нем барон Мейерберг сказал: «Потом, будучи знаком с иноземными краями, при исправлении многих посольств столько показал примеров хитрости, коварства, находчивости, что удостоен был должности смотрителя за тайным архивом царства, за иностранными послами и докладчика их посольств». Но наибольший интерес вызывает описание быта, нравов и жизни иноземного населения столицы. Выше мы говорили о беспощадной конкуренции на российском рынке представителей разных стран. Соответственно в дневнике датского посланника в самом негативном виде и, вероятно, намеренно рассказывается о жестокости шотландского генерал-майора Друммонда, распутстве и патологической бесчеловечности некой английской генеральши, мздоимстве и пьянстве немцев и т. д.

Исторический рассказ о путешествии польских послов в Московию в 1667 г. непосредственно связан с важнейшей датой в истории российской дипломатии — ратификацией Андрусовского договора. Утомительные многомесячные переговоры с польскими уполномоченными закончились в январе 1667 г. перемирием с Речью Посполитой, положившим конец опустошительной для обеих сторон Тридцатилетней войне. Андрусовский договор установил перемирие на 13,5 года и передал России Смоленское и Черниговское воеводства, а также Стародубский повет и Северскую землю. На Украине граница шла по Днепру, а Киев с небольшой округой на два года отходил к России. Запорожье объявлялось общим владением России и Речи Посполитой «на общую их службу от наступающих басурманских сил».

Специальные статьи договора определяли порядок возвращения пленных и церковного имущества, размежевания земель; гарантировались право свободной торговли между государствами и дипломатическая неприкосновенность послов. Статьи 18 и 19 договора касались Крыма и Турции и в общих чертах определяли обязанности договаривающихся сторон помогать друг другу в случае нападения войск турецкого султана.

Одним из главных действующих лиц длительной русско-польской дипломатической эпопеи был выдающийся дипломат Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, имя которого постоянно упоминается в публикуемом документе. Как повествует исторический рассказ польских послов, основное внимание царского двора было сосредоточено на ратификации Андрусовского договора и заключении русско-польского союза.

На пути к столице посольский кортеж приветствовали от имени царя специальные гонцы и отряды всадников, в Кремле посольский поезд торжественно встречал сам царь с наследником. Пышная встреча представителей Речи Посполитой — С. Беневского и П. Бростовского с сопровождающими — завершилась роскошным обедом. «Яства все подавались на серебряных блюдах, всех же насчитывалось до ста семи, а напитков разных родов до восьмидесяти двух». При этом рассказчик, описывая обряд рукоцелования, замечает, что «москвичи привычны к рабству» и им неизвестно о римском обычае «нераскрытия головы». Заметим, что как раз согласно римскому дипломатическому праву склоненная голова — это знак безоружности и доверия. «Нераскрытие головы» — это характерная черта восточного дипломатического церемониала. Относительно «привычки к рабству» отметим, что это один из самых распространенных стереотипов. Например, С. Герберштейн писал, что русские очень любят калачи, ибо они им по внешнему виду напоминают ярмо.

20 октября начались официальные русско-польские переговоры. А. Л. Ордину-Нащокину, главе русской делегации, удалось очень быстро договориться по не решенным в Андрусове вопросам. 10 ноября текст договора был утвержден царем. А 4 декабря были согласованы и утверждены присягой восемь статей союзного постановления.

Статьи постановления гласили, что в случае нападения татар или турок «на государства обоих государей или которого ни есть одного из них» Россия и Речь Посполитая будут совместно бороться с ними. Было обусловлено, что предназначенное для этого 25-тысячное русское войско будет готово по согласованию с королем соединиться с польской армией между Днестром и Днепром для очищения Украины от татар и дабы привести казаков к послушанию. Союзное постановление было решено включить в текст будущего договора о «Вечном мире».

В этот же день состоялся торжественный отпуск польских

послов из Москвы. Выступивший на приеме с яркой речью А. Л. Ордин-Нащокин подвел итоги переговоров и показал их положительное значение для укрепления и развития статей Андрусовского договора. В заключение он сказал, что царь Алексей Михайлович не будет противиться избранию на королевский престол одного из своих сыновей, если из Речи Посполитой поступит «истинное прошение». Польские дипломаты обещали передать эти слова своему правительству, но, ссылаясь на отсутствие полномочий, сами уклонились от прямого ответа. В рассказе цитируется также речь царевича Федора Алексеевича, которую он произнес на польском языке. Как известно, наставником царевича в латинском, греческом и польском языках был известный ученый и поэт белорус Симеон Полоцкий. Возможно, он также принимал участие и в составлении речи. Во всяком случае, в ответном слове польский посол сказал, что он «экспромтной речью станет отвечать на заранее приготовленную вами речь», и постоянно подчеркивал красноречие наследника. Не менее сильное впечатление оставляет текст речи находившегося в Москве антиохийского патриарха.

Мы предприняли попытку обратиться к изучению системы стереотипов записок иностранных дипломатов о России. Дальнейший успех возможен при условии публикации и изучения как можно большего количества подобных источников. Только в этом случае мы сможем совершенствовать методику их анализа и более обоснованно говорить, к каким сторонам жизни России внимание дипломатов было повышенным, к каким ослабленным, а что вообще осталось вне их поля зрения. Анализ систем стереотипов позволит отделить общие места от нестереотипных описаний, то есть массовое от индивидуального. В любом случае остается справедливым мнение Ю. М. Лотмана, который подчеркивал, что «искаженный исторический текст при выявлении коэффициентов искажения может превратиться в ценный исторический источник»*. Думается, что стереотипы, которые в немалом количестве найдет читатель в этой книге, и являются своеобразными «коэффициентами искажения» исторической действительности.

Н. М. Рогожин

* Лотман Ю. М. К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России // Сравнительное изучение литератур. — М., 1976. — С. 132.

Флетчер Дж.

О ГОСУДАРСТВЕ РУССКОМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Описание России, широта и длина ее и название областей

Россия некогда называлась Сарматией¹. Название свое переменила она (по мнению некоторых) от раздробления на разные мелкие, но самостоятельные области, независимые и неподвластные одна другой, ибо слово «роз» на языке русском значит то же, что разъединить или разделить. Русские рассказывают, что четыре брата — Трувор, Рюрик, Синеус и Варяг — разделили между собой северные части этой страны, между тем как южные находились также в руках других трех братьев — Кия, Щека, Хорива — и их сестры Лыбеди; каждый из них назвал свою область по своему имени. От этого деления вся страна получила название «Россия»² около 860 года от Р. Х. Что касается предположения, найденного мной у некоторых космографов, будто русские заимствовали свое имя от роксоланов и составляли с ними один и тот же народ, то оно не заслуживает доверия как по словопроизводству (которое очень натянута), так особенно и по месту жительства роксоланов³, находившегося (по свидетельству Страбона) между двумя реками — Танаисом и Борисфеном, совершенно в противоположной стороне, чем Россия.

В то время, когда эта земля называлась Сарматией, она разделялась на две главные части: Белую и Черную.

Белая Сарматия заключала в себе все пространство, лежащее к северу и со стороны Ливонии⁴, — области, называемые теперь Двинской, Важской⁵, Устюжской, Каргопольской, Новгородской и проч., коих столицей, или главным городом, был Новгород Великий. Черной Сарматией называлась вся страна, лежащая на юг к морю Эвксинскому⁶, или Черному, — княжества Владимирское, Московское, Рязанское и проч. Некоторые полагали, что название «Сарматия» было первоначально заимствовано от одного Сармата, которого Моисей и Иосиф называют Сармофом, сына Иектанова и племянника Эвера, из поколения Симова; но это, кажется, одна догадка, основанная на сходстве с именем Сармоф, потому что место жительства всего Иектанова потомства, по описанию Моисея, находилось между Мешой, или Маси (горой Амонитской), и Сафиром, близ реки Евфрат. Вот почему невероятно, чтобы Сармоф основал какие-нибудь колонии так далеко в странах северных и северо-западных. Россия граничит к северу с Лапонией⁷ и Северным океаном; к югу — с землей татар, называемых крымскими; с восточной стороны живут татары ногайские⁸, владеющие всем краем на восток от Волги к Каспийскому морю; на западной и юго-западной границе лежат Литва, Ливония и Польша.

Вся страна, находясь теперь под правлением одного государя, заключает в себе следующие главные княжества, или области: Владимирскую (которая занимает первое место в титуле царей, потому что дом их происходит от князей этой области), Московскую, Нижегородскую, Псковскую, Смоленскую, Новгорода Великого (или Новгорода низовские земли⁹), Ростовскую, Ярославскую, Белоозерскую, Рязанскую, Двинскую, Каргопольскую, Мещерскую, Важскую, Устюжскую, Галицкую. Это коренные области, принадлежащие России; но они гораздо больше и обширнее английских графств, хотя менее населены. Прочие области и земли, завоеванные русскими царями и присоединенные ими недавно к другим владениям, — Тверская, Югорская¹⁰, Пермская, Вятская, Болгарская¹¹, Черниговская, Удорская¹², Обдорская¹³, Кондийская¹⁴ — с значительной частью Сибири, коих жители, хотя и не коренные русские, однако повинуются русскому царю, управляются законами его земли и платят подати и налоги наравне с его собственным народом. Сверх того ему подвластны царства Казанское и Астраханское, недавно завоеванные. Что же касается всех владений его в Литве (коих до 30 значи-

тельных городов и более) с Нарвой и Дерптом¹⁵ в Ливонии, то они совсем утрачены, будучи отняты в последние годы королями польским и шведским. Все эти княжества, или области, подведены под четыре управления, называемые четвертями, то есть тетрархиями, или четверными частями. О них мы будем говорить в главе о провинциях и образе их управления.

Вся страна занимает большое пространство в длину и ширину. От севера к югу (если мерить от Колы¹⁶ до Астрахани, что будет несколько по направлению к востоку) она простирается в длину на 4260 верст или миль¹⁷. Кроме того, русский царь имеет много владений к северу, далеко за Колу, до реки Tromschua, которая протекает 1000 верст дальше за Пешенгу, к Вардгузу, но они не принадлежат ему исключительно, и границы их не определены еще ясно, потому что короли шведский и датский имеют там, как и русские, несколько городов, которые между собой перемешаны, почему каждый из них объявляет свое притязание на все эти северные области. Широта (если идти от той части, которая лежит далее на запад со стороны Нарвы, и до тех мест Сибири на востоке, где находится царская пограничная стража) простирается на 4400 верст или около того. Верста (по их исчислению) содержит в себе 1000 шагов, четвертью менее английской мили. Если бы все владения русского царя были обитаемы и заселены так, как заселены некоторые места, то едва ли мог бы он удержать их под своей властью или же переселил бы всех соседних государей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О почве и климате

Почва в России большей частью песчана, но весьма разнообразна для земных произведений. В северной части к пристани св. Николая¹⁸ и Коле и в северо-восточной к Сибири вся земля по самому климату и чрезвычайной стуже зимой бесплодна и покрыта непроходимыми лесами. Пространство вдоль реки Волги, между царствами Казанским и Астраханским (где, однако, почва весьма плодородна), также не заселено, за исключением той части на Волге по западному берегу, где царь имеет несколько крепостей с пограничной стражей. Причиной тому крымские татары, которые сами не строят городов для жителя (ибо ведут дикую и кочевую жизнь) и не позволяют

русским (коих военная сила весьма отдалена) населять эти страны. От Вологды (лежащей почти в 1700¹⁹ верстах от пристани св. Николая) до Москвы и далее на юг к границе Крыма (пространство, вмещающее в себя также 1700 верст или около того) почва весьма плодородная и страна приятная: в ней много пастбищ, хлебородных полей, леса и воды в большом изобилии. То же должно сказать о пространстве между Рязанью (лежащей на юго-восток от Москвы) и Новгородом и самой отдаленной частью Пскова на северо-запад. Между Москвой и Смоленском (на юго-запад к Литве) почва также весьма плодородна и местоположение приятное.

Различные времена года здесь все меняют, и нельзя не удивляться, смотря на Россию зимой и летом. Зимой все бывает покрыто снегом, который идет беспрестанно и выпадает иногда на один или два ярда²⁰; такой снег чаще бывает на Севере. Реки и другие воды замерзают на один ярд или более в толщину, как бы ни были быстры или широки. Зима продолжается обыкновенно пять месяцев — от начала ноября и до конца марта, когда снег начинает уже таять. От одного взгляда на зиму в России можно замерзнуть. В это время морозы бывают так велики, что вода, выливаемая по каплям или струей, превращается в лед, не достигнув еще земли. В самый большой холод, если возьмете в руки оловянное или другое какое металлическое блюдо или кувшин (разумеется, не в комнате, где устроены печи), пальцы ваши тотчас примерзнут и, отнимая их, вы сдерете кожу. Когда вы выходите из теплой комнаты на мороз, дыхание спирает, холодный воздух душит вас. Не одни путешественники, но и люди на рынках и на улицах в городах испытывают воздействие мороза: одни совсем замерзают, другие падают на улицах, многих привозят в города сидящими в санях и замерзшими в таком положении, иные отмораживают себе нос, уши, щеки, пальцы, ноги и прочее. Часто случается, что медведи и волки (когда зима очень сурова), побуждаемые голодом, стаями выходят из лесов, нападают на селения и опустошают их, тогда жители принуждены бывают спасаться бегством. Напротив, летом все принимает совершенно другой вид: леса (большой частью сосновые и березовые) так свежи, луга и нивы так зелены (и это выше Юга), такое множество разнообразных цветов и птиц (по большей части соловьев, которые здесь, кажется, голосистее и разнообразнее, нежели где-либо), что трудно отыскать другую страну, где бы можно было путешествовать с большим удовольствием.

Такой быстрый переход от зимы к весне происходит,

кажется, от благодетельного влияния снега: всю зиму лежит он на земле белым покровом и защищает ее от мороза, а весной, когда солнце начнет греть и превращает его в воду, проникает и увлажняет землю, отчасти песчаную, так глубоко, что травы и растения от действия солнечных лучей показываются и всходят в короткое время во множестве и в большом разнообразии. Как холодна зима, так лето чрезвычайно жарко, в особенности в июне, июле и августе, здесь оно гораздо жарче, чем в Англии.

Вся страна повсюду обильно орошается ключами, реками и озерами. В изобилии вод виден промысел Божий, ибо, если некоторые внутренние области и находятся на расстоянии 1000 миль или более от моря, то множество рек, которые, впадая одна в другую, все текут в море, заменяют этот недостаток. Озер также много, и они весьма значительны; некоторые, при соразмерной ширине, имеют в длину 60, 80, 100 и 200 миль.

Главные реки:

1-я. Волга, которая берет начало у корня ольхового дерева в 200 верстах от Ярославля, где от слияния других рек так увеличивается, что имеет в ширину одну английскую милю или более, и вливается в Каспийское море, протекая 2800 верст или миль.

2-я. Борисфен (теперь называется Днепром), которая, отделяя Россию от Литвы, впадает в Эвксинское море.

3-я. Танаис, или Дон (древняя граница между Европой и Азией), выходит из озера Рязанского²¹ и, протекая через землю крымских татар, впадает в большое морское озеро или болото, называемое Меотийским²², близ города Азова. По Дону (как уверяют русские) можно из города Москвы доехать водой до Константинополя и во все части света²³, перетаскивая только лодку (по обычаю их) через небольшой перешеек, или узкую полосу земли. Впрочем, это недавно было доказано одним посланником, отправленным в Константинополь, который плыл сперва Москвой-рекой, потом вошел в другую, называемую Окой, тут перетащил лодку свою на Дон, а отсюда уже всю дорогу плыл водой.

4-я. Называется Двиной²⁴; она имеет несколько сот верст в длину и на севере впадает в залив св. Николая. У берегов ее к морю возвышаются большие алебастровые скалы.

5-я. Двина²⁵, впадающая близ города Риги в Балтийское море.

6-я. Онега, которая впадает в залив близ Соловков в 90 верстах от пристани св. Николая. Под городом Каргополем эта река встречается с рекой Волоксой, которая близ города Яма²⁶ впадает в Финский залив. Следовательно, из пристани св. Николая до Финского залива и потом до Зунда²⁷ можно плыть все водой, в чем русские имеют большой опыт.

7-я. Сухона, впадающая в Двину, которая идет в Северный океан.

8-я. Ока, которая берет начало на границе Крыма и впадает в Волгу.

9-я. Москва, протекающая через город Москву, который получил от нее свое название.

Далее следует Вычегда, также весьма широкая и длинная река: она берет начало в Пермской области и впадает в Волгу²⁸. Все эти реки протекают весьма значительное пространство, и разве самую малую из них по широте можно сравнить с Темзой, но длиной все они превосходят ее. Кроме этих рек есть еще много других. Москва находится под 55 градусами и 10 минутами, а пристань св. Николая к северу под 63 градусами и 50 минутами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Естественные произведения России

Из плодов здесь рождаются яблоки, груши, сливы, вишни, красные и черные (впрочем, последние растут без прививки), дыни, похожие на тыкву, но слаще и приятнее вкусом, огурцы, арбузы, малина, земляника, брусника и много других ягод в каждом лесу и огороде. Из злаков — пшеница, рожь, ячмень, овес, греча, просо, которое почти одинакового вкуса с рисом. Все эти злаки произрастают в весьма достаточном количестве, даже в избытке, так что пшеница продается иногда по два алтына²⁹ или по 10 пенсов стерлингов³⁰ за четверть³¹, которая равняется почти трем английским бушелям³².

Рожь сеют осенью, а весь прочий зерновой хлеб весной, и большей частью в мае. Пермь и другие народы, живущие на севере и в странах пустынных, получают хлеб из стран, лежащих к югу. Иногда они принуждены бывают печь себе хлеб из корня, называемого *vaghnoy*, и из средней коры соснового дерева. Если бывает дороговизна (как в прошедшем 1588 году, когда пшеница и рожь продавались по 13 алтын или 5 шиллингов³³ и 6 пенсов стерлингов за

четверть), то это меньше зависит от неурожаев, нежели от дворянства, которое временами слишком повышает цены на хлеб.

Естественных произведений (употребляемых самими жителями и отправляемых в большом количестве за границу для обогащения казны царской и народа) очень много, и они весьма важны. Во-первых, меха всякого рода. Здесь виден также Божий промысел, даровавший жителям средства к защите от холодного климата. Главные меха — чернобурые лисьи, собольи, рысьи, бурой лисицы, куньи, горностаевые, серые беличьи, бобровые, меха росомахи, шкуры большой морской крысы, имеющей запах выхухоли, беличьи, серые и красные, и лисьи, красные и белые. Кроме того, что меха используются в большом количестве в самом государстве (ибо в продолжение всей зимы все носят меховую одежду), несколько лет тому назад, как слышал я от торговцев, купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и разные промышленники христианского мира вывезли мехов на 400 000 или 500 000 рублей³⁴. Лучшие собольи меха добываются в областях Печорской, Югорской и Обдорской, а низших сортов — в Сибири, Перми и других местах. Черные и красные лисицы идут из Сибири, а белые и бурые из Печоры, откуда получают также белые волчьи и белые медвежьи меха; лучшие меха росомахи вывозят оттуда и из Перми, а лучшие куньи — из Сибири, Кадома, Муромы, Перми и Казани. Лучшие рысьи, беличьи и горностаевые меха идут из Галича и Углича, много также из Новгорода и Перми. Лучшего сорта бобры водятся в Мурманске, близ Колы. Другие пушные звери роятся во многих местах, а некоторые из них даже везде.

Второе произведение — воск, которого ежегодно отправляли в чужие края, как слышал я от людей знающих, до 50 000 пудов³⁵, считая каждый 40 фунтов³⁶, а теперь вывозят ежегодно только до 10 000 пудов.

Третье произведение — мед, который, кроме того, что в значительном количестве употребляется самими жителями для напитков — медов разного рода и для прочего, вывозится в довольно большом количестве за границу. Мед преимущественно получают из Мордвы и Кадома, близ земли черемисских татар³⁷, также в большом количестве из областей: Северской³⁸, Рязанской, Муромской, Казанской, Дорогобужской и Вяземской.

Четвертое — сало. Его заготавливают весьма много для вывоза за границу, не только из-за большого количества земли, удобной для пастбищ и скотоводства, но и по причине многих постов и других постных дней; отчасти и потому, что люди зажиточные употребляют на свечи воск, а те, которые беднее и из низшего класса, жгут березу, высушенную в печах и расщепленную на мелкие части, которую называют лучиной. Несколько лет тому назад сала вывозилось ежегодно до 100 000 пудов, теперь не более 30 000 или около того. Лучшее сало производится в областях Смоленской, Ярославской, Углицкой, Новгородской, Вологодской, Тверской и Городецкой³⁹.

Не менее важную отрасль промышленности составляет выделка лосиных и коровьих кож. Первые очень хороши и велики, а воловьи и коровьи меньше (ибо кожи бычачьи у них не выделяются). Прежде иностранные купцы вывозили за границу до 100 000 кож, теперь количество это уменьшилось до 30 000 или около того. Притом морем отправляют за границу значительное количество козьих кож. Лоси самой крупной породы водятся около Ростова, Вычегды, Новгорода, Муромы и Перми, а мелкой — в царстве Казанском.

Важную отрасль промышленности составляет также ворвань, или рыбий жир. Я считаю излишним сказать здесь о способе ловить тюленей, из которых добывается ворвань. Это делается так. К концу лета (перед наступлением холодов) рыбаки отправляются на судах в пристань св. Николая, к мысу, называемому Куконосом, где они оставляют эти суда до весны. Когда солнце начнет греть, а лед еще не совсем растает в заливе, они возвращаются, переносят суда по морскому льду и используют их вместо домов для отдыха и жилья. Обыкновенно отправляются на 17 или 18 широких судах и разделяются на несколько артелей, от 5 до 6 лодок в каждой. Первые, которые найдут притон зверя, зажигают факел, нарочно для того взятый; когда сторожевые в прочих артелях заметят это, то все вместе окружают тюленей, которые греются на солнце, лежа на льду (обыкновенно их от 4000 до 5000), и нападают на них, каждый с дубиной в руках. Если удастся ударить животное по носу, то оно скоро издыхает; если же по боку или по спине, то оно переносит удар и нередко, схватив дубинку зубами, приклоняет ее к земле; тогда попавшийся принужден кричать товарищам и просить о помощи. Когда тюлени увидят, что окружены, то собираются все в кучу, надавливают лед и стараются проломить его; от такого напора вода нередко выступает, и рыбаки

погружаются в воду на один фут⁴⁰ и более. Убив тех тюленей, которых можно было перебить, рыбаки приступают к дележу, так что каждая лодка делит свою часть на равные доли. С собой они берут только содранную кожу с приставшим к ней жиром, а прочее оставляют на месте; потом идут на берег и, вырыв здесь ямы глубиной сажени⁴¹ в полторы или около того, бросают туда отделенное от кожи сало, или жир, и кладут раскаленные камни для растопки сала. Лучшая и очищенная ворвань продается и употребляется для смазывания шерсти для сукон, а из худшего сорта (который бывает красного цвета) делают мыло.

Икру добывают в большом количестве на реке Волге из белуги, осетра, севрюги и стерляди. Купцы французские и нидерландские, отчасти и английские отправляют много икры в Италию и Испанию.

Льном и пенькой, по уверению купцов, ежегодно нагружалось в Нарвской пристани до 100 больших и малых судов, теперь не более 5. Причиной упадка и уменьшения спроса на этот и другие товары, которые прежде отправляли за границу гораздо в большем количестве, полагают закрытие Нарвской пристани со стороны Финского залива, который находится теперь во владении шведов; другая причина заключается в пресечении сухопутного сообщения через Смоленск и Полоцк из-за войн с Польшей, отчего промышленники запасают и производят всех товаров менее и не могут продавать их столько, сколько продавали прежде. Такой упадок в торговле отчасти зависит и от того, что купцы и мужики (так называется простой народ) с недавнего времени обременены большими и невыносимыми налогами. Не владея собственностью, они не стараются быть бережливыми и ничего не запасают, зная, что нередко подвержены опасности лишиться не только имущества, но и жизни. Лен растет почти в одной только Псковской области и ее окрестностях; пеньку поставляют Смоленск, Дорогобуж и Вязьма.

Соли в этой стране весьма много. Лучшая соль и в большом количестве добывается в Старой Русе, где устроено много солеварен в 250 верстах от моря. В Астрахани соль образуется сама собой из морской воды; она откладывается большими пластами, которые срывают и развозят купцы и другие промышленники. Пошлин они платят по три русских деньги по 100 фунтов весу. Соль добывают и во многих других местах, а именно: в Перми, Вычегде, Тотьме, Кинешме, Соловках, Оконе (Осопа) и Неноксе,

притом все из соляных копей, за исключением Соловков, лежащих близ моря.

Деготь гонят в большом количестве из сосновых деревьев в областях Двинской и Смоленской; его много отправляют за границу. Кроме этих товаров (весьма важных и выгодных в торговле) есть другие, свойственные этой стране, хотя и менее значительные, а именно — рыбы зубы⁴², употребляемые самими жителями и вывозимые персиянами и бухарцами за границу для изготовления четок, ножей, сабельных рукояток для лиц высшего сословия и других вещей. Некоторые употребляют тертый из них порошок (подобно роговому порошку единорога) как противоядие. Рыбы, снабженные этими зубами, называются моржами, их ловят близ Печоры. Есть зубы длиной почти в два фута, а весом в 11 и 12 фунтов.

В области Карельской и на реке Двине к Северному морю есть мягкая скала, называемая слюдой. Ее разрубают и потом разделяют на тонкие слои, годные сами по себе и употребляемые вместо стекла, рога и т. п. Слюда пропускает свет изнутри и снаружи лучше, нежели стекло, и потому еще заслуживает преимущество перед стеклом и рогом, что не трескается, как первое, и не горит, как последний.

Селитру изготовляют во многих местах — в Угличе, Ярославле, Устюге; а серу добывают в небольшом количестве на реке Волге, но не умеют очищать ее.

Здесь железо несколько ломко, но его весьма много добывается в Карелии, Каргополе и Устюге Железном⁴³. Других руд нет в России.

Из животных водятся лось, олень, дикая лошадь, медведь, россомаха, или лесная собака, рысь, бобер, соболь, куница, черная и темная лисица, белый медведь, водящийся у морских берегов близ Печоры, горностаи, серая белка. Есть также род белки, у которой на спине клок волос, очень похожий на перья, а хвост шире, нежели у других белок; перескакивая с одного дерева на другое, она расправляет его и действует им как крылом, прыгает на большое пространство и, по-видимому, летает, почему и называют ее летучей векшей. Зайцы и белки летом одного цвета с нашими; зимой шкура зайца становится белой, молочного цвета, а белки делаются серыми.

Диких оленей и коз весьма много. Лошади малорослы, но очень быстры на бегу и выносливы, на них ездят без подков зимой и летом по всякой дороге. Овцы малы, шерсть их груба и жестка. Птицы очень разнородны: много

ястребов, есть орлы, кречеты, соколы, коршуны и проч., но ястребов более всего.

Из других птиц основные — лебедь, ручной и дикий (их весьма много), цапля, журавль, тетерев, одного цвета с фазаном, но крупнее и живет в сосновых лесах; фазанов и куропаток также много; совы весьма велики, на вид хуже наших сов, с широкой головой и ушами, похожими на человеческие.

Из рыб, живущих в пресных водах, кроме обыкновенных (карпа, щуки, окуня, линя, плотвы и проч.) есть много других пород рыбы, весьма хорошей и очень вкусной, как-то: белуга, или белужина, в четыре или пять аршин⁴⁴ длиной, осетрина, севрюга и стерлядь, видом и вкусом несколько похожая на осетрину, но не такая крупная. Эти четыре рыбы водятся в Волге: их ловят во множестве и рассылают отсюда по всему государству. Из яиц их заготавливают большие запасы икры, как сказано было выше.

В Волге водится еще рыба, называемая белорыбицей, то есть белая семга, которая, по мнению русских, вкуснее красной семги; последняя также во множестве водится в северных реках: Двине, Коле и проч. В озере, находящемся близ города Переяславля, недалеко от Москвы, ловят небольшую рыбу, называемую сельдью, которая видом и отчасти вкусом похожа на морскую сельдь.

Города, славящиеся рыбной ловлей, — Ярославль, Белоозеро, Новгород, Астрахань и Казань. Все они за право производить рыбный промысел ежегодно платят значительную пошлину в царскую казну. Рыбной ловлей занимаются летом, а зимой уже рассылают во все концы государства наловленную и замороженную рыбу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Главные города России

Главные города России — Москва, Новгород, Ростов, Владимир, Псков, Смоленск, Ярославль, Переяславль, Нижний Новгород, Вологда, Устюг, Холмогоры, Казань, Астрахань, Каргополь, Коломна.

Москва считается городом весьма древним, хотя основатель ее неизвестен русским. Она, кажется, получила свое название от реки, протекающей через город по одной стороне. Халдеец Бероза⁴⁵ в своей пятой книге рассказывает, что Немврод (который в других светских сочинениях именуется Сатурном) послал Ассура, Мадаю, Мосоха и

Магога в Азию, чтоб они основали там поселения, и что Мосох основал их и в Азии, и в Европе. От него, вероятно, и город или, скорее, река, на коей он построен, получил название Москва. Эта догадка объясняется климатом и положением Москвы, находящейся в самой отдаленной стране Европы, на границе с Азией. Город значительно укрупнен Иваном, или Иоанном⁴⁶, сыном Даниила, который первый присвоил себе вместо княжеского титула титул короля⁴⁷; преемники его, однако, не именовались так оттого, что титул короля он получил в 1246 году от папского легата (папой в то время был Иннокентий IV), что не понравилось русским, которые принадлежат к церкви восточной, или греческой. С того времени название Москва сделалось известным свету, так что Московией некоторые стали называть не одно княжество, но всю Россию по имени ее столицы. В плане этот город имеет очертание кругловатое и состоит из трех больших стен, окружающих одна другую, между коими проведены улицы⁴⁸. Самая внутренняя стена с заключающимися в ней строениями (лежащими здесь столь же безопасно, как сердце в теле, поскольку омывается Москвой-рекой, которая протекает близ самой стены) называется в целом царским замком. Число домов, как сказывали мне, во всем городе, по подсчетам, сделанным по царскому указу (незадолго до сожжения его крымцами), простиралось до 41 500. Со времени осады города татарами и произведенного ими пожара (что случилось в 1571 году) земля во многих местах остается пустой, тогда как прежде она была заселена и застроена, в особенности же на южной стороне города, где незадолго до того царь Василий⁴⁹ построил дома для солдат своих, позволив им пить мед и пиво в постные и заветные дни, когда другие русские должны пить одну воду, и по этой причине назвал новый город Налейкой⁵⁰. Таким образом, теперь Москва немного более Лондона. Ближайший к ней город по величине и почти столько же обширный — Новгород, где, по сказанию русских, происходила достопамятная война, о которой так много повествуют в историях, именно война скифских рабов, поднявших оружие на господ своих. Ее рассказывают следующим образом. Бояре новгородские и окрестных стран (по туземному обычаю они одни только отправляют военную службу) были на войне с татарами. Кончив ее со славой, они возвращались домой, но на пути узнали, что оставленные ими дома холопы, или рабы, в отсутствие их овладели их городами, поместьями, домами, женами и

всем прочим. Такая новость поразила их, и, презирая гнусный поступок своих рабов, они поспешили возвратиться домой, но недалеко от Новгорода встретились с рабами, выступившими против них в боевом порядке. Собрали совет и положили идти на холопов не с оружием, а с кнутами (по тамошнему обычаю всякий, кто едет верхом, берет кнут с собой), чтобы напомнить им об их рабском состоянии, утратить их и усмирить. Идя таким образом вперед и размахивая кнутами, они устремились на рабов. Рабы столь испугались вида кнутов, действие которых они и прежде испытывали на себе, что бросились бежать, как овцы, гонимые пастухом. С тех пор в память этой победы новгородцы выбили монету, которая называется новгородской деньгой и ходит по всей России, с изображением всадника, размахивающего кнутом. Эти оба города отличаются своими размерами перед другими. По укреплениям же в особенности замечательны города Псков, Смоленск, Казань и Астрахань как города пограничные. Но по местоположению Ярославль далеко превосходит прочие; кроме того, что многое он получает со своих богатых пажитей и плодородных полей, он лежит на славной реке Волге и расположен на высоком красивом берегу, отчего и получил свое название Ярославль, что на русском языке значит красивый или славный берег. Здесь (как можно судить по имени) жил русский князь Владимир, по прозванию Ярослав, который женился на дочери Гаральда, короля английского, через посредство датчанина Свена, как видно из датской истории, около 1067 года⁵¹.

Другие города не имеют ничего замечательного, кроме некоторых развалин в их стенах, доказывающих упадок русского народа при теперешнем правлении. На улицах вместо мостовых лежат обтесанные сосновые деревья, одно подле другого. Дома их деревянные, без извести и камня, построены весьма прочно из сосновых бревен, которые кладутся одно за другое и скрепляются по углам связями. Между бревнами кладут мох (его собирают в большом изобилии в лесах) для предохранения от действия наружного воздуха. Каждый дом имеет лестницу, ведущую в комнаты со двора или с улицы, как в Шотландии. Деревянная постройка для русских, по-видимому, гораздо удобнее, нежели каменная или кирпичная, потому что в последних больше сырости и они холоднее, чем деревянные дома, построенные из сухого соснового леса, который больше дает тепла. Провидение наградило их лесами в таком изобилии, что можно выстроить порядочный дом

рублей за 20—30 или немного более даже там, где мало леса. Неудобны же деревянные строения особенно тем, что могут сгореть; пожары там случаются часто и бывают очень страшны по причине сухости и смолы, заключающейся в дереве, которое, раз загоревшись, пылает подобно факелу, так что трудно бывает потушить огонь, пока все не сгорит.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О доме, или роде, русских царей

Царский дом в России имеет прозвание «Белый», которое (как предполагают) происходит от королей венгерских⁵², и это кажется тем вероятнее, что короли венгерские некогда действительно так назывались, как пишут Бонфиний⁵³ и другие историки этой страны. Именно в 1059 году упоминается об одном Беле, который наследовал брату своему Андрею, обратившему венгров в христианскую веру, от коей они отступили по безбожию и внушению турок. Второй того же имени прозывался Белой Слепым, и некоторые из его преемников носили то же имя⁵⁴.

Иван Васильевич⁵⁵, отец теперешнего царя, часто хвастал, что предки его не русские, как бы гнушаясь своим происхождением от русской крови. Это видно из слов его, сказанных одному англичанину — его золотых дел мастеру. Отдавая слитки для приготовления посуды, царь велел ему хорошенько смотреть за весом. «Русские мои все воры», — сказал он. Мастер, слыша это, взглянул на царя и улыбнулся. Тогда царь, человек весьма проницательного ума, приказал объявить ему, чему он смеется. «Если ваше величество просите меня, — отвечал золотых дел мастер, — то я вам объясню. Ваше величество изволили сказать, что русские все воры, а между тем забыли, что вы сами русский». — «Я так и думал, — отвечал царь, — но ты ошибся: я не русский, предки мои германцы» (русские полагают, что венгры составляют часть германского народа, тогда как они происходят от гуннов⁵⁶, занявших насильно ту часть Паннонии⁵⁷, которая теперь называется Венгрией).

Каким образом цари присвоили себе княжество Владимирское (первый шаг к расширению России) — посредством ли завоевания, через брак или другими какими способами, я не мог узнать с достоверностью. Но всем известно и все помнят, что с приобретением этого небольшого княжества (которое, несмотря на то, имело у себя независимое

управление подобно другим княжествам, или областям, в России) дом Белы распространился и сделался властителем всей страны. Главные государи этого дома, увеличившие силу его и расширившие владения, были последние, занимавшие престол до вступления на него нынешнего государя, именно: Иван⁵⁸, Василий⁵⁹ и Иван, отец теперешнего царя. Из них Василий, отец Ивана и дед нынешнего государя, первый принял титул царя, тогда как прежде они довольствовались титулом великих князей московских. Что сделал каждый из них и насколько каждый увеличил свои первоначальные владения завоеваниями или иначе, можно видеть в главе о расширениях или завоеваниях. Что касается продолжения царского рода, то дом Белы теперь точно в таком положении, в каком находятся многие из знаменитейших домов христианского мира, имеющих по одному, по два или немного более представителей той же крови. Кроме нынешнего государя, у которого нет детей (и едва ли будет, сколько можно судить по его телосложению и неплодию жены после нескольких лет брака), есть еще один только член этого дома — дитя 6 или 7 лет⁶⁰, на которого возлагается вся надежда за будущее царского рода. Другой старший брат из трех, и лучший из них, умер оттого, что отец его нанес ему в припадке бешенства удар по голове палкой или, как некоторые говорят, острым концом ее, глубоко вонзившимся в голову⁶¹. Неумышленность его убийства доказывается скорбью и мучениями по смерти сына, которые никогда не покидали царя до самой могилы. Здесь видно правосудие Божие, наказавшее его за убийство сына и прекратившее в одно время и жизнь его, и тиранство ужасной скорбью, которая свела его в могилу после такого несчастного и противоестественного поступка.

Младший брат царя, дитя лет 6 или 7 (как сказано было прежде), содержится в отдаленном месте от Москвы⁶² под надзором матери и родственников из дома Нагих, но, как слышно, жизнь его находится в опасности от покушений тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя. Кормилица, отведавшая прежде него какого-то кушанья, как я слышал, умерла скоропостижно. Русские подтверждают, что он точно сын царя Ивана Васильевича, тем, что в молодых летах в нем начинают обнаруживаться все качества отца. Он, говорят, находит удовольствие в том, чтобы смотреть, как убивают овец и вообще домашний скот, видеть перерезанное горло, когда течет из него кровь, тогда как дети обыкновенно боятся это-

го, и бить палкой гусей и кур до тех пор, пока они не издохнут. Кроме лиц мужского пола есть еще вдова, имеющая право на престол⁶³, сестра покойного царя и тетка теперешнего, бывшая замужем за Магнусом, герцогом Голштинским, братом короля датского, от которого была у нее дочь. Эта женщина по смерти мужа вызвана в Россию людьми, жаждущими престола более, нежели любящими ее, как оказалось впоследствии, потому что сама она с дочерью тотчас же по возвращении в Россию была заключена в монастырь, где дочь в прошедшем году умерла (во время моего пребывания там), как предполагали, насильственной смертью. Мать пока все еще находится в монастыре, где, как слышно, она оплакивает свою участь и проклиная день своего возвращения в Россию, куда была привлечена надеждой на новый брак и другими лестными обещаниями от имени царя. Вот в каком положении находится царский род в России из дома Белы, который, по-видимому, скоро пресечется со смертью особ, ныне живущих, что произведет переворот в Русском царстве. Если правление вследствие такого переворота делается несколько умереннее и благодуснее, то это послужит благоденствию несчастного народа, удрученного теперь невыносимым рабством.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О короновании и миропомазании русских царей

Торжественные обряды, совершаемые при короновании русских царей, — следующие. В большой церкви (Успения) Пречистой Богоматери, находящейся в ограде царского замка⁶⁴, устроено возвышение, на котором стоит аналой с царским венцом и одеянием⁶⁵ из дорогой материи. В день миропомазания собираются туда патриарх с митрополитами, архиепископами, епископами, архимандритами и игуменами, все богато одетые. Потом входят дьяконы с хором певчих, которые, при входе царя в церковь, начинают петь многолетие царю Федору Ивановичу, на что патриарх и митрополит с прочим духовенством отвечают гимном вроде молитвы, который поют все вместе и чрезвычайно громко. По окончании гимна патриарх с царем всходят на возвышение, где для государя приготовлен особый стул⁶⁶. Вслед за тем патриарх приглашает царя сесть и сам садится подле него на другом стуле, нарочно для того поставлен-

ном, кланяется в землю и читает следующую молитву: «Господи Боже наш, царь царствующим и Господь господствующим, иже Самоилом пророком избрав раба своего Давида и помазав того во цари над людьми своими Израиля! Ты и ныне услыши молитву нашу недостойных, и вижд от святого жилища Твоего благоверного раба своего, царя и великаго князя Феодора, еже благоволил еси воздвинути царя в языке Твоем святем, его же стяжал еси честною кровию едиnorodнаго Ти Сына, помазати сподоби елеом возрадования, одеи того свыше силою, положи на главе его венец от камене честна, даруй тому долготу дний, дай же в десницы его скифетро царствия, посади того на престол правды, огради того всеоружеством Святаго Ти Духа, утверди того мышцу, покори ему вся языки варварския, всей в сердцы его страх Твой, и еже к послушным милостивное, соблюди того в непорочней вере, покажи того опасна хранителя Святыя Твоея соборныя церкви велениях, да судит люди Твоя правдою и нищих твоих, судом спасет сына убоих и наследник будет Ти небеснаго царствия». Эту молитву говорит он тихим голосом, а потом произносит громко: «Яко твоя держава и твое есть царство, и сила, и слава, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веком, аминь». По окончании молитвы патриарх приказывает некоторым архимандритам принести царское одеяние и венец, что делается весьма чинно и торжественно, а между тем произносит громко: «Мир всем». Потом начинает он читать другую, относящуюся к тому молитву: «Тебе, единому царю веком, иже земное царство тобою вверенный, поклони выю с нами, и молим ти ся, владыко всех, сохрани того под кровом твоим, удержи того царство, благоугодная ти творити всегда того сподоби, возсияй во днех его правду и множество мира, да в тихости его тихо и безмолвно житие проживем, во всяком благочестии и чистоте». Эту молитву патриарх произносит тихим голосом, а потом договаривает опять громко: «Ты бо еси царь мирови и спас душам нашим, и тебе славу всылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веком, аминь». Потом возлагает на царя одеяние и венец, благословляет его крестным знамением и говорит: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». То же самое делают и митрополиты, архиепископы и епископы, которые все по порядку подходят к царскому месту и один за другим благословляют царя двумя первыми пальцами. Затем патриарх читает еще молитву, которая начинается так: «О пресвятая Госпоже Дево, Богородице...» После этой молит-

вы один из дьяконов произносит сильным громким голосом: «Благоверному и благородному и христоролюбивому, Богом избранному и Богом почтенному, и Богом возлюбленному и поставленному, и Богом венчанному, царю и великому князю Феодору Ивановичу, Владимерьскому и Московскому... и всея Руси самодержьцу, многая лета!» — на что прочие священники и дьяконы, стоящие в некотором отдалении, близ алтаря или стола, поют в ответ: «Многая лета, многая лета царю Феодору». То же самое повторяют священники и дьяконы, стоящие по правой и левой сторонам церкви, после чего все вместе поют громогласно: «Благоверному и благородному и христоролюбивому, Богом избранному и Богом почтенному, и Богом возлюбленному и поставленному, и Богом венчанному, царю и великому князю Феодору Ивановичу, Владимерьскому и Московскому... и всея Руси самодержьцу, многая лета!» По окончании торжества подходят к царю сперва патриарх с митрополитами, архиепископами и епископами, потом дворянство и все присутствующие по порядку и приносят ему поздравления, преклоняя перед ним голову и у ног его падая на землю.

Титул, который получает царь при короновании, следующий:

«Божьей милостью царь и великий князь Феодор Иванович, всея Руси самодержец, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Новгорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и всей Сибирской земли и северной страны повелитель и⁶⁷... иных многих государств государь и обладатель».

Этот титул включает в себе все владения царя и являет все это величие, почему самим им весьма тщеславятся и гордятся, заставляя не только туземцев, но и иностранцев, которые с чем-либо обращаются к царю словесно или письменно, повторять его полностью от начала до конца. Такое требование производит иногда большие неприятности и даже ссоры с татарскими и польскими послами, которые не хотят употреблять название «царь»⁶⁸, то есть император, и повторять в подробности весь его длинный титул. Я сам на аудиенции у царя почел достаточным приветствовать его только следующими словами: «Царь всея Руси, великий

князь Владимирский, Московский и Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский», остальное же нарочно пропустил, зная, что они тщеславятся тем, что титул царский длиннее титула королевы английской. Но это было так дурно принято, что канцлер⁶⁹, находившийся тогда при царе с прочими сановниками, громким сердитым голосом настаивал, чтобы я произнес весь титул. На его требование я отвечал, что титул царский слишком длинен и иностранцу трудно его запомнить, но что я сказал из него столько, что достаточно видно мое уважение к остальному, и проч.; однако все было напрасно, так что я, наконец, велел моему толмачу⁷⁰ проговорить сполна весь титул.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Образ правления

Образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, стараются подражать, сколько возможно по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических.

Правление у них чисто тираническое: все его действия клонятся к пользе и выгодам одного царя и, сверх того, самым явным и варварским образом. Это видно из *Sophismata**, или тайн их образа правления, описанных ниже, и угнетения дворянства и простого народа, без всякого притом соображения их различных отношений и степеней, равно как из податей и налогов, в коих они не соблюдают ни малейшей справедливости, не обращая никакого внимания как на высшее сословие, так и на простолюдинов. Впрочем, дворянству дана несправедливая и неограниченная свобода повелевать простым, или низшим, классом народа и угнетать его во всем государстве, куда бы лица этого сословия ни пришли, но в особенности там, где они имеют свои поместья или где определены царем для управления. Простолюдинам сделана также некоторая маловажная уступка тем, что они могут передавать свои земли по наследству любому из сыновей, в чем они, обыкновенно, следуют нашему *Gavelkind*** , и располагать имуществом своим произвольно, имея право дарить и завещать его

* *Sophisma, atis* (лат.) — софизм, ложное умозаключение.

** «*Gavelkind*» (англ.) — равный раздел земельной собственности между сыновьями или братьями покойного при отсутствии завещания.

по собственному желанию. Несмотря, однако, на это, оба класса, и дворяне и простолюдины, в отношении к своему имуществу являются не чем иным, как хранителями царских доходов, потому что все нажитое ими рано или поздно переходит в царские сундуки, как будет видно из средств, употребляемых для обогащения его казны, и способов взимания налогов, которые излагаются ниже, в главе о царских податях и доходах.

Что касается главных пунктов, или статей, входящих в состав самодержавного правления (как-то: издания и отмены законов, определения правительственных лиц, права объявлять войну и заключать союзы с иностранными державами, права казнить и миловать, права изменять решения по делам гражданским и уголовным), то все они так безусловно принадлежат царю и состоящей под ним Думе, что его можно назвать как верховным правителем, так и самим исполнителем в отношении ко всем перечисленным предметам. Всякий новый закон, или постановление, касающийся государства, определяется всегда прежде, нежели созывается по этому случаю какое-либо общее собрание или совет. Кроме своей Думы, царю не с кем советоваться о предметах, по которым уже предварительно сделано было постановление, за исключением немногих епископов, архимандритов и монахов, и то для того только, чтобы воспользоваться суеверием народа (притом всегда к его вреду), который считает святым и справедливым все, что ни сделано с согласия их епископов и духовенства. Вот почему цари, пользуясь для своих выгод теперешним упадком церкви, потворствуют духовенству чрезвычайными милостями и привилегиями, дарованными епископиям и монастырям, ибо они знают, что суеверие и лжеверие лучше всего согласуются с тираническим образом правления и особенно необходимы для поддержания и охранения его.

Во-вторых, что касается общественных и правительственных должностей в государстве, то здесь нет ни одного наследственного звания, как бы ни было оно высоко или низко, и, напротив, определение к той или другой должности зависит непосредственно от самого царя, так что даже дьяки в каждом главном городе большей частью назначаются им самим. Но теперешний царь, чтобы свободнее предаваться благочестию, предоставил все такого рода дела, относящиеся к управлению государством, в полное распоряжение брата жены своей боярина Бориса Федоровича Годунова⁷¹.

В-третьих, то же можно сказать о заведывании делами судебными, в особенности касающимися жизни и смерти. Здесь нет ни одного, кто бы имел судебную должность или власть, переходящую по наследству или основанную на грамоте, но все определяются по назначению и воле царя, и судьбы так стеснены в отправлении своей должности, что не смеют решить ни одного важного дела сами собой, но должны пересылать его в Москву, в царскую Думу. Чтобы показать власть свою над жизнью подданных, покойный царь Иван Васильевич во время прогулок или поездок приказывал рубить головы тем, которые попадались ему навстречу, если их лица ему не нравились или когда кто-нибудь неосторожно на него смотрел. Приказ исполнялся немедленно, и головы падали к ногам его.

В-четвертых, что касается верховной апелляции и прощения обличенных в уголовных преступлениях, то это совершенно зависит от воли и милости царской. Также нынешняя царица, весьма милосердная и любящая заниматься государственными делами (по неспособности к ним своего супруга), поступает в этом случае совершенно неограниченно, прощая преступников, особенно в день своего рождения и другие торжественные праздники, от своего имени, о чем объявляется всенародно и не упоминается вовсе о самом царе. Еще недавно были здесь некоторые представители древнего дворянства, которые владели по наследству различными областями с неограниченной властью и правом судить и рядить все дела в своих владениях без апелляции и не давая никакого отчета царю; но все эти права были уничтожены и отняты у них Иваном Васильевичем, родителем нынешнего государя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О заседаниях земского собора

Высшее учреждение для публичных совещаний по делам государственным называется собором, то есть земским собранием. Чины и звания лиц, бывающих в таких собраниях, по порядку их следующие: 1) сам царь, 2) некоторые из дворян, числом до 20, которые входят в состав его Думы, 3) столько же известных духовных лиц. Что касается горожан или других представителей народных, то их не допускают в это собрание, так как простой народ

считается там не лучше рабов, которые должны повиноваться, а не издавать законы и не имеют права ничего знать о делах общественных до тех пор, пока все не будет решено и окончено.

Земское собрание, называемое собором, составляется следующим образом. Царь приказывает созвать дворян, заседающих, как было сказано, в его Думе, коих он сам выберет, вместе с патриархом, который приглашает свое духовенство, то есть обоих митрополитов, обоих архиепископов и епископов, архимандритов и монахов, пользующихся наибольшей известностью и уважением. Когда все соберутся на царском дворе, то назначается день заседания, для чего обыкновенно избирают пятницу, считающуюся святым днем.

В определенный день духовные лица собираются прежде в назначенное время и место, называемое «столами».

Когда приходит царь в сопровождении своих сановников, то все встают и встречают его в сенях, следуя за патриархом, который благословляет царя двумя первыми пальцами, возлагая их ему на чело и на обе стороны лица, потом целует его в правое плечо. После того идут в палату, назначенную для таких собраний, где садятся в следующем порядке: царь занимает место на троне по одну сторону комнаты. Неподалеку от него, за небольшим четырехугольным столом, за которым могут поместиться человек 12 или около того, садится патриарх с митрополитами, епископами и некоторыми из знатнейших лиц царской Думы с двумя дьяками, или секретарями, называемыми думными дьяками⁷², которые записывают все, что происходит. Прочие садятся на скамьи около стены комнаты, так что каждый занимает место, соответствующее его званию. Потом один из секретарей в качестве оратора объявляет причину собрания и излагает главные предметы или дела, о которых следует рассуждать. Но предлагать билли⁷³ по мнению отдельных лиц относительно какого-нибудь общепользнего дела, как это делается в Англии, русский земский собор вовсе не дозволяет подданным.

Когда дело предложено секретарем на рассмотрение, то прежде всего желают знать мнение патриарха и духовенства; каждый из них отвечает по порядку своего звания; но их мнения бывают всегда однообразны и высказываются без всякого рассуждения, как затверженный урок. На все дела у них один ответ, который обычно заключается в том, что царь и Дума его премудры, опыты в делах

политических и общественных и гораздо способнее их судить о том, что полезно для государства, ибо они занимаются только служением Богу и потому просят царя и Думу сделать нужное постановление, а они вместо советов будут вспомоществовать им молитвами по своей обязанности и должности и проч. Так или почти так отвечает каждый в свою очередь, потом встает кто-нибудь из архимандритов или братии, который посмелее других (впрочем, уже заранее назначенный), и просит царя, чтобы он изволил приказать объявить им собственное мнение его величества и постановление по делу, предложенному дьяком. На это означенный секретарь от имени царя отвечает, что его величество вместе с членами Думы своей по надлежащем и здравом обсуждении нашел, что предложенное дело весьма хорошо и полезно для государства, но что, несмотря на то, его величество требует от них, как от людей благочестивых и знающих, что следует признать справедливым, их богоугодного мнения и даже суждения для того, чтобы утвердить или исправить дело, предложенное на рассмотрение, и потому вновь приглашает их откровенно объявить свое мнение, и если они одобряют сделанное предложение, то изъявить свое согласие, чтобы можно было приступить к окончательному определению.

Вслед за тем, объявив свое согласие (что делается весьма скоро), духовенство удаляется, благословляя царя, который провожает патриарха до другой комнаты и потом возвращается на свое место, где остается до конца.

Дела, решаемые собором, дьяки, или секретари, излагают в форме прокламаций, которые рассылают в каждую область и главный город государства, где обнародывают их князья и дьяки тех мест. По окончании заседания царь приглашает духовенство на парадный обед, и затем все расходятся по домам.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О дворянстве и средствах, употребляемых для ослабления его согласно с намерениями правительства

В России дворянство разделяется на четыре степени. Самые знатные по роду, власти и доходам называются удельными князьями, то есть князьями выделенными или привилегированными. Они-то имели некогда в своих обла-

стях особый суд и неограниченную власть, подобно дворянам или чинам немецким; но впоследствии, сохранив условно свои права, подчинились дому Бельи, когда он стал усиливаться и расширяться за счет соседей. Сначала они были только обязаны служить царю во время войны, выставляя известное число конных, но покойный царь Иван Васильевич, отец нынешнего царя, человек высокого ума и тонкий политик, желая более усилить свое самодержавие, начал постепенно лишать их прежнего величия и прежней власти, чтобы наконец сделать их не только своими подчиненными, но даже холопами, то есть настоящими рабами, или крепостными. В самом деле, они сами не иначе себя называют в государственных бумагах и в частных просьбах, подаваемых ими царю, так что теперь они относительно своей власти, своих владений, жизни и всего прочего зависят от воли царя наравне с другими подданными.

Средства и меры, употребляемые для этого царем как против князей удельных, так и других дворян, судя по рассказам о его действиях, были следующие или тому подобные: во-первых, он посеял между ними личное соперничество за первенство в чинах и званиях и с этой целью подстрекал дворян менее знатных по роду стать выше или наравне с происходящими из домов более знатных. Злобу их и взаимные распри он обращал в свою пользу, принимая клевету и доносы о кознях и зловорах, будто бы замышляемых против него и против государства. Ослабив таким образом самых сильных и истощив одних с помощью других, он наконец начал действовать открыто и остальных принудил уступить ему правую волю.

Во-вторых, разделил он своих подданных на две части, или партии, разъединив их совершенно между собой. Одни из них были названы им опричными, или отборными, людьми. К ним принадлежали те из лиц высшего сословия и мелких дворян, коих царь взял себе на часть, чтобы защищать и охранять их как верных своих подданных. Всех прочих он назвал земскими, или общими. К земским относятся простой народ и те дворяне, которых царь думал истребить как будто бы недовольных его правлением и имеющих против него замыслы. Что касается опричников, то он заботился, чтобы они своим числом, знатностью, богатством, вооружением и прочим далеко превосходили земских, коих он, напротив, как бы лишил своего покровительства, так что если кто из них был ограблен или убит

кем-нибудь из опричников, которых он причислял к своей партии, то нельзя уже было получить никакого удовлетворения ни судом, ни жалобой царю. И тех и других по порядку записывали в книгу, почему всякий знал, кто был земским и кто принадлежал к разряду опричников. И эта свобода, данная одним грабить и убивать других без всякой защиты судом или законом, продолжавшаяся семь лет, послужила к обогащению первой партии и царской казны и, кроме того, способствовала достижению его цели, то есть истреблению дворян, ему ненавистных, коих в одну неделю только в Москве было убито до 300 человек. Такие тиранские его поступки, направленные на всеобщий раздор и повсеместное разделение между подданными, произошли, как должно думать, от чрезвычайной мнительности и безнадежного страха, возникших в нем ко многим из местного дворянства во время войны с поляками и крымскими татарами, когда он вследствие худого положения дел впал в подозрение, что они состоят в заговоре с поляками и крымцами. На основании этого некоторых из них он казнил и означенное средство избрал для того, чтоб отделаться от остальных.

Столь низкая политика и варварские поступки, хотя и прекратившиеся теперь, так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что, по-видимому, это должно окончиться не иначе как всеобщим восстанием.

В-третьих, чтобы владеть всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав и прочего и оставив им одно только название, он дал им другие земли на праве поместном (как оно здесь называется), владение коими зависит от произвола царя и которые находятся весьма далеко и в других краях государства. Этим способом удалил их в такие области, где бы они не могли пользоваться ни милостью, ни властью, не будучи тамошними уроженцами или хорошо известными в тех местах; почему теперь знатнейшие дворяне, называемые удельными князьями, сравнялись с прочими с той лишь разницей, что во мнении народа и в привязанности его к ним они стоят выше и что во всех общественных собраниях они постоянно занимают свое первое место.

Средства, коими стараются препятствовать возвышению этих домов и возвращению их прежнего значения, заключаются в следующем: многим из наследников не дозволяется вступать в брак, дабы род прекратился

вместе с ними. Иных отправляют в Сибирь, в Казань и в Астрахань под предлогом службы и там умерщвляют или же сажают в темницу. Некоторых заключают в монастыри, где они постригаются в монахи под видом обета, данного по собственному желанию, но на самом деле по неволе, из опасения, что их обвинят в каком-нибудь преступлении. Здесь они находятся под столь бдительным надзором особой стражи и самих монахов, что им не остается никакой надежды, как кончить дни свои в заточении. Из числа таких лиц многие принадлежат к высшему дворянству. Как эти, так и другие подобные им средства, придуманные царем Иваном Васильевичем, до сих пор применяются Годуновыми, которые, возвысившись через брак царицы, родственницы их, правят и царем, и царством, в особенности Борис Федорович Годунов, брат царицы, стараясь всеми мерами истребить или унижить все древнейшее дворянство. Тех, которых они почитали наиболее опасными для себя и способными противиться их намерениям, они уже отдалили, например князя Андрея Куракина-Булгакова, человека знатного и родом, и властью. Точно так же поступили они с Петром Головиным — его посадили в тюрьму, где он и умер, с князем Василием Юрьевичем Голицыным, с Андреем Ивановичем Шуйским, который почитается за человека чрезвычайно умного. В прошедшем году таким же образом лишен жизни в монастыре, куда был посажен, князь Петр Петрович Шуйский, человек с большими достоинствами и заслугами, который шесть или семь лет тому назад возглавил оборону Пскова против Стефана Батория⁷⁴, имевшего у себя 100 000 человек войска, и разбил его с большой славой для себя и своего отечества и к стыду поляков. Думали также, что Никита Романович⁷⁵, дядя нынешнего царя с материнской стороны, умер от яда или другой насильственной смерти.

Названия знатнейших дворянских родов по порядку их следующие: 1) род князя Владимира, который представлен теперь одной дочерью — бездетной вдовой, как упомянуто выше, некогда бывшей в замужестве за Гартоком Магнусом, братом короля датского, а теперь заточенной в монастырь. 2) Род Мстиславских. Князь заключен в монастырь, а единственному сыну его не дозволено вступать в брак для пресечения их рода. 3) Глинские. Из них остался один, и тот бездетный, за исключением одной дочери. 4) Шуйские. Их четыре брата, все молодые люди и холостые. 5) Трубецкие. Из

этого дома остается в живых четверо. 6) Булгаковы. Теперь дом этот имеет название Голицыных, коих пятеро в живых, но все еще юноши. 7) Воротынские. Из этого дома осталось всего двое. 8) Одоевские. Также двое. 9) Телятевские. Один. 10) Татевы. Их трое. Вот главные фамилии удельных князей, которые в самом деле теперь все утратили, кроме одного титула и расположения к ним народа, готового со временем восстановить их снова, если кто-нибудь из них останется в живых.

Вторую степень дворянства составляют бояре. Это те, кого царь, при дворянстве их, удостоивает названия советников. Эти оба класса дворян получают доход с земель, жалованных им царем и владеемых ими по его произволу, ибо наследственных осталось у них весьма мало, как было сказано выше. Доход достигает 1000 марок в год; кроме денежного жалованья от царя за службу на войне в размере около 700 рублей в год, более никто не получает.

Нельзя, однако, сюда же причислить боярина Бориса Федоровича, который как временщик не может входить в один разряд с другими, будучи свояком царя, правителем государства по его распоряжениям, а по власти и могуществу царем русским. Ежегодный доход его с поместьев, вместе с жалованьем, достигает 93 700 рублей и более, как можно видеть из следующих подробностей. С наследственного имения в Вязьме и Дорогобуже, увеличенного им самим, он получает 6000 рублей в год; за должность конюшего — 12 000 рублей или марок, взимаемых с конюшенных слобод или по особым преимуществам, присвоенным этой должности, которые заключаются во владении некоторыми землями и городами близ Москвы. Кроме того, он берет в свою пользу доход со всех пчельников и лугов по обеим сторонам берегов Москвы-реки на 30 верст вверх и на 40 вниз по течению. Сверх жалованья по должности ему дается еще по 15 000 рублей в виде пенсии от царя. С области Важской он получает по особому преимуществу 32 000 рублей из Посольской четверти кроме дохода от меховой промышленности, с Рязани и Северска по другой особой статье 30 000 рублей, с Твери и Торжка, другого привилегированного места, 8000 рублей, от бань и купален в Москве 1500 рублей, не говоря уже о поместьях, или землях, коими он владеет по воле царя и которые далеко превосходят количество земли, предоставленное прочему дворянству.

Есть еще другой из дома Глинских⁷⁶, который получает

дохода с земель и жалованья около 40 000 рублей в год. Этим доходом ему дозволено пользоваться, потому что он женился на сестре жены Борисовой; сам же он очень прост и почти полоумный. Управление им и имением его вверено Борису.

К третьему разряду принадлежат воеводы, или те дворяне, которые в настоящее время или прежде были главными начальниками на войне. Звание свое или титул они передают потомству и занимают место выше прочих князей и дворян, не принадлежащих к первым двум разрядам, то есть удельным князьям и боярам.

Эти три разряда дворянства, а именно князья удельные, бояре и воеводы, имеют то преимущество, что к именам их прибавляется «вич», как-то, Борис Федорович и проч., что считается почестью, на которую другие не имеют права. В случае же опущения этого слога при наименовании их они могут искать бесчестие, или штраф, за неуважение на тех, которые не так их называли.

Четвертую и низшую степень дворянства составляют лица, носящие название князей, но происходящие от младших братьев главных домов, будучи их потомками через многие поколения. Они не имеют никакого родового наследства, кроме одного пустого имени или титула князя, ибо у них в обычае передавать свои звания и титулы равно всем детям, несмотря на то, что бы они им ни оставляли, так что сыновья воеводы или главного начальника на войне называются воеводами, хотя бы никогда не бывали в сражении, а сыновья князя носят титул князей, хотя не имеют у себя никакого наследственного имени, чем бы могли содержать себя. Последнего рода дворян так много, что их считают за ничто, и вы нередко встретите князей, готовых служить простолюдину за 5 или 6 рублей или марок в год; а при всем том они горячо принимают к сердцу всякое бесчестие или оскорбление прав своих. Вот все различные разряды дворянства.

Вторую степень лиц вообще составляют сыновья боярские или дети дворян, пользующиеся почетом и получившие это название за службу на войнах царских, принадлежа к военному званию по самому своему состоянию и рождению. Сюда же причисляются дьяки, или секретари, которые состоят на службе у царя в каждом главном городе, находясь по назначению при тамошних князьях.

Последнюю степень образуют простолюдины, называемые мужиками. Сюда же причисляют также купцов и простых ремесленников. Самый же низший класс этого

разряда, не относящийся ни к какой степени, составляют сельские жители, называемые крестьянами. О сыновьях боярских, которые все состоят на военной службе, мы будем говорить в статье о военных силах и военных запасах; а что касается мужиков, то есть их состояния и образа жизни, то скажем о них в главе о простом народе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Об управлении областями и княжествами

Вся Россия, как было сказано выше, разделяется на четыре части, называемые четвертями, или тетрархиями. Каждая четверть заведывается несколькими областями и несет определенную обязанность, от которой заимствует свое название⁷⁷. Первая четверть, или тетрархия, называется Посольской четвертью, или Посольским приказом, и находится в настоящее время под ведением главного секретаря, управляющего посольскими делами, Андрея Щелкалова. Он ежегодно получает от царя за службу 100 рублей или марок определенного жалованья или оклада.

Вторая четверть называется Разрядной от разрядного, или верхнего, констабля. Теперь это место по должности занимает Василий Щелкалов⁷⁸, брат канцлера, а управляет им некто Сапун Абрамов⁷⁹. Жалованья получает он 100 рублей в год.

Третья четверть называется Поместной по роду дел, ей принадлежащих. Она ведет список всем поместьям, жалующим царем за службу боярам, дворянам и иным, также выдает и принимает всякие на них крепости. Ею заведывает в настоящее время Елеазар Вылузгин⁸⁰. Оклада назначено ему 500 рублей в год.

Четвертая известна под именем Казанского дворца, так как в ее ведении находятся царства Казанское и Астраханское с другими городами, лежащими по реке Волге. Теперь ею управляет некто Дружина Пантелеев⁸¹, человек весьма замечательный между туземцами по уму и расторопности в делах политических. Он получает окладу 150 рублей в год.

В состав четвертей, или тетрархий, не входит наследственное имение царя, или вотчина, как она здесь называется, потому что она искони принадлежит дому Белы, то есть царскому, носящему это имя по своему происхождению. В царскую вотчину входят 36 городов с уездами, или землями, кроме особых участков, которые также

исключены из ведомства означенных четвертей, как, например, область Важская, принадлежащая боярину Борису Федоровичу Годунову, и другие подобные.

Вот главные правители или власти областные. Они не живут при своих местах, а, напротив, сопровождают царя, когда он выезжает, удерживая при этом везде свою должность, которую, однако, большей частью исправляют в Москве как в главном местопребывании царя.

Обязанность этих четырех правительственных мест заключается в принятии всех жалоб и дел всякого рода, поступающих к ним из отдельных четвертей, и в препровождении их в царскую Думу. Они обязаны также давать приказы лицам, находящимся под их ведением в приписанных к ним областях, по всем делам, коих исполнение в местах, ими управляемых, возлагается на них царем и его Думой.

Для управления каждой отдельной областью в этих четырех четвертях определяется один из тех князей, о коих упомянуто было выше как принадлежащих к низшей степени дворянства. Они имеют пребывание в главных городах означенных областей. К каждому из них присоединяется дьяк или секретарь, назначаемый ему в помощники или, лучше сказать, руководители, ибо такой дьяк заведывает всеми делами, относящимися к исполнению их должности.

Обязанности их на самом деле состоят в следующем. Во-первых, они должны выслушивать и решать все гражданские дела своей области. С этой целью им подчинены некоторые чиновники, как-то: губные⁸² старосты, или коронёры*, которые кроме производства следствий о самоубийцах обязаны преследовать преступников, и судьи, имеющие право сами выслушивать и решать все дела подобного рода между крестьянами в своем округе или участке, при этом, в случае неудовольствия той или другой стороны, они имеют право апелляции и могут жаловаться князю и дьяку, имеющим пребывание в главном городе. Отсюда дело можно еще перевести в Москву, в царскую Думу как высшее судебное место, куда окончательно поступают все апелляции. Далее им также подвластны сотские⁸³ старосты, то есть олдермены**, или бэлифы***, сотен.

* Coroner (англ.) — следователь, ведущий дела о насильственной или скоропостижной смерти.

** Olderman (англ.) — старейшина, член совета графства и городского совета, который не избирается населением, а кооптируется.

*** Bailiff (англ.) — судебный пристав, управляющий имением.

Во-вторых, во всех делах уголовных — воровстве, убийстве, измене и проч. — они имеют право задержать, допросить и заключить в тюрьму преступника; по окончании же следствия обязаны переслать дело, уже совершенно готовое и правильно изложенное, в Москву к управляющему четвертью, в которой числится их область, а последний передает его на рассмотрение царской Думы. Но они не имеют права ни решать дела уголовные, ни наказывать виновного.

В-третьих, им также вменяется в обязанность отправление разных общественных дел в их областях, как-то: обнародование законов или учреждений посредством прокламаций, сбор податей и налогов в пользу царя, набор ратников и отправление их в срок и место, назначенные царем или Думой.

Князья и дьяки определяются на места самим царем и в конце каждого года обыкновенно сменяются, за исключением некоторых пользующихся особым благоволением или расположением, для коих этот срок продлевается еще на год или на два. Сами по себе они не могут похвалиться ни доверием, ни любовью народа, которым управляют, не принадлежа к нему ни по рождению, ни по воспитанию и не имея при том собственного наследственного имения ни в его округе, ни даже в другом месте. Только от царя получают они за свою службу по большей мере около 100 марок⁸⁴ в год, а некоторые только 50, другие же всего 30. Народ еще более недоверчив к ним и ненавидит их за то, что каждый год появляются новые и голодные, не имеющие никакой собственности, и мучают и обирают его без всякой справедливости и совести. Главные начальники четвертей не обращают внимания на такие поступки, чтобы, в свою очередь, обирать их самих и получить большую добычу, когда потребуют от них отчета, что обыкновенно делают при истечении их службы, извлекая таким образом свои выгоды из их несправедливости и притеснений бедного народа. Немногие, однако, из них доходят до пытки или кнута по окончании срока, к которому они большей частью уже сами по себе приступают к отчету. И потому во время своего управления стараются они приобрести столько, чтобы можно было поделиться с царем и управляющим четвертью и, кроме того, оставить хорошую частичку и для себя.

Таковы все правители областей, и только в четыре самых

важных пограничных города назначаются люди, заслуживающие более уважения и доверия, и притом по два в каждый город. Один из них всегда бывает из приближенных к царю. Эти четыре пограничных города — Смоленск, Псков, Новгород и Казань, из коих три лежат на границах Польши и Швеции, а один сопределен с отдаленной землей крымских татар. Обязанностей у них более, чем у прочих областных князей, о которых я говорил выше, и им дана исполнительная власть в делах уголовных. Такая мера почитается весьма полезной для государства, потому что на границах, находящихся на таком отдаленном расстоянии, могут произойти чрезвычайные случаи, не терпящие отлагательства для разрешения каждого особенного обстоятельства царем и его Думой. Их сменяют всякий год, кроме случаев, о коих сказано выше, а жалованья получают они по большей мере 700 рублей в год, иные же только по 400. В настоящее время многие из этих важных мест занимают и вместе с тем правят почти всем государством Годуновы и их клиенты.

Москвой, где постоянно пребывает царь, управляет одна царская Дума. Все производящиеся здесь дела, как гражданские, так и уголовные, выслушиваются и решаются в судах, где заседают члены Думы, постоянно живущие здесь. Только для решения дел самых обыкновенных — построек, поправок содержания улиц в опрятности и чистоте, сбора податей⁸⁵, налогов и т. п. — определены два дворянина и два дьяка, или секретаря, составляющие все вместе присутственное место для управления подобного рода делами, которое называется Земским двором. Если кто из городских обывателей подозревает своего служителя в воровстве или подобном преступлении, то он может привести его сюда для допроса посредством пытки или другого истязания. Кроме этих двух дворян и секретарей, заведывающих всем городом, есть еще старосты в каждой отдельной общине. Такой старшина имеет своих сотских, или констаблей*, а сотский — известное число десятских, ему подчиненных, из коих поручен каждому надзор над десятью домами, отчего всякий беспорядок скорее обнаруживается, а общественная служба отправляется поспешнее. Все граждане, бедные и богатые, разделяются на общины. Главные начальники, дьяки и дворяне, определяются самим царем, старосты — дворянами и дьяками, сотские — старостами, а десятские — сотскими.

Если бы такой образ управления областями и городами

* Constable (англ.) — полицейский чин.

был столько же полезен для беспристрастного правосудия ко всем жителям, сколько он удобен для предупреждения нововведений, удерживая дворянство в порядке, а простой народ в подчинении, то, по-видимому, он был бы недурен даже в политическом отношении для государства, столь обширного и имеющего такое протяжение в длину и ширину, какова Россия. Но угнетение и рабство так явны и так резки, что надобно удивляться, как дворянство и народ могли им подчиниться, имея еще некоторые средства, чтобы избежать их или же от них освободиться, равно как и тому, каким образом цари, утвердившись в настоящее время на престоле так прочно, могут довольствоваться прежним правлением, соединенным со столь явной несправедливостью и угнетением их подданных, тогда как сами они исповедуют веру христианскую.

Из всего сказанного здесь видно, как трудно изменить образ правления в России в настоящем ее положении. Во-первых, там нет никого в числе дворянства, кто бы мог встать во главе прочих. Сановники, управляющие четвертями, не природные дворяне, а дьяки, пожалованные в это звание царем, находящиеся в полной зависимости от его милостей и собственно служащие только ему. Что же касается князей, управляющих под ними областями, то это люди важные только по названию, как было сказано выше, без всякой власти, силы и доверия, за исключением того значения, которым пользуются по своей должности, пока ее занимают. Но и здесь приобретают они не любовь, а, напротив, ненависть народа, который видит, что они поставлены над ним не столько для того, чтобы оказывать ему справедливость и правосудие, сколько с тем, чтобы угнетать его самым жалким образом и снимать с него шерсть не один раз в год, как каждый владелец со своей овцы, а, напротив, стричь его в продолжение всего года. Кроме того, власть и права их раздроблены на множество мелких частей, потому что в каждой большой области их находится по нескольку человек, и притом время, на которое они назначаются, весьма ограничено. Таким образом, им невозможно сколько бы то ни было усилиться или привести в исполнение какое-либо предприятие в этом роде, если бы они даже возымели счастливое намерение сделать что-нибудь новое. Что касается простого народа, как будет видно лучше из описания его состояния и свойств, излагаемых ниже, то кроме недостатка в оружии и неопытности в ратном деле, от которого удаляют его намеренно, у него беспрестанно отнимают и бодрость духа,

и деньги (кроме других способов) иногда под предлогом какого-нибудь предприятия для общественного благосостояния, а иногда вовсе даже не ссылаясь ни на какую потребность в пользу государства или царя. Итак, ни дворянство, ни простой народ не имеют возможности отважиться на какое-нибудь нововведение до тех пор, пока войско, которого число простирается, по крайней мере, до 80 000⁸⁶ человек, получающих постоянное жалованье, будет единодушно и беспрекословно подчинено царю и настоящему порядку вещей, а оно, очевидно, должно быть усердно к своей должности, как по самим свойствам солдат, так и потому, что они пользуются всюду полной свободой обижать и грабить простой народ по своему произволу, что им нарочно дозволено для того, чтобы им нравилось настоящее положение дел. Заговора между войском и простым народом опасаться также нельзя, потому что цели их слишком различны и противоположны. Это безнадежное состояние вещей внутри государства заставляет народ большей частью желать вторжения какой-нибудь внешней державы, которое, по мнению его, одно только может его избавить от тяжкого ига такого тиранского правления.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О царской Думе

Русские цари дают звание советников некоторым лицам из знатного дворянства более для почести, нежели для пользы государственным делам. Они именуются просто боярами и могут быть названы советниками в пространном значении, ибо на общий совет их приглашают весьма редко или никогда. Принадлежащие же на самом деле к собственному и тайному совету царя, именно те, которые ежедневно находятся при нем для совещания по делам государства, носят еще титул думных и называются думными боярами, а собрание их, или заседание, Боярской Думой.

Имена их в настоящее время следующие по порядку: 1) князь Феодор Иванович Мстиславский; 2) князь Иван Михайлович Глинский; 3) князь Василий Иванович Шуйский-Скопин⁸⁷ (эти три боярина более знатны родом, нежели замечательны по уму, и потому, сколько можно судить, назначены больше для того, чтобы сообщить месту почетность и делать честь своим присутствием, нежели для советов); 4) князь Василий Иванович Шуйский⁸⁸, который

почитаются умнее своих прочих однофамильцев; 5) князь Феодор Михайлович⁸⁹; 6) князь Никита Романович Трубецкой; 7) князь Тимофей Романович Трубецкой; 8) князь Андрей Григорьевич⁹⁰ Куракин; 9) князь Дмитрий Иванович Хворостинин; 10) князь Феодор Иванович Хворостинин; 11) Богдан Иванович⁹¹ Сабуров; 12) князь Иван Васильевич⁹²; 13) князь Феодор Дмитриевич Шестунов; 14) князь Феодор Михайлович Троекуров; 15) Иван Бутурлин⁹³; 16) Димитрий Иванович Годунов; 17) Борис Федорович Годунов, брат царицы; 18) Степан Васильевич Годунов; 19) Григорий Васильевич Годунов; 20) Иван Васильевич Годунов; 21) Феодор Шереметев⁹⁴; 22) Андрей Петрович Клешнин; 23) Игнатий Петрович Татищев; 24) Роман Михайлович Пивов; 25) Дементий Иванович Черемисинов; 26) Роман Васильевич Алферьев; 27) Андрей Щелкалов; 28) Василий Щелкалов; 29) Елеазар Вылузгин; 30) Дружина Пантелеев; 31) Сапун Абрамов.

Четверо последних называются думными дьяками, или государственными секретарями. Все они принадлежат собственно к Думе царской, хотя немногие из них приглашаются на какое-либо совещание, потому что все дела обсуждаются и решаются Борисом Федоровичем Годуновым, братом царицы, с пятью или шестью другими лицами, коих заблагорассудится ему призвать. На совете приходится им более слушать, нежели высказывать мнения, как они в самом деле и поступают. Внутренние дела государства докладываются во время заседаний управляющими четырех четвертей, о коих упомянуто в главе об управлении областями. Сюда представляют они все бумаги, получаемые ими от князей, дьяков, воевод и других начальствующих городами и крепостями, принадлежащими к четверти каждого из них, вместе с другими донесениями и докладывают о них Думе.

Такое же право предоставлено и начальнику всякого судебного места. Он может входить в Думу и доносить обо всем, относящемся к его должности. Кроме дел государственных здесь разбираются многие частные дела, поступающие по просьбам в большом числе. Из них некоторые рассматриваются и решаются смотря по тому, как благоприятствуют им обстоятельства или средства. Другие отсылаются в судебные места, куда они принадлежат на общем основании законов. Присутственные дни для обыкновенных заседаний — понедельник, среда и пятница; собираются же в 7 часов утра. В чрезвычайном случае, когда необходимо назначить совещание в другой

какой-либо день, рассылаются о том повестки писцом Думы Дорофеем Бушевым, который получает приказ из Разряда, чтобы пригласить их к назначенному времени.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О податях и других доходах царских

Для сбора податей и других доходов, принадлежащих казне, определено несколько чиновников, которые сдают их в главное казначейство. К нему относятся, во-первых, Дворцовый приказ, заведывающий хозяйственной частью; во-вторых, четверти, которые я соединяю в одно целое, хотя оно и разделяется на четыре части, как было сказано выше; в-третьих, так называемый Большой приход.

Что касается Дворцового приказа, то он получает все доходы с наследственного имения царского, называемого вотчиной. Вотчины, или царские имения, включают в себя 36 городов с принадлежащими им селениями или волостями, из коих главные по доходу следующие: Александровская слобода, Карельская, Тверь, Слободки, Даниловское, Мосальск, Хорь, Замошская, Старая Руся, Воронцово и проч. Одни из жителей этих и других городов платят подать деньгами, другие — определенной поставкой, называемой оброком, как-то: известным количеством четвертей, или мер зернового хлеба, пшеницы, ржи, ячменя, овса или другими съестными припасами — быками, овцами, лебедями, гусями, зайцами, курами, дичью, рыбой, сеном, дровами, медом. Иные обязаны засеять в пользу царя несколько десятин земли и поставлять уже совершенно обделанный хлеб для употребления, за что им дается определенное число десятин земли на их собственное продовольствие. Такой запас для домашних потребностей, в особенности зернового хлеба, доставляемый содержателями казенных земель, гораздо значительнее количества, какое выходит для царского дома и отпускается на прислугу или для царской чести в виде жалованья, на которое, впрочем, тратится очень много как хлебом, так и другими припасами. Этот излишек продается дворецким за выгоднейшую цену, и деньги поступают в царскую казну. Во времена Ивана Васильевича, отца нынешнего царя, который жил роскошнее и более по-царски, нежели теперешний государь, излишек зернового хлеба и других приходных

статей, поступающих в Дворцовый приказ, доставлял казне его не свыше 60 000 рублей ежегодного дохода; но теперь, при лучшем управлении дворецкого Григория Васильевича Годунова, он простирается до 230 000 рублей в год. И все это благодаря царице и ее родным, в особенности Борису Федоровичу Годунову, которые считают своей собственностью все, поступающее в царскую казну. Значительная часть излишка от сбора припасами идет на жалованье дворцовым служителям, которых весьма много как в самом дворце, так и вне дворца.

Второе место сбора податей, называемое четвертями, разделено на четыре отдельные части, как было сказано выше, имеет четырех главных чиновников, которые кроме управления и заведывания областями, приписанными к каждой четверти, обязаны еще собирать в пользу царя тягло⁹⁵ и подать, получаемые в означенных четырех четвертях. Тягло есть годовой доход, или оклад, взимаемый с каждой выти⁹⁶, или определенной меры, какого бы ни было хлеба, который собирается присяжными и доставляется в приказ. Выть содержит в себе 60 четвертей, а каждая четверть — три английских бушеля или несколько⁹⁷ менее. Подать есть положенный сбор с каждой сохи⁹⁷, или известного участка, по всему государству.

Тягло и подать ежегодно доставляют четвертным приказам значительное количество денег, как можно видеть из помещаемых здесь подробностей. Город Псков с его областью платит каждый год тяглом и податью около 18 000 рублей, Новгород — 35 000, Торжок и Тверь — 8000, Рязань — 30 000, Муром — 12 000, Холмогоры и Двина — 8000, Вологда — 12 000, Казань — 18 000, Устюг — 30 000, Ростов — 50 000, Москва — 40 000, Сибирь — 20 000, Кострома — 12 000. Весь годовой итог простирается до 400 000 рублей или марок, вносимых ежегодно в казну первого числа сентября, которое они считают за первый день года.

Третье место, называемое Большим приходом, принимает все пошлины, собираемые со всех главных городов по всему государству, и сверх того налоги и другие сборы, взимаемые различными низшими местами, которые все поступают в этот приказ Большого прихода. Главные города по торговле, платящие самую значительную пошлину, — Москва, Смоленск, Псков, Новгород Великий, Старая Руса, Торжок, Тверь, Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, Казань, Вологда. Эту пошлину, получаемую с больших городов, тем вернее и легче исчислить, что заранее уже определено и в точности назначено, сколько им приходится

платить ежегодно. Положенный оклад они обязаны непременно внести в означенный приказ, хотя бы сами столько не собрали; если же получают более, то излишек идет также в пользу царя.

Москва платит ежегодно пошлыны 12 000 рублей, Смоленск — 8000, Псков — 12 000, Новгород Великий — 6000, Старая Руса — солью и другими продуктами 18 000, Торжок — 800 рублей, Тверь — 700, Ярославль — 1200, Кострома — 1800, Нижний Новгород — 7000, Казань — 11 000, Вологда — 2000 рублей. Пошлина с других торговых городов бывает иногда более, а иногда менее значительна, смотря по их торговым оборотам и барышам в течение года.

Можно сказать наверно, что эти три статьи доходов, поступающих в приказ Большого прихода, когда они наименее значительны, составляют: первая — 160 000 рублей, вторая — 90 000, третья — 70 000 рублей, так что Большой приход с этих и других городов получает дохода, по крайней мере, как видно из их приходных книг, до 340 000 рублей в год. Кроме этого дохода с торговых городов в приказ Большого прихода поступают ежегодно пошлыны с простых бань и кабаков, или питейных домов, принадлежащих царю, которые, хотя и неизвестно, как именно велика получаемая от них сумма, но, судя по общей любви всех русских к бане и купанью, доставляют значительный доход царской казне.

Кроме того, у них берется известный штраф, или пеня, в пользу царя с каждого решения или приговора, постановленного в каком бы то ни было судебном месте по всем делам гражданским. Эта пеня, или штраф, заключается в 20 деньгах или пенсах с каждого рубля или марки и, следовательно, в 10 со 100; платит же ее сторона, обвиненная по закону. Далее, с каждого имени, упоминаемого в бумагах, выдаваемых судебными властями, в пользу царя берется по 5 алтын, а алтын равняется 5 пенсам стерлингов или около того. Пошлыны вносят в то место, откуда выдается бумага; потом пересылается она туда, где хранится меньшая печать, и здесь за нее платится еще столько же в пользу царя. Этот доход достигает обыкновенно 3000 рублей в год или около того. Наконец, из Разбойного приказа, заведывающего всеми делами по преступлениям, берется в пользу царя половина всего имущества преступника; из остальной половины одна часть отдается доносчику, другая чиновникам.

Все эти статьи поступают в приказ Большого прихода, кроме излишка или остатка от поземельных доходов, приписанных к разным другим приказам, как-то: к при-

казу, называемому Разрядом, который имеет в своем заведывании земли и доходы, определенные на ежегодную плату солдатам или коннице, которые содержатся на постоянном жалованье. В мирное время, когда войско остается на месте, жалованье обыкновенно убавляется и выдается только вполовину, а иногда еще менее, так что остающаяся в Разряде сумма, поступающая в царскую казну, достигает большей частью ежегодно 250 000 рублей.

Таким же образом, хотя в меньшем количестве, употребляется излишек от доходов Стрелецких приказов, имеющих свои собственные земли, на жалованье стрельцам, как находящимся в Москве и составляющим царскую стражу, обыкновенно в числе 12 000, так и на границах и в других городах и крепостях. То же должно сказать относительно приказа Иноземного, имеющего в своем заведывании земли, определенные на содержание иноземных наемных солдат, как-то: поляков, шведов, голландцев, шотландцев и проч., равно как Пушкарского, которому предоставлены земли и доходы для снабжения войска орудиями, порохом, дробью, селитрой, серой, свинцом и т. п., где также к концу года остается сумма, поступающая в казну. Все эти места вносят излишки, оказывающиеся у них в конце года, в приказ Большого прихода, а отсюда их пересылают уже в царскую казну, так что вся сумма, поступающая в приказ Большого прихода, как видно из книг этого приказа, достигает 800 000 рублей в год или около того.

Все приказы, как-то: Дворцовый, Четверти и Большой приход — передают поступающие в них доходы в главное казначейство, которое находится в ограде царского дворца в Москве, где хранятся все царские деньги, драгоценные камни, короны, скипетры, посуда и т. п. в сундуках и мешках за собственной печатью царей, которые сами ее прикладывают, хотя в настоящее время боярин Борис Федорович Годунов и здесь заменяет царя, употребляя свою печать и наблюдая над ней, как и за всем прочим. Второе место по этой должности занимает теперь Степан Васильевич Годунов, двоюродный брат означенного Бориса, который имеет при себе еще двух приказных для отправления дел по службе.

Сумма, поступающая каждый год в царскую казну одними деньгами, такова: 1) из Дворцового приказа — 230 000 рублей; 2) из четырех четвертей сошных и подушных денег — 400 000 рублей; 3) из приказа Большого прихода пошлин и других сборов — на 800 000 рублей.

Итак, всего 1 430 000 рублей чистого дохода, не включая сюда расходов на содержание дворца и постоянное жалование войску.

Кроме дохода, вносимого в казну деньгами, царь ежегодно получает еще на значительную сумму из Сибири, Печоры, Перми и иных мест мехов и других податей, которые продаются или вымениваются для вывоза за границу на разные иноземные товары купцам турецким, персидским, армянским, грузинским и бухарским, торгующим в пределах этого государства, сверх купцов других христианских держав. Об итоге, хотя нельзя определить его в точности по причине зависимости его от случайных обстоятельств, смотря по тому, какой получится барыш, можно судить по прошлогоднему сбору царской подати в Сибири, который заключался в 466 сороках соболей, пяти сороках куниц и 180 чернобурых лисиц, не считая других товаров.

К доходам можно присовокупить также большие суммы от конфискаций имущества тех, кто подвергается опале, кроме других чрезвычайных налогов и поборов с должностных лиц, монастырей и проч. не для какой-нибудь видимой надобности или потребности царя и государства, но по одному произволу и обычаю, впрочем, под некоторым предлогом скифской, то есть грубой и варварской, политики, как показывают немногие софизмы или ложные политические меры, употребляемые русскими царями, чтобы грабить свой народ и обогащать свою казну. По этому случаю покойный царь Иван Васильевич обыкновенно говаривал, что народ сходен с его бородой: чем чаще стричь ее, тем гуще она будет расти, или с овцами, которых необходимо стричь по крайней мере один раз в год, чтобы не дать им совершенно обрасти шерстью.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

О мерах к обогащению царской казны имуществом подданных

1.

Не препятствовать насилиям, поборам и всякого рода взяткам, которым князья, дьяки и другие должностные лица подвергают простой народ в областях, но позволять им все это до окончания срока их службы, пока они совершенно насытятся; потом поставить их на правез, или

под кнут, за их действия и вымучить из них всю или большую часть добычи, как мед высасывается пчелой, награбленной ими у простого народа, и обратить ее в царскую казну, никогда, впрочем, не возвращая ничего настоящему владельцу, как бы ни была велика или очевидна нанесенная ему обида, — для этой цели чрезвычайно полезны бедные князья и дьяки, посылаемые в области, которые сменяются так часто, именно каждый год, несмотря на то что, как сами по себе, так и по свойствам народа (как было сказано выше) могли бы оставаться долее, не заставляя опасаться никаких нововведений. Действительно, будучи всегда поставляемы вновь над простым народом, они сосут тем охотнее, подобно осам императора Тиверия, которые прилетали всегда новые на старую рану и с коими он сравнивал обыкновенно своих преторов и других областных чиновников.

2.

Показывать иногда публичный пример строгости над должностными лицами, грабившими народ, если кто из них особенно сделается известным с худой стороны, дабы могли думать, что царь негодует на притеснения народа, и таким образом сваливать всю вину на дурные свойства его чиновников. Так, между прочим, поступил покойный царь Иван Васильевич с дьяком одной из своих областей, который кроме многих других поборов и взяток принял жареного гуся, начиненного деньгами. Его вывели на торговую площадь в Москве, где царь, находясь лично, сам сказал речь: «Вот, добрые люди, те, которые готовы съесть вас, как хлеб, и проч.»; потом спросил у палачей своих, кто из них умеет разрезать гуся, и приказал одному из них сначала отрубить у дьяка ноги на половину икр, потом руки выше локтя, все спрашивая его, вкусно ли гусиное мясо, и, наконец, отсечь голову, дабы он совершенно походил на жареного гуся. Поступок этот мог бы служить достаточным примером правосудия (как понимают правосудие в России), если бы не имел в виду хитрую цель прикрыть притеснения, делаемые самим царем.

3.

Явно показывать нужду в случае предстоящей новой значительной подати или налога. Так теперешний царь Феодор Иванович поступил по совету некоторых приближенных в начале своего царствования, когда, оставшись весьма богатым, как полагали, после отца, он продал

большую часть своего серебра и перелил некоторую часть в деньги, дабы показать, что нуждается в них. Вслед за тем было объявлено о новом налоге.

4.

Дозволять подданным отказывать беспрепятственно имущество монастырям, что по суеверию делают весьма многие, особенно в духовных завещаниях, и вносить туда деньги и пожитки на сбережение. Все это дозволено без всякого ограничения и условий, как то было прежде и теперь еще продолжается в некоторых христианских государствах. От таких взносов монастыри чрезвычайно обогащаются. Дозволяют же это для того, чтобы государственные суммы хранились все вместе и были ближе к рукам, если бы вздумалось взять их, что делается часто и без всяких опасений, потому что монахи предпочитают отдать какую-либо часть по мере умножения богатства, нежели лишиться всего вдруг, а этому они нередко подвергались в царствование последнего государя.

С такой целью покойный царь Иван Васильевич прибегнул к весьма странной мере, которой немногие государи воспользовались бы, даже в особенной крайности. Он уступил царство одному великому князю Симеону⁹⁸, сыну царя казанского, как бы намереваясь удалиться от всех общественных дел и вести покойную частную жизнь. К концу года заставил он нового государя отобрать все грамоты, жалованные епископиям и монастырям, коими последние пользовались уже несколько столетий⁹⁹. Все они были уничтожены. После того, как бы недовольный таким поступком и дурным правлением нового государя, он взял опять скипетр и будто бы в угодность церкви и духовенству дозволил возобновить грамоты, которые роздал уже от себя, удерживая и присоединяя к казне столько земель, сколько ему самому было угодно.

Этим способом он отнял у епископий и монастырей кроме земель, присоединенных им к казне, несметное число денег: у одних 40 000, у других 50 000, у иных 100 000 рублей, что было сделано им с целью не только умножить свою казну, но также изменить дурное мнение об его жестоком правлении, показав пример еще худшего в руках другого царя. В этом поступке видна вся странность его характера; невзирая на то, что он был ненавидим своими подданными, что сам знал очень хорошо, решился он, однако, посадить на свое седло другого, который мог бы ускакать, оставив его пешим.

5.

Отправлять нарочных в области, или княжества, где производятся меха, воск, мед и проч., и там забирать и захватывать целиком какой-либо один товар, а иногда два или более по дешевым ценам, какие сами назначат, и потом продавать их по высокой цене своим и иноземным купцам, а если они будут отказываться от покупки, то принуждать их к тому силой.

Точно так же поступают, когда какой-либо товар, местный или иностранный — парча, тонкое сукно и проч., — захваченный царем и принятый в казну, испортится от долгого лежания или по другой причине: испорченное принуждают купцов покупать волей или неволей по цене, назначенной царем. В прошлом 1589 году был забран весь воск в государстве, так что никто не имел права торговать им, кроме царя.

6.

Присваивать иногда таким же образом иностранные товары — шелковые материи, сукно, свинец, жемчуг и проч., — привозимые в государство купцами турецкими, армянскими, бухарскими, польскими, английскими и другими, и потом принуждать своих купцов покупать эти товары у царских чиновников по цене, назначенной им самим.

7.

Обращать на некоторое время в монополию товары, вносимые в подать, и возвышать цену их, как-то: меха, хлеб, лес и проч. В продолжение этого времени никто не может продавать тот же товар до тех пор, пока не распродается весь товар царский. Таким способом царь получает от оброчного хлеба и других припасов, как было сказано выше, около 200 000 рублей или марок в год, а от оброчного леса, сена и проч. 30 000 рублей или около того.

8.

В каждом большом городе устроен кабаk, или питейный дом, где продаются водка, называемая здесь русским вином, мед, пиво и прочее. С них царь получает оброк, достигающий значительной суммы: одни

платят 800, другие 900, третьи 1000, а некоторые 2000 или 3000 рублей в год. Там кроме низких и бесчестных средств к увеличению казны совершаются многие самые ужасные преступления. Бедный работник и мастеровой часто проматывают все имущество жены и детей своих. Некоторые оставляют в кабаке 20, 30, 40 рублей или более, пьянствуя до тех пор, пока всего не истратят. И это делают они, по словам их, в честь господаря, или царя. Вы нередко увидите людей, которые пропили с себя все и ходят голые (их называют нагими). Пока они сидят в кабаке, никто и ни под каким предлогом не смеет вызвать их оттуда, потому что этим можно помешать приращению царского дохода.

9.

Заставлять некоторых из приближенных бояр или дворян, пользующихся доверием царя, у коих есть в Москве дома, делать объявление, что они ограблены; потом посылать за земскими и отдавать им приказание, чтобы они отыскивали похищенное; если же оно не найдется, брать или взыскивать с города за худое их управление 8000, 9000 или 10 000 рублей сразу. Это делается весьма часто.

10.

Чтобы показать свое самодержавие при таких поборках, они употребляют иногда весьма простые, но довольно странные уловки. Вот как, например, поступал Иван Васильевич, отец нынешнего царя. Он отправил в Пермь за несколькими возами кедрового дерева, зная, что оно там не растет; когда же жители отвечали, что не могут найти такого дерева, то царь велел взыскать с них 12 000 рублей, как будто бы они с намерением его скрывают. В другой раз он послал в Москву добыть ему колпак, или меру, живых блох для лекарства. Ему отвечали, что этого невозможно исполнить и если бы даже удалось наловить столько блох, то ими нельзя наполнить меру оттого, что они распрыгаются. За это царь взыскал с них штраф или выбил из них правожом 7000 рублей.

Подобной же уловкой отнял он у своих бояр 30 000 рублей за то, что, отправившись на охоту за зайцами, не изловил ничего, как будто бы бояре вытравили и перебили всех зайцев, а они по обыкновению тотчас обратили этот правож на мужиков, или простой народ. Как ни странным должен казаться такой забавный способ грабить бедных

подданных без основательного повода, но он совершенно согласен со свойствами тамошних царей и с жалким рабством этого несчастного государства. Такие-то и подобные способы употребляют русские цари для обогащения казны своей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О простом, или низшем, классе народа в России

О состоянии низшего класса, простого народа, можно составить некоторое понятие из того, что уже было сказано об образе правления, состоянии дворянства и заведывании областями и главными городами в государстве. Во-первых, о свободе их, в какой мере они ею пользуются, можно судить по тому, что они не причислены ни к какому разряду и не имеют ни голоса, ни места на соборе, или в высшем земском собрании, где утверждаются законы и публичные постановления, клонящиеся обыкновенно к угнетению простолюдинов, ибо остальные два класса, то есть дворянство и духовенство, которые имеют голос в таких собраниях (хотя далеко не пользуются свободой, необходимой в общих совещаниях для блага всего государства, согласно со значением и правами каждого по его званию), довольствуются тем, что все бремя лежит на простолюдинах и что могут они свалить все на них. Далее, до какого рабского состояния они унижены не только в отношении к царю, но и к боярам и вообще дворянам, которые и сами не что иное, как рабы, особенно с некоторого времени, можно видеть из их просьб и других бумаг, подаваемых кому-либо из дворянства или высшим правительственным лицам: здесь они сами себя называют и подписываются их холопами, то есть крепостными людьми или рабами, так точно, как, в свою очередь, дворяне признают себя холопами царя. Можно истинно сказать, что нет слуги или раба, который бы более боялся своего господина или который бы находился в большем рабстве, чем здешний простой народ, и это не только в отношении к царю, но и к его дворянству, главным чиновникам и всем военным, так что если бедный мужик встретится с кем-либо из них на большой дороге, то должен отвернуться, как бы не смея смотреть ему в лицо, и пасть ниц, ударяя головой оземь, так точно, как он преклоняется перед изображениями своих святых.

Во-вторых, что касается земель, движимого имущества и

другой собственности простого народа, то все это принадлежит ему только на словах и на самом деле нисколько не ограждено от хищничества и грабежа как высших властей, так и простых дворян, чиновников и солдат. Кроме податей, пошлин, конфискаций и других публичных взысканий, налагаемых царем, простой народ подвержен такому грабежу и таким поборам от дворян, разных властей и царских посыльных по делам общественным, особенно в так называемых ямах¹⁰⁰ и богатых городах, что вам случается видеть многие деревни и города, в полмили или в целую милю длины, совершенно пустые — народ весь разбежался по другим местам от дурного с ним обращения и насилий. Так, по дороге к Москве, между Вологдой и Ярославлем (на расстоянии 180 верст, по их мерам, немного более 100 английских миль), встречается, по крайней мере, до 50 деревень, иные в полмили, другие в целую милю длины, совершенно оставленные, так что в них нет ни одного жителя. То же можно видеть и во всех других частях государства, как рассказывают те, которые путешествовали по здешней стране более, нежели сколько дозволили мне это время или случай.

Чрезвычайные притеснения, которым подвержены бедные простолюдины, лишают их вовсе желания заниматься своими промыслами, ибо тот, кто зажиточнее, тот в большей находится опасности не только лишиться своего имущества, но и самой жизни. Если же у кого и есть какая собственность, то старается он скрыть ее, сколько может, иногда отдавая в монастырь, а иногда зарывая в землю и в лесу, как обыкновенно делают при нашествии неприятельском. Этот страх доходит до того, что весьма часто можно заметить, как они пугаются, если кто из бояр или дворян узнает о товаре, который они намерены продать. Я нередко видал, как они, разложив товар свой — меха и т. п., — все оглядывались и смотрели на двери, как люди, которые боятся, чтоб их не настиг и не захватил какой-нибудь неприятель. Когда я спросил их, почему они это делали, то узнал, что они опасались, не было ли в числе посетителей кого-нибудь из царских дворян или какого сына боярского, которые могут прийти со своими сообщниками и взять у них насильно весь товар.

Вот почему народ, хотя вообще способный ко всякому труду, предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем, кроме дневного пропитания. От того же происходит, что товаров, свойственных России (как было сказано выше — воск, сало, кожи, лен, конопля и проч.), производится и вывозится за границу гораздо меньше, чем раньше, ибо народ, стесненный и лишаемый всего, что приобретает,

теряет всякую охоту к работе. Однако нельзя не заметить, что при всем этом стеснении еще в последнее время три брата из купцов торговали вместе одним капиталом, которого у них, как полагали, было до 300 000 рублей наличными, кроме земель, скота и другого товара. Это отчасти должно приписать их местопребыванию, находящемуся в дальнем расстоянии от двора, именно в Вычегде, в 1000 милях от Москвы или даже более. Те, которые знают их лично, подтверждают, что в продолжение целого года у них работали 10 000 человек, занимаясь добыванием соли, перевозом тяжестей на телегах и барках, рубкой леса и т. п., кроме, по меньшей мере, 5000 душ крестьян, живших в деревнях и обрабатывавших землю их.

У них были свои лекари, хирурги, аптекари и всякие ремесленники из голландцев и других иноземцев. Говорят, что царю платили они ежегодно до 23 000 рублей (почему им и дозволено было производить торговлю) и кроме того содержали несколько гарнизонов на сибирской границе, близкой к ним. Царь был доволен их податью до тех пор, пока они не приобрели землю в Сибири и не сделали ее удобной к населению, истребив огнем и вырубкой леса от Вычегды до Перми на расстоянии 1000 верст; тут он насильно отнял у них все. Зависть и негодование на богатство в чьих бы то ни было руках, и в особенности в руках мужика, побудили царя отбирать у них сначала по частям, иногда 20 000 рублей сразу, иногда более, пока, наконец, удержав только весьма малую часть отцовского имущества, между тем как все прочее перешло в царскую казну. Имена их были: Яков, Григорий и Семеон, сыновья Аники¹⁰¹.

Что касается других качеств простолюдинов, то, хотя и заметна в них некоторая способность к искусствам, как можно судить по природному здравому рассудку взрослых и детей, однако они не отличаются никаким, даже ремесленным производством, еще менее знанием наук или литературы, от коих так точно, как и от всех воинственных упражнений, их с намерением стараются отклонить, чтобы легче было удержать их в том рабском состоянии, в каком они теперь находятся, и чтобы они не имели ни способности, ни силы решиться на какое-либо нововведение. С той же целью им не дозволяют путешествовать, чтобы они не научились чему-нибудь в чужих краях и не ознакомились с их обычаями. Вы редко встретите русского путешественника, разве только с посланником или беглого; но бежать отсюда очень трудно, потому что все границы

охраняются чрезвычайно бдительно, а наказание за подобную попытку, в случае, если поймают виновного, есть смертная казнь и конфискация всего имущества. Учатся только читать и писать, и то весьма немногие. По той же причине не дозволено у них иностранцам приезжать в их государство из какой-либо образованной державы иначе, как по торговым сношениям, для сбыта им своих товаров и для получения через них чужеземных товаров.

С этой целью в нынешнем 1589 году они рассуждали между собой о переводе всех иностранных купцов на постоянное жительство в пограничные города и о большей осмотрительности на будущее относительно прочих иностранцев, которые будут приезжать во внутренние области государства, дабы они не завезли к ним лучшие обычаи и свойства, нежели привычные им. Для того же установлено законами, чтобы никто не выходил из своего сословия, так что сын мужика, ремесленника или земледельца остается навсегда мужиком, ремесленником и проч. и не может идти далее, кроме того, что, выучившись читать и писать, может быть повышен в священники или дьячки. Язык у них одинаковый со славянским, который, как полагают, скорее происходит от языка русского, нежели русский от славянского. Известно, что народ, называемый славянами, получил свое начало в Сарматии и, вследствие побед своих, присвоил себе имя славян, то есть народа славного или знаменитого, от слова «слава», которое на языках русском и славянском означает то же, что «знаменитость» или «доблесть»; но впоследствии, когда он был покорен разными другими народами, итальянцы, жившие с ним в соседстве, дали этому слову другое, противоположное значение, называя склавом¹⁰² всякого слугу или крестьянина, как по той же причине готы и сирийцы называли римлян. Русские буквы или письма — греческие, только отчасти переименованы.

О промыслах, пище, одежде и других подобных предметах мы будем говорить в особой главе, относящейся к частной их жизни. Закон, обязывающий каждого оставаться в том состоянии и звании, в каком жили его предки, весьма хорошо придуман для того, чтобы держать подданных в рабстве, и так сообразен с этим и подобными ему государствами (чем менее он способствует укоренению какой-либо добродетели или какого-либо особенного и замечательного качества в дворянах или простом народе), что никто не может ожидать награды или повышения, к которым бы мог стремиться,

или заботиться об улучшении своего состояния, а, напротив, подвергнет себя тем большей опасности, чем более будет отличаться превосходными или благородными качествами.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Об отправлении правосудия и судопроизводства по делам гражданским и уголовным

Судебные гражданские места по обязательствам и другим подобным предметам бывают трех родов, так что каждое из них подчинено другому в апелляционном порядке. Низшее судебное место (учрежденное, по-видимому, для некоторого облегчения подданных) составляют губной староста, имеющий то же значение, что и сотский староста, или бэлиф, каждой сохи или сотни, о коих я говорил в главе об управлении областями. Они могут решать дела между жителями своей сохи или каждой отдельной сотни, где находятся под ведением областных князей и дьяков, к которым тяжущиеся стороны могут переносить свое дело, если губной или сотский старосты не успеют помирить их.

Второе судебное место составляют в главных городах каждой области или княжества упомянутые прежде князья и дьяки, подчиненные управляющим четырех четвертей, как было сказано выше. После их решения можно еще подавать на апелляцию и переносить дело в высший суд, находящийся в Москве, где пребывают управляющие четырьмя четвертями. Вот главные судебные места или судебные лица, коих ведомство простирается на все дела гражданские, возникающие в каждой отдельной четверти, таким образом, можно с любого из них начинать всякое дело или же переводить его посредством апелляции из низших судов в высшие.

Гражданские дела начинаются и производятся у них следующим порядком. Истец подает челобитную, в которой он объясняет предмет своего иска или причиненную ему обиду. На основании этой челобитной ему вручается выпись, или приказ, передаваемая им приставу, или сержанту, о задержании ответчика, который после того должен представить удостоверение, что он явится к ответу

в назначенный день, иначе пристав может принять такие меры, какие сам признает нужными.

Приставов много, и они отличаются строгим и жестоким обращением с арестантами, коих обыкновенно заковывают в такие тяжелые кандалы, какие они только в состоянии вынести, для того, чтобы сорвать с них большую взятку. Иногда из-за каких-нибудь шести пенсов вы увидите человека с цепями на ногах, руках и на шее.

Когда тяжущиеся станут перед судьей, проситель начинает объяснять свое дело, основываясь на своей челобитной. Что касается ходатаев, советников, поверенных и адвокатов для того, чтобы защищать вместо истца его дело, то здесь нет ничего подобного, и каждый обязан излагать свой иск и защищать права свои как умеет.

Если есть свидетели или другие доказательства, то их предъявляют судьбе. За неимением их или в случае неясности дела, при равносильных доказательствах, судья спрашивает того или другого из тяжущихся (кого ему самому вздумается — истца или ответчика), согласен ли он принять на себя крестное целование в том, в чем уличает противника или в чем отпирается. Тот, кто после такого предложения судьи примет на душу крест, считается правым и выигрывает тяжбу. Эта церемония происходит не в суде, но так, что истца, который согласится на присягу, один из чиновников ведет в церковь, где она и совершается. Между тем деньги вешают на гвоздь или под образом, и как скоро присягающий поцелует крест перед этим образом, то ему тотчас и отдают их.

Такой обряд крестного целования равняется у них клятве и почитается столь святым делом, что никто не дерзнет его нарушить или осквернить ложным показанием. Если обе стороны соглашаются поцеловать крест в спорном деле, то бросают жребий. Тот, кому он достанется, почитается правым и выигрывает тяжбу. Сторона, признанная виновной, присуждается к уплате долга или штрафа и, сверх того, к уплате царской пошлины, заключающейся в 20 пенсах на каждую марку, как было замечено выше.

По окончании дела обвиненный отдается на руки приставу, который имеет на то приказ из суда, для представления его на правож, если он не заплатит тотчас деньги или не удовлетворит просителя. Правожом называется место, находящееся близ суда, где обвиненных по решению и отказывающихся платить присужденный предмет или сумму бьют батогами по икрам. Каждый

день от 8 до 11 часов утра их ставят на правеж и бьют до тех пор, пока они не заплатят деньги. Все время после полудня и ночью пристав держит их в кандалах, за исключением тех, которые представляют достаточное ручательство, что будут сами являться на правеж в назначенный час. На правеже человек 40 или 50 ставят в один ряд и каждое утро стегают и бьют по икрам, между тем как они выпускают жалобные вопли. После годичного стояния на правеже, если обвиненный не захочет или не в состоянии удовлетворить кредитора, последнему дозволяется законом продать жену его и детей вовсе или на известное число лет; а если предлагаемая за них сумма недостаточна, то он сам может взять их себе в рабы на несколько лет или навсегда, смотря по размеру долга.

Спорные дела, не утверждающиеся на прямых доказательствах или основанные на предположениях и обстоятельствах, которые должны быть взвешены судьей, тянутся весьма долго и доставляют большие выгоды как судье, так и прочим должностным лицам. Напротив, дела, возникающие на основании записей, или письменных обязательств, решаются у них большей частью удовлетворительно и скоро. Эти записи, или письменные обязательства, составляются весьма просто, именно таким образом: «Се яз, Иван Васильев сын, занял есми у Афанасья Дементьева сына сто рублей денег московских ходячих от Крещения до Сборного воскресенья, без росту. А полягут денги по сроце, и мне ему давати рост по росчету, как ходит в людех, на пять шестой. А на то послуси: Никита Сидоров сын и проч. А кабалу писал Гаврилко Яковлев сын, лета 7096»¹⁰³. Свидетели и должник, если умеют писать, означают имена свои собственноручно на обороте записи; других же удостоверительных знаков или печатей у них не употребляется.

Если кто попадает в каком-либо преступлении (как-то: измене, убийстве, воровстве и т. п.), то прежде всего приводят его к князю и дьяку той области, где он числится, для допроса. Допрос в подобных случаях производится обыкновенно посредством истязаний, что называется пыткой, состоящих в том, что преступника бьют кнутами, сделанными из ремней или белой кожи, шириной в палец, так что каждый удар производит рану, врезываясь в тело, или привязывают к вертелу и жарят на огне, иногда же ломают и вывертывают у него какой-либо член раскаленными щипцами, разрезают тело под ногтями и т. п.

Сделанный таким образом допрос вместе с доказательствами и уликами, какие найдутся против обвиняемого, отсылается в Москву к управляющему той четвертью, под ведением коей состоит область, а он представляет его на рассмотрение и решение Думы, где только и могут быть окончательно решены дела, касающиеся жизни и смерти. В этом случае считают достаточным одних улик, излагаемых в деле, хотя сами члены Думы никогда не видали и не допрашивали обвиняемого, который между тем содержится в тюрьме того места, где совершено преступление, и никогда не пересылается туда, где решается самое дело. Если подсудимого найдут действительно виновным, то приговаривают его к смертной казни, смотря по роду преступления, и управляющий четвертью отсылает этот приговор князю и дьяку для приведения его в исполнение. Преступника везут на место казни со связанными руками и с зажженной восковой свечкой, которую он держит в руке.

Различны виды употребляемой у них смертной казни — повешение, обезглавление, умерщвление ударом в голову, утопление, погружение зимой под лед, сажание на кол и т. п. Но большей частью преступников, приговоренных к смерти летом, не казнят до зимы: тогда убивают их ударом в голову и пускают под лед. Это, разумеется, о простолюдинах. Что же касается лиц дворянского сословия, если кто из них окрадет или убьет бедного мужика, то их не так, легко наказывают или даже вовсе не призывают к ответу. Причина в том, что простолюдинов почитают их холопами, или крепостными рабами. Если какой-либо сын боярский или дворянин военного звания совершит убийство или что украдет, то иногда посадят его в тюрьму по усмотрению царя; но если уж широко известно, каким образом сделано им преступление, то его, может быть, высекут, и этим обыкновенно ограничивается все наказание.

Когда кто убьет своего человека, то весьма мало за него отвечает или вовсе не считается виновным по той же причине, что слуга признается холопом, или крепостным, над жизнью которого господин имеет полную власть. Самое большое наказание за подобный поступок состоит в каком-нибудь незначительном штрафе в пользу царя, если преступник богат, так что суд имеет дело скорее с кошельком, нежели с противозаконным действием. Письменных законов у них нет, кроме одной небольшой книги, в коей определяются время и образ заседаний в судебных местах, порядок судопроизводства и другие тому подобные

судебные формы и обстоятельства, но нет вовсе правил, какими могли бы руководствоваться судьи, чтобы признать самое дело правым или неправым. Единственный у них закон есть закон изушный, то есть воля царя, судей и других должностных лиц. Все это показывает жалкое состояние несчастного народа, который должен признавать источником своих законов и блюстителями правосудия тех, против несправедливости и крайнего угнетения коих ему бы необходимо было иметь значительное количество хороших и строгих законов.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О военной силе, главных военачальниках и жалованье их

Военные в России называются детьми боярскими или сыновьями дворян, потому что все они принадлежат к этому сословию и обязаны к военной службе по самому своему званию. В самом деле, каждый воин в России — дворянин, и нет иных дворян, кроме военных, на коих такая обязанность переходит по наследству от предков, так что сын дворянина, рожденный воином, всегда остается дворянином и вместе с тем воином и не занимается ничем другим, кроме военной службы. Как скоро они достигают того возраста, когда в состоянии носить оружие, то являются в Разряд и объявляют о себе; имена их тотчас вносят в книгу, и им дают известные земли для исправления их должности, обыкновенно те же самые, какие принадлежали их отцам, оттого что земли, определенные на содержание войска, владение коими условливается этой повинностью, все одни и те же, без малейшего увеличения или уменьшения. Но если царю покажется достаточным число лиц, состоящих на таком жалованье, ибо все земли на всем пространстве государства уже заняты, то часто их распускают, и они не получают ничего, кроме небольшого участка земли, разделенного на две доли. Такое распоряжение производит большие беспорядки. Если у кого из военных много детей и только один сын получает содержание от царя, то остальные, не имея ничего, принуждены добывать себе пропитание несправедливыми и дурными средствами ко вреду и угнетению мужиков, или простого народа. Это неудобство происходит вследствие того, что военные силы государства содержатся на основании неиз-

менного наследственного порядка. Число войска, получающего постоянное жалование, следующее: во-первых, дворян, то есть окладных или царских телохранителей, считается до 15 000 всадников с их начальниками, которые всегда должны быть в готовности на службу.

Эти 15 000 всадников разделяются на три степени, отличные одна от другой как по значению, так и по жалованью. Первый разряд составляют так называемые дворяне большие, или полк главных окладных, из коих одни получают 100, другие 80 рублей в год, и ни один менее 70. Второй разряд составляют средние дворяне, или вторые по количеству их оклада. Дворянам этого разряда уплачивается по 60 или 50 рублей в год, и никому менее 40. К третьему, или низшему, разряду принадлежат дети боярские, самые последние по окладу. Из них те, коим дается наибольшее жалование, получают 30 рублей в год, а другие только 25 или 20, но никто менее 12. Половина жалованья выдается им в Москве, другую же получают они в поле от главного военачальника, если бывают в походе и участвуют в военных действиях. Сумма всего выдаваемого им годового жалованья, когда оно уплачивается им полностью, достигает 55 000 рублей.

Такое денежное жалование получают они сверх земель, приписанных к каждому из них, как к старшим, так и к младшим, сообразно степеням. Тот, кто имеет наименее земли, получает еще 20 рублей или марок в год. Кроме этих 15 000 отборных всадников, находящихся при особе государя, когда он сам бывает на войне, подобно римским оруженосцам, называвшимся преторианцами, царь избирает еще 110 человек из дворян, наиболее знаменитых по происхождению и пользующихся его особым доверием. В список их вносятся имена тех, которые в совокупности могут выставить от себя в случае войны до 65 000 всадников со всеми необходимыми военными снарядами, по русскому обычаю, для чего они ежегодно получают от царя, собственно на себя и на их отряды, около 40 000 рублей. Эти 65 000 человек должны каждый год отправляться в поход на границу, к земле крымских татар (когда не получают иного назначения), все равно, есть ли война с татарами или нет. По-видимому, сосредоточение столь значительных сил под начальством дворян ежегодно в одном известном месте может быть опасно для государства, но это делается так, что царю нечего бояться ни за себя, ни за свои владения по следующим причинам: во-первых, потому, что дворян этих много — 110 человек и все они сменяются

царем так часто, как ему вздумается; во-вторых, они получают все содержание от царя, а сами по себе имеют весьма ограниченный доход, притом выдаваемые им ежегодно 40 000 рублей к сроку должны немедленно уплачивать находящемуся под ними войску; в-третьих, большей частью они находятся при особе царя, принадлежа к его Думе или вообще к числу его советников в пространном значении; в-четвертых, они более походят на плательщиков, нежели на военачальников, потому что сами никогда не ходят на войну, кроме тех, кто получит на то особое приказание от самого царя. Таким образом, число всадников, находящихся всегда в готовности и получающих постоянное жалованье, достигает 80 000 или же несколько более.

Если встретится надобность в большем числе войска, что, впрочем, редко случается, то царь берет на службу боярских детей, не получающих жалованья, сколько ему нужно, а если и их недостаточно, то дает приказание дворянам, коим пожалованы их поместья, выставить каждому в поле соразмерное число рабов, называемых холопами и обрабатывающих землю, со всей амуницией, смотря по количеству всего набираемого войска. Эти ратники по окончании службы немедленно снимают с себя оружие и возвращаются к своим прежним рабским занятиям.

Пехоты, получающей постоянное жалованье, царь содержит до 12 000 человек, называемых стрельцами. Из них 5000 должны находиться в Москве или в ином месте, где бы ни находился царь, и 2000, называемых стремянными стрельцами, при самой его особе, принадлежа дворцу или дому, где он живет. Прочие размещены в укрепленных городах, где остаются до тех пор, пока не понадобится отправить их в поход. Каждый из них получает жалованья по 7 рублей в год сверх 12 мер¹⁰⁴ ржи и столько же овса. Наемных солдат из иностранцев, коих называют немцами, у них в настоящее время 4300 человек, именно: поляков, то есть черкесов¹⁰⁵, подвластных полякам, около 4000, из коих 3500 размещены по крепостям; голландцев и шотландцев около 150; греков, турок, датчан и шведов, составляющих один отряд в числе 100 человек или около того. Последних употребляют только на границе, смежной с татарами, и против сибиряков, а татар, коих иногда нанимают, но только на время, наоборот, против поляков и шведов, почитая благоразумнейшей мерой употреблять их на противоположной границе.

Главные начальники, или полководцы, этих войск по

названию их и степеням следующие: во-первых, большой воевода, то есть старший военачальник, или генерал-лейтенант, подчиненный прямо царю. Обыкновенно он избирается из четырех главных дворянских домов в государстве, впрочем, так, что выбор делается не по степени храбрости или опытности в делах воинских; напротив, считают вполне достойным этой должности того, кто пользуется особенным значением по знатности своего рода и вследствие этого расположением войска, хотя ничем более не отличается. Стараются даже, чтобы эти оба достоинства, то есть знатность происхождения и власть, никак не соединялись в одном лице, особенно если в нем заметят ум или способность к делам государственным.

Большим воеводой, или генералом, бывает теперь обыкновенно в случае войны один из следующих четырех: князь Феодор Иванович Мстиславский, князь Иван Михайлович Глинский, Черкасский и Трубецкой. Все они знатны родом, но не отличаются никакими особенными качествами, и только Глинский, как говорят, обладает несколько лучшими дарованиями. Чтобы заменить этот недостаток воеводы, или генерала, к нему присоединяют другого, также в качестве генерал-лейтенанта, далеко не столь знатного родом, но более замечательного по храбрости и опытности в ратном деле, так что он распоряжается всем с одобрения первого. Теперь главный у них муж в военное время некто князь Димитрий Иванович Хворостинин, старый и опытный воин, оказавший, как говорят, большие услуги в войнах с татарами и поляками. Под воеводой и его генерал-лейтенантом находятся еще четверо других, которые командуют всей армией, разделенной между ними, и могут быть названы генерал-майорами.

Каждый из четырех последних имеет в своем распоряжении свою четверть, или четвертую часть, из коих первая называется правым полком, или правым крылом, вторая левым полком, или левым крылом, третья ручным полком, или разъединяемым отрядом, потому что отсюда посылаются отдельные лица для внезапных нападений, выручки или подкрепления, смотря по обстоятельствам; наконец, четвертая называется сторожевым полком, или охранным отрядом. Каждый из четырех генерал-майоров имеет при себе двух товарищей, всего их восемь, которые по крайней мере два раза в неделю должны делать смотр и проводить учение в своих отдельных полках, также судить их за все проступки и беспорядки, происходящие в лагере.

Эти восемь человек обыкновенно избираются из числа

110 (о коих я говорил выше), получающих жалованье и раздающих его солдатам. Под ними находятся разные другие начальники, как-то: головы, командующие отрядами, состоящими из 1000, 500 и 100 человек, пятидесятские, или начальники 50-ти, и десятские, или начальники десяти человек.

Кроме большого воеводы, или главного военачальника, о котором я говорил выше, есть у них еще двое, носящие название воевод, из коих один главный над артиллерией, называемый нарядным воеводой, имеет под собой несколько других начальников, необходимых для такого рода службы. Другой называется гулевым воеводой, или разъездным начальником, под ведением коего находится 1000 отборных всадников для разъездов и шпионства; в его распоряжение отдан подвижной городок, о котором мы будем говорить в следующей главе. Все эти начальники и должностные лица обязаны являться один раз в день к большому воеводе, или главному военачальнику, для получения его приказаний и донесения ему о разных предметах, относящихся к службе.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

О сборе войск, вооружении и продовольствии в военное время

Когда предстоит война, которая бывает каждый год с татарами и часто с поляками и шведами, начальники четырех четвертей именем царя рассылают повестки ко всем областным князьям и дьякам для объявления в главных городах каждой области, чтобы все дети боярские, или сыновья дворян, являлись на службу на такую-то границу, в такое-то место и в такой-то день и там представлялись бы таким-то начальникам. Как скоро они явятся на место, назначенное в повестках, имена их отбираются известными лицами, определенными к тому Разрядом в качестве писцов отдельных отрядов. Если кто из них в назначенный день не явится, то подвергается штрафу и строгому наказанию. Что касается предводителя войска и других главных начальников, то они посылаются на место самим царем с таким поручением и приказанием, какие он сам сочтет полезными для предстоящей службы. Когда соберется все войско, то распределяется оно на отряды, состоящие из 10, 50, 100, 1000 человек и проч.,

каждый отряд со своим начальником, а из всех этих отрядов составляются четыре полка, или легиона (однако гораздо многочисленнее легионов римских), под начальством четырех предводителей, имеющих значение генерал-майоров, как было сказано выше.

Вооружение ратников весьма легкое. У простого всадника нет ничего, кроме колчана со стрелами под правой рукой и лука с мечом на левом боку, лишь совсем немногие берут с собой сумы с кинжалами, или дротик, или небольшое копье, висящее на боку лошади; но ближайшие начальники их имеют при себе еще другое вооружение — латы или нечто подобное. У военачальника и других главных предводителей и знатных лиц лошади покрыты богатой сбруей, седла из золотой парчи, узды также роскошно убраны золотом, с шелковой бахромой и унизаны жемчугом и драгоценными камнями; сами они в щегольской броне, называемой булатной, из прекрасной блестящей стали, сверх которой обыкновенно надевают еще одежду из золотой парчи с горностаевой опушкой; на голове у них дорогой стальной шлем, сбоку меч, лук, стрелы, в руке копье с прекрасным нарукавником, и перед ними везут шестопер, или начальнический жезл. Их сабли, луки и стрелы похожи на турецкие. Стреляют они так же, как татары, — вперед и назад.

Стрельцы, составляющие пехоту, не носят никакого оружия, кроме самопала в руке, бердыша на спине и меча сбоку. Ствол их самопала не такой, как у солдатского ружья, но гладкий и прямой (несколько похожий на ствол охотничьего ружья); отделка ложа очень груба и неискусна, а самопал весьма тяжел, хотя стреляют из него очень небольшой пулей.

Что касается съестных припасов, то царь не дает никакого продовольствия ни начальникам, ни нижним чинам и ничего никому не отпускает, кроме как иногда некоторого количества хлеба, и то на их же деньги. Каждый обязан иметь с собой провиант на четыре месяца и в случае недостатка может приказать, чтобы добавочные припасы были ему привезены в лагерь от того, кто обрабатывает его землю, или из другого места. В отношении жилища и пищи во многом помогает им то, что каждый русский заранее готовится быть воином, хотя главные начальники и другие значительные лица возят с собой палатки, похожие на наши, и имеют у себя несколько лучшие запасы. В поход они обыкновенно берут сушеный хлеб, называемый сухарями, и муку, которую мешают с водой и таким образом делают небольшой комок

теста, что называют толокном и едят сырым вместо хлеба. Из мясного употребляют они в пищу ветчину или другое сушеное мясо, или рыбу, приготовленные на голландский манер. Если бы русский солдат с такой же твердостью духа исполнял те или другие предприятия, с какой он переносит нужду и труд, или столько же был бы способен к войне и умел, сколь равнодушен к своему помещению и пище, то далеко превзошел бы наших солдат, тогда как теперь много уступает им и в храбрости, и в самом исполнении военных обязанностей. Это происходит частью от его рабского состояния, которое не позволяет развиваться в нем сколько-нибудь значительной храбрости или доблестям, а частью от недостатка в почестях и наградах, на которые ему нет никакой надежды, какую бы услугу он ни оказал.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

О походах, нападении и других военных действиях

Русский царь надеется более на число, нежели на храбрость своих воинов или на хорошее устройство своих сил. Войско идет, или ведут его, без всякого порядка, за исключением того, что четыре полка, или легиона, на которые оно разделяется, находятся каждый у своего знамени, и таким образом все вдруг, смешанной толпой, бросаются вперед по команде генерала. Знамя у них с изображением св. Георгия. Большие дворяне, или старшие всадники, привязывают к своим седлам по небольшому медному барабану, в который они бьют, отдавая приказание или устремляясь на неприятеля.

Кроме того, у них есть барабаны большого размера, которые возят на доске, положенной на четырех лошадях. Этих лошадей связывают цепями, и к каждому барабану приставляется по 8 барабанщиков. Есть у них также трубы, которые издают дикие звуки, совершенно отличные от наших труб. Когда они начинают дело или наступают на неприятеля, то вскрикивают при этом все сразу так громко, как только могут, что вместе со звуком труб и барабанов производит дикий, страшный шум. В сражении они прежде всего пускают стрелы, потом действуют мечами, размахивая ими хвастливо над головами прежде, нежели доходят до ударов.

Пехоту, которой в противном случае надлежало бы командовать в порядке, обычно помещают в какой-нибудь за-

саде или удобном месте, откуда бы она могла более вредить неприятелю с меньшей опасностью для себя. В войне оборонительной или в случае сильного нападения татар на русскую границу войско сажает в походную, или подвижную, крепость, называемую вежей или Гуляй-городом, которая возится при нем под начальством воеводы гулевого, или разъездного генерала, о котором я говорил прежде. Эта походная, или подвижная, крепость так устроена, что по надобности может быть растянута в длину на 1, 2, 3, 4, 5, 6 или 7 миль, то есть насколько ее станет. Она представляет собой двойную деревянную стену, защищающую солдат с обеих сторон, как с тылу, так и спереди, с пространством около трех ярдов между стенами, где они могут не только помещаться, но также заряжать свои огнестрельные орудия и производить из них пальбу, равно как и действовать всяким другим оружием. Стены крепости смыкаются на обоих концах и снабжены с каждой стороны отверстиями, в которые выставляется дуло ружья или какое-либо другое оружие. Ее возят вслед за войском, куда бы оно ни отправлялось, разобрав на составные части и разложив их на телеги, привязанные одна к другой и запряженные лошадьми, которых, однако, не видно, потому что они закрыты поклажей. Когда привезут ее на место, где она должна быть поставлена (его заранее избирает и назначает гулевой воевода), то раскидывают по мере надобности иногда на 1, иногда на 2, а иногда и на 3 мили или более. Ставят ее очень быстро, не нуждаясь притом ни в плотнике, ни в каком-либо инструменте, ибо отдельные доски так сделаны, чтобы прилаживать их одну к другой, что нетрудно понять тем, кому известно, как производятся все постройки у русских.

Эта крепость предоставляет стреляющим хорошую защиту против неприятеля, особенно против татар, которые не берут с собой в поле ни пушек, ни других орудий, кроме меча, лука и стрел. Внутри крепости ставят даже несколько полевых пушек, из них стреляют, смотря по надобности. Таких пушек они берут с собой очень немного, когда воюют с татарами; но в войне с поляками (коих силы у них на лучшем счету) запасаются орудиями всякого рода и другими нужными предметами. Полагают, что ни один из христианских государей не имеет такого хорошего запаса военных снарядов, как русский царь, чему отчасти может служить подтверждением Оружейная палата в Москве, где стоят в огромном количестве всякого рода пушки, все литые из меди и весьма красивые.

Русский солдат, по общему мнению, лучше защищается

в крепости или городе, нежели сражается в открытом поле. Это замечено во всех войнах, а именно при осаде Пскова 8 лет тому назад, где польский король Стефан Баторий был отражен со всей его армией, состоявшей из 100 000 человек, и принужден был снять осаду, потеряв многих из лучших своих вождей и солдат. Но в открытом поле поляки и шведы всегда берут верх над русскими.

Тому, кто отличится храбростью перед другими или окажет какую-либо особенную услугу, царь посылает золотой с изображением св. Георгия на коне, который носят на рукавах или шапке, и это почитается самой большой почестью, какую только можно получить.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

О приобретениях и способе удерживать в подчинении завоеванные области

Русские цари в последние годы весьма распространили пределы своих владений. Подчинив себе княжество Московское (ибо до этого времени, как сказано выше, они были только князьями Владимирскими), прежде всего овладели они как самим Новгородом, так и его областью на западе и северо-западе, чем значительно увеличили свои владения и усилились для покорения других областей. Это было совершено Иваном, прадедом нынешнего царя Феодора, около 1480 года. Он же начал воевать с Литвой и Ливонией, но покорение этих стран продолжал и довершил сын его Василий, покоривший сперва город Псков с его областью, потом город Смоленск, также с областью, и многие другие значительные города с принадлежавшим им обширным пространством земли, около 1514 года¹⁰⁶. Побед этих, одержанных над леттами, или литовцами, в то время, когда князем у них был Александр¹⁰⁷, Василий добился скорее с помощью внутренних раздоров и измены некоторых из туземцев, нежели благодаря какой-либо особенной политике или собственной силе. Но все завоевания были утрачены сыном его Иваном Васильевичем 8 или 9 лет тому назад по договору с польским королем Стефаном Баторием, к чему он принужден был превосходством поляков вследствие одержанной над ним победы и внутренними раздорами в своем государстве. Несмотря на то что в настоящее время русский царь только с этой стороны оставил им владения их, именно: города Смоленск,

Витебск, Чернигов и Белгород в Литве, в Ливонии же нет ни одного города, ни даже пяди земли.

В то время, когда Василий¹⁰⁸ завоевал сначала эти земли, он дозволил туземцам удержать за собой их владения и жить во всех их городах с тем только, чтобы они платили ему подать, находясь под управлением русских воевод. Но заговоры и бунты, открывшиеся вскоре после того, заставили его поступить с ними решительнее. Итак, предприняв против них вторичный поход, он перебил и увез с собой три части жителей из четырех, коих после того отдал или продал татарам, служившим ему на войне, а вместо них поселил столько своих русских, сколько могло быть достаточным для усиления оставшихся туземцев вместе с его же военными гарнизонами. Несмотря, однако, на это, царь сделал ошибку, взяв отсюда простой народ, который должен бы обрабатывать землю и очень легко и без всякой опасности мог бы содержаться в повиновении другими, лучшими средствами, и был после того принужден в продолжение нескольких лет кормить эту страну, особенно большие города, из доходов своих собственных владений в России, поскольку земля оставалась пустой и необработанной.

То же самое случилось с пристанью Нарвой в Ливонии, где сын его Иван Васильевич, для того чтобы держать в повиновении город и самую область, построил на другой стороне реки город с крепостью, названный Ивангородом. Крепость велел он сделать так прочно и так оградить, что ее считали неприступной; после того как она была окончена, в награду архитектору, который был родом поляк, велел выколоть ему оба глаза, чтобы он не мог выстроить другой подобной крепости. Но так как всех тамошних жителей царь оставил на прежнем месте, не уменьшив их количества или силы, то город и крепость вскоре после того были переданы во владение короля шведского.

На юго-восточной стороне они приобрели царства Казанское и Астраханское, завоеванные у татар покойным царем Иваном Васильевичем, отцом нынешнего государя, первое 35, а другое 33 года тому назад. На север к Сибири принадлежит царю весьма широкое и длинное пространство земли, от Вычегды до реки Оби (около 1000 миль), так что он величает себя теперь «повелителем всей Сибирской земли».

Области Пермь и Печора, населенные народом, совершенно отличным от русских и говорящим на другом языке,

покорены также в недавнее время, и то более страхом и угрозой меча, нежели действительно силой, так как это народ слабый и бедный, не имеющий никаких средств к защите.

Русский царь держит в повиновении свои настоящие владения таким образом. В четырех главных пограничных городах — Пскове, Смоленске, Астрахани и Казани — определены известные лица из его думных бояр, хотя не самого знатного происхождения, но пользующиеся особенным доверием, коим предоставлена большая власть для поддержания и твердости их правления, нежели прочим князьям, определяемым в другие места, как было замечено выше, в статье об управлении областями. Этих сановников царь сменяет иногда каждый год, иногда же в два или в три года раз, но уже долее не оставляет их на месте, кроме лиц, которые пользуются самым высоким доверием и особенным расположением, как сами по себе, так и по своей службе: иначе, если увеличить их срок, они могут войти в какие-либо близкие сношения с неприятелем (чему и были некоторые примеры), находясь столь далеко без всякого надзора.

Кроме того, города весьма хорошо защищены траншеями, крепостями и орудиями, с гарнизонами от 2000 до 3000 человек в каждом городе. На случай осады их заранее снабжают продовольствием на два-три года вперед. Четыре крепости — Смоленск, Псков, Казань и Астрахань — построены весьма хорошо и могут выдержать всякую осаду, так что их считают даже неприступными.

Что касается Печоры, Перми и той части Сибири, которая теперь принадлежит царю, то их удерживают тем же простым способом, каким они были покорены, то есть более угрозой меча, нежели самым оружием. Во-первых, царь поселил в этих странах столько же русских, сколько там туземцев, и содержит там, сверх того, гарнизоны, хотя и незначительные по числу солдат, но достаточные для удержания туземцев в повиновении. Во-вторых, здешние начальники и судьи все русские и сменяются царем очень часто, именно каждый год по два и по три раза, несмотря на то что здесь нечего слишком опасаться какого-либо нововведения. В-третьих, он разделяет их на многие мелкие управления, подобно трости, переломленной на несколько мелких частей, так что, будучи разделены, они не имеют никакой силы, которой, впрочем, не имели и тогда, когда составляли одно целое. В-четвертых, царь заботится, чтобы тамошние жители не имели ни оружия, ни денег, и для

того налагает на них подати и обирает их, как только ему заблагорассудится, не оставляя им никаких средств сбросить с себя или облегчить это иго.

В Сибири, где царь продолжает свои завоевания, построено несколько крепостей и поставлены гарнизоны в числе около 6000 солдат из русских и поляков, которые царь усиливает, отправляя туда новые партии для населения по мере распространения владений. Теперь, сверх того, во власти его находится брат царя сибирского¹⁰⁹, которого некоторые из военачальников убедили оставить свою родину, обещав ему отличное содержание и лучший образ жизни с русским царем, нежели какой он вел у себя в Сибири. Его привезли в прошедшем году, и теперь он живет вместе с царем в Москве, получая хорошее содержание.

О правлении русского царя где бы то ни было, в странах ли наследственных или завоеванных, можно сказать следующее. Во-первых, у народа отнимают оружие и другие средства к защите и не позволяют никому иметь их, кроме бояр. Во-вторых, беспрестанно отнимают у него деньги, товары и в течение нескольких лет не оставляют ничего, кроме тела и жизни. В-третьих, царь раздает и разделяет свои владения на многие мелкие части, учреждая в них отдельные управления, так что нет ни у кого довольно владений для того, чтобы усилиться, даже если бы были другие средства. В-четвертых, области управляются людьми незначащими, не имеющими сами по себе силы и совершенно чуждыми жителям тех мест, коими заведывают. В-пятых, царь сменяет обычно своих правителей один раз в год, дабы они не могли слишком сблизиться с народом или войти в сношения с неприятелем, если заведывают пограничными областями. В-шестых, в одно и то же место он назначает правителей, неприязненных друг к другу, дабы один был как бы контролером над другим, как-то князей и дьяков, отчего из-за их взаимной зависти и соперничества меньше поводов опасаться тесных между ними сношений; кроме того, царь узнает этим путем обо всех злоупотреблениях. В-седьмых, часто посылает он тайно в каждую область нарочных, пользующихся особенным его доверием, для разведывания обо всем, там происходящем, и обо всех тамошних беспорядках. Это совершенно обычное дело, хотя такие лица посылаются невзначай и никому неизвестно, в какое время их должно ожидать.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

О татарах и других пограничных народах, с коими русские имеют наиболее сношений, военных и мирных

Соседи, с коими они находятся в более близких сношениях как в мирное, так и в военное время, — во-первых, татары, во-вторых, поляки, русскими называемые ляхами по имени первого основателя их государства, которого звали Ляхом или Лехом; но к этому имени прибавлено слово «по», означающее народ, и таким образом составилось название «поляк», то есть народ или потомство Ляха, известные у латинских народов по свойству их письменного языка под именем полян; в-третьих, шведы. Поляки и шведы пользуются большей известностью в Европе, нежели татары, которые живут от нас далее, принадлежа к азиатским народам. Они разделяются на многие поколения, различные одно от другого и по названию, и по управлению. Самые значительные и могущественные из них татары крымские (называемые некоторыми Великим ханом), которые живут на юге и юго-востоке от России и наиболее тревожат ее частыми набегами, как правило, раз в год, проникая иногда очень далеко во внутренние ее области. В 1571 году они дошли до Москвы с 200 000 войском без всякого боя или сопротивления, оттого что тогдашний русский царь (Иван Васильевич), выступивший против них со своей армией, сбился с дороги, но, как полагают, с намерением, не смея вступить в битву, потому что сомневался в своем дворянстве и военачальниках, будто бы замышлявших выдать его татарам¹¹⁰.

Сам город неприятель не взял, но зажег его предместья, которые, состоя из деревянных строений, без камня, кирпича или глины, кроме немногих наружных покоев, сгорели с такой быстротой, и огонь так далеко распространился, что в четыре часа не стало большей части города, имеющего до 30 миль или более в окружности. Зрелище было ужасное: в сильном и страшном огне, обнявшем весь город, люди горели и в домах, и на улицах; но еще более погибло тех, которые хотели пройти в самые дальние от неприятеля ворота, где, собравшись отовсюду в огромную толпу и перебивая друг у друга дорогу, так стеснились в воротах и прилежащих к ним улицах, что в три ряда шли по головам один другого и верхние давили тех, которые

были под ними. Таким образом, в одно и то же время от огня и давки погибло, как сказывают, 800 000 человек или более.

Запалив город и насладившись зрелищем яркого пламени, крымский хан возвратился домой со своим войском и прислал, как мне говорили, русскому царю нож, чтобы он зарезал себя после такой потери и в таком отчаянии, не смея уже ни встретить неприятеля в поле, ни положиться на своих друзей и подданных. Главный повод к непрерывной вражде русских с крымцами составляют некоторые пограничные земли, на которые имеют притязание татары, между тем как ими владеют русские. Татары утверждают, что кроме Астрахани и Казани, древнего владения восточных татар, вся страна от их границ на север и запад до города Москвы с самой Москвой принадлежит им. Это кажется справедливым, судя по словам самих русских, рассказывающих об особенном обряде, который русский царь должен был повторять каждый год в знак своего подданства Великому хану крымскому и который заключался в том, что русский царь, стоя подле ханской лошади, на которой тот сидел, должен был кормить ее овсом из собственной шапки, что происходило в самом Кремле московском. Этот обряд, как они говорят, продолжался до времен Василия, деда нынешнего царя. Он, взяв верх над крымским царем благодаря хитрости одного из своих дворян, Ивана Дмитриевича Бельского¹¹¹, принял охотно следующий выкуп, именно: означенный обряд заменил определенной данью мехами, от которой также впоследствии отказался отец нынешнего царя. На этом основании они продолжают вражду: русские защищают свою страну и земли, ими приобретенные, а крымские татары делают на них набеги один или два раза в год, именно около Троицына дня, но чаще во время жатвы. Когда идет войной сам Великий крымский хан, то ведет он с собою огромную армию в 100 000 или 200 000 человек. В противном случае они делают кратковременные и внезапные набеги с меньшим числом войска, кружась около границы подобно тому, как летают дикие гуси, захватывая по дороге все и стремясь туда, где видят добычу.

Обыкновенный их способ вести войну, так как они весьма многочисленны, заключается в том, что они разделяются на несколько отрядов и, стараясь привлечь русских к одному или двум местам на границе, сами нападают на какое-либо другое место, оставленное без защиты. Они сражаются и распределяют свои силы подобно

русским (о чем было говорено выше) с той только разницей, что все выезжают на конях и не имеют при себе ничего, кроме лука, колчана со стрелами и кривой сабли на манер турецкой. Они отличные наездники и так же хорошо стреляют назад, как и вперед. Некоторые кроме другого оружия берут с собою пики, похожие на рогатины, с которыми ходят на медведей. Простой воин не носит других доспехов, кроме своей обычной одежды, то есть черной бараньей шкуры, надеваемой днем шерстью вверх, а ночью шерстью вниз, и такой же шапки. Но мурзы, или дворяне, подражают туркам и в одежде, и в вооружении. Когда войску случается переходить через реку, они ставят вместе трех или четырех лошадей и к хвостам их привязывают длинные бревна, на которые садятся, и таким образом перегоняют лошадей через реку. В рукопашном бою, когда дело доходит до общего сраженья, они, как говорят, действуют лучше русских, будучи свирепы от природы, но от непрерывной войны делаясь еще храбрее и кровожаднее, ибо не знают никаких мирных гражданских занятий.

Несмотря на это, они хитрее, нежели можно думать, судя по их варварскому быту. Делая постоянные набеги и грабя своих пограничных соседей, они очень сметливы и изобретательны на всякие хитрости для своих выгод. Это доказали они¹¹², например, в войне с Белой IV, королем венгерским, когда, напав на него с 500 000 войском, одержали над ним блистательную победу. Убив королевского канцлера Николая Чиника, они нашли у него собственную печать короля. Такой находкой воспользовались они тотчас для составления поддельных грамот от королевского имени во все города и селения, лежавшие близ того места, где происходило сражение, с предписанием, чтобы жители ни в каком случае не выступали сами и не вывозили пожитков из своих жилищ, но оставались бы спокойно на местах, ничего не опасаясь, и не предавали бы разоренное отечество в руки столь презренного и варварского неприятеля, каковы татары (придавая себе еще множество других позорных названий), ибо хотя и утратил он свои снаряды и лишился нескольких бродяг, шедших в беспорядке, однако не сомневается возвратить потерянное и одержать сверх того решительную победу, если только дикие татары осмелятся сразиться с ним в поле. С этой целью они заставили некоторых молодых людей¹¹³, взятых в плен, написать грамоты на польском языке и, приложив к ним королевскую печать, отправили их во все части

Венгрии, лежащие подле места сражения. Тогда венгры, собиравшиеся уже бежать со своим имуществом, женами и детьми, по получении известия о поражении короля, успокоившись этими подложными грамотами, остались дома и таким образом сделались добычей татар, которые напали на них внезапно всей своей массой и захватили их прежде, нежели они успели принять какие-либо меры.

При осаде города или крепости они всегда вступают в продолжительные переговоры и делают заманчивые предложения, чтобы убедить к сдаче, обещая исполнить все, что только потребуют жители, но, овладев местом, становятся жестокими. В этом случае у них есть правило быть справедливыми только со своими. Они не любят вступать в бой, но у них есть некоторые засады, куда, показавшись однажды и сразившись слегка, они тотчас же удаляются, будто в страхе, и таким образом, если возможно, завлекают сюда неприятеля. Но русские, зная хорошо их обычаи, бывают с ними весьма осторожны. Когда они делают набег с небольшим войском, то сажают на лошадей чучел в виде людей, чтобы их казалось более. Устремляясь на неприятеля, бросаются они с большим визгом и кричат все вдруг: «Олла билла! Олла билла!» (Бог в помощь! Бог в помощь!). Смерть до того презирают, что охотнее соглашаются умереть, нежели уступить неприятелю, и, будучи разбиты, грызут оружие, если не могут уже сражаться или помочь себе. Из этого видно, какая разница между татаринном, который предается столь отчаянной храбрости, и русским или турком. Солдат русский, если он начал уже раз отступать, то все спасение свое полагает в скором бегстве, а если взят неприятелем, то не защищается и не умоляет о жизни, будучи уверен, что должен умереть. Турок же обыкновенно, как скоро потеряет надежду спастись бегством, начинает умолять о жизни, бросает оружие, протягивает обе руки и поднимает их вверх, как бы дозволяя связать себя, надеясь, что его оставят в живых, если он согласится быть рабом неприятеля.

Главную добычу, которой татары домогаются во всех войнах своих, составляет большое число пленных, особенно мальчиков и девочек, коих они продают туркам и другим соседям. С этой целью они берут с собой большие корзины, похожие на хлебные, для того, чтобы осторожно возить с собой взятых в плен детей; но если кто из них ослабеет или занеможет на дороге, то ударяют его оземь или о дерево и мертвого бросают. Рядовые не обязаны стеречь пленных и другую добычу, дабы не отвлекаться от военных

занятий; но у них есть особые отряды в войске, которые определены нарочно для того, чтобы принимать и стеречь пленных и другую добычу.

Русские, смежные с ними, привыкнув к ежегодным их нападениям в летнее время, держат у себя очень мало скота, кроме свиней, которых татары не трогают и не угоняют, потому что они одной религии с турками и не употребляют в пищу свиного мяса. О Христе и Спасителе нашем у них те же понятия, какие принимают турки в своем алкоране, то есть что Он родился от ангела Гавриила и Девы Марии, что Он был великий пророк и будет судьей вселенной в последний день. Во всех прочих предметах они сообразуются также с правилами турок, испытав силы турецкие при взятии ими у них Азова, Каффы и других городов близ Эвксинского, или Черного, моря, которые прежде того платили дань крымским татарам. Таким образом, теперь даже в крымские ханы обыкновенно избирается один из дворян, назначаемых турецким государем, и этим путем турки дошли наконец до того, что крымские татары отдают им десятую часть своей добычи, приобретаемой войной с христианами.

В религиозном отношении отличаются они от турок тем, что у них есть истуканы, сделанные из шелка или другой материи, наподобие человека, которых они привязывают к дверям своих походных жилищ для того, чтобы они были Янусами, или оберегателями их дома. Не всякий может делать таких идолов, а только некоторые освященные женщины, заведывающие этими и другими подобными предметами. Кроме того, у них есть изображение их государя, или Великого хана, в огромном размере, которое они выставляют в походах на каждой стоянке и перед которым должен преклоняться каждый, мимо проходящий, будь он татарин или иностранец. Они верят в волшебство и во всякие предзнаменования, что бы им ни случилось видеть или слышать.

При вступлении в брак они не уважают ни свойства, ни кровного родства. Нельзя жениться только на матери, сестре, дочери, и хотя новобрачный берет молодую к себе в дом и живет с ней, но не признает ее своей женой до тех пор, пока у них не будет потомства. Тогда берет он у ее родственников приданое, которое заключается в лошадях, овцах, коровах и проч.; если же по прошествии известного времени она окажется бесплодной, то отправляет ее назад в ее семейство.

Первые у них лица после их царя — некоторые князья,

называемые ими мурзами или дивей-мурзами, из коих каждый имеет в своем распоряжении отдельный отряд, называющийся ордой и состоящий из 10 000, 20 000 или 40 000 человек. Если царь имеет в них нужду для войны, то они обязаны явиться и привести с собой известное число своих солдат, так, чтобы у каждого было по крайней мере две лошади, одна для езды, другая на убой, когда дойдет очередь есть его лошадь, ибо их пищу составляет большей частью лошадиное мясо, которое они едят без хлеба и без всего другого. По этой причине если русскому случится взять в плен татарина, то он непременно найдет у него лошадиную ногу или другую часть лошади, привязанную к седлу.

В прошедшем году, в бытность мою в Москве, приезжал сюда Кириак-мурза, племянник теперешнего крымского царя, отец которого прежде был царем, с 300 татарами и двумя женами, из которых одна была вдова, оставшаяся после его брата. Угостив его весьма хорошо по русскому обычаю, отправили к нему на дом в санях по случаю его приезда, чтобы приготовить ему вместе с его товарищами ужин, двух очень больших и жирных лошадей, изрубленных в куски. Это мясо они предпочитают всякому другому, уверяя, что оно питательнее бычачьего, бараньего и проч. Но удивительно, что, хотя все они выезжают на войну на лошадях и все едят лошадиное мясо, все-таки сверх того каждый год приводят в Москву для обмена на другие товары от 30 000 до 40 000 татарских лошадей, которых называют конями. Они держат также большие стада коров и черных овец более для шкуры и молока, которое возят с собой в больших бутылках, нежели для мяса, хотя изредка едят и его. Отчасти употребляют они также рис, винные ягоды и другие плоды; пьют же молоко или теплую кровь, мешая обыкновенно вместе эти оба напитка. Иногда на пути пускают лошади кровь из жилы и пьют ее теплой, пока она течет.

Городов они не строят, равно как и постоянных жилищ, но у них есть подвижные дома, называемые по-латыни вежами¹¹⁴, устроенные на колесах подобно пастушеским хатам. Эти повозки они берут с собой, когда отправляются на другое место, и туда же перегоняют скот свой. Прибыв на новую стоянку, они расставляют свои повозки рядами в большом порядке, так что между ними образуются улицы, и все вместе имеет вид большого города. Таким образом жизни довольствуется и сам царь, у которого нет никакой другой столицы во всем царстве, кроме агоры, или дере-

вянного города, который перевозят за ним всюду. Что касается постоянных и прочных зданий, какие строят в других государствах, то, по мнению их, они вредны для здоровья и неудобны.

Переселение на новые места вместе с домами и скотом начинается у них весной по направлению от южных их владений к северным. Таким образом, продвигаясь все вперед, до тех пор пока не истравят всех лугов до самой отдаленной границы своей земли на севере, возвращаются они после того опять тем же путем на юг, где и зимуют, останавливаясь на каждые десяти или двенадцати милях, ибо между тем трава уже подрастет и скот уже может щипать траву на возвратном пути. От Щелкалы по направлению к Каспийскому морю до русской границы страна их весьма удобна, особенно на юге и юго-востоке, но лежит без пользы, поскольку необработана.

Они вовсе не употребляют денег и потому предпочитают медь и сталь всем другим металлам, особенно сталь булатную, из которой делают сабли, ножи и другие нужные вещи. Что касается золота и серебра, то они нарочно не пускают их в обращение, точно так как вовсе не обрабатывают земли, чтобы свободнее предаваться своей кочевой жизни и не подвергать страну свою набегам. Этим они много выигрывают перед всеми своими соседями, на которых всегда нападают, между тем как сами постоянно свободны от их набегов. Из тех же, кто вторгнулся в их владения (как, например, в древности Кир и Дарий Гистасп с восточной и юго-восточной стороны), никто не имел успеха, как видно из истории того времени, потому что, в случае нападения на них какого-либо неприятеля, они заманивают его, показывая вид, что бегут и уклоняются от него, как бы из страха, пока не завлекут его довольно далеко в свои внутренние владения, и когда у него истощатся жизненные припасы (что непременно должно случиться там, где ничего нельзя достать), преграждают ему все пути и запирают его своими толпами. Этой хитростью, как видно из истории Турецкого государства Лаоника Халкондила¹¹⁵, они едва не захватили огромные полчища Тамерлана, который мог спастись только самым скорым бегством к реке Танаису, или Дону, потеряв, однако, множество людей и военных снарядов.

В истории, написанной Пахимером Греком (об императорах константинопольских от начала царствования Михаила Палеолога¹¹⁶ до времен Андроника Старшего¹¹⁷), встречается, как помнится мне, известие об одном Ногае.

полководце татарском, служившем царю восточных татар по имени Казану, от которого город и царство Казань, вероятно, заимствовали свое название¹¹⁸, что он не принял жемчуга и драгоценных камней, присланных ему в дар Михаилом Палеологом, спрашивая, на что они годны и могут ли предохранять от болезней, смерти или других бедствий в жизни или нет. Из этого можно заключить, что они всегда и прежде ценили предметы в смысле их пользы.

Что касается их наружности и телосложения, то у них лица широкие и плоские, притом желтые от загара и смуглые, взгляд свирепый и страшный; над верхней губой и на подбородке несколько редких волос; стан легкий и стройный, а ноги короткие, как бы нарочно созданные для верховой езды, к которой они привыкают с малолетства. Говорят они скоро и громким голосом, как бы выходящим из какой-то пустоты; когда же поют, то можно подумать, что ревет корова или воеет большая цепная собака. Главное занятие их состоит в стрельбе, к которой они приучают детей с малолетства, не давая им есть до тех пор, пока не попадут в цель, намеченную на каком-нибудь обрубке. Это тот же самый народ, который греки и римляне называли иногда скифами, номадами или скифскими пастухами. Некоторые полагают, что турки происходят от крымских татар, и это мнение разделяет также греческий историк Лаоник Халкондил в первой книге своей истории турецкого государства, основывая его на разных, весьма вероятных предположениях. Во-первых, об этом говорит само название, ибо слово «турок» значит пастух или человек, ведущий кочевую и дикую жизнь. Так действительно и называли всегда скифских татар, между тем как греки именовали их *Σκύθα* *κύμαδες* или скифские пастухи. Второе, принимаемое им основание, — то, что турки, в его время жившие в Малой Азии, именно в Лидии¹¹⁹, Карию¹²⁰, Фригии¹²¹ и Каппадокии¹²², говорили тем же языком, что и татары, обитавшие между рекой Танаисом, или Доном, и Сарматией, которые (как очень хорошо известно) и есть татары, называемые крымскими. Даже теперь народный язык турецкий не много отличается от татарского. Третье доказательство — то, что турки и крымские татары весьма близки между собой как по вере, так и по промыслам и никогда не нападают друг на друга, кроме того, что турки со времен Лаоника завладели некоторыми городами по берегам Эвксинского моря, которые прежде принадлежали крымским татарам. Четвертое

основание — то, что Ортогул, сын Огузальпа и отец Отомана¹²³ (первого, носившего это имя всей турецкой нации), вышел из означенных стран в Азии и, покоряя соседей, дошел до окрестностей горы Тавра, где победил живших там греков и таким образом распространил имя и владения турок, проникнув до Евбеи, Аттики и других областей Греции. Таково мнение Лаоника, жившего среди турок во времена турецкого государя Амурата VI¹²⁴ около 1400 года, когда предание о происхождении их было еще свежо, почему и мог он вернее попасть на истину.

Есть еще разные другие татары, обитающие на границе России, как-то: ногайцы, черемисы, мордва, черкесы и щелкалы, которые отличаются от крымских татар более названием, нежели управлением или чем-либо другим. Исключением составляют одни черкесы, примыкающие к юго-западной границе со стороны Литвы, которые гораздо образованнее прочих татар, собой весьма красивы и благородны в обращении, следуя в этом обычаем польским. Некоторые из них подчинились королям польским и исповедуют христианскую веру. Ногайцы живут к востоку и почитаются лучшими воинами из всех татар, но еще более других дики и свирепы. Черемисские татары, обитающие между русскими и ногайцами, разделяются на луговых¹²⁵ (т. е. живущих в долинах) и нагорных, или жителей гористых мест. Последние очень много беспокоили русских царей, которые по этой причине остаются теперь довольными тем, что могут покупать у них мир, платя их мурзам, или дивей-мурзам, то есть начальникам их племен, ежегодную дань русскими товарами, за что ногайцы, со своей стороны, обязаны служить царю в предпринимаемых им войнах на некоторых известных условиях. Говорят, что они справедливы и честны в своих поступках и потому ненавидят русских, коих почитают вообще лукавыми и несправедливыми. На этом основании простой народ неохотно хранит с ними договоры, но мурзы, или князья, за получаемую с них дань удерживают его от нарушения условий.

Самыми дикими и грубыми почитаются татары мордовские, которые как своими обычаями, так и странным образом жизни отличаются от всех прочих. Что касается их религии, то хотя они признают единого Бога, но поклоняются как Богу каждому живому существу, которое прежде всего встретят утром, и клянутся им в продолжение целого дня, что бы то ни было: лошадь, собака, кошка или другое какое животное. Если у кого из них умрет его приятель, то он убивает своего лучшего коня и, содрав с него шкуру, несет ее на длинном шесте впереди покойника

на кладбище. Это они делают, как сказывают русские, для того, чтобы у приятеля был добрый конь, на котором он мог бы доехать на небо, но, вероятнее всего, в знак любви, которую оставшийся в живых питает к своему умершему другу, желая, чтобы вместе с ним умерло и самое дорогое для него животное.

Близ царства Астраханского, составляющего самую отдаленную часть русских владений на юго-востоке, лежат области Щелкалы и Мидия¹²⁶, куда ездят русские купцы добывать шелк-сырец, сафьян, кожу и другие товары. Главные города в Мидии, где торгуют русские, — Дербент, построенный, по словам тамошних жителей, Александром Великим, и Шамаха, где находится складочное место шелка-сырца. В здешнем краю, чтобы оживить шелковых червей, лежащих мертвыми целую зиму, их кладут весной на солнце и, дабы еще более ускорить их оживление и заставить их скорее приняться за работу, собирают в мешки, которые вешают детям под мышки. Что касается червя, называемого *chrinisin* (или по-нашему *chrynison**), который дает цветной шелк, то он рождается не в Мидии, а в Ассирии. На основании последней грамоты, данной царем в мою бытность, торговля с Дербентом и Шамахой для вывоза отсюда шелка-сырца и других произведений этого края, равно как с Персией и Бухарой, вниз по реке Волге и через Каспийское море, дозволена как английским, так и русским купцам. Такое позволение царь почитает за особенную с его стороны милость. И действительно, оно могло бы доставить много выгоды нашим английским купцам, если бы только вести торговлю надлежащим образом и правильно.

Все татары вообще не имеют совершенно никакого образования. Письменных законов у них также нет, а заменяются они некоторыми правилами общественной жизни, переходящими по преданию и общими для всех орд. Правила эти такого рода. 1) Повиноваться своему царю и другим властям во всем, что бы они ни повелели относительно общественной службы. 2) За исключением зависимости для общественной пользы, каждый человек свободен и не обязан ни к какому отчету. 3) Ни один частный человек не может владеть каким-либо участком земли, но вся страна в своей целостности есть достояние общее. 4) Презирать всякую лакомую пищу и разнообразие в

* В английском издании Флетчера 1966 года — «Grimson» от санскритского «*kr̥ṣi*», означающего «червяк» или «насекомое».

яствах и довольствоваться тем, что прежде попадетя под руку, дабы более окрепнуть и быть всегда готовым к выполнению своих обязанностей. 5) Носить простое платье и чинить его, когда оно худо, все равно необходимо ли то или нет, чтобы не было стыдно, если нужда заставит носить кафтан с заплатами. 6) Брать или красть у чужеземца все, что только можно, так как они считают себя врагами всех, кто не хочет покориться их власти. 7) В отношении к своей орде и своему народу быть верным в слове и деле. 8) Не впускать иностранцев в государство; если же кто из них переступит границу, то делается рабом первого, взявшего его в плен, кроме купцов и других лиц, имеющих при себе татарский ярлык, или паспорт.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О пермяках, самоедах и лопарях

Пермяки и самоеды, обитающие на севере и северо-востоке от России, происходят также, как полагают, от татар. Такое заключение подтверждается отчасти их наружностью, ибо у них вообще широкие и плоские лица, как у татар. Исключение составляют лишь черкесы. Пермяки считаются народом очень древним и в настоящее время подвластны России. Промышляют они охотой и меховой торговлей, так же как и самоеды, которые живут далее к Северному морю. Самоедами называют их, по словам русских, от самоедения, ибо в старину они были людоедами и пожирали друг друга¹²⁷. Мнение это тем более вероятно, что и в настоящее время они едят всякого рода сырое мясо без различия, даже падаль. Сами же самоеды утверждают, что они являются коренным народом, выросшим на том самом месте, где живут и теперь, и что никогда не меняли его на другое, подобно большей части других народов. В настоящее время подвластны они русскому царю.

Я говорил с некоторыми из них и узнал, что они признают единого Бога, олицетворяя его, однако, предметами, особенно для них нужными или полезными. Так, они поклоняются солнцу, оленю, лося и пр. Но что касается рассказа о Золотой бабе¹²⁸ (о которой случалось мне читать в некоторых описаниях этой страны, что она — кумир в виде старухи), дающей на вопросы жреца прорицательные ответы об успехе предприятий и о будущем, то я убедился, что это пустая басня. Только в области Обдорской со стороны моря, близ устья большой реки Оби, есть скала, которая от приро-

ды (впрочем, отчасти с помощью воображения) имеет вид женщины в лохмотьях с ребенком на руках, так точно, как скала близ Норд-Капа похожа на монаха. На этом месте обыкновенно собираются обдорские самоеды, так как оно удобно для рыбной ловли, и действительно иногда по своему обычаю колдуют и гадают об успехе своих путешествий, рыбной ловли, охоты и т. п.

Они одеваются в олени шкуры, спускающиеся до самых колен, шерстью вверх, с такими же штанами и обувью, как мужчины, так и женщины. Все они черноволосые, и от природы нет у них бороды, так что трудно отличить мужчину от женщины, кроме того, что последние носят клок волос, опущенный на уши. Они ведут дикий образ жизни, переходя с места на место и не имея ни домов, ни земли, которые бы принадлежали кому-либо одному из них. В каждом отряде начальники или правители у них попы¹²⁹, то есть священники.

На северной стороне от России, близ Карелии, лежит Лапония, которая простирается от самого дальнего пункта на севере со стороны Норд-Капа до самой отдаленной части на юго-востоке, русскими называемой Святым носом, а англичанами мысом Благодати (Saregase), на 345 верст или миль. От Святого носа до Кандакса через Варсугу (как измеряется ширина этого края) расстояние 90 миль или около того. Вся страна состоит из озер или гор, которые близ моря называются тундрами, потому что все заключаются в твердой и неровной скале; но внутренние части покрыты обильными лесами, растущими по горам, между коими лежат озера. Пища у них весьма скудная и простая: хлеба нет, и едят они одну рыбу и живность. Они подвластны русскому царю и двум королям, шведскому и датскому, которые все берут с них подать (как было замечено выше); но русский царь имеет самое значительное на них влияние и получает с них гораздо большую дань, нежели прочие. Полагают, что первоначально они названы лопью по причине их краткой и отрывистой речи. Русские разделяют всех лопарей на два рода: одних называют лопарями мурманскими, то есть норвежскими, потому что они держатся вероисповедания датчан, а датчан и норвежцев признают здесь за один и тот же народ. Других, не имеющих никакой веры и живущих дикарями и в язычестве без всякого понятия о Боге, называют дикими лопарями.

Весь народ находится в совершенном невежестве и не употребляет даже никаких письменных знаков или букв. Но зато превосходит он все другие народы колдовством и чаро-

действием, хотя, впрочем, слышанный мной рассказ о волшебстве кораблей, плавающих вдоль их берегов, и способности их производить ветер попутный для своих друзей и противный для тех, кому хотят вредить, посредством узлов, навяанных на веревке (отчасти напоминающих рассказ об Эоловых мехах), есть не что иное, как басня, выдуманная, кажется, ими самими для устрашения мореходцев, чтобы они не приближались к их берегам. Оружие их составляют длинный лук и ружье, которыми они превосходно действуют, умея их скоро заряжать и разряжать и метко попадать в цель из-за непрерывного упражнения (по необходимости) в стрельбе на охоте за дичью. Обыкновенно летом отправляются они большими партиями к морю, именно к Вардгузу, Коле, Когеру и заливу Витя-губе, где ловят треску и семгу, которых продают потом русским, датчанам и норвежцам, а с недавнего времени и англичанам, привозящим туда сукно для обмена с лопарями и карельцами на рыбу, рыбий жир и меха, коих у них также довольно много. Главный торг их бывает на Коле на Петров день в присутствии начальника Вардгузы (резидента короля датского) или посланного от него для назначения цены рыбе, рыбьему жиру, мехам и другим товарам, а также сборщика податей русского царя для получения подати, выплачиваемой всегда вперед при покупке или продаже. По окончании лова лодки вытаскиваются на берег, где, опрокинутые килем вверх, остаются до весны. Они ездят на санях, запряженных оленями, которых летом пасут на острове Килдин (там почва гораздо лучше, чем в других местах этой страны), а на зиму, когда выпадет снег, пригоняют домой и употребляют для санной езды.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

О церковном управлении и духовных лицах

Церковное управление совершенно сходно с греческим, так как здешняя церковь составляет часть церкви греческой и никогда не признавала над собой владычества латинской церкви и верховенства папы. Для соблюдения большего порядка в описании их бесконечных обрядов, нежели какой соблюдают сами туземцы при отправлении их, я объясню вкратце, во-первых, какие у них духовные чины или должности, каково их судопроизводство и порядок отправления должностей; во-вторых, какие у них догматы веры; в-третьих, как совершается у них литургия, или церковная

служба, равно как и самые таинства; в-четвертых, какие, сверх того, существуют у них странные церемонии и суеверные обряды.

Должностей, или чинов, духовных как по числу, так и по названию и по степеням у них столько же, сколько и в западных церквях. Во-первых, патриарх, потом митрополиты, архиепископы, владыки или епископы, протопопы или протоиереи, попы или священники, дьяконы, монахи, монахини и пустынножители.

Патриарх, или главный правитель в делах веры, до прошедшего года был константинопольский, которого называли патриархом сионским оттого, что, будучи изгнан из Константинополя (места своего пребывания) турками, он перешел на остров Сион, иногда называемый Хиос, где и основал свой патриарший престол. Русские цари и духовенство отправляли ему каждый год дары и признавали себя в духовной от него зависимости и в подчинении тамошней церкви. Этот обычай, сколько известно, они соблюдают с тех пор, как начали исповедовать христианскую веру; но как давно они ее приняли, я не мог узнать наверное, потому что у них нет ни истории, ни памятников старины, о коих бы я слышал, относительно происшествий, бывших в государстве по делам церковным или общественным. Рассказывают только, что лет 300 назад какой-то император константинопольский женился на дочери великого князя, который сначала не соглашался отдать ее за греческого императора, оттого что последний исповедовал христианскую веру¹³⁰. Рассказ этот совершенно согласуется с повествованием Лаоника Халкондила в четвертой книге его турецкой истории, где он упоминает о таком браке греческого императора Иоанна с дочерью короля сарматского, и подтверждается также их собственным сказанием, что в это время они еще не исповедовали христианскую веру, а приняли ее и вместе с тем совершенно изменились, заимствовав Евангельское учение, уже в то время искаженное разными суевериями, от греческой церкви, которая сама находилась тогда в упадке и была преисполнена множества суеверных обрядов и грубых заблуждений как относительно догматов веры, так и церковного управления, что видно из 8-й и 9-й книги истории Никифора Григория. Но что касается времени, когда они приняли христианскую веру, то мне кажется, что русские в этом отношении ошибаются, судя по тому, что я нашел в польской истории, именно в главе третьей второй книги, где упоминается, что около 990 года Владимир, князь русский, женился на

Анне¹³¹, сестре Василия и Константина, императоров константинопольских; вслед за тем русские приняли и веру и название христиан. Хотя это свидетельство относится к древнейшему времени, нежели собственное сказание русских, но конечный вывод в обоих случаях один и тот же, в том что касается истины и чистоты учения, сообщившего русским первые начатки религии, тем более что церковь греческая и тогда уже была преисполнена многими заблуждениями и суеверием.

В бытность мою здесь в 1588 году в Москву приехал патриарх константинопольский, или сионский, по имени Иероним¹³², изгнанный, как говорят некоторые, турками, а по словам других, лишенный своего сана греческим духовенством. Царь, совершенно преданный суеверной набожности, принял его с большими почестями. Его спутники рассказывали, что до приезда своего в Москву он был в Италии у папы. Цель его приезда¹³³ была вступить с царем в переговоры о союзе между ним и королем испанским как государем, наиболее могущим содействовать ему в борьбе с турками, для чего происходили также сношения между русскими и персиянами. Равным образом грузины отправляли послов к русскому царю для заключения союза, дабы напасть на турок со всех сторон их владений, пользуясь простотой теперешнего повелителя Турции. Договор этот поддерживал и посланник¹³⁴ императора немецкого¹³⁵, прибывший в то же время ходатайствовать о нападении на польские области, пограничные с Россией, и о займе денег у русского царя для продолжения войны за брата императора Максимилиана против сына короля шведского, теперешнего короля польского¹³⁶. Но переговоры о союзе между русскими и испанцами, которые шли довольно успешно в то время, когда я прибыл в Москву, так что был уже назначен и посол в Испанию, разрушились по случаю побед, одержанных в прошедшем году ее величеством королевой английской над королем испанским. Это было причиной дурного приема, сделанного русским царем и его Думой тогдашнему английскому послу, так как они обманулись в своих политических расчетах относительно предполагаемого союза с Испанией.

Второе намерение его, для которого первый предмет служил только вступлением, состояло в том, чтобы в отместку туркам и греческому духовенству, свергнувшему его с престола, переговорить с царем о подчинении русской церкви власти папы римского. Поскольку он недавно прибыл из Рима, то, вероятно, он был прислан с такой целью самим па-

пой, который и прежде несколько раз, хотя тщетно, домогался этого, а именно при последнем царе Иване Васильевиче через легата своего Антония¹³⁷, но, вероятно, считал самым надежным средством достигнуть своих намерений через переговоры и посредничество самого их патриарха. Когда же и это не удалось, то патриарх прибегнул к переговорам третьего рода, замыслив отказаться от патриаршества и перенести патриарший престол из Константинополя, или Сиона, в Москву. Предложение его было так хорошо принято и одобрено царем (как предмет истинно религиозный и мудрый), что не хотели и слышать ни о каких других переговорах, особенно с иностранными послами, до тех пор, пока не было кончено это дело.

Причины, по которым патриарх убедил перенести престол свой в Москву, были следующие: во-первых, престол патриарший находился под властью турок, врагов веры, почему и следовало его перевести в какое-нибудь другое государство, исповедующее веру христианскую; во-вторых, русская церковь оставалась в это время единственной законной дочерью церкви греческой, следуя одному с ней учению и одинаковым обрядам, между тем как прочие единоверцы подчинились туркам и отступились от истинной религии. Хитрый грек, чтобы выгоднее продать свой плохой товар, старался прельстить царя честью, какая будет ему и его народу от перенесения патриаршего престола в главный город и столицу его царства. Что касается права перенесения престола и назначения себе преемника, то он несколько не сомневался, что это право вполне принадлежит ему.

Таким образом, царь с Думой и важнейшими лицами из духовенства, составив собор в Москве, положили митрополита московского переименовать в патриарха всей греческой церкви с той же властью и юрисдикцией, какая принадлежала прежде патриарху константинопольскому, или сионскому. Для большего порядка и торжества это приведено было в исполнение так: 25 января 1588 года¹³⁸ греческий патриарх в сопровождении русского духовенства прибыл в собор Пречистой Богородицы, находящийся внутри Кремля (пройдя сперва процессией по всему городу и благословляя народ двумя перстами), где он произнес речь, отдал письменный акт о своем отречении и положил свой патриарший жезл, который тут же принял митрополит московский. Сверх того при посвящении этого нового патриарха происходили многие другие церемониальные обряды.

День этот праздновали все жители города; им велено было оставить свои работы и присутствовать при торжестве. В тот же день царь и царица прислали великому патриарху богатые дары — серебряную посуду, золотую парчу, меха и проч., — которые несены были по московским улицам с большой пышностью, а при отъезде он получил еще множество других даров от царя, дворянства и духовенства. Таким образом, патриарший престол константинопольский, или сионский, существовавший со времени Никейского собора, перенесен в Москву, или, по крайней мере, они уверены, что имеют патриарха с теми же самыми правами и с той же властью, какими пользовался первый¹³⁹. Хитрый грек, употребив в свою пользу их суеверие, отправился теперь с богатой добычей в Польшу, не думая о том, продолжится ли у них патриаршество или нет.

Обстоятельство это очень легко может вести к разделению церковью греческой и русской, если русские удержат за собой патриаршество, за которое так дорого заплатили, а греки изберут себе другого патриарха, не рассуждая о том, был ли этот патриарх изгнан турками или лишен сана своим же духовенством. В таком случае, быть может, и папе удастся подчинить русскую церковь престолу римскому (для чего папа мог даже выдумать такую уловку и посеять раздор между церквами), если только не будет тому препятствием то, что русские цари хорошо знают из примеров других христианских государей, какой вред может произойти и для них, и для государства от такого подчинения их римскому папе. С этой целью покойный царь Иван Васильевич много старался разведать о власти папы над христианскими государями и отправлял нарочного в Рим, чтобы узнать об устройстве и образе действий тамошнего двора.

В одно время с патриархом Иеронимом был изгнан турками ларисский архиепископ Димитрий, который теперь в Англии и выставляет причиной изгнания их обоим турками то, что будто бы они не приняли нового календаря папы с новым исчислением года. До какой степени это невероятно, можно судить по следующим обстоятельствам. Во-первых, между папой и турецким государем вовсе нет таких тесных и дружественных сношений, чтобы последний решился изгнать подданного за послушание папского постановления, особенно в таком деле, как изменение порядка времени в его собственном государстве. Во-вторых, турки мало заботятся об исчислении времени и об определении настоящего и точного числа лет от воплощения Христа, которого они признают не иначе, как замечено было выше. В-третьих, упомяну-

тый патриарх теперь в Неаполе, в Италии, куда, вероятно, он никак бы не отправился, чтобы не быть почти в руках папы и так от него близко, если бы он точно был изгнан за сопротивление его постановлению.

Ведомство патриаршего престола, переведенного теперь в Москву, заключается во власти над всеми церквями не только в России и других царских владениях, но всюду над всеми церквями христианского мира, бывшими прежде под властью патриарха константинопольского, или сионского; по крайней мере, русский патриарх воображает, что имеет те же самые права. Ему подчинена также в виде собственной его епархии область Московская кроме других ведомств. Двор, или местопребывание, его в Москве.

До постановления этого нового патриарха у них был всего один митрополит, который назывался митрополитом московским. Теперь же для большей пышности церковной и вследствие вновь учрежденного патриаршества поставлены два митрополита, один в Новгороде Великом, другой в Ростове¹⁴⁰. Должность их заключается в том, чтобы принимать от патриарха все его приказания по церковным делам и передавать их для исполнения архиепископам сверх того, что каждый из них управляет собственной епархией. Архиепископов четыре: смоленский, казанский, псковский и вологодский¹⁴¹. Обязанность их одинакова с обязанностью митрополитов, с той разницей, что им принадлежит особая судебная часть как викарным митрополитам, стоящим выше епископов. За ними следуют владыки, или епископы, коих шестеро: крутицкий, рязанский, тверской, торжокский, коломенский, владимирский, суздальский¹⁴². Каждый из них заведывает обширной епархией, потому что и все прочие области государства разделены между ними.

Дела, подлежащие духовной власти митрополитов, архиепископов и епископов, почти те же самые, какими заведывает духовенство в других странах христианских. Кроме власти над духовными лицами и управления делами чисто духовными к их ведомству относятся все дела по завещаниям, бракам и разводам, жалобы на некоторые обиды и проч. Для этого у них есть свои чиновники или правители (называемые боярами владычными) из лиц светского звания, имеющих степень князей или дворян. Они управляют делами духовных лиц и держат за них суд. Кроме разных притеснений, делаемых ими простому народу, они также тягостны для священнослужителей, как князья и дьяки для бедных простолюдинов в подчиненных им областях. Сам по себе архиепископ или епископ не имеет власти решать поступающие к

нему дела и не может сделать приговор иначе, как с согласия своего чиновника-дворянина. Причина та, что эти бояре или дворяне определяются на свои места не епископами, а самим царем или его Думой и никому, кроме них, не должны давать отчета в своих действиях. Если епископ при вступлении в должность получит право избрать сам себе чиновника, то это почитается особенным и высоким к нему благоволением. Впрочем, сказать правду, духовенство, как в отношении своих поместьев и доходов, так и в отношении своей власти и юрисдикции, находится совершенно в руках царя и его Думы и пользуется только тем значением, какое они захотят ему предоставить. У епископов есть также свои помощники, составляющие соборы (как они их называют), в которых заседают священники, принадлежащие к их епархии и живущие в городах, где они сами пребывают, по 24 человека при каждом. С ними рассуждают они об особенных и нужных делах по своей должности.

Доходы и суммы, назначенные для поддержания достоинства их, довольно значительны. Ежегодный доход патриарха с поместьев (кроме других статей) достигает 3000 рублей или марок, а митрополитов и архиепископов — 2500 рублей. Из епископов одни получают 1000 рублей, другие 800, иные 500 и проч. Были и такие, которым приходилось даже, как сказывали мне, 10 000 или даже 12 000 рублей в год, как, например, митрополит новгородский.

Одежда их (когда они бывают в полном облачении и в торжественных случаях): митра на голове наподобие папской, осыпанная жемчугом и драгоценными камнями, риза, обыкновенно из золотой парчи, изукрашенная жемчугом, и жезл в руке, обделанный густо вызолоченным серебром, с крестом на верхнем конце или загнутый наподобие пастушеского посоха. Обыкновенная же одежда их, когда они выезжают или выходят со двора: клобук на голове черного цвета, который спускается сзади, а спереди накрывает подобно капюшону. Верхняя одежда их, называемая рясой, есть мантия из черной шелковой материи со многими нашитыми на ней полосами белого атласа, каждая шириной около двух пальцев, и пастырский жезл, который всегда носят впереди них. Сами они идут вслед за ним, благословляя народ двумя перстами с удивительной грацией.

Избрание, или назначение, епископов и прочих духовных лиц зависит совершенно от царя. Их всегда определяют на места из монастырей, так что нет ни одного епископа, архиепископа или митрополита, который не был бы прежде монахом, а по этой причине все они холостые и должны

оставаться в безбрачном состоянии, давая обет целомудрия при самом своем пострижении. Как скоро царь изберет кого-либо по своему желанию, то его посвящают в соборной церкви той епархии, к которой он принадлежит, со многими обрядами, весьма сходными с католическими. Есть у них также дьяконы и архидьяконы.

Что касается объяснения в проповедях Слова Божьего, поучения или увещаний, то это у них не в обычае и выше их знаний, потому что все духовенство не имеет совершенно никаких сведений ни о других предметах, ни о Слове Божьем. Обыкновенно только два раза в год, именно первого сентября, который считается у них первым днем года, и в день св. Иоанна Крестителя¹⁴³, каждый митрополит, архиепископ и епископ в своей соборной церкви говорит народу обычную речь примерно такого содержания: если кто имеет злобу на своего ближнего, то должен ее оставить; если кто замышляет заговор или бунт против своего государя, то да остережется; если кто не соблюдал постов и обетов и не исполнял прочих своих обязанностей по уставу церковному, тот да исправится, и проч. Но такова и сама форма, потому что вся речь содержит в себе именно столько слов, не более. Несмотря на это, она произносится весьма торжественно над аналоем, нарочно для того поставленным, как будто бы проповедник собирался читать пространное рассуждение о существе Божьем. В Москве всегда сам царь присутствует при этом торжественном поучении.

Будучи невеждами во всем, они стараются всеми средствами воспрепятствовать распространению просвещения, словно опасаясь, чтобы не обнаружилось их собственное невежество и нечестие. По этой причине они уверили царей, что всякий успех в образовании может произвести переворот в государстве и, следовательно, должен быть опасным для их власти. В этом случае они правы, потому что человеку разумному и мыслящему, еще более возвышенному познаниями и свободным воспитанием, в высшей степени трудно переносить принудительный образ правления. Несколько лет тому назад, еще при покойном царе, привезли из Польши в Москву типографский станок и буквы, и здесь была основана типография с позволения самого царя и к величайшему его удовольствию. Но вскоре дом ночью подожгли¹⁴⁴, и станок с буквами совершенно сгорел, о чем, как полагают, постаралось духовенство.

Священники, которых зовут попами, определяются епископами почти без всякого предварительного испытания их познаний и поставляются без особенных обрядов, кроме

того, что на маковке выстригаются у них волосы (а не бреются, потому что этого они не терпят) шириной в ладонь или более, и это место помазует елеем епископ, который при поставлении священника надевает на него сперва стихарь, потом возлагает ему на грудь крест из белой шелковой или из другой материи, который он должен носить не более восьми дней, и таким образом дает ему власть служить и петь в церкви, равно как совершать таинства.

Священники — люди совершенно необразованные, что, впрочем, вовсе неудивительно, потому что сами поставляющие их епископы (как было сказано выше) точно таковы же и не извлекают никакой особенной пользы из каких бы то ни было сведений или из самого Священного Писания, кроме того, что читают его и поют. Общая их обязанность состоит в том, чтобы отправлять литургию, совершать таинства по принятым у них обрядам, хранить и украшать образа, наконец, соблюдать все другие обряды, принятые их церковью. Число духовенства очень значительно, потому что здешние города разделяются на несколько небольших приходов, хотя без всякого соблюдения равенства между ними относительно числа домов и соразмерности собирающегося в них народа, как бывает везде, где не заботятся о распространении познания и учения о Боге, чего, впрочем, и невозможно достигнуть там, где вследствие неравного распределения обывателей и приходов происходит неравенство и недостаток в жалованье для безбедного отправления должности.

Священнику дозволяется вступать в брак только однажды, и если первая жена его умрет, то он не может жениться на другой, иначе должен лишиться своего сана, а вместе с тем и прихода. Они основываются в этом случае на одном месте в послании св. Павла к Тимофею 1.3,2; но они не так его поняли, полагая, что апостол говорит здесь о разных женах в преемственном порядке то, что сказано им в отношении к одному и тому же времени. Если, однако, священник по смерти первой жены своей захочет непременно жениться на другой, то его не называют более попом, а распопом, или бывшим священником. По этой причине попы очень дорожат своими женами, которые пользуются большим уважением и считаются самыми почетными из всех приходских женщин.

Что касается жалованья священника, то у них нет обычая давать ему десятину хлеба или чего другого, но он должен зависеть от усердия своих прихожан и собирать, как умест.

на прожиток доходы от молебнов, исповедей, браков, похорон, панихид и так называемых молитв за живых и усопших, потому что кроме общей службы в церквах каждому частному лицу священник обыкновенно читает еще особенную молитву по разным поводам и делам — собирается ли он куда ехать, идти, плыть водой или пахать землю, словом, при всяком его предприятии. Молитвы эти не приспособлены к обстоятельствам замышляемого дела, но избираются случайно из обычных молитв церковных, однако их считают святее и действительнее, когда они произносятся священником, нежели когда читаются кем-либо самим. Еще у них есть обычай праздновать один раз в год день святого, во имя которого сооружена церковь. В это время все соседи и обыватели ближайших приходов собираются в церковь, где бывает праздник, чтобы отслужить молебен ее святому за себя и своих родственников, и тут священник получает плату за свои труды. Такие приношения доставляют им по несколько десятков фунтов в год, более или менее, смотря по степени верования и уважения к святому церкви. В такой день (празднуемый ежегодно) священник всегда нанимает в подмогу себе несколько других соседних священников, поскольку он не может успеть произнести все обязательные молитвы святому сам. Кроме того, они ходят по домам своих прихожан со святой водой и курениями, обыкновенно один раз каждые четыре месяца, и, таким образом окропив и окурив хозяина, жену его и всех домашних, с их пожитками, получают за то большую или меньшую плату, смотря по достатку хозяина. Все это вместе доставит священнику на его содержание около 30 или 40 рублей в год, из коих десятую часть он платит епископу своей епархии.

Попа, или священника, можно узнать по длинным волосам, закинутым за уши, по его рясе с широким воротом и посоху в руке. Прочая одежда его та же, что и простого народа. Когда он совершает обедню или служит в церкви, то надевает стихарь, а иногда, в более торжественные дни, и ризу. Кроме обыкновенных попов, или священников, у них есть еще так называемые черные попы, которые могут занимать священнические места, хотя пострижены в монахи в каком-либо монастыре. По-видимому, они здесь то же самое, что священники-монахи в папской церкви. Под священником в каждой церкви есть еще дьяк, который исполняет только обязанность приходского клерка. Что касается протопопов, или протоиереев, и их архидьяконов (которые готовятся быть посвященными в протопопы), то они служат только в соборных церквах.

Монашествующих у них бесчисленное множество, гораздо более, нежели в других государствах, подвластных папе. Каждый город и значительная часть всей страны ими наполнены, ибо они сумели сделать так (как добились того же католические монахи посредством суеверия и лицемерства), что все лучшие и приятнейшие места в государстве заняты обителями, или монастырями, сооруженными во имя того или другого святого. Число монахов тем более значительно, что они размножаются не только от суеверия жителей, но и потому, что монашеская жизнь наиболее отстранена от притеснений и поборов, падающих на простой народ, что и заставляет многих надевать монашескую рясу как лучшую броню против таких нападений. Кроме лиц, поступающих в это звание по доброй воле, есть и такие, которых принуждают постригаться в монахи вследствие какой-либо опалы. К последним большей частью принадлежат члены знатного дворянства. Некоторые идут в монастыри как в места неприкосновенные и постригаются здесь в монахи, чтобы избежать наказания, которое заслужили по законам государства, ибо успевший поступить в монастырь и надеть рясу прежде, нежели его схватят, пользуется навсегда защитой против всякого закона, какое бы ни совершил преступление, исключая измену. Но такое условие допускается с тем, что никто не может поступить в монастырь (кроме лиц, которых принимают по царскому повелению) иначе, как отдав ему свои поместья или принеся с собою капитал, который обязан внести в общую монастырскую казну. Одни вносят 1000 рублей, другие более, но с капиталом менее 300 или 400 рублей никого не принимают.

Пострижение в монахи совершается следующим образом. Прежде всего игумен снимает с постригаемого светское его платье, потом надевает на него белую фланелевую рубаху и сверх нее длинную мантию, висящую до земли, и опоясывает ее широким кожаным поясом. Верхняя одежда его сделана из гарусной или шелковой материи и весьма похожа цветом и покроем на одежду трубочистов. Затем выстригают ему волосы на маковке шириной в ладонь или более до самой кожи, и в то самое время, когда игумен стрижет волосы, произносит он следующие слова: «Как эти волосы отнимаются от главы твоей, так точно принимаем мы теперь и совершенно отделяем тебя от мира и всех сует мирских», и проч. Окончив это, помазует он маковку головы его елеем, надевает на него рясу и таким образом принимает в число братии. Постриженники дают обет вечного целомудрия и воздержания от мяса.

Кроме того, что монахи владеют поместьями (весьма значительными), они самые оборотливые купцы во всем государстве и торгуют всякого рода товарами. Некоторые из монастырей имеют доход от поместьев по 1000 или 2000 рублей в год. Один монастырь, называемый Троицким¹⁴⁵, получает от поместьев и повинностей в его пользу до 100 000 рублей или марок годового дохода. Он построен как крепость, обнесен вокруг стеной, на которой поставлены огнестрельные орудия, и в этой ограде занимает большое пространство земли с множеством зданий. Здесь одних монахов (не считая должностных лиц и служителей) до 700 человек. Нынешняя царица, не имея детей от царя, своего супруга, давала много обетов святому Сергию, покровителю этого монастыря, чтобы он благословил ее чадородием. Каждый год ходит она туда пешком на богомолье из Москвы, что составляет около 80 английских миль, в сопровождении 5000 или 6000 женщин, одетых в синие платья, и с 4000 охраняющих ее солдат. Но святой Сергий до сих пор не услышал молитвы ее.

О степени просвещения монахов можно судить по епископам, самым избранным лицам из всех монастырей. Я говорил с одним из них в Вологде и, желая испытать его знания, дал ему Священное Писание на русском языке, открыв первую главу Евангелия от св. Матфея. Он принялся читать весьма хорошо. Тут я спросил его прежде всего, какую часть Священного Писания он прочел теперь? Он отвечал, что не может сказать наверное. Сколько было евангелистов в Новом Завете? Он отвечал, что не знает. Сколько было апостолов? По его мнению, 12. Каким образом надеется он быть спасенным? На этот вопрос отвечал он мне, сообразно учению русской церкви, что не знает еще, будет ли спасен или нет, но если Бог помилует и спасет его, то он будет этому очень рад; если же нет, то нечего делать. Я спросил его, для чего он постригся в монахи. Он ответил: для того, чтобы покойно есть хлеб свой. Вот просвещение русских монахов, о котором хотя и нельзя судить по одному человеку, но по невежеству его можно отчасти заключить и о невежестве прочих.

Также много у них женских монастырей, из которых иные принимают только вдов и дочерей дворян, когда царь намеревается оставить их в безбрачном состоянии для пресечения рода, который он желает погасить. О жизни монахов и монахинь нечего рассказывать тем, кому известны лицемерие и испорченность нравов этого сословия. Сами русские (хотя, впрочем, преданные всякому суеве-

рию) так дурно отзываются о них, что всякий скромный человек поневоле должен замолчать.

Кроме монахов у них есть особенные блаженные (которых они называют святыми людьми), очень похожие на гимнософистов¹⁴⁶ и по своей жизни и поступкам, хотя не имеют ничего общего с ними относительно познаний и образования. Они ходят совершенно нагие, даже зимой в самые сильные морозы лишь перевязаны лохмотьями, с длинными волосами, распущенными и висящими по плечам, а многие еще и с веригами. Их считают пророками и святыми мужами, почему и дозволяют им говорить свободно все, что хотят, без всякого ограничения, хотя бы даже о самом Боге. Если такой человек явно упрекает кого-нибудь в чем бы то ни было, то ему ничего не возражают, а только говорят, что заслужили это по грехам; если кто из них, проходя мимо лавки, возьмет что-нибудь из товаров, то купец, у которого он что-либо взял, почтет себя весьма любимым Богом и угодным святому мужу. Но такого рода людей немного, потому что ходить голым в России, особенно зимой, очень нелегко и весьма холодно. В настоящее время есть один в Москве, который ходит голый по улицам и восстанавливает всех против правительства, особенно же против Годуновых, которых почитают притеснителями всего государства. Был еще такой же другой, умерший несколько лет тому назад (по имени Василий)¹⁴⁷, который решался упрекать покойного царя в его жестокости и во всех угнетениях, каким он подвергал народ. Тело его перенесли недавно в великолепную церковь близ царского дворца в Москве и причли его к лику святых. Он творил здесь много чудес, за что ему делали обильные приношения не только простолюдины, но и знатное дворянство, и даже сам царь и царица, посещающие этот храм с большим благоговением. Был еще один такой же, пользовавшийся большим уважением, в Пскове (по имени Никола Псковский), который сделал много добра в то время, когда отец нынешнего царя пришел грабить город, вообразив, что замышляют против него бунт. Царь, побывав прежде у блаженного на дому, послал ему подарок, а святой муж, чтобы отблагодарить царя, отправил к нему кусок сырого мяса, между тем как в то время был у них пост. Увидев это, царь велел сказать ему, что он удивляется, как святой муж предлагает ему есть мясо в пост, когда святая церковь запрещает это. «Да разве Ивашка думает, — сказал Никола, — что съест постом кусок мяса какого-нибудь животного грешно, а нет греха есть столько

людского мяса, сколько он уже съел?» Угрожая царю, что с ним случится какое-нибудь ужасное происшествие, если он не перестанет умерщвлять людей и не оставит город, он таким образом спас в это время жизнь множеству людей. Вот почему блаженных народ очень любит, ибо они, подобно пасквилям, указывают на недостатки знатных, о которых никто другой и говорить не смеет. Но иногда случается, что за такую дерзкую свободу, которую они позволяют себе, прикидываясь юродивыми, от них тайно отделяются, как это и было с одним или двумя в прошедшее царствование за то, что они уже слишком смело поносили правление царя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

О церковной службе и совершении таинств

Утренняя служба называется у них заутреней. Совершают ее следующим образом. Священник входит в церковь в сопровождении своего дьячка. Дойдя до половины церкви, начинает он громким голосом: «Благослови, Владыко», то есть «Благослови нас, Отец Небесный», подразумевая под этим Христа; потом прибавляет: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, един Бог во Святой Троице», и повторяет трижды: «Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй». После того он идет в алтарь, или во святая святых (как они его называют), куда входит через царские двери, или небесные врата, через которые никто не может входить, кроме священника. Здесь, стоя перед алтарем, или престолом, поставленным к задней стене, он читает молитву Господню и опять говорит «Господи, помилуй», всего 12 раз. Потом прославляет Святую Троицу, Отца, Сына и Святого Духа, во веки веков, на что дьячки и народ отвечают: «Аминь». Затем священник читает псалмы на тот день и возглашает: «Приидите поклонимся и припадем ко Христу» и проч. После он сам, дьячки и весь народ обращаются к образам, висящим на стене, и, крестясь, делают три земных поклона. После того читает он еще десять заповедей и «Верую» по служебнику. По окончании этого дьячок, стоящий вне царских дверей, читает сказание по книге рукописной (потому что печатных книг у них нет) о жизни какого-либо святого, чудесах его и проч. Книга эта разделена на несколько частей сообразно каждому дню года и читается у них нараспев, как у папистов поется Евангелие. После всей этой церемонии,

продолжающейся час, полтора или два, он читает еще несколько молитв, относящихся к тому, что было сказано в житии святого, и тем служба оканчивается. В продолжение всего этого времени перед образами горит множество восковых свечей, некоторые толщиной в человеческую руку, поставленных прихожанами по обещанию или из покаяния.

Около 9 часов утра совершается у них другая служба, называемая обедней, весьма похожая на службу папскую, известную под этим же именем. В торжественный или праздничный день к службе прибавляют еще слова «Благослове Господь Бог Израилев» и проч., также «Тебе Бога Хвалим» и проч., и поют это более торжественным и странным образом.

Послеобеденная служба называется вечерей, которую священник начинает, как и заутреню, словами «Благослови, Владыко» и чтением определенных псалмов. После того он поет стих «Благослови, душе моя, Господа» и проч., а по окончании его священник, дьячки и народ поют все в один голос «Господи, помилуй» 30 раз сряду, между тем как мальчики, находящиеся в церкви, отвечают на это все вместе, бормоча так скоро, как только успевают шевелить губами: «Аминь, аминь, аминь, аминь», или «аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя» и проч. также 30 раз сряду, производя чрезвычайно странные звуки. Потом священник читает, а в праздники поет первый псалом «Блажен муж» и проч.; по окончании же его прибавляет «аллилуйя» 10 раз сряду. Затем священник читает какую-нибудь часть Евангелия, оканчивая ее также словом «аллилуйя», которое повторяется три раза. Наконец, прочитав молитву в честь святого, которого память празднуется в этот день, он оканчивает свою вечернюю службу. Во все это время священник стоит у престола в алтаре, или во святая святых, не выходя оттуда ни разу в продолжение всей службы, а дьячок или дьячки (которых много в соборных церквях) стоят вне алтаря, неподалеку от царских дверей, или небесных врат, ибо в самый алтарь не должны входить во всю службу, хотя в другое время обязаны мести в нем пол, содержать его в опрятности и ставить свечи перед образами. Народ в продолжение всей службы стоит в самой середине церкви, а некоторые на паперти, потому что мест для сидения у них в церквях нет.

Таинство крещения совершается у них следующим образом. Младенца приносят в церковь (что делается в первые 8 дней после его рождения). Если он благородного происхож-

дения, то его привозят с особенной пышностью в богатых санных или в повозке с сиденьем и подушками, обитыми золотой парчой, и вообще так парадно, как только могут родители. Священник уже заранее дожидается младенца, стоя на церковной паперти, где подле него ставится купель с водой. Он начинает с объяснения провожатым, что они привезли младенца неверующего для того, чтобы обратить его в христианство, и проч.; потом дает наставление восприемникам (которых бывает по два или по три) по известной форме, написанной у него в книге, поучая их, в чем заключается их обязанность относительно воспитания младенца после его крещения, именно что должно внушать ему познание о Боге и Христе Спасителе, но так как Бог есть существо высочайшее и мы не можем надеяться достигнуть до него без посредников (так точно, как в том случае, когда мы обращаемся с какой-нибудь просьбой к царю или какому-нибудь государю), то они должны научить его, какие святые лучшие и важнейшие заступники за нас пред Богом и проч. После этого повелевает он дьяволу именем Господа Бога и с особым заклинанием выйти из воды и, прочитав некоторые молитвы, погружает младенца три раза в воду с головой и ушами, ибо они считают необходимым, чтобы не оставалось ни одной части тела, не бывшей в воде.

Слова, произносимые священником при погружении младенца в воду и составляющие вместе с тем формулу крещения, те же самые, какие предписаны в Евангелии, и употребляются у нас, то есть «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». Что касается того, будто они изменяют эту формулу и говорят «Святым Духом» (как я от них слышал), следуя обычаю некоторых еретиков греческой церкви, то я удостоверился, что это несправедливо, из свидетельств часто бывавших у них на крестинах и на основании самого их служебника, где очень отчетливо излагается весь порядок крещения.

Как скоро младенец окрещен, священник помазывает ему елеем, смешанным с солью, лоб и обе стороны лица, потом рот, проводя пальцем по губам его (как делали прежде католические священники) и произнося в то же время некоторые относящиеся к тому молитвы: «Да соделает его Господь добрым христианином» и проч. Все это совершается на паперти. После того младенец как христианин, могущий входить в самый храм, вносится в церковь, причем священник идет впереди и здесь подносит его к главному образу, положив на подушку и держа ее у подножия святого, чтобы он заступался за него перед

Богом. Если младенец болен или слаб (особенно зимой), то употребляют тепловатую воду. После крещения у младенца обыкновенно состригают с головы несколько волос и, завернув их в кусок воска, кладут в сокровенном месте церкви на память о совершенном таинстве.

Таков у них обряд крещения, который, по их мнению, есть лучший и совершеннейший, как и все другие догматы их веры, переданные им, как они говорят, лучшей из церквей, разумея под этим церковь греческую. Вот почему стараются они всеми силами обращать в свою церковь как неверных, так и христиан других исповеданий, подвергая их вторичному крещению по русскому обычаю. Взяв в плен какого-нибудь татарина, они обыкновенно обещают ему жизнь с условием, чтобы он крестился. Несмотря на то, им очень немногих удается убедить на такой выкуп жизни из-за врожденной ненависти татар к русским и потому, что они считают их лукавыми и несправедливыми. На другой год после того, как крымские татары сожгли Москву, был взят в плен какой-то Дивей-мурза, один из начальников, бывших в этом походе, и 300 других татар, и всем им обещали сохранить жизнь, если они согласятся окреститься, по русскому обряду, но все они отказались, осыпая упреками старавшихся их к тому склонить. Тогда их повели всех к Москве-реке (протекающей через город) и окрестили самым жестоким образом: ударяя по голове, бросали их в воду, для чего нарочно была сделана во льду прорубь. Напротив, из пленных ливонцев многие соглашались креститься по русскому обычаю, чтобы пользоваться большей свободой и приобрести себе что-нибудь на прожиток, получая обыкновенно при этом награду от царя. Из англичан, с тех пор как они начали приезжать сюда, не было ни одного, который бы до того забыл Бога, свою веру и отечество, чтобы решился перекреститься в русскую веру, по страху ли, предпочтению или по каким-либо другим причинам, кроме одного Ричарда Рельфа, который, занимаясь прежде безбожной торговлей как содержатель кабака (вопреки тамошним постановлениям) и будучи лишен права торговать, между тем как царские чиновники отняли у него все имущество, сам перешел в прошедшем году в русскую веру; перекрестившись, живет он теперь также идолопоклонником, как прежде был человеком развратным и мотом.

Принимающие таким образом русское крещение отправляются сперва в какой-либо монастырь, чтобы ознакомиться здесь с учением и обрядами церкви. При этом соблю-

даются следующие обряды. Прежде всего на иноверца надевают новое чистое платье русского покроя и возлагают ему на голову венец или летом гирлянду из цветов; потом помазуют голову его елеем, в руки дают восковую свечу и читают над ним молитвы по четыре раза в день в продолжение целой недели. Во все это время он должен воздерживаться от мясной и молочной пищи. По прошествии семи дней он обмывается в бане, а в восьмой день приводится в церковь, где монахи наставляют его, как должно оказывать почтение образам, поклоняться перед ними, ударять головой в землю, креститься и другим подобным обрядам, составляющим самую значительную часть русской религии.

Причащаются они всего однажды в год, Великим постом, незадолго до Святой недели. Никак не более трех человек допускаются к причастию в одно и то же время. Что касается самого причащения, то при этом исполняются следующие обряды. Сперва исповедуются они во всех грехах своих перед священником, которого называют отцом духовным, потом приходят в церковь и призываются к причастному столу, который, в виде алтаря, стоит в некотором отдалении от верхнего конца церкви, как в Голландии. Здесь прежде всего спрашивает их священник, с чистым ли сердцем предстали они, то есть не оставили ли за собой какого греха, в котором не покаются. Если они отвечают «нет», то допускаются к столу. Тут священник прочитывает некоторые обычные молитвы, между тем как причастники стоят со сложенными руками, как кающиеся или скорбящие. Окончив молитвы, священник берет ложку и наполняет ее красным вином, потом кладет в нее небольшой кусок хлеба и, смешав их вместе, подносит ложку к каждому из причастников, которые все стоят в порядке, произнося при этом без всякой расстановки следующие обычные слова этого таинства: «Приидите, ядите» и проч., «Пийти от нея» и проч. После этого он опять подает им порознь хлеб и вино, разбавленное тепловатой водой, чтобы яснее представить кровь (как они думают) и вместе воду, которая текла из ребра Христова. Пока обряд этот совершается, причастники разнимают руки, а потом, сложив их снова, три раза обходят за священником вокруг причастного стола и затем возвращаются на свои места. Наконец, прочитав несколько других молитв, он отпускает причастников, советуя им быть веселыми и бодрыми в продолжение семи следующих дней, по прошествии которых приказывает им поститься столько же времени после. Это исполняют они с такой ревностью, что не едят ничего, кроме хлеба с солью,

немного капусты и кой-каких трав или кореньев, а пьют только воду, квас или мед.

Так совершаются у них таинства. Из этого легко можно видеть, в чем они отступают от постановлений Христовых и какие обряды прибавили сами от себя или же заимствовали у греков.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ О догматах русской церкви и ее зablуждениях

Главные заблуждения их в отношении к вере, по мнению моему, следующие.

1) Что касается Слова Божьего, то они не читают всенародно некоторых книг Священного Писания, каковы, например, книги Моисея, особенно последние четыре: Исход, Левит, Числа и Второзакония, признавая их недостоверными и утратившими свое значение со времени пришествия Христова, так как ими не устанавливается никакого различия между законом нравственным и обрядовым. Книг пророческих они не отвергают, но не читают их публично в церквях, потому что они лишь предвосхищают Христа и относятся, как они говорят, только к иудеям. Один псалтырь у них в большем уважении: его поют и читают каждый день в церквях. Новый Завет они признают и читают весь, кроме Апокалипсиса, которого не читают (хотя и не отвергают его), потому что не могут понять и не имеют возможности, как западная церковь, удостовериться в исполнении заключающихся здесь пророчеств, особенно что касается вероотступничества антихристовой церкви. Однако и у них есть свои антихристы греческой церкви, и даже самое падение их, и наказание за то владычеством турок они могут найти в числе пророчеств этой же книги.

2) Они полагают (что и составляет источник всех их прочих заблуждений как относительно учения их о вере, так и в отношении к обрядам) вместе с папистами, что предания их церкви имеют одинаковое значение со Священным Писанием. С этой точки зрения они отдают предпочтение своей церкви перед всеми прочими, утверждая, что у них сохраняются самые истинные и справедливые предания, сообщенные апостолами греческой церкви, а от нее полученные ими.

3) Церковь (разумея под этим греческую, и в особен-

ности патриарха и его синод как главу всего прочего духовенства) имеет верховную власть толковать Священное Писание, и все обязаны почитать эти толкования непогрешительными и истинными.

4) Говоря о Божественных свойствах и о трех лицах Единосущного Божества, они утверждают, что Святой Дух исходит только от Отца, а не от Сына.

5) О Христе у них существует множество заблуждений, почти тех же самых, как и в папской церкви, именно что он единый искупитель, но не единый заступник перед Богом. Главное их доказательство, когда с ними о том заговорят, приводимое ими в защиту этого заблуждения, заключается в неуместном и странном сравнении Бога с земным владыкой или государем, которого должно о чем-либо просить через посредство ближайших к нему особ. В этом случае они отдают еще преимущество одним перед другими, например Богословенной Деве Марии, которую называют Пречистой или Пренепорочной, и св. Николаю, именуемому у них Угодником. Они говорят, что Бог назначил ему для служения 300 главных ангелов. Это довело их до ужасного идолопоклонства, самого грубого и невежественного, состоящего в том, что они с таким же благоговением почитают свои образа, как самого Бога, принося им молитвы, благодарения, жертвы или поклоняясь им до самой земли и ударяя об нее головой. Так как все эти почести они оказывают только образу Святого, а не самому его изображению, то говорят, что поклоняются не идолу, а святому в его образе и от того нисколько не оскорбляют Бога, забывая заповедь Господню, которая запрещает творить кумира и всякое подобие для того, чтобы ему поклоняться. Стены их церквей увешаны образами, писанными на гладких досках и богато украшенными жемчугом и драгоценными камнями, хотя некоторые из них сделаны выпуклыми, так что отстают от доски почти на дюйм. Такие образа называют они чудотворными, и когда хотят поставить их в церковь, то никак не скажут, что образ куплен, но всегда говорят, что он выменян на деньги.

6) Относительно средств оправдания они согласны с папистами, что не только верой, но и делами должно служить Христу и что это *opus operatum*, или дело из любви к делу, должно быть непременно угодно Богу. Поэтому все заключается у них в молитвах, постах, обетах и приношениях святым, подавании милостыни, крестных знамениях и тому подобных обрядах. Как царь, так и дворянство и простой народ всегда носят с собой четки не только в церкви, но и в других общественных местах,

особенно в каких-нибудь заседаниях или торжественных собраниях, например в судах, на общественных совещаниях, переговорах с посланниками и т. п.

7) Вместе с папистами они думают, что ни один человек не может быть уверен в своем спасении до последнего решения в день судный.

8) Исповедуются они наедине священнику и думают, что после этого им отпускаются грехи, в которых они сознаются, и в особенности священнику.

9) Они признают три таинства: крещение, причащение и елеосвящение, или соборование. Впрочем, последнее они не полагают столь же необходимым для спасения, как таинство крещения, но считают за великое наказание и гнев Божий, если кто умрет без соборования.

10) Крещение они почитают необходимым и думают, что всякий, над кем не совершено это таинство, будет неминуемо осужден.

11) Они перекрещивают всех христиан, не принадлежащих греческой церкви, если они переходят в русскую веру, потому что почитают их отделенными от истинной церкви, которая, по их мнению, есть только церковь греческая.

12) В яствах и питье они наблюдают различие, считая употребление одного безгрешнее, чем употребление другого. На этом основании запрещается у них во время постов есть мясо и даже молочную пищу (суеверный обычай папистов), что русские соблюдают так строго и с такой слепой ревностью, что скорее согласятся умереть, нежели съесть кусок мяса, яйцо или тому подобное даже в жестокой болезни, если бы это было нужно для сохранения здоровья.

13) Не позволяется у них вступать в брак всем духовным лицам, кроме священников, которые, впрочем, также не могут жениться более одного раза, как было сказано выше. Даже светским людям неохотно разрешают вступать в брак более двух раз. Этим предлогом пользуются теперь против единственного брата царя, шестилетнего ребенка, о котором не молятся в церквах (между тем как это всегда соблюдается в отношении к лицам царской крови) на том основании, что он от шестого брака и, следовательно, незаконнорожденный. Такое приказание отдано священникам самим царем по пропискам Годунова, который уверял его, что отстранение любви народной от ближайшего наследника — весьма хорошая политическая мера.

Есть еще у них множество других ложных мнений в отношении к вере, но это главные заблуждения, внутренние

им частью преданиями, которые им сообщены церковью греческою, а в особенности незнанием Священного Писания. Последнее хотя есть у них на польском языке, совершенно сходном с их языком, кроме некоторых слов, но очень немногие читают его с таким благочестием, какого требует это занятие; для простого же народа, если бы он захотел читать, нет нужного числа книг Ветхого и Нового Завета, хотя простых служебников у них чрезвычайно много.

Все эти недостатки происходят от лиц духовных, которые, будучи сами невежественны и неблагочестивы, изо всех сил стараются удерживать народ в таком же невежестве и слепоте для своих выгод и доходов, а отчасти и от тамошнего образа правления, так как цари, на которых особенно лежит такая обязанность, не желают заменить его какими-нибудь нововведениями, а, напротив, стараются удержать ту религию, которая наиболее к нему подходит. Несмотря на то, нет сомнения, что если бы они хоть сколько-нибудь хранили Слово Божье (даже без обыкновенных способов к достижению истинного смысла и разумения его), то и Бог имел бы между ними своих избранных, что отчасти подтверждается также словами одного русского из жителей Москвы, который сказал по секрету одному из моих служителей, рассуждавшему об их образах и суевории, что Бог просветил Англию и может с ними сделать то же самое, если только Ему будет угодно.

Что касается преследований по делам веры, то я ничего не слыхал об этом, кроме того, что несколько лет тому назад двое, муж и жена, содержались целых 28 лет в тюрьме, пока они превратились в совершенных уродов по волосам, ногтям, цвету лица и проч., и наконец были сожжены в Москве в маленьком доме, который нарочно для того подожгли. Вина их осталась тайной, но, вероятно, они были наказаны за какую-нибудь религиозную истину, хотя священники и монахи уверили народ, что эти люди были злые и проклятые еретики.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ О брачных обрядах

Брачные обряды у них отличны от обрядов в других странах. Жениху (хотя он никогда не видал прежде своей невесты) не позволяют видеть ее во все время, пока продолжается сватовство, в котором действующее лицо не

он сам, а мать его или какая другая пожилая его родственница или знакомая. Как скоро изъявлено согласие (как родителями, так и самими вступающими в брак, ибо если брак заключен без ведома и согласия родителей, то он считается незаконным), отцы с обеих сторон или заступающие их место с другими близкими родственниками сходятся и говорят о приданом, которое бывает весьма значительно, смотря по состоянию родителей, так что нередко какой-нибудь торговец (как они называют их) дает за своей дочерью 1000 рублей или более.

От мужчины никогда не требуется и вовсе у них не в обычае, чтобы он делал какой-нибудь дар в виде вознаграждения за приданое, но если у него будет уже дитя, то жена, от которой оно родилось, получает на прожиток третью часть по смерти мужа; а когда у него двое или более от нее детей, то получает она еще более по благоусмотрению мужа. Но если муж умрет, не оставив детей от жены, то ее отсылают домой в ее семейство без всякого вознаграждения, кроме того, что ей возвращается ее приданое, если оно останется после смерти мужа. Условившись о приданом, договаривающиеся лица пишут взаимное обязательство как о выдаче приданого, так и о совершении брака в назначенный день. Если невеста не была прежде еще замужем, то отец ее и родственники обязаны, кроме того, поручиться в ее непорочности, вследствие чего возникают большие ссоры и тяжбы, когда муж возымеет сомнение насчет поведения и честности жены своей. По окончании переговоров вступающие в брак начинают посылать друг другу подарки, сначала невеста, потом жених, но все не видятся между собой до самого совершения брака. Накануне свадебного дня невесту отвозят в колымаге или (зимой) в санях в дом жениха с приданым и кроватью, на которой будут спать молодые, потому что кровать всегда доставляется со стороны невесты и обыкновенно бывает очень роскошно отделана и стоит больших денег. Здесь невеста ночует со своей матерью и другими женщинами, но жених не встречает и даже ни разу не видит ее.

В день, назначенный для совершения брака, на невесту надевают покрывало из тонкого вязанья или полотна, которое накидывается ей на голову и опускается до пояса. После того невеста и жених в сопровождении родственников отправляются в церковь все верхом, хотя бы церковь находилась подле самого дома и сами они были простого звания. Слова, произносимые во время совершения брака,

и другие соблюдаемые при этом обряды весьма сходны с нашими, даже то, что невесте подают кольцо. Как скоро она его наденет и провозглашены будут слова брачного союза, руку ее соединяют с рукой жениха, который во все это время стоит по одну сторону аналая, или стола, а невеста по другую. Когда таким образом священник свяжет брачный узел, невеста подходит к жениху, стоящему у самого конца аналая, и падает ему в ноги, прикасаясь головой к его обуви в знак ее покорности и послушания, а жених накрывает ее полой кафтана, или верхней одежды, в знак обязанности своей защищать и любить ее. После того жених и невеста становятся рядом у самого конца аналая, и здесь к ним подходят отец и другие родные невесты, кланяясь низко жениху, потом родные жениха, кланяясь невесте, в знак будущего между ними свойства и любви. Вместе с тем отец жениха подносит ломоть хлеба священнику, который тут же отдает его отцу и другим родственникам невесты, заклиная его перед Богом и образами, чтобы он выдал приданое в целости и сполна в назначенный день и чтобы все родственники хранили друг к другу неизменную любовь. Тут они разламывают хлеб на куски и едят его в изъявление истинного и чистосердечного согласия на исполнение этой обязанности и в знак того, что будут с тех пор как бы крохами одного хлеба или участниками одного стола.

По окончании этих обрядов жених берет невесту за руку и вместе с ней и родными, которые за ними следуют, идет на паперть, где встречают их с кубками и чашами, наполненными медом и русским вином. Сперва жених берет полную чарку, или небольшую чашку, и выпивает ее за здоровье невесты, а за ним сама невеста, приподняв покрывало и поднося чарку к губам как можно ниже (чтобы видел ее жених), отвечает ему тем же. По возвращении из церкви жених идет не к себе домой, а в дом к своему отцу, так точно и невеста отправляется к своим, и здесь оба угощают порознь своих родственников. При входе в дом жениха и невесты на них бросают из окон хлебные зерна в знак будущего изобилия и плодородности.

Вечером невесту привозят в дом отца жениха, где она и проводит ночь, все еще не снимая покрывала с головы. Во всю эту ночь она не должна произносить ни одного слова (ибо так приказывается ей по особому преданию матерью ее и другими пожилыми женщинами из ее родственниц), дабы жених не мог ни слышать, ни видеть

се до другого дня после брака. Также в продолжение трех следующих дней не услышишь от нее ничего, кроме нескольких определенных слов за столом, которые она должна сказать жениху с особенной важностью и почтительностью. Если она держит себя иначе, то это считается для нее весьма предосудительным и остается пятном на всю ее жизнь, да и самим женихом не будет одобрено.

По прошествии трех дней супруги отправляются в свой собственный дом и дают общий пир своим родным с обеих сторон. В день свадьбы и во все время празднеств жениха величают молодым князем, а невесту молодой княгиней.

В обращении со своими женами мужья обнаруживают варварские свойства, обходясь с ними скорее как со своими прислужницами, нежели равными. Исключением пользуются только жены дворян, которых, по крайней мере, по-видимому, мужья более уважают, чем в низшем классе. Есть у них также грубый обычай, противный доброму порядку вещей и самому Слову Божьему, именно тот, что муж, разлюбивший жену, или по какой-либо другой причине может идти в монастырь и постричься в монахи под видом благочестия и таким образом оставить свою жену, чтобы она заботилась сама о себе, как умеет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ О других обрядах русской церкви

Других церковных обрядов у них также очень много, особенно употребляют они во зло изображение креста, которое выставляют на больших дорогах, на церковных главах, на воротах домов. Сами себя они также беспрестанно осеняют крестным знаменем, возлагая для того руку на лоб, на живот и потом на обе стороны груди с чрезвычайной набожностью, как можно думать, судя по их телодвижениям. Еще не было бы так прискорбно, если бы они вместе с тем не уверяли, что в этом именно заключается религиозная преданность и поклонение, которые следует оказывать единому Богу, и не употребляли свое немое знамение и осенение вместо благодарений и всех других обязанностей их в отношении к Богу. Встав утром, они становятся против какого-нибудь храма, на главе которого поставлен крест, и, поклоняясь ему, вместе с тем осеняют себе крестным знаменем лоб, живот и обе стороны груди. Так они благодарят Бога за ночное успо-

коение, не произнося никаких слов, кроме как иногда «Господи, помилуй». Садясь за стол и вставая из-за него, благодарят они также Бога крестным осенением лба, живота и груди, и только весьма немногие прибавляют иногда одно или два слова из какой-нибудь обыкновенной молитвы, нисколько не относящейся к настоящему их делу. Давая присягу при решении какого-нибудь спорного дела по законам, они клянутся крестом и целуют подножие его, как бы считая его самим Богом, имя которого только и должно быть употребляемо при этом судебном доказательстве. Входя куда-нибудь в дом, где всегда на стене висит образ, они перед ним крестятся и делают поклон. Приступая к какому-либо делу, ничтожному или важному, вооружаются они прежде всего знамением креста, и это также вся молитва их Богу за успех в деле. Таким образом, они служат Богу крестным знамением только из-за невежественного и пустого обычая, нисколько не понимая, что значит крест Христов и сила этого креста. И, несмотря на то, всех других христиан они считают не лучше турок в сравнении с собой, потому что, как они говорят, они не поклоняются кресту, когда видят где-либо его изображение, и не крестятся, как русские.

Святая вода у них в таком же употреблении и уважении, как у папистов, но превосходят они их еще тем, что не только в сосудах святят воду, но во всех их реках однажды в год. Такой обряд совершается в Москве с большим торжеством и пышностью в присутствии самого царя со всем дворянством, начинаясь ходом в виде процессии через все улицы к Москве-реке в следующем порядке. Впереди идут два дьякона с хоругвями, из коих на одной изображение Пречистой Девы, а на другой св. Михаила, поражающего змия; за ними следуют другие дьяконы и московские священники, по два в ряд, одетые в ризы, с образами на груди, которые несут на помочах, надетых у них на шею. За священниками идут епископы в полном облачении, потом монахи и игумены и, наконец, патриарх в богатом одеянии, с шаром на вершине митры в знак его верховной власти над этой церковью. Позади их всех идет царь со всем своим дворянством. Ход этот растягивается на целую милю или более. Прийдя к реке, делают большую прорубь во льду в назначенном месте, шириной в полторы перши¹⁴⁸, и ограждают ее. Тогда патриарх начинает читать некоторые молитвы, заклиная дьявола выйти из воды, а потом, бросив в нее соли и окурив ее ладаном, освящает таким образом воду во всей

реке. Поутру перед тем все москвичи чертят мелом кресты на всех дверях и окнах, чтобы дьявол, изгнанный заклинаниями из воды, не влетел в их дома.

Когда церемония окончится, то сначала царские телохранители, а потом и все горожане идут со своими ведрами и ушатами зачерпнуть освященной воды для питья и других надобностей. Вы также увидите тут женщин, которые погружают детей своих с головой и ушами в воду, и множество мужчин и женщин, которые бросаются в прорубь кто нагой, кто в платье, тогда как, по-видимому, можно отморозить палец, опустив его в воду. После людей ведут к реке лошадей и дают им пить освященную воду, чтобы и их освятить. День, в который совершается это освящение рек, называется Крещением. То же самое повторяется епископами во всем государстве.

У них есть также обычай давать своим опасно больным пить святую воду; они полагают, что этим можно исцелить их или, по крайней мере, освятить. Многие погибают от такого необдуманного суеверия, как это случилось с единственным сыном боярина Бориса в бытность мою в Москве, которого он погубил, по словам врачей, заставив его напиться холодной святой воды и отнеся его голого в церковь св. Василия в сильный зимний мороз, тогда как он был отчаянно болен.

У них есть образ Христа, который называют они нерукотворным (что значит сделанный без помощи рук), веря рассказам своих попов и преданию. Образ этот носят они с собой в крестные ходы на длинном шесте в особенном киоте и поклоняются ему как великой тайне.

Всякий раз, как варится пиво, они, по обычаю, приносят часть суслу священнику в церковь и по освящении вливают его в пиво, отчего оно получает такую силу, что напившийся им редко остается трезвым. Точно так же освящается у них первый сноп во время жатвы.

Сверх того совершается здесь еще один торжественный обряд в Вербное воскресенье на основании весьма древнего предания: в этот праздник патриарх проезжает через Москву верхом на лошади, которую сам царь ведет под уздцы, а народ взывает: «Осанна!» и бросает свое верхнее платье под ноги лошади. Патриарх платит в этот день царю за хорошую службу положенную дань, 200 рублей. За неделю до Рождества совершается еще обряд, подобный этому: каждый епископ в своей соборной церкви показывает трех отроков, горящих в печи, куда ангел слетает с церковной крыши, к величайшему удивлению зрителей,

при множестве пылающих огней, производимых посредством пороха так называемыми халдейцами, которые в продолжение всех 12 дней должны бегать по городу, переодетые в шутовское платье и делая разные смешные штуки, чтобы оживить обряд, совершаемый епископом. В Москве царь и царица всегда бывают при этом торжестве, хотя всякий год повторяется одно и то же без всякого прибавления чего-нибудь нового.

Кроме постов по средам и пятницам в продолжение целого года (по средам — в воспоминание того, что Христос был в этот день предан, а по пятницам — в воспоминание того, что Он в этот день страдал) они соблюдают еще четыре больших поста в году. Первый (который они называют Великим) бывает в одно время с нашим, другой — в половине лета, третий — во время жатвы, четвертый — перед святками. Эти посты соблюдают они не по какому-либо предписанию, а по одному суеверию. В первую неделю Великого поста они ничего не употребляют в пищу, кроме хлеба и соли, а пьют только одну воду; не занимаются также никакими делами и только говеют. Великим постом у них бывает три всеобщих бдения, которые они называют стоянием, а в последнюю пятницу так называемая великая всеобщая. В это время все прихожане должны находиться в церкви и оставаться в ней с 9 часов вечера до 6 утра, стоя все время, кроме того, когда они кладут земные поклоны перед образами — всего за ночь 170 поклонов.

При похоронах у них существует также множество суеверных и языческих обрядов: например, они кладут в руки покойному письмо к св. Николаю, которого почитают главным своим заступником и стражем врат царствия небесного, каким паписты считают Петра.

В зимнее время, когда все бывает покрыто снегом и земля так замерзает, что нельзя действовать ни заступом, ни ломом, они не хоронят покойников, а ставят их (сколько ни умрет в течение зимы) в доме, выстроенном за городом, который называют Божедом, или Божий дом: здесь трупы накладываются друг на друга, как дрова в лесу, и от мороза становятся твердыми, как камень; весной же, когда лед растает, всякий берет своего покойника и предает его земле.

Кроме того, совершают они годовые и месячные поминки по усопшим. В такие дни священник служит им панихиды на могиле покойника и за труд свой получает определенную плату. Когда кто у них умрет, то приглашают они плакальщиц, которые приходят рыдать по

успошему и по языческому обычаю испускают вопли, стоя над телом (иногда в доме, а иногда при выносе тела) и спрашивая покойника, чего ему недоставало и зачем он вздумал умереть? Мертвых хоронят в одежде, в которой они ходили: в кафтане, штанах, сапогах, шляпе и другом платье.

Есть еще у них много других пустых и суеверных обрядов, о которых и долго, и скучно было бы рассказывать. Из всего этого можно судить, как далеко отстали они от истинного познания и исполнения обязанностей христианской религии, променяв Слово Божье на свои пустые предания и превратив все во внешние и смешные обряды без всякого уважения к духу и истине, которых требует Бог от настоящего ему поклонения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

О домашней или частной жизни царя

Домашняя жизнь царя, сколько она известна, состоит в следующем. Обыкновенно встает он около 4 часов утра¹⁴⁹. Когда оденется и умоется, к нему приходит его отец духовный, или придворный священник, с крестом, которым благословляет его, прикасаясь сперва ко лбу, потом к ланитам царя, и дает ему поцеловать конец креста. Затем так называемый крестный дяк вносит в комнату живописную икону с изображением святого, празднуемого в тот день, ибо каждый день имеет у них своего святого, как бы своего патрона. Образ этот он ставит к прочим образам, которыми уставлена вся комната, сколько можно поместить на стене, с горящими перед ними лампадами и восковыми свечами. Образа богато и пышно украшены жемчугом и драгоценными камнями. Когда поставят образа на место, царь начинает креститься по русскому обычаю, осеняя сперва голову, потом живот и обе стороны груди и произнося: «Господи, помилуй, помилуй мя, Господи, сохрани меня грешного от злого действия». С этими словами он обращается к образу или к святому того дня, которого поминает в молитве вместе с Богородицей, св. Николаем, или другим святым, в которого более верует, падая перед ним на землю и ударяя об нее головою. Такой молитве царь посвящает четверть часа или около того.

Затем входит опять духовник, или придворный священник, с серебряной чашей, наполненной святой водой и кропилом св. Василия (как они его называют), которым

окропляет сперва образа, потом царя. Святую воду приносят каждый день свежую из дальних и ближних монастырей, так что присылает ее царю игумен от имени того святого, в честь которого построен монастырь, в знак особенного благоволения его к царю.

Окончив этот религиозный обряд, царь посылает к царице спросить, хорошо ли она почивала и проч., и через некоторое время сам идет здороваться с ней в средней комнате, находящейся между ее и его покоями. Царица почивает особо и не имеет ни общей комнаты, ни общего стола с царем, кроме как в заговенье, или накануне постов, когда обыкновенно разделяет с ним и ложе, и стол. После утреннего свидания идут они вместе в свою домовую церковь или часовню, где читается или поется утренняя служба, называемая заутреней, которая продолжается около часу. Возвратясь из церкви домой, царь садится в большой комнате, куда для свидания с ним и на поклон являются те из бояр, которые в милости при дворе. Здесь царь и бояре, если имеют что сказать, передают друг другу. Так бывает всякий день, если только здоровье царя или другой случай не заставят его изменить принятому обыновению.

Около 9 часов утра идет он в другую церковь в Кремле, где священники с певчими отправляют полное богослужение, называемое обедней, которая продолжается два часа, и в это время царь обыкновенно разговаривает с членами Думы своей, с боярами или военачальниками, которые о чем-либо ему докладывают, или же он сам отдает им свои приказания. Бояре также рассуждают между собой, как будто бы они находились в Думе. По окончании обедни царь возвращается домой и отдыхает до самого обеда.

За обедом прислуживают ему следующим образом: каждое блюдо (как только оно отпускается к накладчику) должен прежде отвеживать повар в присутствии главного дворецкого или его помощника. Потом принимают его дворяне-слуги (называемые жильцами¹⁵⁰) и несут к царскому столу, причем идет впереди их главный дворецкий или его помощник. Здесь кушанье принимает кравчий¹⁵¹, который каждое блюдо дает отвеживать особому для того чиновнику, а потом ставит его перед царем. Число блюд, подаваемых за обыкновенным столом у царя, бывает около 70, но приготовлены они довольно грубо, с большим количеством чеснока и соли, как в Голландии. В праздник или при угощении какого-либо посланника блюд гораздо больше. За столом подают вместе по два блюда, но не

более трех, дабы царь мог кушать их горячими — сперва печенья, потом жареное, наконец похлебки. В столовой ссть еще другой стол, за коим сидят некоторые из знатнейших лиц, находящихся при дворе, и духовник царский, или капеллан¹⁵². По одну сторону комнаты стоит стол с прекрасной, богатой посудой и большим медным чаном, наполненным льдом и снегом, в коих поставлены кубки, подаваемые к столу. Чашу, из которой пьет сам царь, в продолжение всего обеда держит особый чиновник и подносит ее царю с приветствием всякий раз, как он ее потребует. Когда поставят кушанье на стол, то обычно раскладывают его на несколько блюд, которые потом отсылает царь к тем дворянам и чиновникам, кому он сам захочет. Это почитается великим благоволением и честью.

После обеда царь ложится отдыхать и обыкновенно почивает три часа, если только не проводит один из них в бане или на кулачном бою. Спать после обеда принято как у царя, так и у всех русских. После отдыха идет он к вечерне и, возвратясь оттуда, большей частью проводит время с царицей до ужина. Тут увеселяют его шуты и карлы мужского и женского пола, которые кувыркаются перед ним и поют песни по-русски, и это самая любимая его забава между обедом и ужином. Другая особенная потеха — бой с дикими медведями, которых ловят в ямах и тенетами и держат в железных клетках, пока царь не пожелает видеть это зрелище. Бой с медведем происходит следующим образом: в круг, обнесенный стеной, ставят человека, который должен возиться с медведем, как умеет, потому что бежать некуда. Когда спустят медведя, то он прямо идет на своего противника с отверзтой пастью. Если человек с первого раза дает промах и подпустит к себе медведя, то подвергается большой опасности; но дикий медведь весьма свиреп, и это свойство дает перевес над ним охотнику. Нападая на человека, медведь поднимается обыкновенно на задние лапы и идет к нему с ревом и разинутой пастью. В это время если охотник успеет ему всадить рогатину в грудь между двумя передними лапами (обыкновенно успевает) и утвердить другой конец ее у ноги так, чтобы держать его по направлению к морде медведя, то часто с первого раза сшибает его. Но случается, что охотник дает промах, и тогда лютый зверь или убивает, или раздирает его зубами и когтями на части. Если охотник хорошо выдержит бой с медведем, его ведут к царскому погребу, где он напивается допьяна в честь государя, и в этом вся его награда за то, что он жертвовал жизнью для

потехи царской. Чтобы пользоваться этим удовольствием, царь содержит несколько ловчих для ловли диких медведей. Травлей царь забавляется обычно по праздникам. Иногда проводит он время, рассматривая работу своих золотых дел мастеров и ювелиров, портных, швей, живописцев и т. п., а потом идет ужинать. Когда приходит время спать, священник читает несколько молитв, царь молится и крестится, как и по утру, около четверти часа, после чего ложится.

Теперешний царь, по имени Феодор Иванович, росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водянке; нос у него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и не деятелен, но всегда улыбается, почти смеется. Что касается других свойств его, то он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суверен. Кроме того, что он молится дома, ходит он каждую неделю на богомолье в какой-нибудь из ближних монастырей. От роду ему 34 года или около того, а царствует он почти шесть лет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

О домашнем или придворном штате царя

Главные чиновники царского двора следующие: первая должность — конюшего боярина, или начальника конюшенного ведомства. Она заключает в себе не более того, сколько выражает само название, то есть обязанность главного надзора над лошадьми, а не то, что *magister equitum*, или начальник всадников, потому что на это место определяются другие, смотря по обстоятельствам (как о том сказано было выше). Должность конюшего занимает теперь Борис Федорович Годунов, брат царицы. Лошадей царских, назначенных для войны, кроме других, употребляемых для обыкновенной работы, до 10 000, все они содержатся в окрестностях Москвы. Вторая должность — дворецкого, — занимаемая в настоящее время Григорием Васильевичем Годуновым. Третья — казначея, который хранит все царские деньги, драгоценные вещи, серебряную посуду и проч. Ее занимает Степан Васильевич Годунов. Четвертая должность — контролера, — которой заведывает Андрей Петрович Клешнин¹⁵³. Пятая — постельничего¹⁵⁴; это место занимает ныне Истома Безобразов. Шестая —

крайчего, которыми теперь Федор Александрович и Иван Васильевич Годуновы. Седьмая — фурыеров¹⁵⁵, которых теперь трое из лиц высшего сословия и еще несколько различных других подчиненных им дворян. Вот обыкновенные царские чиновники, наиболее почетные.

Кроме того, в комнатах царских и при его особе находится 200 человек, называемых жильцами-стряпчими¹⁵⁶, все дети дворян. Постоянных телохранителей его составляют 2000 стрельцов, стоящих день и ночь с заряженными ружьями, зажженными фитилями и другими нужными снарядами. Они не входят во дворец и сторожат на дворе, где живет царь. В ночное время подле царской спальни находится главный постельничий с одним или двумя другими наиболее приближенными к царю. В смежной с ней комнате помещаются еще шестеро других лиц, известных своей верностью и преданностью. В третьей комнате ложатся несколько молодых дворян из числа означенных выше жильцов — стряпчих, которые чередуются по 40 человек каждую ночь. Кроме этих есть еще несколько молодых людей, называемых истопниками и находящихся на страже у каждых ворот и каждой двери во дворе.

Стрельцы, коих числом 2000 (как было сказано выше), сторожат дворец царский или опочивальню по 250 в ночь; другие 250 человек караулят на дворе и около казначейства. Дворец, или дом царский, в Москве построен в виде крепости, обнесен стенами, уставленными множеством хороших орудий, и заключает в себе большое пространство земли со многими домами, назначенными для жительства людям, известным своей верностью и преданностью царю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

О домашней жизни и свойствах русского народа

О домашней жизни и свойствах русского народа можно составить некоторое понятие из того, что было сказано в главе об общественном состоянии и обычаях государства. Что касается их телосложения, то они чаще всего роста высокого и очень полны, почитая за красоту дородность, и вместе с тем стараются отпустить и растить длинную и окладистую бороду. Но в основном они вялы и не деятельны, что, как можно полагать, происходит частью от

климата и сонливости, возбуждаемой зимним холодом, частью же от пищи, которая состоит преимущественно из кореньев, лука, чеснока, капусты и подобных овощей, производящих дурные соки; они едят их и без всего, и с другими кушаньями.

Стол у них более чем странен. Приступая к еде, они обыкновенно выпивают чарку, или небольшую чашку, водки (называемой русским вином), потом ничего не пьют до конца трапезы, но тут уже напиваются вдоволь и все вместе, целуя друг друга при каждом глотке, так что после обеда с ними нельзя ни о чем говорить, и все отправляются на скамьи, чтобы соснуть, имея обыкновение отдыхать после обеда, как и ночью. Если наготовлено много разного кушанья, то подают сперва печенья (ибо жареного они употребляют мало), а потом похлебки. Напиваться допьяна каждый день всю неделю у них дело весьма обыкновенное. Главный напиток их мед, а люди победнее пьют воду и жидкий напиток, называемый квасом, который (как мы сказали) есть не что иное, как вода, заквашенная с небольшой примесью солода.

Из-за такой пищи они могли бы часто болеть, но они ходят два или три раза в неделю в баню, которая им служит вместо всяких лекарств. Всю зиму и большую часть лета топят они свои печи, устроенные подобно банным печам в Германии, и палаты их так нагревают дом, что иностранцу сначала, наверное, не понравится. Эти две крайности, особенно зимой (жар внутри домов и стужа на дворе), вместе с пищей придают им темный, болезненный цвет лица, потому что кожа от холода и жара изменяется и морщинится, особенно у женщин, у которых цвет лица большей частью гораздо хуже, чем у мужчин. По моему мнению, это происходит оттого, что они постоянно сидят в жарких покоях, занимаются топкой бань и печей и часто парятся.

Русский человек, привыкнув к обеим крайностям, и к жару и к стуже, может переносить их гораздо легче, нежели иностранцы. Вы нередко увидите, как они для закалки тела выбегают из бани в мыле и, дымясь от жару, как поросенок на вертеле, кидаются нагие в реку или окатываются холодной водой даже в самый сильный мороз. Женщины, стараясь скрыть дурной цвет лица, белятся и румянятся так много, что каждый может заметить. Однако там никто не обращает на это внимания, потому что таков у них обычай, который не только нравится мужьям, но даже сами они позволяют своим женам и дочерям покупать

белила и румяна для крашения лица и радуются, что из страшных женщин они превращаются в красивых кукол. От краски морщится кожа, и они становятся еще безобразнее, когда ее смывают. Одежда их сходна с греческой. Бояре одеваются таким образом. На голову надевают тафью, или небольшую ночную шапочку, которая закрывает немного поболее маковки и обыкновенно богато вышита шелком и золотом и украшена жемчугом и драгоценными камнями. Волосы на голове стригут до самой кожи, кроме тех, кто в опале у царя. Тогда отращивает он волосы до плеч, закрывая ими лицо как можно уродливее и безобразнее. Сверх тафьи носят большую шапку из меха чернубурой лисицы (почитаемого за лучший мех) с тиарой, или высокой тульей, которая возвышается из меховой опушки наподобие персидской или вавилонской шапки. На шею (всегда голую) надевается ожерелье из жемчуга и драгоценных камней шириной в три или четыре пальца. Сверх рубахи, изукрашенной шитьем, потому что летом они дома носят ее одну, надевается зипун, или легкая шелковая одежда, длиной до колен, которая застегивается спереди, и потом кафтан, или узкое застегнутое платье, с персидским кушаком, на котором вешают ножи и ложку. Кафтаны шьют из золотой парчи, длиной они до самых лодыжек. Сверх кафтана надевают распашное платье из дорогой шелковой материи, подбитое мехом и обшито золотым галуном; оно называется ферязью¹⁵⁷. Другая верхняя одежда из камлота¹⁵⁸ или подобной материи — охабень¹⁵⁹, весьма длинный, с рукавами и воротником, украшенным камнями и жемчугом. При выходе из дому набрасывается сверх всей этой одежды (которая очень легка, хотя состоит из нескольких платьев) так называемая однорядка¹⁶⁰, похожая на охабень, с той разницей, что шьется без воротника; она бывает обыкновенно из тонкого сукна или камлота. Сапоги, которые носят вместо чулок, с заправленными в них онучками (вместо носков), делаются из персидской кожи, называемой сафьяном, и вышиваются жемчугом. Верхнее платье обыкновенно из золотой парчи. Со двора они всегда выезжают верхом, хотя бы на самое близкое расстояние, что соблюдается и боярскими детьми, или дворянами.

Боярские дети одеваются точно так же, употребляя только другую материю на платья, но кафтан, или нижнее платье, у них бывает иногда из золотой парчи, а прочее платье суконное или шелковое.

Благородные женщины (называемые женами боярскими) носят на голове тафтяную¹⁶¹ повязку (обыкновенно красную), а сверх нее шлык, называемый науруса, белого цвета.

Сверх этого шлыка надевают шапку из золотой парчи, называемую шапкой земской, с богатой меховой опушкой, с жемчугом и камнями, но с недавнего времени перестали унижать шапки жемчугом, потому что жены дьяков и купеческие стали подражать им. В ушах носят серьги в два дюйма и более, золотые, с рубинами, сапфирами или другими драгоценными камнями. Летом часто надевают покрывало из тонкого белого полотна или батиста, завязываемое у подбородка, с двумя длинными висящими кистями. Все покрывало густо унижено дорогим жемчугом. Когда выезжают верхом или выходят со двора в дождливую погоду, то надевают белые шляпы с цветными завязками (называемые шляпами земскими). На шее носят ожерелье в три и четыре пальца шириной, украшенное дорогим жемчугом и драгоценными камнями. Верхняя одежда широкая, называется опашень, обыкновенно красная, с пышными и длинными рукавами, висящими до земли, застегивается спереди большими золотыми или, по крайней мере, серебряными вызолоченными пуговицами величиной почти с грецкий орех. Сверху, под воротником, к ней пришит еще другой большой широкий воротник из дорогого меха, который висит почти до половины спины. Под опашнем, или верхней одеждой, носят другую, называемую летником, шитую спереди без разреза, с большими широкими рукавами, коих половина до локтя делается обыкновенно из золотой парчи, под нею же ферязь земскую, которая надевается свободно и застегивается до самых ног. На руках носят весьма красивое запястье шириной пальца в два из жемчуга и дорогих камней. У всех на ногах сапожки из белой, желтой, голубой или другой цветной кожи, вышитые жемчугом. Такова парадная одежда знатных женщин в России.

Платье простых дворянских жен отличается только материей, но покрой один и тот же.

Что касается мужиков и жен их, то они одеваются очень бедно: мужчина ходит в однорядке, или широком платье, которое спускается до самых пят и подпоясано кушаком, из грубого белого или синего сукна с надетой под ним шубой или длинным меховым или овчинным камзолом, в меховой шапке и в сапогах. У мужиков победнее однорядки из коровьей шкуры. Так одеваются они зимой. Летом обыкновенно не носят они ничего, кроме рубахи на теле и сапог на ногах. Женщина, когда она хочет нарядиться, надевает красное или синее платье и под ним теплую меховую шубу зимой, а летом только две рубахи (ибо так они их называют), одна на другую и

дома, и выходя со двора. На голове носят шапки из какой-нибудь цветной материи, многие также из бархата или золотой парчи, но большей частью повязки. Без серег серебряных или из другого металла и без креста на шее вы не увидите ни одной русской женщины, ни замужней, ни девицы.

Что касается их свойств и образа жизни, то они обладают хорошими умственными способностями, не имея, однако, тех средств, какие есть у других народов, для развития их дарований воспитанием и наукой. Правда, они могли бы заимствовать в этом случае от поляков и других соседей своих, но уклоняются от них из тщеславия, предпочитая свои обычаи обычаям всех других стран. Отчасти причина этому заключается и в том (как было замечено мной выше), что образ их воспитания, чуждый всякого основательного образования и гражданственности, признается их властями самым лучшим для их государства и наиболее согласным с их образом правления, которое народ едва ли бы стал переносить, если бы получил какое-нибудь образование и лучшее понятие о Боге, равно как и хорошее устройство. С этой целью цари уничтожают все средства к его улучшению и стараются не допускать ничего иноземного, что могло бы изменить туземные обычаи. Такие действия можно было бы сколько-нибудь извинить, если бы они не налагали особый отпечаток на самый характер жителей. Видя грубые и жестокие поступки с ними всех главных должностных лиц и других начальников, они так же бесчеловечно поступают друг с другом, особенно со своими подчиненными и низшими, так что самый низкий и убогий крестьянин (как они называют простолюдина), унижающийся и ползающий перед дворянином, как собака, и облизывающий пыль у ног его, делается несносным тираном, как скоро получает над кем-нибудь верх. От этого бывает здесь множество грабежей и убийств. Жизнь человека считается ни по чем. Часто грабят в городах на улицах, когда кто запоздает вечером, но на крик ни один человек не выйдет из дому подать помощь, хотя бы и слышал вопли. Я не хочу говорить о странных убийствах и других жестокостях, какие у них случаются. Едва ли кто поверит, чтобы подобные злодейства могли происходить между людьми, особенно такими, которые называют себя христианами.

Бродяг и нищенствующих у них несчетное число: голод и крайняя нужда до того их изнуряют, что они просят милостыни самым ужасным, отчаянным образом, говоря:

«Подай и зарежь меня, подай и убей меня», и т. п. Отсюда можно заключить, каково обращение их с иностранцами, когда они так бесчеловечны и жестоки к своим единоземцам. И несмотря на то, нельзя сказать наверное, что преобладает в этой стране — жестокость или невоздержанность. Впрочем, о последнем я и говорить не стану, потому что оно так грязно, что трудно найти приличное для него выражение. Все государство преисполнено подобными грехами. И удивительно ли это, когда у них нет законов для обуздания блуда, прелюбодеяния и других вопросов?

Что касается верности слову, то русские большей частью считают его почти ни по чем, если могут что-нибудь выиграть обманом и нарушить данное обещание. По истине можно сказать (как вполне известно тем, кто имел с ними более дела по торговле), что от большого до малого, кроме весьма немногих, которых очень трудно отыскать, всякий русский не верит ничему, что говорит другой, но зато и сам не скажет ничего такого, на что можно было бы положиться. Эти свойства делают их презренными в глазах всех их соседей, особенно татар, которые считают себя гораздо честнее и справедливее русских. Те, которые внимательно обсуждали состояние обоих народов, полагают, что ненависть к образу правления и поступкам русских была до сих пор главной причиной язычества татар и их отвращения от христианской веры.

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В МОСКВУ
НИКОЛАЯ ВАРКОЧА,
ПОСЛА РИМСКОГО ИМПЕРАТОРА,
в 1593 году

22 июля вместе с другими служителями и спутниками г. Варкоча, уехавшего в тот же день несколько прежде, поехал и я вслед за ним; первый день ехали до Гундфельдта, сч.* небольшую милю¹ пути.

23 того же месяца проезжали через Олесницу и в полдень кормили в деревне Шоланке; сделали 4 мили.

А тут проезжали через Вартенберг и ночевали в плохом городишке; сделали 4 мили.

24 того же месяца в полумиле от Прелина переправлялись через реку Просну, где оканчивается Силезия² и начинается Великая Польша³, и останавливались в городе Верушове; ехали 3 мили.

24 того же месяца ночевали в Велуне, порядочном каменном городке; сделали 5 миль.

26 июля простояли там. Сюда приехал к нам из Вильгельмсдорфа и г. посол Варкоч с другими своими придворными служителями и тотчас же послал своего дворецкого, Христофора Унруга, Ганса Френкенберга, своего сына и Ганса Рейнхарта Штейнбаха в крепость к г. польскому старосте Кновичу вежливо уведомить о себе в надлежащем письменном виде и потом требовать себе провожатых.

27 июля г. Николай Варкоч фон Нобшич из Вильгельмсдорфа, посол римского императорского величества, выехал в Москву из Велуны со следующими лицами:

* Так в тексте.

1. Ганс Варкоч фон Нобшич, сын г. посла.
2. Христофор Унруг Младший фон Гуннерн, дворецкий.
3. Г. Гейрих фон Вальштейн, владелец Арнау (чеш. Гостинне) в Чехии.
4. Ганс Рейнгарт Штейнбах фон Штейнбах из Чехии.
5. Реймунд Утман фон Шмольц из Германии.
6. Стефан Гейс.
7. Франц Варкоч из Вильгельмсдорфа, начальник кухни (кухмистер).
8. Фридрих Крейшельвиц фон дер Струза.
9. Павел Бенедикт Бухольцер, конюший.
10. Ганс Сигмунд Гаславец из Гаслау в Чехии.
11. Вячеслав Авлик из Бруна (чеш. Студнице) и Кабски.
12. Соломон Питириский из Хити и Эгерберга в Чехии.
13. Ганс Зигель из Воствича.
14. Павел Истель из Фрейбурга, аптекарь.
15. Герман Лейхтер из Казеля.
16. Андрей Гартрумф из Львова.
17. Бернгард Стромбергер, цирюльник.
18. Михаил Ширмер из Лейпцига.
19. Матвей Васерман из Праги.
20. Ганс Полей, комнатный служитель.
21. Павел Гейман из Аншпах, слуга.
22. Антоний Грезинг, придворный портной.
23. Юрий Лёб, служитель г. дворецкого.
24. Андрей Берг } смотрители за платьем (гардероб-
25. Лоренц Линкс } щики).
26. Томас Либальд, оружейник.
- 27, 28, 29. Трое служителей при повозках.
30. Маркс Шепкельс, повар.

Г. посол с сыном и почетными молодыми дворянами остались у одной знатной особы дворянского сословия, а мы все поехали на ночлег в Кморинг, большую деревню, сделав 3 мили.

28 июля мы простояли там, пока не воротился к нам г. посол. Один тамошний дворянин позвал к себе в гости меня и аптекаря Штейнбаха, которого все мы выдавали за нашего лекаря, и подарил всему обществу бочку пива.

29 числа завтракали в деревне Марчипе; отъехали 4 мили. А ночевали в городе Лютемерске, сделав 4 мили.

30 июля завтракали в городе Згерже; сделали 4 мили. Ночевали в городе Глосне после 4 миль пути.

31 того же месяца завтракали в Ловиче, лежащем при реке Бзуре. Здесь пребывает архиепископ Штемиль Карнковский; тут же и оканчивается Великая Польша и начинается Мазовия⁴. Вечером того же дня мы прибыли в город Сохачев, в котором живет много евреев, а лежит он тоже на реке Бзуре. 1 августа завтракали в Блоне, проехав 4 мили. Вечером прибыли в Варшаву, главный город Мазовии, где находился в то время король Сигизмунд. Это довольно большой город и весь населен немецкими купцами, а лежит на очень большой и судоходной реке Висле, через которую мост в 1209 шагов длины.

2 августа г. посол ездил в замок и представлялся его королевскому величеству, у которого в покое была такая невероятная теснота, что негде и пошевелиться. Там его королевское величество в прибавку к прежним провожатым г. посла велел дать еще одного.

3 августа король с королевой рано уехали Вислой на 7 судах, кроме тех, что отправлены были вперед, а за ним 200 гайдуков⁵. В тот же день и мы выехали в Вильну в 7 колясках, из которых 4 взяли мы из Гданьска, да еще на 2 татарских телегах⁶ и с 12 вершниками⁷ впереди, и доехали в день до городка Радзимины, сделав 4 мили.

4 августа кормили в городке Каменчике; тут впадает в Вислу судоходная река Буг; сделали 6 миль. На одном берегу реки кончается Мазовия, а на другом начинается княжество Подляшское⁸, ночевали в деревне Борембе, отъехав 2 мили.

5 того же месяца после 3 миль пути завтракали в Острове, чистеньком городке, а ночевали в деревне Сунофе, сделав 3 мили.

6 того же месяца, отъехав еще 2 мили, завтракали в городке Замброве, а ночевали в деревне Менженине, сделав 3 мили.

7 того же месяца завтракали в Тикоцине, маленьком городке. В нем живет много евреев, а лежит он на судоходной реке Нареве: только что перейдешь мост, тотчас же литовская граница, и почти в 2 ружейных выстрелах от города королевская крепость, в которой, говорят, до настоящего времени прежние польские короли хранили свою казну, потому что это такая сильная крепость; отчасти ее обтекает река Нарев, а кругом все болото, так что пробраться туда нелегко. Сделали мы 3 мили. Ночевали в городе Кнышине, а при нем тоже деревянный королевский замок, в котором обыкновенно проживал король Сигизмунд Август, да там же и умер.

8 августа ехали мы целые 8 миль лесом, который называется Кнышинским; в нем кормили на половине дороги, а ночевали за ним, в деревне Соколке; отъехали 8 миль.

9 того же месяца, отъехав 2 мили, кормили в местечке Кузнице. На ночь остались в Городне. Это королевский город, при котором есть хорошо выстроенный королевский замок, с королевскими покоями, частью совсем убранными; покойный король Стефан обыкновенно проживал там и в одной из тамошних комнат умер. Этот город лежит на судоходной реке Немене. Мы сделали 3 мили.

10 августа простояли там же.

11 августа, сделав 2 мили, завтракали в Гоже, небольшом городке на реке Немене. На ночь останавливались в городке Ротнице, отъехав 4 мили.

12 того же месяца завтракали в Мериче. Этот городок лежит на двух реках, Оранске и Немене, и при нем впадает река Мереч в Немен. Сделали 4 мили. Здесь г. посол поспешно отправил конюшего с королевскими пропускными видами⁹ в Крыжаны к виленскому воеводе г. Христофору Радзивилу с приказанием уведомить его о себе по этим письменным видам и потом потребовать провожатых. Ночевали в Прелае, городе на уже упомянутой реке Мерече. Ехали 3 мили.

13 того же месяца завтракали в корчме Войтаре: тут всего только и есть, что сама корчма, да 4 или 5 домов; сделали 4 $\frac{1}{2}$ мили. Ночевали в корчме Вилькове: там едва только 5 домов, и нельзя было достать ни куска хлеба; мы должны были на ночь растянуться на свиных щетинах, да и тех было не очень много. Сделали 2 мили. Сюда на рассвете вернулся к нам конюший и донес г. послу о выполнении его поручения.

14 августа кормили в Вацке: это большая деревня, по рассказам, будто бы 3 мили в длину, и в ней живут одни татары. Через всю деревню протекает река Вацка, о которой много бы можно сказать. Сделали 3 мили. На ночь приехали в Вильну. Это город большой, обнесенный обводной стеной, ведет обширную торговлю с Москвой, Ливонией, Пруссией, Россией и пр. Там же есть хорошо выстроенный королевский замок. Этот город лежит на реках Вильне и Вилии: Вильна, меньшая, обтекает замок, при котором и впадает в судоходную Вилию. Отсюда Ганс Крамер и Мельхиор Ципфер со слугами тоже поехали с нами в Москву. В Вильне есть несколько русских церквей. Тамошние женщины не смеют входить в церковь на другой

день после сообщения, по учению их веры, а должны стоять перед дверью; со всем тем молятся очень прилежно и исправляют обряды, как и находящиеся внутри церкви.

17 августа посол поехал в замок к подстаросте¹⁰ Николаю Яновичу показать и дать ему выслушать королевскую пропускную грамоту. В замке по обеим сторонам стояли 60 гайдуков, одетых в синее платье, с ружьями, между коими надо было проезжать.

Вечером 19 числа мы выехали из Вильны в 3 колясках, в 8 татарских телегах и с 2 передовыми вершниками, а на ночлег прибыли в корчму Шарин-Стоттели, сделал 2 мили.

20 августа кормили в корчме Цивнаве, проехав 7 миль, ночевали же в городке Сморгоне, после 3 миль пути.

21 августа кормили в городке Лебедеве, сделал 3 мили. На ночь останавливались в городке Молодечне, при котором есть порядочный деревянный замок, город же лежит на болоте. Проехали 2 мили.

22, сделал 2 мили, проезжали городком Красное Село. Кормили в Радошковичах, где кончается Литовское княжество и начинается Россия и на несколько миль идет высокая гора. Сделав 2 мили, ночевали в Вешадах: это плохая корчма в лесу. Сделали 3 мили.

23 августа кормили в Логойске, у одного еврея. Логойск город с плохой деревянной крепостью и лежит на реке Гайне. Сделали 5 миль. На ночь останавливались в Юрьеве, городке, лежащем на реке Усяже. Отъехали 3 мили.

24 того же месяца кормили в лесу при одной речке, сделал 3 мили. Впрочем, останавливались в Борисове, довольно обширном городе, но с очень маленькими зданиями, как и обычно в Польше и Литве; близ него довольно большой замок, весь выстроенный из дерева. Город лежит на порядочной судоходной реке Березине. Сделали 2 мили. Здесь начинается большая дикая пустыня¹¹ и лес на многие мили пути.

25 того же месяца ехали в одну кормежку; дорога предурная, ночевали в лесу при какой-то реке, разбив палатки, а иные поставили себе шалаши из листьев. Сделали 5 миль.

26 кормили в Наче. Этот город лежит на реке Наче и в совершенной пустыне. Отъехали 3 мили. Город выстроен только 9 лет назад и получил название от реки. Так как, к несчастью, кругом все разорено, то, чтобы люди имели причину селиться там, король Стефан¹² дал этому месту льготу на 20 лет, и именно такую, чтобы поселившиеся

там жили свободно от всякой подати и службы. После того как была дана такая льгота, тотчас же нашлись многие, которые настроили тут всего: с полной готовностью отправлялись туда купцы и ремесленники, заведена была там таможня, и в течение 9 лет выстроился и городок. Здесь г. посол отправил Ганса Крамера, Мельхиора Циффера и меня, Стефана Гейса, вперед, в Москву, на Смоленск, с уведомлением о его приезде к тамошнему воеводе, чтобы, когда он приедет к границе, скорее и без промедления продолжать ему свой путь дальше. Так и поехали мы в тот же день на 2 телегах и сделали до Бобра 4 мили. Этот городок лежит на реке того же названия; в нем много домов, в которых курят водку. Ночевали в дрянном местечке Дрешанке, проехав 2 мили.

27 того же месяца, сделав 6 миль, кормили в деревне Предишне. На ночь приехали в деревню В-nuf (?)^{*} после 4 $\frac{1}{2}$ мили пути.

28 августа рано приехали в Оршу: это очень обширный город, лежит на реках Оршице и Днепре, или Борисфене, по которому идет много товаров в Смоленск и в Москву; там есть королевский, впрочем деревянный, замок, который, должно быть, значительная пограничная крепость и считается сильной, так как отчасти обнесен стеной и с одной стороны омывается Днепром, а с другой Оршицей. Но строения и укрепления нельзя и сравнивать с подобными в Германии. В городе знатный староста из Литвы по имени Андрей Сапега. По приезде туда я тотчас же пошел к подстаросте Яну Куплинскому, доложил ему о г. после и показал пропускную грамоту виленского воеводы, которую он удержал у себя и вскоре, по моему желанию, распорядился о помещении для г. посла с его придворными, а меня и г. Крамера снабдил проводником, который должен проводить нас до Смоленска. В тот же день мы и поехали дальше на 3 телегах и ночевали в Дубровне, сделав 4 мили. Дубровна — город и в этом месте последняя пограничная крепость против москвитян. Город лежит на Днепре, а по другую сторону крепости протекает река Дубровица. Эта крепость обширна в окружности, только вся деревянная; тут тотчас же мы оповестили о себе через нашего проводника, ехавшего впереди, и нас пропустили свободно.

29 августа кормили в Ивановце, деревне, проехав 4 мили. После того, сделав 3 мили, приехали мы на границу, где впадает в Днепр река Мерейка; с милею от границы прибыли мы

^{*} Так в тексте.

в московскую деревню Васильевцы, а ночевали в лесу, отъехав 3 мили.

30 августа выехали рано, кормили в лесу при реке Ухине; сделали 7 миль. Оттуда мы прибыли к Смоленску, отъехав 4 мили. Мы должны были остановиться с добрый переезд от города и заявить о себе воеводе, после того к нам были присланы какие-то люди. Я уведомил о приезде г. посла и вручил от него письмо. Все хотели знать, со сколькими людьми приедет г. посол, и когда мы это сказывали, кто-то записывал все от слова до слова. Тут они уехали от нас, а потом приставили к нам приставов¹³, прислали пива и водки, а вместо кушанья дали денег.

31 августа я упорно требовал ответа: на реке или на сухом пути примут они у границы г. посла? Об этом они не хотели мне сказать на словах, а вечером принесли одно письмо к г. послу, а другое отдали нашему проводнику к оршанскому старосте. Но я не смог получить устного ответа на мою настоятельную просьбу и потребовал, чтобы меня отправили водой, потому что наверное ожидал этим путем г. посла.

1 сентября под вечер они прислали ко мне молодого парня с телегой и двумя лошадьми, чтобы я скорее ехал к г. послу; я наскоро собрался, вечером же и уехал и в 4 часа, сделав 8 миль, прибыл в деревню Миркуш.

2 того же месяца остановился ночевать в деревне Чирине, после 12 миль пути. Там мне надобно было опять объявить о себе¹⁴. Когда же я сказал, что меня везет москвич, тотчас же велели ему ехать в объезд города и приставили кого-то другого к моей телеге. Но когда я миновал мост и с добрый переезд находился от крепости, меня остановили; с другой дороги привели ко мне москвича, и мне должно было отпустить его: так уж заведено у них. Сделав 4 мили, в полдень я приехал в Оршу. Там я встретил г. посла и вручил ему письмо от смоленского воеводы, в котором говорилось, что г. посол должен приехать на границу 12 сентября.

Еще прежде, 31 августа, в бытность мою в Смоленске, г. оршанский староста позвал г. посла к себе в крепость в гости и прекрасно угощал; на пиру были также и некоторые из его служителей вместе с молодыми дворянами.

1 сентября ужинал у г. посла князь Юрий Горский (?)^{*}.

2 сентября вышеназванный князь подарил г. послу

* Так в тексте.

5 возов сена, 2 бочки овса и бочку пива. В Орше мы пробыли до 10 сентября.

10 того же месяца г. посол отправил по реке Днепру большую лодку с некоторыми вещами в Смоленск, а мы поехали в 3 колясках, 9 телегах, с 2 вершниками и проводником, которого отрядил нам тамошний староста.

Переправившись на пароме через Днепр, мы ехали 4 мили от Орши до Дубровны. Тут пристали у одного старика-еврея, который оказался очень добрым к нам.

11 того же месяца кормили в Ивановце, отъехав 4 мили. Ночевали в Баеве, после 3 ¹/₂ мили пути. Эта деревня — на реке Мерейке; дорога туда предурная. Москвитяне хотели, чтобы мы подали знак, как приедем туда; и по требованию г. посла пущено было ночью несколько ракет, сделано также много выстрелов, чтобы москвитяне лучше могли узнать о нашем приезде.

После этой стрельбы утром 12 того же месяца приехал московский гонец осведомиться, прибыл ли г. посол, и дал знать, что на границе нас ожидают.

По окончании завтрака мы двинулись к московской границе, которая с малую милю пути от Баева; там, по другую сторону моста на реке Мерейке, тотчас же приняли нас двое знатных бояр с 30 верховыми лошадьми и 20 подводами, каждая парой, на которые мы положили все наши вещи; потом по настоящей дикой пустыне они провожали нас 6 миль до ночлега в дрянной деревне Кутковой.

Двое приставов, назначенных к г. послу, по имени Казарин Давыдович Бегичев и Иван Ипатович Зубов при нашем приеме пышно одеты были в золотую парчу и в другие дорогие шелковые одежды.

Как только мы доехали до границы Московской земли, все содержание для нас стало даровое, так что мы совсем не тратились ни на кушанье, ни на подводы: так уж у них водится.

13 того же месяца мы ехали в одну кормежку и на ночь остановились в Глухове, в 40 верстах, или 8 милях. В этой деревне г. посол подал приставам по их требованию список своих людей, которых всего было 33, а 5 лиц — сын г. посла, Христофор Унруг, Гейнрих Вальштейн, Ганс Рейхарт Штейнбах и Раймунд Утман — вписаны были впереди придворных дворян римско-императорского величества и потом считались за них же.

14 того же месяца мы отправились в Смоленск, но прежде чем доехали до города, за милю от него выехал к нам навстречу по приказанию великого князя¹⁵ тамошний

воевода Игнатий Григорьевич Вельяминов с большой пышностью и с 300 конников; воевода одет был в дорогую золотую парчу, а конь его красовался в золотом хомуте. Многие из его служителей позначительнее тоже были в золотых парчевых, а другие в дорогих шелковых одеждах. Этот воевода принял г. посла от имени великого князя с такими обрядами: подъехав к коляске г. посла, он слез с лошади, а г. посол вышел из коляски, оба сняли шапки и подали друг другу руки. После того опять надели шапки, и воевода сказал г. послу следующее: «Сними свою шапку! У меня есть к тебе слово от великого князя». А г. посол отвечал ему, что у него есть слово от его христианского императора, так пусть воевода и снимет наперед шапку. Потом оба и сняли шапки. Тут воевода принял г. посла от имени великого князя. После такого приема он провожал нас всю дорогу до Смоленска. Это большой славный город и лежит на Днепре. Говорят, что в нем 200 церквей; при нем есть и крепость, очень высокая, только вся деревянная. Это самый знаменитый пограничный город на польской стороне¹⁶. Но чтобы мы не могли видеть эту крепость¹⁷, воевода велел нам перед самым городом переезжать Днепр с нашими приставами; там стояло тысяч до 4 народа, которых удивлял наш приезд; да им и то казалось странно, что воевода поехал крепостью на своем коне и поджидал нас за городом, а мы с другой стороны реки должны были проезжать самую малую часть города. За городом воевода и люди его проехали с нами еще небольшое расстояние, а потом вернулись назад, и нас провожали только наши приставы до ночлега в Богдановке, в 15 верстах от Смоленска. Это деревня, лежащая на реке Косатне. Сделали 3 мили.

14 того же месяца мы простояли там, и нас снабжали кушаньем и напитками сколько было нужно.

16 сентября мы рано выехали оттуда и ехали в одну кормежку на ночлег до Пнева, деревни, лежащей на реке Натрице; тут первый ям, где нас опять снабдили свежими почтовыми лошадьми.

17 того же месяца отправились из Пнева рано, и в 2 милях оттуда переезжали Днепр на паромах. При переправе впадает в эту реку другая, называемая Волью. Дальше тоже ехали в одну кормежку до Дорогобужа; это город, лежащий на небольшом возвышении и весь деревянный; при нем крепость плохой постройки, и течет вышеназванная река Днепр: здесь второй ям. Сделали 10 миль.

18 сентября ехали оттуда опять в одну кормежку до ночлега в городе Колпите, где третий ям. Сделали 6 миль.

19 того же месяца ехали в одну же кормежку до ночлега в Вязьме. Это большой город, в котором много монастырей и церквей, но все они деревянные; лежит на реке Вязьме; тут четвертый ям. Сделали 6 миль.

20 того же месяца простояли там.

21 сентября ехали в одну кормежку до ночлега в Заборье, деревне, лежащей на реке Коке; там пятый ям; ехали 6 миль.

22 сентября ехали в одну кормежку до ночлега в деревне Слободе, в которой шестой ям; сделали $8\frac{1}{2}$ мили. Тут взяли мы последних почтовых лошадей, которые везли нас до города Москвы. Эта деревня лежит близ города Можайска и довольно большая; в городе есть крепость и много церквей, но все строения деревянные, кроме монастырей и церквей, которые каменные. Город лежит при двух порядочных реках: Москве и Можайке. Когда г. посол изъявил нашим приставам желание остановиться в городе, поскольку ему несколько нездоровилось, они отказали в том, говоря, что не имеют на то никакого приказания от великого князя; к тому же это священный город, в котором у них есть святой — Николай. Наши спросили одного из провожавших нас бояр, почему этот город считается священным? Он отвечал, что у них тут в крепостной церкви деревянный образ их святого Николая, которому не одни жители Можайска делают приношения, но и народ со всей страны ходит туда на богомолье и для жертвований Николаю, да и сам великий князь каждый год жалует вклад сему святому. У кого заболит рука, нога или другой какой член тела, тот человек, как бы ни жил далеко, приходит в Можайск, прикасается к святителю Николаю и от того выздоравливает. Другой рассказал о своем Николае вот что: однажды великий князь велел принести его образ в город Москву, чтобы не ходить к нему всякий раз далеко; вот вечером и поставили образ в Москве в одной церкви, а на другой день он опять стоял на своем месте в крепостной церкви в Можайске. Сказывают также, что однажды в Можайске был пожар, и святой их Николай бежал от огня, сделал было уже добрую часть пути, когда они погнались за ним, догнали его и опять отнесли в крепостную церковь, где он находится и поныне. Они говорили много подобного о Николае. Однако ж это невозможное дело.

24 того же месяца мы ехали 8 миль в одну кормежку до деревни Кубинское.

25 ехали 7 миль в одну кормежку до деревни Мамоново.

26 остановились там. Немецкий переводчик, ливонец Георг Мейнертс, пришел к нам от великого князя и доложил, что на другой день нас введут в Москву.

27 мы выехали из Мамонова около полудня и, сделав 3 мили, были уже в Москве. Но перед тем, как нам въехать в Москву, невдалеке от этого города мы переправились сначала на пароме через реку Москву, довольно большую и судоходную, а на том берегу подвел к реке подконюший¹⁸ великого князя 12 оседланных коней, на которых должны были въезжать г. посол, его дворяне и некоторые из его прислуги. Лошади г. посла и сопровождающих его красовались в золотых нашейниках и в прекрасной сбруе. А как только мы взобрались в гору, там стоял князь по имени Семен Григорьевич с бесчисленным множеством конницы, в коей очень многие лошади были убраны в золотую парчу, в золоченые и серебряные нашейники. На князе, который принимал нас от имени великого князя, была золотая парчовая ферязь с вышитыми по ней жемчугом какими-то изображениями. После приема нас провели через первую обводную стену города, деревянную и выстроенную только 2 года тому назад¹⁹, а потом очень длинной дорогой в средний город, за другую стену крепкой каменной постройки до монастырского подворья Святой Троицы, где нас и поместили. Вышеназванный князь, принимавший нас от великого князя, вместе с другим, Андреем Михайловичем Насігоkow (?)*, назначены были нам в приставы, да еще тотчас же дали двух переводчиков, одного поляка, разумевшего также по-латыни, и вышеупомянутого Георга Мейнертса.

28 числа принесли от двора в наше помещение несколько серебряных блюд с серебряными чарками и кружками для г. посла. Потом с великокняжеского двора отряжены были к нам 3 московских повара.

3 числа вышеназначенные приставы, переводчики и другие знатные бояре великого князя на 30 с лишним конях провожали г. посла для представления ко двору. Г. посол ехал верхом со своими молодыми дворянами и несколькими служителями на 18 лошадях, все из великокняжеской конюшни. Впереди него несли покрытые синей тафтой подарки его императорского величества, а перед ним дворецкий нес императорскую верющую грамоту²⁰, обернутую в желтую тафту.

* Так в тексте.

С л е д у ю т п о д а р к и :

Подарки императорского величества были: 2 искусно вырезанных из хрусталя сосуда для питья, простой кубок, а другой в виде цапли: оба они оправлены в золото, а внизу у них были вырезаны 4 буквы: «W.H.I.V.». Смысл этих букв такой: «Wie heilig ist Bruderschaft», то есть «Как священна братская дружба».

Подарки г. посла были: большой позолоченный умывальник и таз прекрасной чеканной работы. Подарок сына г. посла был: серебряный кубок, искусно раскрашенный красками в виде синих колокольчиков с искусно же сделанной крышкой. Подарок дворецкого — длинное ружье с прикладом из черного рога с серебряным набором и с позолоченной пороховницей. Подарок Генриха Вальштейна был: маленькая горная штупа с золотой и серебряной рудой; Ганса Рейхарда Штейнбаха — кубок, очень искусно выточенный из рыбьей кости; Раймунда Утмана — тоже кубок, искусно вырезанный из яшмы, с крышкой в золотой оправе и из такого же камня ложка, выложенная рубинами. Эти подарки несли следующие лица и в таком порядке: служители дворецкого и Ганса Крамера, также и Соломон Питириский несли подарки четырех придворных дворян, подарки сына г. посла нес Ганс Сигмунд Гославский, а подарки г. посла несли Мельхиор Ципфер и Герман Лейхтер; Ганс Крамер, Андрей Гартрумф и я несли посуду его императорского величества, составлявшую 3 отдельные вещи, так как крылья цапли на крышке кубка были уложены особенно.

Пока мы ехали в Кремль, везде стояло несколько тысяч людей, глядевших с удивлением на наше шествие. В самом Кремле и перед ним стояли по обеим сторонам московитские стрелки в числе 4000 с длинными ружьями; для большей торжественности въезда там звонили по всем церквам в большие колокола. Когда мы в Кремле сошли с коней, нас приняли несколько знатных великокняжеских бояр, одетых в золотую парчу, и повели во дворец великого князя. На крыльце перед самыми великокняжескими покоем императорские и других лиц подарки были выложены на подушки, чтобы так и нести их к великому князю. После того как это было сделано, нас повели через покой, где сидели великокняжеские бояре, все в прекрасных платьях из золотой парчи.

Другим покоем, куда ввели нас потом, была дворцовая палата великого князя, в которой он принимает представ-

ления; в ней стены и пол были устланы нарядными коврами. Кругом сидели только знатные бояре в золотых одеждах.

На престоле, возвышенном на 3 ступени и украшенном сверху донизу золотом, жемчугом и драгоценными камнями, сидел великий князь в царском убранстве: на голове у него был золотой венец, выложенный алмазами, притом очень большими; в руке держал он золотой скипетр, тоже убранный камнями; кафтан на нем был красный бархатный, сплошь шитый крупным жемчугом; на шее висело несколько дорогих камней, оправленных в золото и расположенных в виде цепи или ожерелья. На двух пальцах левой руки его было по большому золотому перстню со смарагдом. Впереди его на каждой стороне стояли 2 благородных мальчика²¹ с московитскими секирами в белых бархатных платьях, по которым крест-накрест висели золотые цепочки.

Тут г. посол сказал приветствие великому князю от римско-императорского величества и представил подарки императора и других лиц. Потом великий князь велел его спросить через переводчика, здоровым ли оставил он его брата²², христианского императора, и сказать, что он жалуется его своим хлебом-солью.

После того как приветствия кончились и императорская верительная грамота была вручена, г. посол ничего больше уже не говорил, и нас отвели из великокняжеской палаты в казнохранительницу, где приняли от нас подарки его императорского величества и г. посла, а потом наши приставы с переводчиками и другие знатные бояре проводили нас опять в наше помещение. Но прежде всего, еще не сказав приветствия, г. посол с глубоким почтением²³ подал руку великому князю. Хранитель печати²³ пригласил сделать то же и сына г. посла. Вслед за ним и придворные дворяне подали руку великому князю. Когда мы после представления воротились опять на наше Троицкое подворье, москвитяне между тем накрыли у нас столы и лавки прекрасными коврами для обеда, или пира, которым великий князь пожаловал г. посла. Спустя около полчаса приехал великокняжеский кравчий князь Андрей Андреевич Телятевский²⁴, и тотчас же за ним прислано 150 кушаньев, все на серебряных блюдах, накрытых такими же блюдами. Кравчий велел подносить их одному за другим, потому что мы еще не садились за стол, и при каждом сказывал, что это за кушанье. Как только все они были поднесены г. послу по приказу кравчего, они вместе с послом и дворянами сели за стол, затем уселись и некоторые

другие москвитяне, и тогда стали подавать кушанья и по порядку исправлять пир. Напитки, присланные великим князем для этого пира, были все разные: мед, мальвазия и вино. Пир продолжался до полуночи.

1 октября великий князь отправился в монастырь Святой Троицы, лежащий в 12 милях от Москвы.

Мы спрашивали наших переводчиков, со сколькими сопровождающими обыкновенно выезжает великий князь? Они сказали, что иногда, когда едет прогуляться за 2 или 3 мили, берет с собой 2000 или 3000 верховых, а сколько теперь взял, они хорошенько не знают.

6 октября великий князь отправил посольство на шведскую границу, когда и шведский король послал тоже нескольких своих поверенных для переговоров о мире, заключенном 2 года назад, чтобы прежде, нежели пройдут эти 2 года, заключить его на дальнейшее время.

7 числа великий князь охотился по возвращении из вышеуказанного монастыря и убил до 65 лосей.

8 числа убил еще 56 лосей, а на другой день прислал со своим начальником охотников Васильевичем 7 больших лосей в подарок г. послу, один из них был с рогами о 22 ветках, да еще большого медведя, а сыну г. посла подарил тоже лося да черную лисицу, которую, по словам охотнического, великий князь поймал своими руками. Двоим их дворянам тоже подарены были великим князем 2 лося.

10 числа великий князь вернулся опять в Москву со своими придворными.

17 числа вышепомянутые приставы и переводчики на 27 конях провожали г. посла для представления Борису Федоровичу Годунову. Это шурин великого князя, тайный советник и самый большой боярин, который в отсутствие великого князя правит всем государством. Г. посол опять велел нести перед собой особенные подарки Борису Федоровичу Годунову в таком порядке: сначала на серебряном блюде под синей тафтой я нес прекрасную драгоценность: это верблюд, а на нем сидит араб, у верблюда с каждой стороны висит по золотой корзиночке, в которые для украшения вделано несколько маленьких золотых монет. Вся драгоценность выложена прекрасными рубинами и алмазами, и хоть она сама по себе была довольно значительна и годилась в подарок такому господину, однако ж приставы были бесстыжи и грубы по московской повадке: «Подари-де, посол, еще золотую цепочку к драгоценности, чтобы было на чем ее повесить!» Г. посол исполнил их желание, прибавил и золотую цепочку к драгоценности, но они и тут не утомонились, а требовали,

кроме того, еще: «Приложи-де еще золотое кольцо к ней, тогда Борис Федорович одарит тебя знатно». После того г. посол прибавил также и кольцо с сапфиром. Затем Мельхиор Ципфер и Герман Лейхтер несли позолоченный рукомойник и кубок очень искусной работы, покрытые желтой тафтой.

Когда это наше шествие вступило в Кремль, нас повели направо к жилищу Бориса Федоровича: это было очень обширное здание, только все деревянное. Тут, кто ехал на лошади, сошел с нее, а мы, несшие подарки, устроились за г. послом и пошли через 2 покая, где находились служители Бориса Федоровича, одетые по их обычаю пышно. В третьем покое, в который вошли мы, находился Борис Федорович с несколькими боярами. Этот покой и по полу, и кругом устлан был прекрасными коврами, а на лавке, на которой сидел Годунов, лежала красная бархатная подушка. На нем было такое платье: на голове высокая московская шапка с маленьким околышем из самых лучших бобров; спереди у ней вшит был прекрасный большой алмаз, а сверху его ширинка из жемчуга шириной в 2 пальца. Под этой шапкой носил он маленькую московскую шапочку, вышитую прекрасными крупными жемчужинами, а между ними вставлены драгоценные камни. Одет он был в длинный кафтан из золотой парчи с красными и зелеными бархатными цветами. Сверх этого кафтана надет на нем еще другой, покороче, из красного с цветами бархата и белое атласное исподнее платье. У этого кафтана внизу и спереди везде и сверху около рукавов было прекрасное жемчужное шитье шириной в руку, на шее надето нарядное ожерелье и повешена крест-накрест превосходная золотая цепочка, пальцы обеих рук были в кольцах, большей частью с сапфирами. Как только вошел в покой г. посол, этот Борис Федорович пошел к нему навстречу, принял его с большим уважением, с поклоном по московскому обычаю, и подал ему руку. Тут г. посол вручил ему верующую грамоту и поднес подарки. После того как их представили и поднесли, Годунов велел взять их от нас своему служителю, потом сел на лавку, а г. посол должен был сесть возле него на другую. Борис Федорович потребовал потом к себе придворных дворян, чтобы и они подали руку г. послу. Дворяне ненадолго присели тут, но вскоре, по приказу Годунова через наших приставов, все перешли из этого покоя в другой. Г. посол с польским переводчиком оставались час с четвертью одни с Борисом Федоровичем.

В переднем покое сидели наши приставы и все мы. После совещания польский переводчик позвал нас опять туда, и Борис Федорович дал знать через него г. послу, чтобы он откушал у него хлеба-соли. Затем мы отправились в наше помещение. Когда пришли туда, были уже приготовлены столы: Годунов прислал г. послу 100 кушаньев, все на серебряных блюдах, и разного рода напитков, меду, вина, также много кубков и серебряных кружек. Все эти кушанья и напитки подносились г. послу в прежнем порядке, как и на великокняжеском обеде, и при каждом кушанье или напитке было сказано его название. После того обедали до поздней ночи, а тут все разъехались по домам.

22 октября надо бы было опять провожать г. посла на представление великому князю, но по случаю ненастья отложили это. При первом еще представлении г. посол просил, чтобы ему дозволили послать своего придворного дворянина с приветствием к персидскому послу и для переговоров о некоторых других делах²⁵. Это бы следовало сделать сегодня же, так как представление великому князю отложено, но тоже по случаю ненастья отсрочили до другого дня.

23 числа г. посол отправил к персидскому посольству своего дворецкого Христофора Унруга с Гансом Крамером, Мельхиором Ципфером, Фридрихом Крейшельвицем, Стефаном Гейсом, Германом Лейхтером, Юрием Лёбом и послал ему в подарок 2 длинных ружья с очень красивой насечкой и маленькие часы с боем. Дворецкий ехал один между нашим немецким переводчиком и персидским приставом. Когда мы прибыли на подворье персиянина, на крыльце стояли его дворяне, которые и приняли дворецкого. Потом повели они нас в комнату, в которой пол и лавки были устланы превосходными коврами; в ней находились его служители в пышной одежде, а частью и его дворяне в золотых персидских кафтанах с изображениями и в больших повязках, как у турок. Тут приняли дворецкого знатные дворяне персидского посла и отвели всех нас в другую комнату, тоже убранную коврами; в ней был персидский посол, который при самом нашем входе принял дворецкого, однако ж они не подавали друг другу руки, а взялись за руки по персидскому обычаю.

Этот персидский посол по имени Ази Хозрев был родом литвин, в молодости отведенный в плен в Персию и потом достигший там таких высоких почестей. На нем было платье из серебряной, а сверху длинный кафтан из золотой парчи, по которой вытканы цветы разными шелками, на

голове носил он прекрасную белую повязку по персидскому обычаю с золотой пуговкой спереди и с трубочкой, в которую воткнут пучок прекрасных перьев черной цапли; руки у него были желтые, как шафран, и на обоих мизинцах надето серебряное, очень плохой работы, колечко, на котором что-то такое вырезано. Тут дворецкий сказал ему приветствие от г. посла, а потом персидский посол спросил его через переводчика, что если ему надобно еще поговорить с ним наедине, то пусть другие выйдут. Все мы и вышли в передний покой, где и пробыли с полчаса, а после их разговора нас опять привели туда. Дворецкий сидел возле посла, а мы все стояли там. Посол велел принести в 7 серебряных чашах превосходного меда, который и подавал каждому из нас из своих рук. Это повторялось 3 раза кряду, и каждый раз мед был другой. Однако ж и чары, и мед доставлены были от московского двора. Посол стал на колени перед дворецким, держа у себя над головой серебряную чашу с лакомствами. Нам тоже подавали лакомства в такой же чаше. После того посол подарил дворецкому персидский кафтан из золотой парчи, весь в изображениях, вытканых золотом и разноцветным шелком, и вместе с тем уведомил, что он сейчас же отправит к г. послу для переговоров своего знатнейшего дворянина, данного ему государем его в качестве посольского товарища во всех тайных делах. Дворецкий после этого распростился с ним, и мы опять отправились в наше помещение. Только мы воротились туда, как персидский посол прислал вышеупомянутого дворянина по имени Поляд-Бега²⁶. Он прибыл с другими 6 лицами своих, шедшими впереди его, из коих 3 несли подарки, состоявшие из 2 отрезков золотой парчи, каждый по 9 аршин, с разными изображениями людей и зверей, как они выделяются и ткуются в персидской земле, да еще персидский кафтан из золотой же парчи и с такими же изображениями. С час этот знатный дворянин пробыл у г. посла наедине, только с нашими приставами и переводчиками. Мы потчевали этих гостей так же, как и они нас, да кроме того прислали от Московского двора в наше помещение меда 3 родов и чары. Г. посол подарил персидскому дворянину прекрасное длинное ружье. Потом все распростились друг с другом по своему обычаю.

24 провожали г. посла опять на представление к великому князю на 30 конях, которых привел ему от двора вышеупомянутый конюший. Когда мы ехали ко двору для представления из среднего города, стрельцы опять были выстроены

по обеим сторонам до Кремля; и так же, как и в первый раз, провели нас в великокняжеский дворец, так же сидели в своих комнатах бояре, как и в первое представление, все в золотых одеждах, и комната была устлана, как и прежде, коврами по полу. Великий князь сидел по-прежнему на царском престоле в венце и со скипетром, только кафтан был на нем другой — с сине-фиолетовыми бархатными цветами, сзади и спереди вышитый шириной в руку прекрасным крупным жемчугом, так же выложен драгоценными камнями, возле его престола возвышался на 2 аршина от пола красивый столб с прекрасной резьбой и золотом.

При этом представлении, после того как г. посол изложил все свои дела письменно и словесно Борису Федоровичу Годунову, речь его состояла в изъявлении благодарности его державнейшей светлости за разные милости: обед, присылку лосей, за то доброе распоряжение, по которому он имел возможность представиться Борису Федоровичу, о чем всем он донесет с великой похвалой своему всемилостивейшему римскому императору. После этой речи великий князь велел ему сесть, подозвал к себе своего хранителя печати, пошептался с ним, и потом хранитель печати опять подошел к г. послу и велел ему сказать через переводчика, что великий князь прочел грамоту христианского императора и проч., своего любезного брата, и велел вручить ему также свою грамоту к вышесказанному государю, любезному его брату. А что еще имеет предложить посол и чего еще желает император, это он узнал и очень хорошо уразумел от своего шурина Бориса Федоровича, почему и отрядил для совещаний с послом следующих лиц: 1) Федора Никитича Романова²⁷, наместника псковского, который особый приятель великого князя, потому что рожден от брата, а великий князь от сестры; 2) князя Ивана Васильевича Сицкого, наместника нижегородского; 3) Андрея Яковлевича Щелкалова, великого хранителя печати; 4) Василия Яковлевича Щелкалова, дьяка Великой Пермии; 5) Елеазара Вылузгина, дьяка московского и великого княжества Новгородского. А по совещании с ними, как скоро дела будут покончены, его тотчас же и отпустят. Потом нас отвели из великокняжеской палаты в комнату совета, в которой, так же как и в передней комнате, на лавках были постланы прекрасные ковры. Вскоре туда пришли и отряженные великим князем лица в очень пышных нарядах — все пятеро были в превосходных золотых кафтанах, в жемчужных ожерельях, с белыми московскими шапочками, которые тоже были

вышиты жемчугом, между шитьем, шириной в руку, вставлено несколько драгоценных камней.

Как только вошли эти 5 лиц в комнату совета, г. посол подал им руку; когда же все вместе уселись на лавку, придворные дворяне, бывшие с послом, по желанию советников подошли и подали им руки.

После того наши приставы отвели нас в передний покой, а в комнате совета г. посол и немецкий переводчик оставались до 2 часов одни с этими лицами. Когда совещание кончилось, нас опять ввели в комнату совета, а 5 советников тотчас же вышли к великому князю. После того принесены были 12 чар из чистого золота с превосходным медом и поданы г. послу и дворянам, а служителям другие чары. Это повторялось 3 раза кряду, и каждый раз мед был другой; потом мы воротились в наше помещение.

26 октября персидское посольство опять отправилось из Москвы в Персию.

30 пришел к г. послу наш пристав с уведомлением, что в течение 2 дней прибудет турецкое посольство.

31 турецкое посольство прибыло в Москву; в его составе 12 человек.

2 ноября наши приставы и переводчики в третий раз сопровождали нашего посла к великому князю на 36 конях, множество стрельцов с ружьями опять были выстроены по обеим сторонам, а в Кремле происходило все то же, что и при двух других представлениях.

7 ноября посла нашего в четвертый раз возили для представления великому князю: в Кремле, в покоях и в других местах происходило все то же, что и прежде. На великом князе был бархатный иссиня-фиолетовый кафтан с цветами.

9 того же месяца г. посол в пятый раз был потребован на представление к великому князю. Шествие было в том же порядке, как и прежде. На великом князе был желтый бархатный кафтан, шириной в руку вышитый жемчугом, и проч. Великий князь позвал к себе хранителя печати, тихо поговорил с ним, потом хранитель печати подошел к г. послу и велел ему сказать через переводчика, что так как он подал грамоту от римского императора Рудольфа и проч., любезного брата его державнейшего государя царя, то и он [царь] отправляет его с такой же грамотой к его императорскому величеству, и с этими словами вручил ему большую грамоту и приказал еще прибавить через переводчика, что державнейший государь царь, его всемилодивейший повелитель и великий князь, поручает послу сказать римскому императору, как своему любезному

государю брату, поклон от него и всякое доброе слово, желает ему при том счастья и благоденствия, благополучного царствования и победоносного одоления всех его врагов. Как только это было высказано, посол поклонился великому князю, который подозвал к себе переводчика, а тот, подойдя к г. послу, доложил ему, что великий князь просит его с дворянами и другими служителями на вечерний стол к себе. Когда это перевели послу, он и мы все поклонились великому князю с глубочайшим почтением. Тут проводили нас в комнату совета, где мы и оставались с приставами и переводчиками с добрых полчаса. Потом пришел другой переводчик и доложил, чтобы г. посол шел к столу со своими людьми. Наши оба пристава, поставив между собой посла, повели его в покой, где следовало быть столу, за ним пошли и мы все и сначала приведены были в комнату, где кругом по стенам стояли длинные столы, сделанные с тремя высокими ступеньками, как обыкновенно бывает у поставцов: все это было уставлено бесчисленными серебряными и золотыми кубками, так что и изобразить нельзя, а в Германии, пожалуй, и не поверили бы. На низших ступеньках стояли бесчисленные большие блюда и стопы из хорошего золота, также и серебряный лев в его природной величине, несколько серебряных таких больших братин и чаш, что не одному впору было и совладать с ними, не то что употреблять их в качестве посуды для питья: все это было выставлено, чтобы показать нам великие сокровища и богатства. Вообще всего было вдоволь, кроме тарелок, потому что у москвитян и у самого великого князя они совсем не в употреблении. В этом покое стояли несколько лиц, которые смотрели за серебром; это была еще передняя комната, а потом только привели нас в другую, где быть столу²⁸: она четырехугольная, почти до 70 сажень в окружности, вверху и по стенам расписана и обильно украшена серебром и золотом, внизу на полу вымощена белым камнем с очень искусной резьбой. Посредине комнаты стоял толстый каменный столб, или колонна, на котором лежал весь свод; кругом его на несколько ступеней возвышался поставец, на котором находилась разная серебряная и вызолоченная посуда. Вдоль всех стен тянулись лавки в виде 2 ступеней и в комнате с 3 сторон были 4 большие окна; в ней сидел великий князь на высоком троне, вделанном в стену и сплошь вызолоченном, за столом, который был на ступень выше других столов; великий князь одет был в кафтан из серебряной парчи, обшитый вокруг золотом, голову покры-

вала золотая московитянская шапочка, выложенная драгоценными камнями и жемчугом; тем же украшался и воротник (ожерелье) около шеи. На двух пальцах правой руки было по большому смарагдовому перстню. Другие столы по стенам занимали его князья, знатные советники и те бояре, которые на представлении сидели в золотых платьях в передней комнате и великокняжеской палате. Не занят был только один стол налево от великого князя. Эти князья, советники и бояре сидели в своих ничем не покрытых белых овчинных шубах с бобровой выпушкой и в черных лисьих шапках.

Когда мы вошли в этот покой и отдали почтение великому князю, г. посол тотчас же был посажен за вышеназванный стол налево от великого князя, за ним, на другой стороне стола, сели его сын и дворецкий, потом князь Андрей Дмитриевич Хилков, оба пристава и мы все. Только что уселись за стол, вошел маршалок, старик, а за ним шли по 2 в ряд, взявшись за руки, 50 знатных бояр в качестве стольников: все они прошли мимо стола великого князя, представились ему и сейчас же вышли из комнаты. После того подали ему кушанье, а он между тем прислал послу кусок белого хлеба со своего стола и из своих рук в знак милости. Такие же куски были поданы и нам с извещением, что нас тем жалует великий князь. Только что начав обедать, великий князь из особенной милости прислал г. послу кушанье со своего стола, также каждому из придворных и приставов. Потом стольники, все в золотых кафтанах, а иные и в золотых цепочках крест-накрест, подали и на наш стол кушанья в золотых блюдах. Еще прежде того великий князь велел поднести г. послу в знак милости превосходного вина в чарке из чистого золота, усаженной дорогими камнями, также и каждому из сидевших за столом, все в золотых же чарках. Это повторялось много раз за обедом, и каждый раз напитки были разные, но все в золотых чарках, а чара, из которой пил г. посол, была усажена большими алмазами. У стола великого князя на самой нижней ступени стояло до 15 лиц, служивших ему за обедом; перед столом двое подавали ему все напитки и кушанья, которые также и разрезали. В продолжение пира наступил вечер, так что надобно было зажечь 4 серебряных паникадила, висевших вверху, из которых большое, напротив великого князя, было о 12 свечах, другие о 4 свечах. Все свечи были восковые; около поставца, с обеих сторон

его, стояли 18 человек, тоже с большими восковыми свечами: все это горело, как должно, и в комнате было очень светло. На наш стол тоже подали 6 больших восковых свечей, а подсвечники были яшмовые и хрустальные в серебряной оправе.

В то же самое время великокняжеский кравчий позвал г. посла к великому князю, который в знак особенной милости подал ему из своих рук маленькую золотую чару, осыпанную дорогими камнями, с превосходным напитком. Потом г. посол сел опять, а на наш стол были поданы 3 большие золотые братины, украшенные дорогими камнями; самая лучшая из них подана г. послу, а другие две придворным, чтобы они пили из них вкруговую. Эти 2 чаши были такие большие, что одному едва было под силу поднести их ко рту.

Между тем как пили вкруговую, опять вошли в комнату маршалок²⁹ и стольники³⁰, по двое в ряд, и стали перед столом великого князя, который и начал тогда жаловать их: на большом золотом блюде у него были маленькие пряженцы³¹; каждому из стольников он и давал своей рукой по одному пряженцу; по их обычаю подача из рук великого князя считалась такой высочайшей милостью, как будто Бог посылает им в награду с неба что-нибудь особенное. На этом торжественном пире музыка не играла, потому что это у них не в обычае. Но зато звонили в несказанное множество колоколов с кремлевских церквей, и этот звон раздавался по всей комнате. Лишь только милостивые подачи были розданы, кушанья со столов убрали, г. посол встал из-за стола, потом и мы также. Тогда великий князь потребовал к себе посла и подал ему из своих рук золотую чару с дорогим медом. По его же требованию должны были подойти к нему и 5 придворных: сын г. посла, дворецкий, г. фон Вальштейн, Штейнбах и Утман, и каждый получил из его рук по золотой чаре с медом; они делали это с таким уважением, что, приняв от него и выпив чару, целовали у него руку. После этого великий князь подозвал к себе опять г. посла, чтобы подать ему руку, и простился с ним. Вслед за послом подошли придворные дворяне, чтобы также поцеловать его руку. После того приставы вышли с г. послом из комнаты, и мы поехали опять в наше помещение. На лестнице во дворце, когда мы спускались на двор, зажжены были большие плошки, посреди двора горели два больших огня. Когда же мы ехали домой, уже около

10 часов вечера, стрельцы с длинными ружьями все еще были выстроены по обеим сторонам: 6 москвитян, шедшие впереди лошадей, несли большие фонари со свечами, а перед г. послом шли 16 москвитян с факелами и провожали нас до нашего помещения. Как только мы приехали туда, от двора привезен был на 3 телегах мед и приехал со своими служителями выше-названный князь, сидевший за столом вместе с г. послом, и доложил ему, что прислан державнейшим его государем и царем повеселиться с ним. Г. посол принял его очень приветливо, сел за стол вместе с приставами и придворными дворянами, также и бояре князя, и все веселились по их обычаю до самой полуночи, а потом князь с боярами отправились опять домой. Г. посол подарил ему прекрасное кольцо с гиацинтом и спрашивал наших приставов и переводчиков: сколько примерно было во дворце золотых блюд и чар? Они отвечали, что всего на столах было их до 1000.

16 ноября вечером, между 5 и 6 часами, приезжал на санях к г. послу великий хранитель печати, имея с собой до 20 служителей, которые все были хорошо одеты, а на санях у него лежал очень красивый большой медвежий мех. Около 2 часов они пробыли с г. послом совершенно одни, совещаясь друг с другом о разных тайных делах; а после разговора подавали г. хранителю печати в нескольких различных чарах мед и разные лакомства. Потом он простился с послом и уехал домой.

20 числа дьяк из Казенного приказа Иван Мыслов привез от великого князя г. послу и придворным дворянам подарки, покрытые одни синим, а другие красным сукном, а несли их 34 москвитянина. Г. послу подарены 3 сорока соболей, 5 сороков куниц, да еще москвитянская шуба на сером меху. Сыну г. посла подарен сорок соболей и сорок куниц, а подарок его отдан ему назад. Дворецкому и другим дворянам, каждому по сороку соболей и сороку куниц, но, вместе с тем, возвращены были 5 дворянам те подарки, что поднесли они великому князю, и при том дано было знать, чтобы они не были в неудовольствии на то: это сделано не потому, что великий князь гнушался их подарками, но у них такой уж обычай, чтобы из императорского посольства не оставлять у себя ни от кого подарков, кроме как от самого посла.

12 декабря г. посол получил от двора свой отпуск: знатный великокняжеский боярин по имени Афанасий

Власьев прислан был к послу от великого князя и вручил ему 3 одобрительные (рекомендательные)* грамоты: одну к папе, другую к королю испанскому, третью к его императорскому величеству; в них были письменно переданы все тайные дела, о которых рассуждали и толковали, и наконец особенную верующую грамоту к его императорскому величеству; но зато потребована назад прежняя, данная г. послу при последнем представлении, и взята ко двору. Борис Федорович тоже вручил г. послу через вышеозначенного боярина свое письмо к императору. Тотчас же после него пришел великокняжеский казначей Василий Дуков и представил от великого князя подарки, которые посол должен вручить его императорскому величеству: сорок прекрасных соболей, персидский кафтан из серебряной и золотой парчи, на котором вытканы были разнообразными шелками разные изображения, он подбит был разноцветной персидской шелковой тканью и проч. При этом казначей уведомил от имени великого князя, что кафтан тот персидского царя. После представления подарков посол подарил казначею позолоченный кубок.

14 декабря Борис Федорович прислал к г. послу в подарок 2 сорока прекрасных соболей, московский кафтан из золотой парчи с вытканными на нем разноцветным шелком изображениями, кусок атласа, вытканый по персидскому образцу разноцветным шелком, и 5 прекрасных лосей. После этого представления подарков г. посол подарил доставителю их, дворецкому Бориса Федоровича Михаилу Козову, прекрасный золотой кубок. Спустя немного времени этот дворецкий опять пришел к г. послу и доставил ему еще от Бориса Федоровича живую черную лисицу и кубок и принес назад тот кубок, что Годунов получил от г. посла, с уведомлением, что такой подарок слишком великолепен для него: будет с него и попроще.

15 декабря казначей Васильев Туркан прислал в подарок г. послу тоже прекрасную черную лисицу и лося, за что г. посол подарил его сыну, подававшему эти дары, кольцо со смарагдом.

17 числа великий хранитель печати подарил г. послу черную лисицу, двух живых соболей, белый медвежий мех в 6 футов длины, вместе с тем подарил ему и съестного на дорогу: вяленой семги, белуги, хорошего меду и водки.

18 числа Борис Федорович прислал его императорскому величеству в подарок персидский тарч и наручи³² для

* Так в тексте.

стрельбы из лука из дамасской стали с золотыми разводами, выложенные множеством бирюзы и мелкими рубинами; эрцгерцогу Максимилиану и проч. подарил кольцо для стрельбы из лука, вырезанное из цельного камня превосходных свойств и называемого нефрудием; в особенности же на этом кольце было 18 рубиновых пластинок, искусно оправленных в золото; также нож из дамасской стали с каменной рукоятью и в золотых ножнах, в которые вставлены 122 прекрасные бирюзы и более 20 мелких рубинов. Через час после представления этих подарков мы выехали из Москвы в 14 санях и отправились домой. Андрей Михайлович, бывший в Москве нашим приставом, вместе с немецким переводчиком Юрием Ольном назначены были проводить нас из страны, а другой пристав, князь Семен, проводил нас со множеством всадников до Москвы-реки. В тот же день мы доехали до Мамонова, сделав 15 верст или 3 мили.

28 числа прибыли мы в город Смоленск; воевода принял нас со множеством всадников и проводил в город, впрочем, ближней дорогой, через крепость, а г. послу отвел помещение в доме священника.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ, ПРАВОВ И ОБЫЧАЕВ МОСКВИТЯН И СОСТОЯНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ

В делах веры они [москвитяне] почти сходствуют с греками. Священники их женатые, они почитают образа в своих церквах, крестят детей во имя Святой Троицы и освящают воду для каждого младенца особенно. В городах по церквам и монастырям у них много звонят, особенно в городе Москве, где, говорят они, до 1500 церквей и монастырей, в коих до 10 000 монахов; однако ж звонят другим образом, нежели у нас. Их церкви низкой постройки очень красивы, с красными башенками; возле них обыкновенно отдельное строение, где висят их колокола, которые, впрочем, неподвижны, но к языкам у них привязывается веревка; при том всегда каждый колокол больше другого, и соблюдается особенная равномерность при звоне. После звона приходят в церковь священник с церковнослужителем, ставят у алтаря свечи и служат свою обедню; народ, стоящий внутри и вне церкви, возлагает на свои чёла и перси крестное знамение, восклицая с глубоким вздохом: «Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!», да еще что-нибудь, что кто заучит: это их общая молитва. «От-

че наш» знают там очень немногие. Принимают причастие Господа Иисуса под обоими видами. Никто из них не кропит себя сам святой водой, потому что кропит их священник. У них много разных постов в году. Женщины не в большом уважении, и ни одна не считается за честную: они сидят все дома и редко дают себя видеть. В торговых делах москвитяне самый плутоватый и хитрый народ: с чужеземца запрашивают за товар втрое и божатся своими святыми, что самим стоит столько же, а все же отдают его за половину, даже за третью часть этой цены при продаже.

Священники женаты, однако ж никому не дозволено по смерти первой жены брать другую, если только хочет остаться в священническом сане; когда же он опять женится, то должен поступить в мирское звание и в нем добывать себе содержание.

О КРЕЩЕНИИ И ПРОЧ.

Если бы привелось крещеным христианам переходить в их веру, они должны дозволить им опять крестить себя, так как москвитяне сомневаются, истинно ли наше крещение. Тот бедный грешник, который дает крестить себя, должен отречься от принятого им крещения и снова креститься. При крещении детей 3 раза погружают их в воду; хотя они и видят, что пленные христиане в краю у них крестят детей по нашему обряду, но не считают это крещение правильным. Осуждают также и причастие у пленных христиан из-за того, что они дают пресный хлеб вместо тела Христова, меж тем как сами они употребляют кислый. Впрочем, приобщают под обоими видами. На исповеди каждый грешник должен откровенно признаваться во всех своих грехах, не скрывать от священника даже и злых помыслов. При браках у них тоже соблюдается странный образ действий: лица, вступающие в брак, до его совершения и обручения на сходятся вместе, чтобы увидеть друг друга, но все улаживается и делается по большей части через приятелей жениха; если они находят, что невеста им нравится, то должна нравиться и жениху. После довольно долгих переговоров ее наконец выдают и справляют свадьбу. Но и в день свадьбы жениху все же не удастся видеть невесту в лицо до другого дня, после возлежания и совершения брака, и хоть бы он тогда и раскаялся в покупке, это нимало не поможет, потому

что пили уже литки³³. Когда случится у них большой праздник, они проводят его со многими обычаями и церковными обрядами. По исполнении обрядов и обычаев справляют праздник объединением и пьянством: однако ж, кроме праздничного времени, этого никогда не бывает явно, и опьянение считается гнусным состоянием. Такое пьянство по праздникам продолжается целых 8 дней. Если праздник еще не так свят и велик, то, рано исправив свои обряды в церквах, они открывают потом свои лавки и торгуют.

О ГОРОДЕ МОСКВЕ

На Пасху, что ни есть там народу, старые и молодые, все дают попам в это священное время по яйцу и звонят себе сколько душе угодно в церковные колокола, которых там многие тысячи: это считается у них за особенное богослужение.

Москва — прекрасный и большой главный город в Московии, лежащий на ровной плоскости, в котором пребывает великий князь и государь всех русских Федор Иванович. Это сильный город, куда приезжают в большом числе туземные и иностранные купцы из очень дальних краев: из Турции, Татарии, Персии, Туркмении, Кабардинской, Грузинской, Сибирской, Черкасской и других земель и ведут большую торговлю многими превосходными товарами: соболями, куницами и разными мехами, также воском, льном, салом и другими товарами, которые в великом множестве привозятся в удобное время года. Этот город разделяется на 4 главные части. Внешний город, обнесенный деревянной стеной в 3 добрые сажени толщины и украшенный множеством деревянных башен, что придает ему издали величавый и красивый вид: в нем все ворота совершенно одинаковой постройки, большие и красивые, и все с трехконечными башнями; эта стена выстроена около 2 лет назад, по словам жителей, и имеет 30 верст в окружности, что составляет 6 немецких миль пути. По этому городу текут 3 речки, из которых самая большая — Москва, и от нее вся страна получает название; другая река почти такой величины называется Неглинная, а третья — Яуза: во внешнем городе эти последние речки впадают в реку Москву. В этой первой деревянной стене лежит другой город, обнесенный каменной стеной, бело-набело отштукатуренной и украшенной множеством башен

и зубцов; жители зовут эту часть города Царьград, то же, что по нашему названию Khönigstadt. В этом городе Царьграде лежит еще особенный город, тоже обведенный особенной каменной стеной, с башнями и сухим рвом и называется Китай-город: тут славная площадь и большая торговля³⁴, до 100 слишком лавок и лавочек, в которых можно получать различные товары. В этом же городе перед Кремлем находится красивая московская церковь, превосходное здание, и называется Иерусалимом. В Кремле же и замок великого князя, тоже обведенный сухим рвом и крепкой стеной, очень величественный, хорошо выстроенный и украшенный множеством башен. Много также круглых башен на церквях, вызолоченных хорошим золотом, должно быть, с большими издержками: издали это выглядит великолепно. Замок весь каменный, обширен в окружности и имеет много значительных церквей. В числе их церковь, называемая на их языке Благовещенья, с 9 позолоченными башнями: и крыша и башни — все вызолочены добрым золотом; туда обыкновенно ходит великий князь отправлять свое богослужение.

ЕЩЕ О ГОРОДЕ МОСКВЕ

В этих различных городах много рогаток на улицах³⁵, которые в ночное время запираются, но ворота в городской стене остаются незаперты. Дома в городе все деревянные. У бояр очень обширные дворы, на которых они имеют свои жилища, есть также много епископских и поповских дворов, при коих обычно есть церковь, так что, по их словам, в Москве до 1500 церквей. Даже иные богатые купцы и бояре строят церкви, в которых и исправляют свои обряды, как у них положено.

Сколько ежедневно выдавалось на кухню для кушаньев послу Николаю Варкочу в Москве и его придворным, всего 33 лицам? Был он в Московской земле 16 недель, на каждую неделю отпускалось по 3 вола, каждый день по 3 барана, по 15 куриц, по одному гусю, по 2 утки, по сотне яиц, по 5 фунтов масла и меду, по 10 лосей; всего же всякого съестного: 48 волов, 336 баранов, 1680 куриц, 112 гусей, 224 утки, 11 200 яиц, 336 фунтов масла, 10 лосей.

Из рассказов *Дон Хуана Персидского*.

**ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕРСИДСКОГО
ПОСОЛЬСТВА ЧЕРЕЗ РОССИЮ
ОТ АСТРАХАНИ ДО АРХАНГЕЛЬСКА
в 1599—1600 гг.**

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

о прибытии двух португальских монахов и двух братьев-англичан ко двору персидского шаха и о том, как шах решил отправить посольство к восьми христианским государям

В то время когда мир и спокойствие царили во владениях шаха Аббаса¹, гордого столькими победами как над [внутренними] врагами, так и над сопредельными странами, прибыл к персидскому двору Мухаммед-Ага, великий чауш² Турции, в сопровождении 300 благородных особ. Посол предложил шаху отправить своего 12-летнего сына Софи Мирзу, наследника престола, к константинопольскому двору, где ему будет оказан радушный прием и почет. На это шах, хорошо знакомый с жестокостями и коварством оттоманского двора, отвечал, что он слуга своего сына (ибо в Персии настоящим государем становится наследный принц, как скоро он родился), что он готов, пожалуй, отправиться ко двору его величества для изъявления ему почтения (на это, хотя бы сын и захотел послать его, не согласились бы государственные сановники), но что сам государь ехать не желает. Посол был немало раздосадован этим ответом; но еще более был раздражен шах смелостью посла, за которой скрывались хитрость и обман, ибо все клонилось к тому, чтобы умертвить персидских наследников (как обыкновенно делают оттоманские государя). Шах Аббас, в знак того, что он проник в намерения султана, велел вырвать бороду у его посла и в таком виде

отправил его к Мухаммеду — поругание, весьма обычное между этими государями. То был старый долг: Мухаммед должен был вспомнить об оскорбительной шутке своего отца Амурата с персидским послом во время торжеств в Константинополе, когда в самый разгар праздника обрушились подмости, с умыслом устроенные непрочно.

В это время прибыл ко двору шаха в сопровождении 32 человек англичанин по имени дон Антонио Шерли³, проживавший в Казвине⁴, и объявил, что он двоюродный брат шотландского короля и что, будучи хорошо известен всем христианским королям, отправлен ими в качестве посланника вести переговоры с государем Персии о заключении с ними союза для войны против общего врага, турецкого султана.

Этот христианский вельможа приехал как раз в то время, когда персидский шах решил отправить посольство через португальскую Индию со многими дарами, впрочем, только к одному испанскому королю. Но дон Антонио сообщил шаху, что в Европе, на Западе, есть много других могущественных христианских королей, которые желали бы вступить в союз с его величеством против турецкого султана, и что поэтому следовало бы шаху снарядить посольство с письмами и подарками также и к этим государям. Шах согласился, приказал сделать все нужные приготовления и самому дону Антонио велел ехать с персидским посланником. Дон Антонио указал государей, к коим следовало ехать; их было 8: римский первосвященник, германский император, короли испанский, французский и польский, венецианская синьория, английская королева и шотландский король.

Все необходимые приготовления были сделаны, и дон Антонио оставил в Персии своего младшего брата с 15 англичанами, причем персидский шах назначил для них дом и достаточное содержание, как приличествовало особе, за которую он себя выдавал.

В это время прибыли по дороге через Индию и Ормузское царство⁵ два португальских монаха, уроженцы Лиссабона: один — доминиканец, другой — францисканец. Доминиканец назывался фра Николай де Мело⁶. Эти монахи, весьма радушно шахом принятые, еще больше побуждали его отправить посольство: шах называл их отцами и оказывал им большое внимание, так что они попросили у него рекомендательных писем к его святейшеству и к католическому величеству королю Испании, и шах велел написать для них письма и дать отдельно от других.

Дон Антонио совершил свое путешествие через Грецию в турецкой одежде, как человек, хорошо знакомый с языком, но [нам] невозможно было там проехать, а путь на Индию был сопряжен с продолжительным морским плаванием, и потому было решено совершить путешествие через Татарию и Московию. Итак, были сделаны все необходимые приготовления, и его величество дал свои царские письма и открытые листы⁷ во все свои земли и области, через которые мы должны были проезжать, верительные грамоты и деньги, дабы все наше путешествие, равно и англичан, было совершено на счет персидского шаха⁸. Были назначены знатные персияне для сопровождения посланника. Получив напутствие от шаха и простившись с ним в Испагани⁹, где теперь пребывает двор, мы выехали в год от воплощения Христова 1599-й, в четверг пополудни, 9 июля.

Попрощавшись с его величеством и придворными сановниками, мы в путевом порядке и дорожной одежде отправились в таком составе: посланник по имени Хусейн-Али-Бек¹⁰, 4 знатных людей и 15 слуг, 2 монаха, дон Антонио¹¹, 5 переводчиков и 15 англичан. У нас было 32 верблюда, нагруженных подарками, лошади и вьючных животных, необходимых для указанного числа людей.

Разнообразно было настроение отъезжавших: одни уезжали веселыми, другие — печальными, хотя всем шах дал царское слово щедро наградить нас: но слезы родственников, горесть друзей, печаль и скорбь жен, отцов и детей были столь велики, что мы поспешили покинуть столицу в тот же вечер и направились в город Кашан.

Наше путешествие от Испагани до Кашана продолжалось 4 дня; 2 дня мы отдыхали в Кашане и затем прибыли в город Кум, а на другой день в город Сава. От Савы ехали 3 дня и прибыли в город Казвин, прежнюю резиденцию персидских шахов, как мы сказали при описании этих областей. Здесь мы пробыли 8 дней, потому что шах приказал взять из этого города подарки для христианских государей сверх тех, которые мы везли. Так мы и сделали.

Выехав из Казвина, прибыли через 5 дней в Гилян¹², землю иного языка, хотя, как мы сказали при описании ее, также короны персидской. Эта область примыкает к морю Бакинскому, или Кользуму¹³, и мы должны были здесь сесть на корабль; поэтому пробыли 10 дней, занятые необходимыми приготовлениями. Сюда прибыли многие наши друзья и родственники кроме тех, которые все время

нас сопровождали; и когда мы уезжали из Испагани, и [теперь], когда сажались на корабль, все они попрощались с нами, весьма опечаленные, а мы пустились в плавание.

Это море не было хорошо известно древним, которые даже до времен Августа Цезаря думали, что оно продолжается до соединения с океаном. Арабы называли его закрытым морем. Оно имеет 800 миль в длину и 600 в ширину, принимает много полноводных рек, и по этой причине, как некоторые говорят, его вода не очень горька и не очень солоная; но я, который плавал по нему и не раз пробовал вкус его воды, могу уверить, что она довольно густая и горько-соленая. Главные реки, впадающие в это море, — Кесез (Кизил-узен)*¹⁴, Гейкон (Гигон, Аму), Теуссо (Терек?), Кар (Кура) и Волга, которую там называют Эдер и по которой мы плыли, о чем скоро будем говорить.

Сев на корабль, мы через сутки прибыли на островок в этом море, населенный рыбаками, ибо в той стороне великое изобилие разнообразной рыбы; особенно много ловят морских собак¹⁵, коих шкуры доставляют большую выгоду, так как их продают для перевозки в них оливкового масла. Здесь мы пробыли сутки, выжидая хорошей погоды, и на следующий день, когда море казалось спокойным, пустились в путь. Тут ясно обнаружилась малоопытность наших корабельщиков, ибо, едва мы проехали 3 или 4 мили, поднялась такая буря, что ветер разорвал паруса и мы не раз опасались утонуть. Правду сказать, большинство персиян мало знакомы с мореплаванием, и многие даже не знали, что есть опасность погибнуть: мы смеялись над монахами, которые плакали и готовились к смерти. Буря продолжалась всю ночь, и на рассвете мы очутились у той же пристани, где сели на корабль.

Высказывалось мнение, не высадиться ли нам и не вернуться ли ко двору, так как, видимо, нет небесного соизволения на то, чтобы мы совершили это путешествие, но боялись негодования шаха, и потому, когда снова наступила хорошая погода, мы опять пустились в путь. В 2 дня мы проплыли то расстояние, которое прошли сначала, и на третий день прибыли к пристани, не имеющей строений, но густо заселенной людьми, которые живут, как бедуины, со своими стадами и верблюдами. По племени они кочевые татары¹⁶, а земля их зовется землей Великого Тамерлана татарского и также подвластна персидскому шаху. Образ жизни этого на-

* Здесь и далее в скобках приводятся варианты, данные в публикации 1899 года.

рода грубый и малоразумный: ходят полуобнаженные, надевая только род штанов или короткую рубаху; бедны и весьма смиренны, так что легко принимают всякого в свою страну. Нас они угощали обильно и щедро животными из своих стад в течение 15 дней, что мы там пробыли по причине полного затишья на море, не позволяющего кораблю все это время двинуться. В этой земле, которая называется Минкеслак (Мангышлак), есть персидский идол¹⁷, весьма почитаемый туземцами и иностранцами, и мы принесли ему много даров и жертв, чтобы он послал нам попутный ветер. Встретив персиянина, который также отправлялся с нами, и дождавшись благоприятного ветра, мы пустились в путь. Мы находились в плавании 2 месяца, потому что в дурную погоду приставали к берегу; а будь погода все время хорошая, мы не пробыли бы в пути и 12 дней. Под исход этих двух месяцев мы вошли в залив Каспийского моря, где вода была чистая и пресная. Это, вероятно, тот самый залив, о котором говорит Хуан Ботеро в своих известиях; впрочем, это скорее бухта, чем залив. Следует сказать, что вода здесь пресная от рек, впадающих в этот лиман; но что в море вода горькая, видно из того, что, когда ветер и вихрь гонят воду из лимана в реки, вода их становится горькой, как желчь, в чем я сам убедился. Эти реки называют реками земли Идель.

В 30 лье¹⁸ от этого лимана к северу начинаются земли, принадлежащие в Азии московскому государю, и первая из них — христианский город по имени Астаркан (Астрахань). Корабельщики повезли одного персиянина и одного англичанина на маленьком судне к главному начальнику города, находившегося в 30 лье от того места, где стоял корабль, который по причине мелководья не мог двигаться дальше, а так как размеры его были велики, то при всяком ветре ему грозила большая опасность. Поэтому, когда обрушился на нас шквал, нам казалось, что мы погибли, поэтому мы выбросили в море тысячу фанег¹⁹ пшеницы и муки, большое количество съестных припасов и немало сундуков с одеждой и ценными вещами, чем, очевидно, буря была укрощена.

Когда миновала эта опасность, вернулись ездившие в город. Начальник города прислал с ними несколько чиновников на 4 галерах и съестных припасов. Нас пересадили на галеры, а корабль взяли на буксир. Когда мы приехали и высадились, нам устроили весьма торжественный прием при огромном стечении народа. Здесь мы застали другого посланника от персидского шаха; он ехал в Московию со свитой в 300 человек²⁰.

Тут мы отдыхали 16 дней. Нам предлагали обильное угощение, а по наступлении осени в этой земле было множество арбузов и яблок отличного вкуса. Земля эта приятна, но еще приятнее была она для нас, ибо начальник, поставленный здесь великим князем Московии, велел объявить через глашатаев, чтобы никто не смел брать денег за то, что мы потребуем и возьмем, под страхом быть наказанным 200 ударами кнута.

В Астрахани 5000 жителей. Все дома их деревянные, только крепость, очень сильная, где живет главный начальник, выстроена из камня; стены ее значительной высоты и толщины. Она охраняется весьма бдительно множеством ратников, и доступ в нее можно получить только по особому разрешению. Церквей много; они невелики и наполнены очень маленькими лакированными изображениями святых, перед каждым святым весь день горит свеча. Только туземцы могут входить в церкви, а иностранцев в них не пускают.

Астрахань — один из тех городов, о которых говорит Ботеро в своих известиях, что там живут татары ордами, как евреи жили коленами; однако собственно татары бродят по полям, как бедуины, и только христиане-москвиты населяют застроенные места.

Город расположен на берегу реки Волги, или Эдера. Сюда съезжается множество купцов из Московии, Армении, Персии и Турции. Главный предмет его торговли — соль. Ботеро говорит, что этот город отстоит от моря на один день пути; но я как очевидец утверждаю, что и при самой благоприятной погоде с трудом достигнешь его в 2 дня. Этот город некогда был разрушен Тамерланом Великим, да и теперь немало терпит во время войн с персиянами и турками.

РАССКАЗ ВТОРОЙ

в котором продолжается описание страны и достопримечательностей, кои мы в ней видели, проезжая по Московии

Пробыв в Астрахани 16 дней и получив 5 галер, которые были сделаны для нас и для персидского посланника, встреченного нами в Астрахани при нашем приезде, мы поместились на них все: персияне, англичане и монахи и более 100 ратников московского царя, которые отправля-

лись с нами для охраны и прикрытия по приказанию главного начальника. Галеры были очень хорошо устроены, на каждой было по 100 гребцов. Мы собирались плыть по реке, которую называют Эдер и которая, очевидно, есть Волга. Она имеет в ширину половину большого испанского лье. По обеим берегам ее обитают татарские племена, разделенные на орды, или колена, проводя жизнь большей частью в полях среди своих стад, которыми главным образом ведут торговлю. На этой реке есть множество рыболовов, которые ловят больших рыб, вроде испанских лососей, но гораздо крупнее и красивее: самая малая весит 30—40 фунтов. Удивительно, однако, что никто не решается есть мясо этих рыб, а ловят их только для добывания из них яиц, коих в них бывает 6—7 фунтов; яйца черны как спелые фиги, очень приятны на вкус и сохраняются в сушеном виде год и два, не портясь. Здесь также собирают айву и гранаты. Они составляют лучшее угощение в этой стране.

На берегу этой реки, по пути в Московию с правой стороны, обитает татарское племя, которое разводит верблюдов, лошадей и мелкий скот и живет, подобно бедуинам, перемещая свое местожительство по временам года. Это племя называется Ногаи. Так как пастбища находятся на другом берегу реки, а мостов, по которым мог бы перейти скот, нет, то при ежегодной переправе через реку в августе, когда вода стоит особенно низко, они употребляют для скота такой способ: связывают животных хвостами и пускают их по 30 и по 50; животные, толкая друг друга, преодолевают течение воды и переправляются. Для мелкого скота протягивают над водой полотнища толстой просмоленной ткани, наподобие корабельных досок, очень плотно сотканые, и, натянув их шестью, переводят баранов и овец; но так как расстояние очень велико — ибо и в более узком месте река имеет в ширину одно лье, — то половина стада обыкновенно погибает. Это племя татар одинаково готово служить тому или другому государю и владеет скотом в таком изобилии, что баран стоит меньше реала²¹. В делах религии они в высшей степени невежественны, но чрезвычайно гостеприимны и когда пригласят кого, то убивают жеребца, приготавливают блюдо из половых частей его и подносят гостю в знак особой любви и уважения к нему.

Два месяца мы плыли по этой реке и через каждые 10 дней высаживались на каком-нибудь местечке, потому что по берегам реки расположены небольшие селения с дере-

вянными домами. В каждом селении мы оставляли гребцов и брали других на свои галеры — все это делалось по распоряжению ратников, которые провожали нас по приказанию московского царя. По обоим берегам реки тянутся горы, населенные и весьма высокие; в них мы видели много медведей, львов (!)*, тигров и куниц разных пород. На расстоянии каждых 100 лье есть город, принадлежащий московскому царю, и первый из них, к которому мы прибыли, назывался Ямар (Черный Яр?), второй — Саресен (Царицын), третий — Симер и другие, им подобные. Когда на реке поднималась буря, гребцы высаживали на берег лошадей, и они тянули галеры канатами. Каждую ночь мы проводили на берегу в открытом поле, под охраной и защитой ратников.

Под исход этих месяцев мы прибыли в очень большой город, принадлежащий московскому царю. Он называется Казань и имеет более 50 000 жителей-христиан. В городе множество церквей, и в них столько больших колоколов, что в канун праздника нет возможности заснуть.

Когда мы прибыли к этому городу, нас вышло встречать такое множество людей, смотревших на нас с удивлением, что мы едва могли проехать по улицам и площадям. Мы пробыли в городе 10 дней, причем нас так обильно угощали, что кушанья приходилось выбрасывать за окно. В этой стране нет бедняков, потому что съестные припасы столь дешевы, что люди выходят на дорогу отыскивать, кому бы их отдать. Зато есть недостаток в хороших винах, ибо нет иного вина кроме того, которое выделывают из пшеницы и ячменя; оно чрезвычайно крепко, так что пьющие быстро приходят в опьянение, и потому законом установлено, чтобы чиновники не носили оружия, так как среди них то и дело случаются убийства.

Страна эта очень холодна, и потому все ходят в одежде из меха куниц, которых здесь очень много. Нет иных плодов, кроме очень кислых лесных яблок, да и тех немного. Жители хорошо сложены: мужчины очень белы, полны и высоки; женщины вообще весьма красивы; одежда и шапочки из куньего меха, которые они носят, придают им еще больше красоты. Печи в большом употреблении. В каждом доме держат собаку, подобную льву, потому что боятся быть ограбленными ночью. Эти собаки днем привязаны на цепи, а вечером в известный час дают знак звоном в колокола, что собак хотят выпустить на улицы —

* Так в тексте.

пусть люди остерегаются: когда их выпустят, никто не осмеливается выйти из дому, иначе собаки растерзают его в клочки. Все дома этого города деревянные, но есть большая и сильная крепость с каменными стенами; в ней находится весьма значительное число ратников, которые ночью держат стражу на постах — как в Испании, Италии и Фландрии. Такая предосторожность вызывается тем, что ночью турки и татары совершают нападения и поджигают селения.

Отсюда мы поехали на 7 галерах, которые нам дал начальник города вместе со 100 ратниками, чтобы отвезти и проводить нас в столицу московского царя. Мы продолжали плыть по той же реке и в дальнейшем пути начали испытывать на деле всю негостеприимность климата этих северных стран. Когда через 6 дней мы прибыли к местечку на берегу этой реки, называемому Чапуасар (Чебоксары), то в ночь река Волга, или Эдер, по которой мы плыли, так крепко замерзла, что нам пришлось изменить способ путешествия. Местные жители выгрузили все, что мы везли на галерах, и доставили лошадей и экипажи для дальнейшего нашего следования в столицу сухим путем.

Что касается причины, почему замерзают устья и протоки, или рукава, Волги (Ботеро утверждает, что их 78 и что эта река берет начало из озера Волаппо (Волго?), как Борисфен и Двина, и кажется, что он прав, ибо течение ее, по-видимому, начинается от крайних пределов Литвы), то причина, как видится, та, что эти страны мало пользуются теплом солнца: оно от них так далеко — ибо они идут от полудня на восток²², — что зима, весьма суровая, продолжается целых 9 месяцев, и так как тамонные леса очень густы, составляя ветви Герцинского леса²³, который простирается на севере, то солнце никогда не может нагреть землю в течение трех летних месяцев. Но хотя зима сурова и земля бывает покрыта льдом и снегом, однако это время года удобнее для переездов и путешествий, чем весна, потому что в продолжение короткой весны, какой она бывает в этом суровом климате, снег и лед тают и страна покрывается озерами и болотами, отчего проезд по ней становится почти невозможным до тех пор, пока земля снова не начнет твердеть и замерзать.

Экипажи, которыми нас снабдили в этом городе, представляли род портшезов, наподобие паланкина или каретки, поставленной на толстых гладких брусках. Формой они похожи на те экипажи, которые употребляются в Нидерландах голландцами, а также в Италии в Альпах и на

притоках По и во Фландрии на Маасе и Шельде, когда реки замерзают. Впрочем, экипажи, употребляемые на Волге и у московитов, больше тех; они скользят, не прорезая льда, подобно немецким, и устройство их таково: четырехугольная башенка, суживающаяся кверху в виде пирамиды, с двумя сиденьями внутри, покрыта шкурами с мехом и имеет спереди табурет, или скамейку, где садится человек, правящий лошадей, которая везет этот хитрый снаряд; внутри, на двух сиденьях, помещаются путешественники; позади сидений есть выступ, куда кладут часть багажа. Лошадь бежит с быстротой 12—15 лье в день. Так как экипажи вмещают мало людей, то для нас и нашего багажа потребовалось их более 500. Так мы путешествовали, пока не прибыли в город по имени Нечена (Нижний Новгород) с населением около 8000 человек. Дома в нем деревянные, как и в других городах; впрочем, он окружен каменной стеной, которую омывает Эдер. Одновременно с нашим приездом сюда пришел приказ от московского царя, который уже знал о нашем путешествии, чтобы мы промедлили месяц в этом городе, и, таким образом, нам пришлось отсрочить свое путешествие на месяц. Жители города — христиане, подданные московского царя; впрочем, имеют непристойные обычаи: ибо в этой стране лучшее удовольствие — бани, но в них моются мужчины и женщины вместе, без одежды; дозволяют себе весьма неприличные речи — более, чем допускает благопристойность в каком-либо государстве. Съестные припасы весьма дешевы, как и в других, описанных нами, частях Московии и Татарии, но одежда очень дорога; впрочем, нас снабжали всем в величайшем изобилии по приказанию царя. Под исход этого месяца, который мы там пробыли, пришло к нам от царя повеление отправиться в столицу.

Мы выехали по приказу, данному нам царским домоправителем, который прибыл в Нижний, на других лошадях и в других экипажах, подобных прежним. Нас провожал начальник крепости этого города, где имеется 6000 ратников для охраны: день и ночь они держат стражу, опасаясь турок и татар. Не знаю, перекопские ли это татары или нет; как мне кажется, они обитают в землях дальше к северу, чем перекопские, которые, скорее, кочевники и горцы.

6 дней мы ехали, имея постоянно в виду берег реки Эдера, и наконец прибыли в город, называемый Морло (Муром), большой и многолюдный. Так как мы спешили, то не могли ознакомиться с достопримечательностями этого

места, однако нам рассказали об одной вещи, которую как очень замечательную, хотя и основанную на суеверии, не хочу пройти молчанием. В этом городе главный промысел — дубление бычьих кож; он так распространен, что им занимаются в тысяче одном доме. В каждом доме есть колодец, куда мастер кладет тысячу одну кожу, и когда их вынимают по окончании дубления, то тысяча одна кожа, принадлежащие кому-либо одному, оказываются соевшими. Тогда остальные мастера собирают между собой тысячу одну кожу, и, наложив на них свои знаки и метки, отдают тому, у кого оказались соевшими тысяча одна кожа. Но это дьявольская выдумка и неслыханное баснословие (иное дело, если бы мы видели это), ибо ясно, что, так как вода одна и та же и материалы, употребляемые для дубления кож, одни и те же, то не может соевть у одного больше, чем у другого, а если бы стали утверждать, что тут имеет значение лучшая вода и лучшее устройство колодца у одних, чем у других, и у первых кожи подвергаются дублению, а у последних преют, то не может случаться так точно, чтобы соевали всегда тысяча одна кожа; в таком случае, пожалуй, может показаться, что это вещь не естественная, а дело сатаны.

Выехав из этого города, мы через 3 дня прибыли в другой, называемый Валья де-амор²⁴ (Владимир), постоянно следуя вдоль течения Волги (!)* и путешествуя в других, подобных прежним, экипажах. В этом городе 12 000 жителей, он кажется весьма благоустроенным и под хорошим управлением. Женщины очень красивы, но их сильно портит безобразная и нескладная одежда, лишенная вкуса и изящества. Мужчины высоки и плотны. Климат этого места подобен климату других городов, виденных нами на пути от Каспийского моря досюда. Пробыв здесь не более одного дня, мы не могли ознакомиться с другими достопримечательностями.

Отсюда мы начали терять из виду реку Эдер, оставив ее справа, и путешествовали в силу упомянутого приказа с тем же прикрытием и под охраной капитана и царского домоправителя с ратниками уже в числе 200. Через 3 дня путешествия мы прибыли в резиденцию великого князя и царя Московии. Это весьма многолюдный город, именуемый Москвой; от него получило название и все это царство, а он получил его от реки Москвы, которая по нему протекает, беря начало за 90 миль выше него. Впрочем, плавание по

* Так в тексте.

этой реке весьма затруднительно по причине извилистого ее течения, особливо между Москвой и Коломной. Ботеро и Поссевин (у которого первый сделал заимствования) говорят, что этот город после разрушения и сожжения его татарами и турками в 1570 г.²⁵ имеет в окружности не более 2 малых лье. Я очень внимательно осматривал город, и мне показалось, что население его составляет никак не менее 80 000, а окружность его со всеми банями, домами и пристройками, разбросанными столь беспорядочно, что не начертишь их на плане, составляет, по моему мнению, более 3 миль. Дело в том, что город не обнесен каменной стеной, а представляет открытую местность, ибо его ограждения состоят из болот, рек и прудов, которые пересекают и окружают его. Обнесен стеной только главный дворец, и эта ограда столь велика, что в ней заключается порядочный город. Она каменная, с прекраснейшими зданиями; в особенности красив самый дворец, выстроенный в итальянском вкусе. Ограда эта настолько обширна, что внутри ее живут все придворные царя. О числе ее жителей сведений не имею, но домов более 6000.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

о приеме, который был сделан нам при дворе московского царя, о том, что мы там видели и что произошло у нас с царем до нашего отъезда

В пятницу, в 10 часов утра, в ноябре месяце²⁶ мы вступили в резиденцию московского царя. Навстречу нам вышло великое множество людей, потому что московиты люди весьма тщеславные: в день въезда какого-либо князя или иностранного посланника в резиденцию царя или в один из главных городов указом объявляется, чтобы никто не работал, а чтобы все, одевшись и принарядившись как можно лучше, выходили к тому месту, где произойдет въезд. И хорошо, что они в такие дни отдыхают и не смеют ни минуты работать, так как в обыкновенные праздники в течение года ничуть не стесняются работать целый день, хотя весьма строго соблюдают другие предписания греческой церкви, коей они следуют.

Знатных лиц, которые вышли нас встретить по приказанию царя и которые все были вельможи и сановники, господа и дворяне, как мне показалось, было свыше 6000. Для нашего въезда царь прислал нам 200 экипажей,

запряженных каждый в одну лошадь, очень рослую; кучера, экипажи и лошади были покрыты львиными и тигровыми шкурами, отчасти для большей пышности, отчасти для защиты от холода, весьма сильного в тех местах.

За пол-лье от города нас встретила царская гвардия²⁷, стоявшая в строю по обеим сторонам дороги, по коей мы следовали: то была пехота, вооруженная аркебузами, и ратников, имевших аркебузы, не считая тех, которые имели луки и стрелы, было около 10 000. Мы проезжали посреди этой гвардии, причем ратники держали фитили зажженными.

Должно знать, сколь могуществен государь, имеющий пребывание в этом городе; он великий князь и царь Московии, властитель 15 княжеств, 16 королевств и двух царств, его земли простираются на севере до Северного океана и от залива Градуско (Ладожское оз.?) до реки Обио (Обь) на юге по всему берегу реки Эдер до Бакинского моря; на западе примыкают к Ливонии и с этой стороны имеют границей Борисфен, как с восточной — реку Эдер; в длину они имеют 3000 миль, а в ширину 1500. Этот государь весьма богат, ибо волен располагать жизнью и имуществом своих подданных, кои не только служат ему, но и обожают его. Он не допускает в своих владениях ни школ, ни наук, ни университетов, дабы никто не мог знать столько, сколько знает он, и потому ни один из его судей, градоначальников и секретарей не знает больше того, что диктует ему великий князь. Жители не могут лечиться у иностранных врачей и ездить в другие царства под страхом смертной казни, дабы они не имели сношений с другими народами. Нет ни нищих, ни разбойников, потому что первым приказано давать пищу в изобилии, а других осуждают на вечное заключение, так что человек, раз совершивший преступление, не может совершить его в другой раз, ибо он как бы заживо погребается в могиле. Государь весьма строго соблюдает предписания религии. Нет иных книг, кроме Евангелия, проповедей и жизнеописаний святых; все эти книги украшены крестами. Входя в церковь, он целует землю; в правой руке носит образ Господа нашего Иисуса Христа; над треном, на который он садится, над его головой стоит образ нашей Владычицы. Он носит митру и посох и одежду вроде епископской, а на пальцах множество перстней.

По въезде нашем в город нас поместили в нескольких очень хороших домах, имевших вид крепостей²⁸; в одном — персидского посланника, приехавшего к московскому царю, в другом — нашего посланника и нас, в третьем — англичан, и оставили при нас 300 человек стражи. Царь немедленно

распорядился прислать к нам 9 человек, знающих наш язык, по 3 на каждый дом, и доставить нам обильное угощение. После того как мы отдыхали здесь в течение 8 дней, царь прислал за нами в воскресенье своего домоправителя, и мы выехали в том порядке, в каком въезжали в город: как и в день нашего въезда, гвардейская пехота была расставлена до самого дворца. Нужно было ехать добрую четверть лье от укрепленного жилища, в котором мы помещались. Царский дворец — та самая цитадель, о которой мы говорили, что она вмещает до 6000 домов, кои все деревянные; только дворец и стена каменные и построены и укреплены на итальянский манер, как мы сказали. Внутри крепости много церквей, и в наибольшей из них есть весьма значительный колокол; в него звонили, чтобы мы услышали эту диковинку: 30 человек едва могли раскачивать его; в него звонят только в день рождения или коронования государя. Подойдя к дверям дворца, мы встретили царского домоправителя, человека исполинского роста, который имел при себе свирепейшего пса, привязанного на цепь; его спускают на ночь. Этот домоправитель привел нас ко второй двери, где находился другой домоправитель, который привел нас к третьей двери, а домоправитель при третьей двери ввел нас в царскую приемную палату, где находилось 500 придворных, кои все были одеты в парчовое платье, подбитое соболем, в колпаках, украшенных камнями, и в других дорогих уборах невероятной цены. Эти придворные нас встретили и проводили до конца приемной палаты, где находился царь: палата так велика, что от самых дверей с трудом различишь, что делается в конце ее. Она построена в виде галереи или нефа церковного и, как мы сказали, весьма длинна; ее своды и фонари поддерживаются через известные промежутки 40 деревянными золочеными колоннами, украшенными резьбой в виде крупных листьев и иных орнаментов; толщина колонны такова, что 2 человека с трудом могут ее обхватить. Подойдя к концу приемной палаты, мы увидели царя, который сидел на кресле, возвышавшемся на несколько ступеней; массивное кресло было из золота и обложено прекраснейшими камнями. Царь был в платье из золотой материи, подбитом соболем с бриллиантовыми пуговицами; на голове у него была шапка вроде митры, а в руках посох. Позади царя стояли 40 придворных с серебряными скипетрами, составляющими регалии, которые царь берет с собой на войну. Приблизившись к царю, мы простерлись ниц, и персидский посланник, приехавший в Московию, по имени Перголи-бек, знатнейший вельможа персидский, поцеловав письмо, которое держал,

вручил его царю; последний приподнялся с кресла, взял письмо, поцеловал его и передал переводчику, который перевел его на свой язык²⁹. Вслед за тем приблизился посланник, ехавший в Испанию, и вручил свое письмо, которое содержало просьбу к царю оказать нам покровительство и дозволить беспрепятственный проезд. Царь обещал и велел нам всем сесть на скамьи, или длинные табуреты, набитые пером и крытые бархатом. Потом он встал и удалился во внутренние покои с теми же придворными, а через малое время вернулся в сопровождении их, причем как царь, так и все придворные, были одеты в белую одежду, опущенную белой куницей вроде испанского горностая. В промежуток между уходом и возвращением царя поставили столы, и царь сел кушать и нам всем велел сесть, причем каждому было дано место по его достоинству. Обед был весьма обильный и роскошный, ибо каждому подавалось более 40 блюд, и все, что на них находилось, было цельное; тут были: телятина, дичь, баранина, гуси, утки и другие водяные птицы. Хлебы, которые подавались, были так велики, что 2 человека с трудом могли нести один хлеб и серебряную миску наподобие жаровни с ручками. Царь угощал всех со своего блюда, смотря по знатности гостя, в особенности виноградным вином, которое составляет самую ценную вещь в этой стране: оно привозится издалека только для царя и епископов, кои рассылают его по церквам для употребления при таинстве. В особом отделении, внутри присмной палаты, в которой мы обедали, все время играла музыка из весьма разнообразных инструментов и голосов. Обед продолжался от 2 часов пополудни до 8 часов вечера. Мы вернулись в свое помещение с прежней свитой и гвардией при свете сотни факелов. Нашим служителям также были присланы кушанья в большом изобилии.

Когда кто из нас хотел выйти посмотреть город, то всякий раз надо было испрашивать дозволение у начальника крепости, и он давал 4 человек из стражи. В течение 8 дней нам были показаны достопримечательности города, в особенности сокровищница, у дверей которой стояли два изображения львов, очень неуклюжие: одно, по-видимому, из серебра, другое из золота. Богатства, заключающиеся в сокровищнице, столь же трудно представить себе, как и описать, а потому о них умалчиваю. Хранилище царской одежды равным образом представляло ценность невероятную. Арсенал столь велик и так богато снабжен, что можно бы вооружить 20 000 всадников. Нам также показали клетку с дикими зверями, между которыми был лев величиной с лошадь, с гривой дли-

ной в 2 локтя³⁰; при виде нас он пришел в такую ярость, что сломал очень толстую перекладину. Под конец мы обошли город и видели в нем множество разнообразных лавок и большую площадь, которая была заставлена пушками, такими огромными, что 2 человека могли входить в каждую для чистки ее. Они длиной в 7 локтей, и на заряд требуется по 2 арробы³¹ пороха на каждую.

По прошествии 5 месяцев, которые мы пробыли в столице Московии, задержанные сильными дождями и снегами, царь дал нам дозволение отправиться в путь. Мы ходили прощаться с ним, и когда вернулись домой, царь прислал посланнику 3 богатейшие одежды из золотой материи, подбитые сободем, золотой кубок вместимостью в один асумбр³² вина и 3000 дукатов³³ на дорогу, а каждому из нас он послал по 3 одежды: 1 лучшую и 2 простых, по 8 локтей сукна на дорожное платье, по серебряному вызолоченному кубку такой же величины, как и кубок посланника³⁴, и по 200 дукатов. Мы простились весьма трогательно с персидским посланником, который оставался в Московии³⁵: он проводил нас почти за 2 лье и расстался с нами сильно опечаленный. Нас покинули 4 служителя, которые вернулись в Персию, и доминиканец, о котором при всех стараниях мы ничего не смогли узнать: подозреваем, что его спровадил дон Антонио Шерли, ибо, когда мы плыли на галерах по реке Эдер, дон Антонио заключил его в каюту в трюме, намереваясь умертвить, но мы, персияне, освободили его оттуда. Монах сказал нам, что он дал взаймы дону Антонио тысячу червонцев и 90 мелких бриллиантов и что, когда стал требовать уплаты, тот хотел убить его.

Таким-то образом мы выехали из столицы Московии на Пасху в сопровождении капитана со 100 ратниками. Мы проезжали по 10 лье в день и через 3 дня прибыли в очень большой город, называемый Парасвалт или Параслап³⁶. В нем проживает более 30 000 жителей, христиан-москвитов, и там много церквей прекрасной архитектуры в своеобразном вкусе. Подле каменной стены этого города протекает весьма полноводная река, которая, как мне показалось, течет, по отношению к столице, откуда мы ехали, несколько поперек. Вода в ней стояла высоко. Мы переехали через реку на плотках, которые тянули по канатам, как тянут барки, и которые так велики, что за один раз перевозили по 100 лошадей. Я не знаю имени этой реки³⁷, но думаю, что это приток, впадающий в реку

Москву. Мы ехали еще 3 дня, держась постоянно на северо-запад, и прибыли в другой город, называемый Яраслап³⁸. Этот город весьма многолюдный, ибо в нем более 40 000 жителей, также московитов-христиан. В нем много красивых, своеобразной архитектуры церквей и монастырей и одна из лучших крепостей, виденных нами в Московии: особенно льной и красивой делает ее река Барем (река Барента?)³⁹, которая своим течением омывает и окружает стены. От этого города мы хотели направиться по суше в Лотарингию, Саксонию и Германию; но нам сообщили, что всего безопаснее, вернее и прямее сесть нам на галеры и плыть по упомянутой реке до моря, которое находится на расстоянии около 100 лье и есть, очевидно, Северный океан, а другие говорят, Балтийское море. В него, как я полагаю, впадает река Двина, или Борисфен, хотя, по словам лучших космографов, она впадает в Балтийское море. Как бы то ни было, мы проехали по реке Барем 100 лье, делая 15—16 лье в день на двух галерах, нам данных: одна — для нас, другая — для англичан. По берегам реки расположено немало селений, так что через 2 дня плавания мы прибыли в город по имени Хибиска (Шуйское?). Как мне показалось, в нем тысяч 10 жителей — скорее больше, чем меньше. Здесь мы переменили людей, которых взяли для службы на галерах; нам дали других и много нас угощали. Еще через 2 дня мы приехали в другое местечко на берегу той же реки, именуемое Турмен (Тотьма?) с населением, по-видимому, около 3000, но с одной из самых больших крепостей, нами виденных. Переменив здесь прислугу на галерах, мы через день прибыли в местечко по имени Брусиниска, а через день в город, называемый Рестук (Устюг?). Здесь нам прислали обильное угощение. Через день мы приехали в местечко по имени Туравичис (Сольвычегодск?). Отсюда ночь для нас кончилась, а день не прекращался, ибо в этих местах в марте, апреле и мае ночи не бывает; зато зимой, в другие три месяца, бывает постоянная ночь, поскольку страна эта находится под такой большой широтой. Нам казалось очень странным жить без ночи.

Отсюда мы прибыли в очень большой город вблизи моря, называемый Кармакури (Холмогоры), с населением свыше 30 000. Он лежит в 10 лье от места впадения реки Барем в море. Здесь мы пробыли 12 дней, дожидаясь английских и немецких кораблей, но потом заблагорассудили ехать в город по имени Корет Арканхер (Архангельск), лежащий на 5 лье

ниже. Он имеет около 12 000 жителей и составляет весьма известную пристань, где выгружаются корабли французские, английские и немецкие, принадлежащие купцам, которые ведут торговлю с северными странами Азии. Мол весьма хорош, и гавань, вход которой обращен на полдень, представляет весьма обширное и надежное убежище. В этой пристани бывает обыкновенно по 400 кораблей, и таможенный сбор дает большой доход великому князю Московии. Здесь мы пробыли 20 дней, запасаясь необходимым, ибо уже наняли фламандский корабль в тысячу тонн, вооруженный 20 пушками⁴⁰.

Не следует пройти молчанием один случай, происшедший у нас с доном Антонио Шерли, чем и заключим этот рассказ. Дон Антонио — человек великого ума, хотя мал телом, и любит роскошь на чужой счет, ибо собственных доходов фортуна не дала ему. Как потом оказалось, он постоянно старался нас обманывать, для чего пользовался повелением, которое нам дал персидский шах, всегда руководствоваться указанием дона Антонио, как человека более нас опытного. Таким образом, когда мы собирались сесть на корабль и плыть по этому морю, дон Антонио сказал нам, что было бы большим затруднением брать сундуки с подарками на этот старый фламандский корабль, который он не считает достаточно надежным, чтобы поднять такой большой груз, что, если обнаружится течь и придется выбросить часть багажа в море, явится опасность и для сундуков с подарками; но что здесь живет его большой друг, англичанин, у которого есть очень крепкий и быстроходный корабль: этот человек мог бы доставить подарки в Рим. Нам показалось, что он говорит дело, и мы отдали сундуки с подарками указанному им англичанину. Что из этого последовало, будет пояснено в своем месте.

**ОТЧЕТ
О ПОЕЗДКЕ ГАНЗЕЙСКОГО
ПОСОЛЬСТВА
ИЗ ЛЮБЕКА В МОСКВУ И НОВГОРОД
в 1603 году**

ЯНВАРЬ

13 января выехали, благословясь, из императорского и Священной Римской империи вольного города Любека, славных ганзейских городов делегаты всечестнейшие, высокоумные, досточтимые и ученейшие господа Конрад Гармерс, бургомистр, Генрих Керкринк, советник, магистр Иоганн Брамбах, секретарь, а из города Штральзунда господа Николай Диннисс и Иоганн Штейленберг.

Проехав 5 миль, переночевали в Гrefесмюлене.

14 числа прибыли в отстоящий в 3 милях Висмар, где и провели ночь. Здесь Городской совет почтил послов поднесением 10 штофов рейнвейна¹.

15 ночевали в Крепелине, в 4 милях.

16, через 3 мили, в Ростоке обедали и получили 4 штофа вина; оттуда, еще до сумерек, доехали до Тессина, в 3 милях, где и переночевали.

17 в Деммине, в Померании², в 5 милях, остались на ночлег.

18 в Анкламе, в 5 милях, также имели ночлег; Городской совет и здесь почтил послов поднесением 6 штофов вина. Далее поехали уже с присоединившимися в этом месте уполномоченными от Штральзунда.

19 проехали Штеттинскую равнину до Уккермюнде, в 3 милях, откуда, сперва пообедав, двинулись дальше по той же Штеттинской равнине до Мютцельбурга (3 мили), где и ночевали.

20 доехали до старинного города Штеттина, в 4 милях, где по случаю большого снега оставались с 21

по 23 число. Здесь любекские делегаты, отдельно от других, не только с почетом были приняты двумя представителями городской ратуши, но и удостоены поднесения 1 ома³ вина, 4 штофов⁴ горячительных напитков, 2 диких коз, 2 чанов рыбы и, наконец, 18 шеффелей⁴ овса.

23 подвинулись до Гольнова, в 5 милях, где была ночевка.

24 обедали в Гросс-Сабове (3¹/₂ мили), а в Платэ (2¹/₂ мили) переночевали.

25 в день ап. Павла в Дамице (3¹/₂ мили) обедали. Того же числа в городке Керлине (3 мили) переночевали; здесь пришлось заплатить за фунт масла целый орсталер⁵, а за блюдо тухлой трески полталера.

26 обедали в городке Кёсслине (3 мили) и того же числа, переехав через гору Голленберг, ночь провели в местечке Цанове (1 миля). Здесь до нас дошли дурные вести, а именно от царского переводчика Рейнгольда Дрейера мы узнали, что брат датского короля, герцог гольштинский Иоганн, прошлым летом уехавший в Москву, чтобы жениться на Ксении, дочери царя Бориса, там скончался в день Симона Иуды.

27 из Цанова доехали, миновав местечко Мальхово, до городка Шлаве (4 мили), где обедали, и затем отправились дальше, в городок Штольп (3 мили), где и ночевали.

28 продолжали путь и по дороге на постоялом дворе под вывеской «Шумный поток» (3¹/₂ мили) обедали. (Примечание: начиная отсюда уже говорят на кошубском наречии.) Добравшись до Лангебёзэ (2¹/₂ мили), заночевали там на постоялом дворе.

29 в Анкергольце (3 мили) обедали, а в Шмехау (3 мили) ночевали.

30, отобедав в Колибкене (3 мили), продолжали путь и, проехав мимо монастыря Олива, прибыли в Данциг (2 мили), где и остановились в Большой Христофоровской гостинице, недалеко от городских высоких ворот.

31 от имени досточтимого Городского совета нашим послам после дружеского приема с участием почетных особ были предложены подарки: большая дикая коза, 3 зайца, полтуши быка, 2 барана, теленок и несколько штук тетерок и куропаток, а также пол-ома⁷ рейнвейну, бочонок⁶ данцигского пива, тонна⁷ столового пива и пол-ласта⁸ овса. Часть времени посвятили осмотру разных древностей в городе.

3 февраля после обеда выехали из Данцига и на ночь остановились в Гросс-Цюндере (2¹/₂ мили).

4, переправясь через реку Вислу, доехали до Мариенау (3 мили) и там обедали; отсюда продолжали путь до города Эльбинга (3¹/₂ мили), не въезжая в который переночевали на постоялом дворе, *ubi habuimus hospitam evissimam, impudicam, clamosam, fluentis hinc inde anus et venalia quaeque exproponentem, id est meretricem aut brevi futuram**.

5 из Эльбинга, что на Фриш-Гафе, мимо Фрауенбурга доехали до Альт Пассарге (5 миль), где и отобедали. Оттуда до Кальгольца (3 мили) и здесь ночевали.

6 в воскресенье обедали на постоялом дворе «Tempel» (3 мили) и отсюда продолжали путь до Кенигсберга (2¹/₂ мили).

В Кенигсберге, 7, впервые в наше путешествие мы были приняты правительственными советниками княжества Пруссии, которые нас почтили несколькими бутылками вина, чаном рыбы и 15 шеффелями овса, а затем нас приветствовали особо, от имени всех трех частей города (Альтштадт, Кнейпгоф и Любенихт), 2 секретаря, поднесшие нам два пол-ома вина, чан с крупными карпами и иной рыбой и пол-ласта овса.

8 прибыли из Кенигсберга в Каймен (3 мили), там переночевали.

9, отъехав 3 мили, в Лабиау обедали, а ночевали в Вибе (3 мили).

10, приехав из Виба на постоянный двор «Auf'n Schnecken» (4 мили), остались здесь обедать, а достигнув, через городок Тильзит, Рагнита (4 мили), там и ночевали. Следует отметить, что в этом селе дом литовского пастора, отстоявший через дом от занимаемого нами там помещения, в вечернюю пору по неосторожности пасторова сына сгорел дотла со всем имуществом. Кроме того, здесь есть купеческая контора.

11 обедали мы на постоялом дворе «Zum Schwaben» (3 мили) и затем, переехав прусскую границу через речку Швенте (2 мили), достигли городка Юрбурга, также на расстоянии 2

* ...хозяйка которая была бесстыдная, крикливая, виляла туда-сюда задом и передом, выставляя все это, то есть она блудница или вот-вот ею станет (лат.).

миль, и в нем остановились для ночлега. Здесь мы должны были заявить о себе королевскому секретарю.

12, выехав из Юрбурга, продолжали путь на Вилены (4 мили), где обедали, а прибыв в село Вильки (3 мили), там ночевали. Хозяин же содрал с нас втридорога.

13 февраля в городе Ковне (4 мили) обедали. (Примечание: этот город, расположенный на весьма судоходной реке, особенно славится в Литве медоварением, хотя нам особенно хорошего меда добыть не посчастливилось.) Того же числа мы прибыли в село Румшишки (3 мили), где и переночевали.

Отправясь отсюда 14, остановились на постоялом дворе в Глубоком (4 мили), куда приехали по гористой дороге, на которой несколько раз опрокидывались. Доехав отсюда до села Евье (2 мили), остановились на ночлег.

15, доехав до постоялого двора Наваца (3 мили), пообедали. Затем того же числа, прибыв в столицу Литвы Вильну (2 мили), заехали сперва в один дом, где свирепствовала чума и, кроме того, оказалось недостаточно места для наших лошадей, почему мы и были вынуждены довольно долго постоять посреди улицы, пока наконец добрые люди не пристроили нас в литовском дворце Николая Христофоровича Радзивила⁹, князя и воеводы, где для нас отвели прекрасное помещение с полным удобством. Относительно этого города должно заметить, что, несмотря на ужасную чуму, беспрестанно похищавшую множество жертв из числа горожан и уничтожившую до 28 000 бедняков, в том числе прогнанных из Лифляндии крестьян, в Вильне все-таки оставалось такое множество нищих и убогих, что на улице от них не было проходу, и почти каждую ночь их погибало от голода и холода по 10, 20, 30 и даже по 50 человек, так что трупы их возами отправляли из города за особую плату. Ко всему этому следует прибавить, что как в Вильне, так и по всей Литве господствовала страшная дороговизна, вызванная главным образом лифляндским походом¹⁰, так что в разных местах из-за жестокой чумы и наступившей дороговизны положение было крайне плачевное и дорогой нам иногда приходилось проезжать через совершенно опустелые деревни, в которых все население вымерло.

19 после обеда мы оставили Вильну и, проехав 3 мили, заночевали на постоялом дворе «Швирамо».

20, отъехав отсюда 2 мили, обедали на постоялом дворе Каменный лог, а прибыв в местечко Ошмяны (2 мили), ночевали у еврея.

21, проехав без кормежки 4 мили до местечка Крево, остались в нем на ночлег.

22 ночевали в местечке Лебедеве (4 мили). Ехали мы от Вильно эти 15 миль так долго из-за необыкновенно глубокого снега и страшно испорченных дорог, так что сани, особенно же большие, на которых был поставлен наш экипаж, то и дело опрокидывались, и нашим людям доставило много хлопот это беспрестанное вываливание из саней и их поднимание.

23, доехав до постоянного двора в Красном Селе (4 мили), обедали и затем ночевали в отстоящем на 2 мили городке Радошковичи.

24 обедали в Гайне (5 миль) и в городке Логойске (2 мили) провели ночь.

25 обедали на постоялом дворе в Юрковичах (3 мили) и того же числа, проехав пустынной местностью, ночевали в городке Борисове (5 миль).

26 закусывали в местечке Лошницах (4 мили) и затем, переехав реку Начу, прибыли в село Крупки (5 миль) и там переночевали.

27, переправясь через реку Бобр, обедали в Славянах (5 миль), а оттуда, прибыв в Толочин (2 мили), остались на ночевку.

28 обедали в Коханове (4 мили) и затем, проехав 5 миль, ночевали в Орше, ближайшем пункте от литовско-московской границы. Тут же мы застали королевских датских послов. (Примечание: прежде чем выехать отсюда, мы были обязаны предъявить владельцу замка как королевско-польскую, так и московскую наши проездные грамоты, да еще должны были заплатить деньгами за возможность без затруднения двинуться к московской границе и затем далее на Смоленск.) Через город Оршу протекает знаменитая река Днепр, впадающая на юге в Черное море, так что по ней можно плыть в Константинополь и другие места. Далее, следует заметить, что от самой Вильны до Орши нам приходилось покупать до дорогой цене и пить крайне плохое и нездоровое пиво, а местами и того нельзя было достать, так что наша прислуга немало терпела от жажды; и хотя в 2—3 местах можно было достать меду, но и это была сущая водица.

МАРТ

1 марта простояли в Орше и наняли новые сани до первой русской деревни Базилевичи, лежащей на границе.

2 после обеда приехали в Дубровну, последний литов-

ский пограничный пункт (4 мили), где мой господин секретарь Брамбах должен был предъявить королевскую проездную грамоту и показать об остальных членах посольства, причем с начальником должен был порядком выпить очень старого и превосходного меду.

3 проехали 4 мили до села Ивановичи, там обедали и, подвинувшись еще на 2 мили, ночевали в Баеве.

4, переехав московскую границу, прибыли в село Базилевичи (3 мили), где ночевали и затем пробыли от 4 до 8 марта в ожидании подвод (т. е. лошадей и экипажей). Дорого здесь нам обходилось содержание, а у прислуги для питья была лишь вода; за тонну овса пришлось заплатить 8 талеров. Отсюда же отправился Захарий Мейер (любекский гражданин, состоявший при послах переводчиком) в Смоленск к воеводе, чтобы выхлопотать у него для нас подводы. Что особенно поразило нас в настоящем путешествии, так это необычайная бедность, унылый вид, невежество и крайняя лень народа, причем на целые сотни миль, что мы проехали (и еще должны были проехать), ни одна женщина не занимается ни тканьем, ни какой-либо иной работой, а все ходят без дела, слоняясь от печи к окну и от окна к печи. Ту же комедию разыгрывают, впрочем, и мужчины. А живут эти люди в жалких, низеньких лачужках, сколоченных из сосновых бревен; вместе с ними тут же имеют, как полные господа, свое помещение и свиньи, и телята, и овцы, и куры. Кроме того, у этого народа в жилой горнице устраивается большая печь, служащая для трех целей: чтобы нагревать жильё, печь хлеб и варить кушанье и, наконец, располагаться на ней с женой и детьми на ночлег. Рядом с печью, немного повыше, устроены полати из досок, поддерживаемых шестью, куда они перебираются иногда с печи; но постелей у них не полагается, а спят прямо в одежде или закутавшись в разные лохмотья. В их избах совершенно темно, так как есть всего 2—3 отверстия, которые, служа для выхода дыма, заменяют и окна. Женщины, по виду схожие с татарками, ходят полуодетые, а в ушах у них висят серебряные монеты или иного рода серьги. Но положение такое, что хоть зубы на полку клади — голод и нужда превеликие; нельзя достать ни пива, ни тем более вина, и мы вынуждены были пить все время воду, а за шеффель овса платили по 40 литовских грошей.

7 прибыли к нам в сопровождении необходимых для

нас подвод два пристава, присланные смоленским воеводой,¹¹ вместе с боярином Григорием Ивановичем,¹² который, однако, остался в ближайшем селе Никольском.

8 мы выехали и в указанном селе были приняты боярином, объявившим нам царскую милость, и затем, отъехав 7 миль, ночевали в деревне Сельцо, где боярин угостил нас постной пищей и рыбой.

9 мы приехали в Смоленск (5 миль), где через весь город до самого дома, отведенного нам, нас сопровождал означенный боярин среди разнообразной стражи (бывшей, однако ж, без вооружения, словно в женской одежде с висячими рукавами). О Смоленске должно заметить, что в нем крепость, расположенная на горе, окружена крепкой толстой стеной с несколькими почти одинаковой вышины башнями, придающими всему укреплению величественный вид. Но внутри крепости построена целая куча небольших домиков, какие встречаются в городе и по деревням. Кроме того, в крепости находится много строевого лесу, дров, хворосту и т. п. Сам город, построенный между холмами, прилегает к крепости, а через него протекает река Днепр; различные церкви и монастыри, разбросанные частью в городе, частью по окружающим его холмам, выстроены в большинстве случаев из дерева; в них ежедневно бывает много людей, но церковная служба совершается не особенно усердно. В колокола звонят раз по сто подряд и больше. Все время, проведенное нами в Смоленске, воевода ежедневно снабжал всех послов и их прислугу медом, пивом и водкой, а равно и съестными припасами в сыром виде: курятиной, говядиной, рыбой, салом, яйцами, молоком, крупами, маслом и иным по мере надобности.

13 вышеупомянутый боярин Григорий Иванович уведомил нас, что назавтра нам предстоит отправиться из Смоленска в Москву и что он будет нас сопровождать.

14 после обеда мы выехали и, достигнув деревни...* (3 мили), там переночевали.

15 продолжали путь до села Пневы, где нам дали новые подводы, так как это был первый ям. Проехав дальше, до деревни...* (8 миль), в ней переночевали.

16 и 17 ехали до города Дорогобужа (2 мили), где был второй ям, и получили свежие подводы. Мы быстро достигли деревни Колпиты (8 миль), где был третий ям и где мы заночевали.

* Пропуск в тексте.

18 приехали в город Вязьму (6 миль), где четвертый ям; здесь ночевали.

19 доехали до деревни Заселье (6 миль), где ночевали; пятый ям.

20 доехали до деревни Доброе (6 миль), где шестой ям; здесь переночевали.

21 прибыли в город Можайск (8 миль), откуда проехали до деревни...*, где седьмой ям; при самом въезде в город, где мы переночевали, нам были предоставлены превосходные подводы, которые должны были уже доставить нас в Москву.

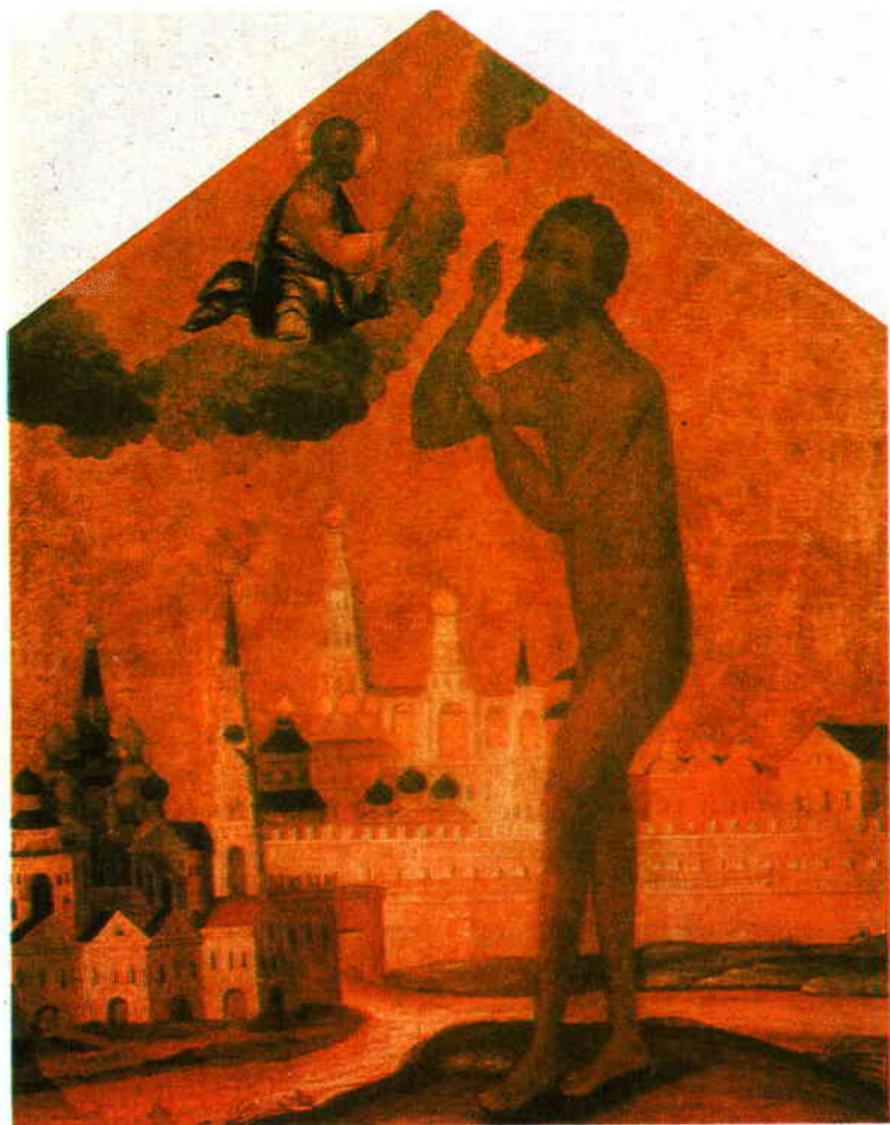
22 доехали до Кубинского (6 миль), где мы ночевали.

23 продолжали путь до Исаева (5 миль) и там ночевали.

24, достигнув Мамонова (4 мили), там ночевали.

25 как раз в праздник Благовещения мы прибыли в Москву (3 мили). На реке Москве нас встретил посланный его величеством государем и великим князем всея Руси боярин с 5 большими хорошо убранными санями и лошадьми, которые и были заняты нашими послами соответственно их достоинству, что составило около 80 лошадей и всадников. Благоклонно приветствовав нас, он проводил нас по городу до жилища одного знатного боярина неподалеку от дворца, где мы и разместились, получив благодаря Богу вдоволь всяких съестных припасов. Царский дворец занимает очень большое пространство и, окруженный идущей кольцом высокой крепкой стеной, лежит почти в самой середине города, а при дворце устроено до 20, а то и более, церквей и часовен. Кроме 17 крытых чистым золотом куполов, у многих из малых и больших башен шпицы обиты жостью, что издали как дворцу, так и всему городу придает величественный вид. Самый же город Москва имеет в окружности до 20 верст, или около 4 немецких миль. Здания и дома в нем выстроены из соснового леса, как и в Литве, в Смоленске и в других местах, только здесь они выше и прикрасой им служат деревянные ворота. В Москве чрезвычайно много церквей и часовен, частью деревянных, частью же каменных, с множеством колоколов, которые звонят вечером и рано утром до самого дня, так что, если кто не привык, совсем невозможно спать.¹³ В Москве существует и немецкая церковь, в которой слово Божье проповедуется во всей чистоте, так как здесь каждому предоставлена свобода

* Пропуск в тексте.

Василий Блаженный. Неизв. иконописец первой половины 18 в. (Икона написана для местного ряда придела Василия Блаженного собора Покрова что на рву)

Царь Иван IV Васильевич (Грозный).
С нем. гравюры на дереве 16 в.

Патриарх Иов

Царь Борис Федорович Годунов.
Из Титулярника

Царь Федор Борисович Годунов.
Из Лицевого летописца 17 в.

Царь Василий Иванович Шуйский.
Из Титулярника

Патриарх Филарет.
Из Титулярника

Царь Михаил Федорович.
Со старинной англ. гравюры

Царь Алексей Михайлович.
Со старинной нем. гравюры

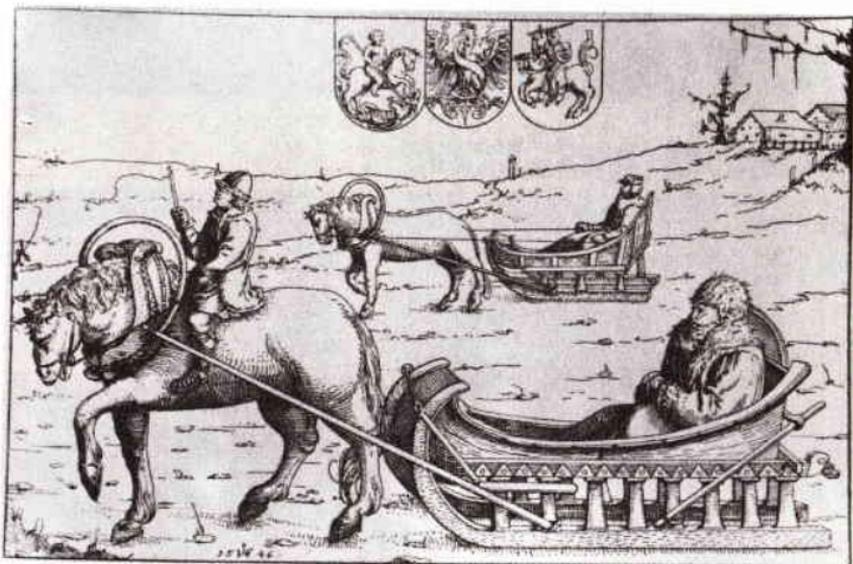

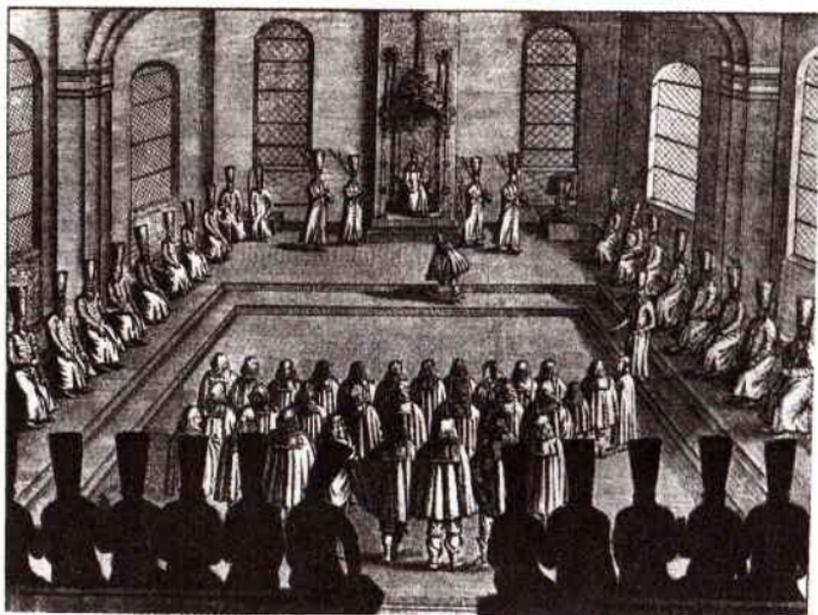
Патриарх Никон. Со старинной лубочной картины

Начальник
Посольского приказа
А. Л. Ордин-
Нащокин.
Неизв. художник
17 в.

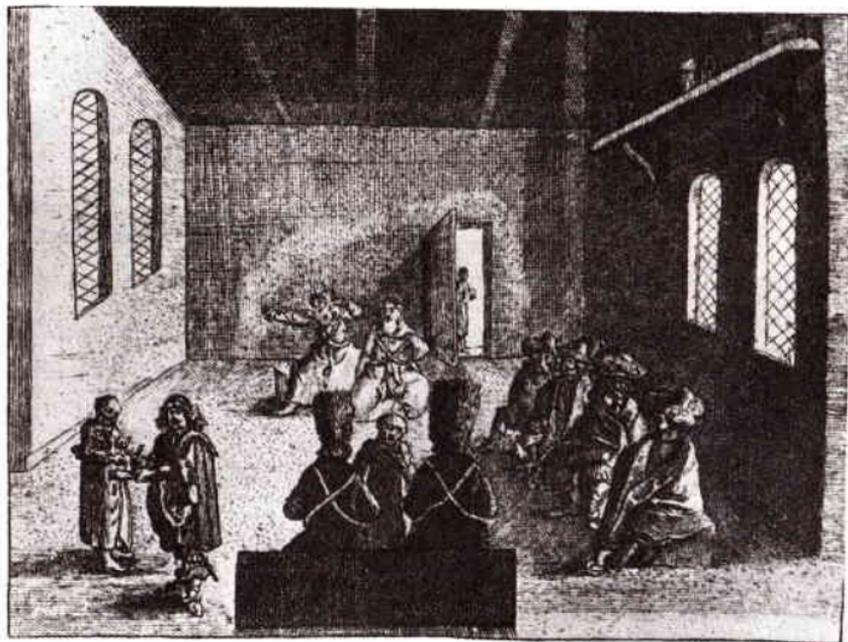
Передвижение иностранных послов по России. Нем. офорт 16 в.

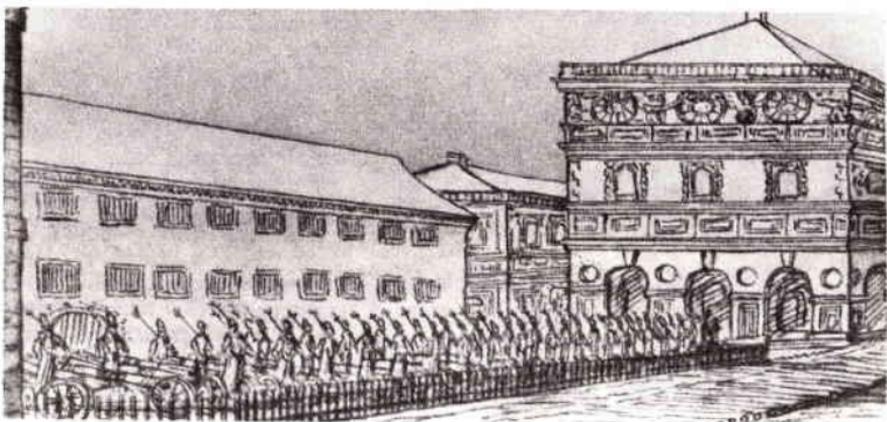
Прием Голштинского посольства 19 августа 1634 г. в Золотой палате. Из книги А. Олеария, 17 в.

Совещание послов в Ответной палате. Из книги А. Олеария, 17 в.

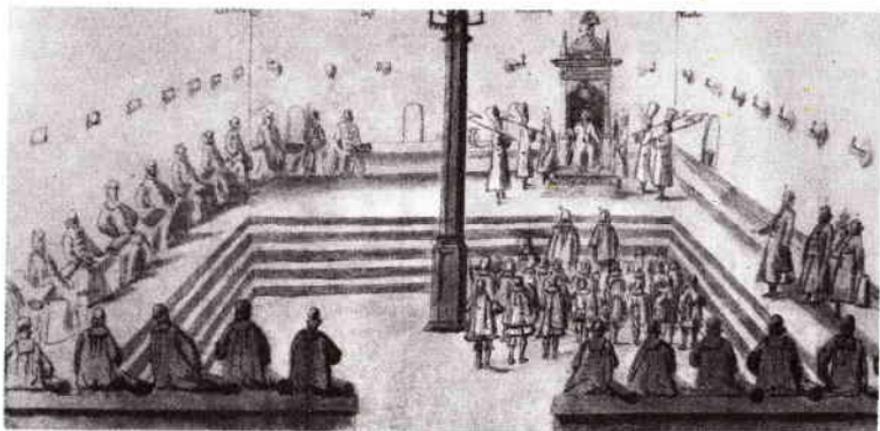

Москва. Посольский двор. Из альбома Мейерберга, 17 в.

Москва. Артиллерия в Кремле у Спасских ворот. Направо — здание Посольского приказа. Из альбома Пальмквиста, 17 в.

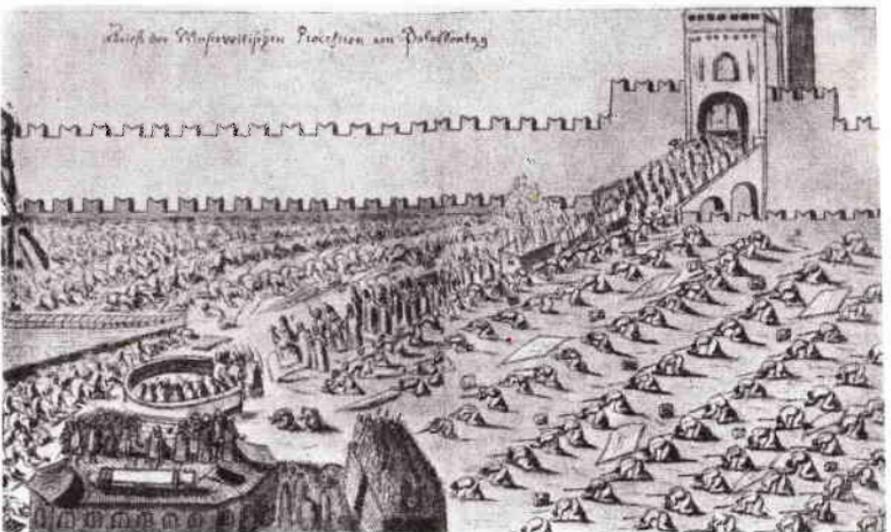
Прием 27 мая 1661 г. посольства римского императора. Первым в группе стоящих бояр с шапкой в руке — Алмаз Иванов. Из альбома Мейерберга, 17 в.

«Святыя живоначальныя Троицы Сергиева монастыря келарь старец Авраамий Палицын в патриарших палатах возвестил всему освященному собору и боярам, и воеводам, и всему царскому синклиту совет всенародный о царском избрании и подаде им свиток». Из «Книги об избрании на царство Михаила Федоровича»

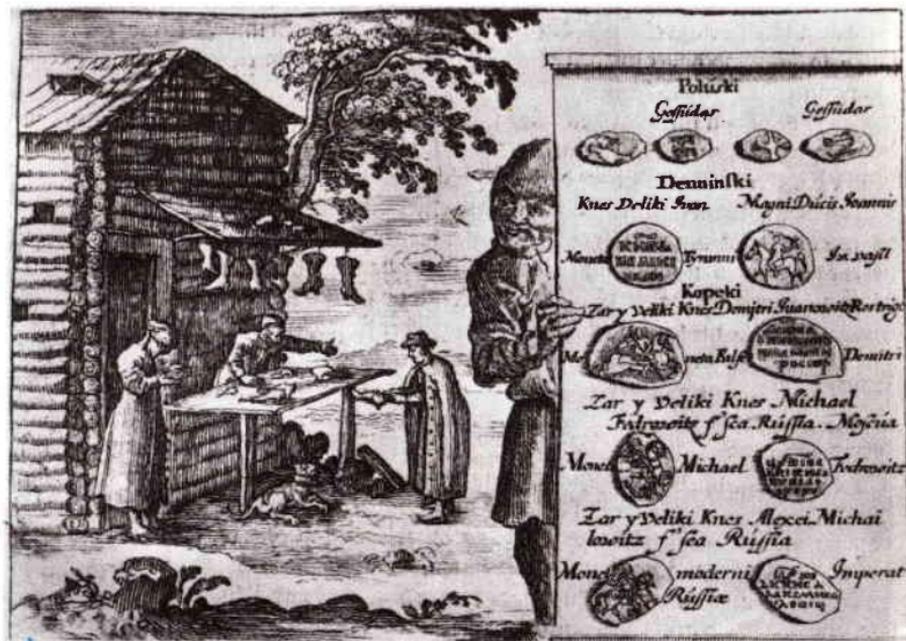
Шествие на осляти. Из альбома Мейерберга, 17 в.

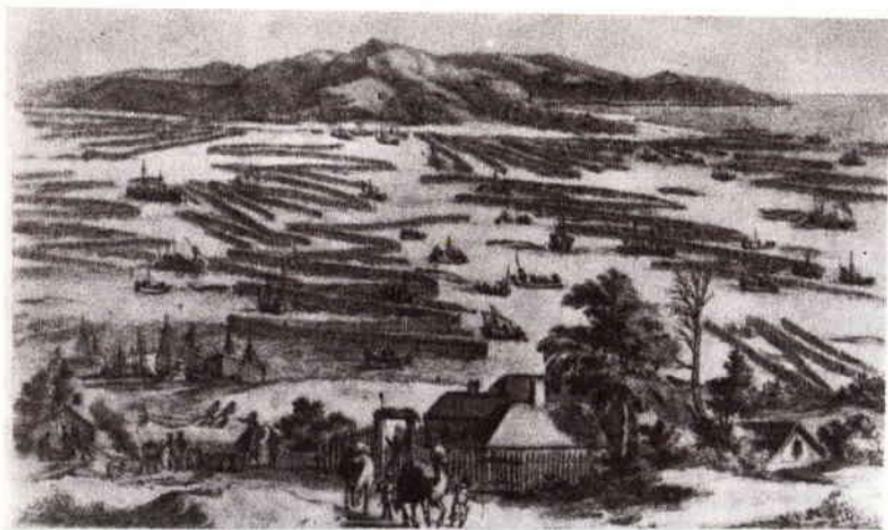

Принесение присяги. Из книги А. Оллария, 17 в.

Лавка сапожника и московские деньги. Из книги А. Оллария, 17 в.

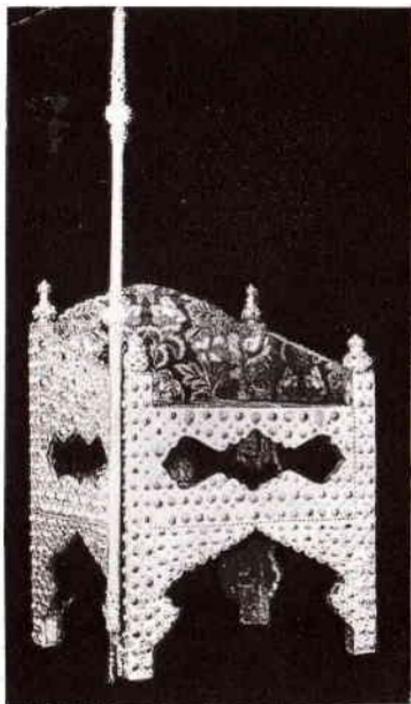
Рыбная ловля на Волге. Из книги Стрейса, 17 в.

Охота на тюленей. Из книги Витсена, 17 в.

Варка пива. Миниатюра из Лицевого летописного свода, 16 в.

Печать, которую носил на шею начальник Посольского приказа

Трон царя Б. Ф. Годунова иранской работы. Подарок шаха Аббаса I

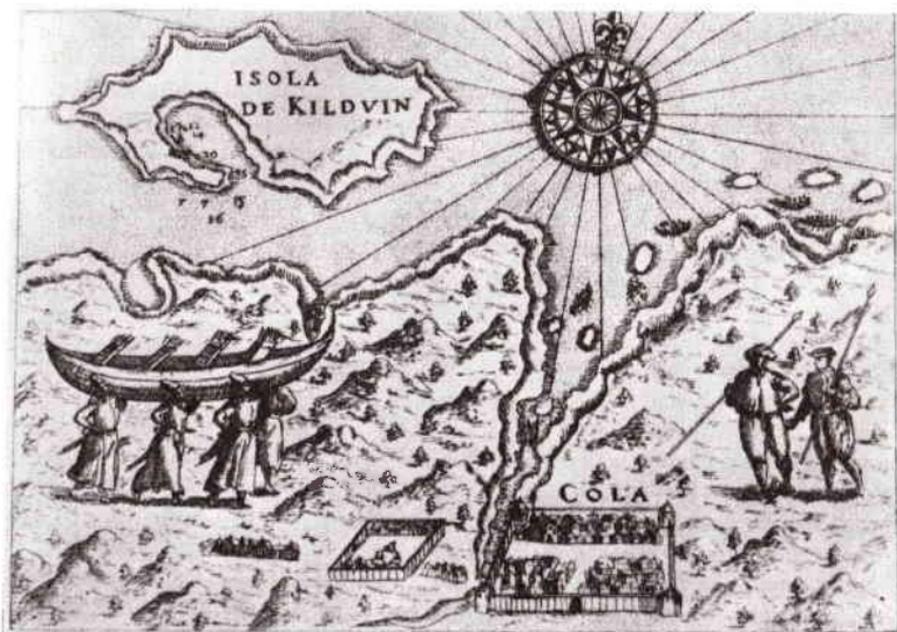
Грамота об учреждении патриаршества

Карта Восточной Европы, гравированная Г. Герритсом в 1614 г. (для географического атласа Блавиана) — «Чертеж царевича Федора Годунова»

Карта о-ва Кильдина и части Кольского п-ва с планом г. Колы. Из книги Геррита де Вера, 16 в.

вероисповедания. На десятый день после 25 марта, когда мы, как уже сказано, приехали в Москву, нам была дана высочайшая аудиенция, о которой и был составлен следующий протокол.

Во-первых, в субботу 2 апреля наш пристав уведомил нас через толмача, что на ходатайство наше о допущении нас к аудиенции последовало всемилостивейшее соизволение и что завтра, в воскресенье, его царскому величеству угодно нас принять, за что мы и принесли всенижайшую благодарность.

На следующий день, в воскресенье 3 апреля, около 10 часов к нам приехал верхом пристав в сопровождении нашего проводника и с 5 лошадьми, украшенными бархатными седлами и серебряными золочеными уздечками. Послы сели на царских коней, и все двинулись в следующем порядке. Впереди ехали несколько всадников; за ними следовали как наши, так и штральзундских послов служители, неся завернутые в красную и белую шелковую материю подарки, предназначенные царю и юному царевичу; далее несли нашу верительную грамоту, также в шелковой материи; затем шли пешие любекские граждане, а за ними наш переводчик и снова несколько всадников; сзади них ехали рядом наш пристав и бургомистр; потом следовали господа Керкринк и Иоганн Брамбах, а за ними штральзундские представители и несколько всадников и т. д. Прибыв ко дворцу, господа послы сошли с коней и были введены приставом и некоторыми другими боярами в царскую палату, в которой должна была состояться аудиенция. Но сначала им пришлось пройти через большую переднюю палату, в которой во множестве сидели знатные бояре, одетые в вышитые золотом одежды. Вступив затем в царский покой, мы увидели сидящих рядом на троне старого государя Бориса Федоровича и царевича Федора Борисовича — отец по правую, а сын по левую сторону. У старого царя на голове была надета царская корона, в руке он держал золотой скипетр, а одеяние молодого царевича было вышито золотом и жемчугом. Корона, скипетр и шитье сияли блеском украшавших их чудесных бриллиантов и иных драгоценных камней. Вокруг залы сидели бояре, одетые также в кафтаны, шитые золотом, а на полу в ней был разостлан великолепнейший ковер. Тут же находились 4 придворных в белой атласной одежде — двое из них стояли справа от царя, двое других — слева от царевича, держа каждый по

топору на длинном топорище, лежавшем на плече, так что лезвие было обращено почти кверху, и вид у них был такой, будто они готовились зарубить всякого, кто бы осмелился приблизиться. Когда посольский дьяк¹⁴ объявил, что мы имеем к его царскому величеству всенижайшую просьбу быть принятыми на аудиенции, послы прежде всего должны были облобызать руку как царя, так и молодого царевича. Затем сперва сам царь, а потом царевич осведомились: в добром ли здоровье члены Городского совета в Любеке и Штральзунде, после чего послы городов Любека и Штральзунда и других городов, как они подробно поименованы, вместе с их союзниками...* Но еще до конца речи посольский дьяк, прерывая говорящего, стал перечислять поднесенные его царскому величеству и молодому царевичу ганзейскими городами подарки, из которых некоторые обозначались им более подробно, о других же он просто умалчивал; затем подарки были перенесены в другую палату. Наконец, после того как послы выразили царю и царевичу пожелания всякого счастья и благополучного царствования, было вручено наше письменное ходатайство. Но все это происходило бестолково, так как частью переводчик передавал не всегда верно и заминался, частью же посольский дьяк вмешивался со своими замечаниями, частью же прямо раздавались возгласы «живее!», так что ничего нельзя было изложить формальным и надлежащим образом и тем менее держать обстоятельные речи, а пришлось *volens nolens* оборвать и скорее перейти к концу. По окончании же аудиенции послов, после того как они удалились из царской палаты и сели на коней, опять проводили в прежнем порядке домой. Затем их царскими величествами был прислан знатный придворный со многими дворянами и прислужниками, несшими нам более 100 кушаний, которые все были в золотых сосудах (или блюдах) с золотыми же крышками; кушанья состояли из одной рыбы, печенья и студня (так как был пост), а также были к ним всякие соусы и варенье из айвы, вишен, слив, земляники и т. п.; были присланы и всякого сорта напитки и вина, а также гвоздичка, вишни, дыни, причем различные сорта меду, как и прочие все напитки, в из чистого золота кубках; а сверх всего мы еще получили 4 больших бочонка меду. За такое царское щедрое

* Очевидно, пропуск в оригинале.

угощение мы, как подобало, благодарили. А все упомянутые золотые сосуды, кубки, ковши и братины были в следующем количестве и нижеозначенной ценности.

Список сосудам, кубкам, ковшам или братинам из чистого венгерского золота, в которых государь и царь всея Руси 1603 г. 3 апреля, в воскресенье пятой недели великого поста, после аудиенции пожаловал нам угощение через своего знатного придворного и нескольких дворян с прислужниками.

Во-первых, 4 больших, чеканного золота, рукомои́ка, из которых наименьший весил 13 фунтов 14 золотников¹⁵, а по среднему расчету каждый в 20 фунтов.

Еще 59 сосудов из чистого золота, по 8 фунтов каждый.

Другие 150 малых сосудов, также золотых, по 5 фунтов.

4 серебряных позолоченных блюда для жаркого.

Кубков, ковшей или братин, больших и малых, всего числом 39, из чистого венгерского золота; многие из них изукрашены драгоценными камнями, а относительно веса их неизвестно; из них были питы разные напитки.

1 золотая уксусница.

1 золотая же перечница.

1 золотая тарелка.

1 золотая ложка.

1 золотая солонка.

2 золотых столовых ножа с рукоятками, украшенными настоящими рубинами и бирюзой, а при каждом отдельные ножны также из золота.

10 апреля господа послы опять ездили во дворец, чтобы получить от думских бояр ответ на наше ходатайство, который, по их просьбе, им был выдан и в письменной копии.

17 того же месяца, в Вербное воскресенье, смотрели мы на процессию, как царь и великий князь государь Борис Федорович и его сын его высочество царевич из царского дворца вели или, вернее, держали под уздцы осла или коня святейшего патриарха, ехавшего на нем в церковь, называемую Иерусалимской¹⁶. Собралось во дворце и перед дворцом многое множество русского народа как мужского, так и женского пола. Затем перед самым началом процессии и выезда патриарха на особой колеснице было утверждено пальмовое дерево, увешанное яблоками и фигами; между ветвями помещались 5 отроков в белых рубашках и парчовой одежде, которые пели на своем языке: «Слава в вышних» и т. д. Эта колесница ехала впереди всех. За ней следовали две хоругви, несомые

одна подле другой, а затем двигалась огромная толпа монахов и священников, а также и бояр, весьма пышно одетых; в руках они держали большей частью пальмовые ветви, а частью и иконы. После них следовали его царское величество и юный царевич, государь Федор Борисович, одетые в вышитое золотом и жемчугом облачение, один подле другого; у царя на голове была царская корона, а в правой руке у каждого из них было по царскому посоху, в левой же по золотой пальмовой ветви. За ними ехал патриарх, или митрополит, в белом облачении и в белом же клобуке верхом на лошади, покрытой белыми попонами и заменявшей собой осла. Позади его следовала еще толпа бояр. Кроме того, тут были собраны в довольно большом количестве русские юноши, которые, снимая с себя одежду, расстилали ее вдоль пути их величеств и патриарха. По прибытии же в вышеозначенном порядке в церковь пальмовое дерево отвезли в сторону, влево от пути, где оно и осталось вместе с помещавшимися на нем отроками, а по правую сторону стали с хоругвями. Государи же и патриарх, который сошел с коня, поднялись по лестнице, ведущей в церковь. Но примерно через полчаса все трое вышли оттуда и в прежнем порядке (только на этот раз его царское величество уже не держал под уздцы патриаршего осла) возвратились во дворец. В продолжение же шествия в церковь и обратно их величества, дойдя до моста, посылали сказать находившимся на отведенных для них местах посольскому дьяку, одному знатному боярину, свите покойного герцога шлезвиг-голштинского Иоганна, а также и нашим господам послам, что его величество жалует их от своего стола. Вскоре затем, действительно, явился к нам пристав в сопровождении знатного дворянина и толпы слуг с царским угощением, состоявшим из следующих яств: обильное количество крупитчатых калачей, то есть из отборной муки выпеченного белого хлеба особого вида; затем несколько штук крупных размеров свежей белой и красной лососины; несколько больших свежих осетров; большая свежая рыба, по-русски называемая «белуга», величиной в полтора раза более осетра, потом еще одна, также свежая рыба под названием «стерлядь», величиной с осетра; кроме того, несколько больших осетров в соленом виде; целый ушат крупной щуки и другой разной рыбы в живом виде и пр.; а из напитков: боценок хорошего пива, затем в довольно количестве романея, мальвазия, аликанте, бастр, рейнвейн и другие испанские и заморские вина разных сортов, каких нам прежде ни видеть, ни

пробовать не случилось, превкусная, русского приготовления, вишневка, дынный мед, мед с гвоздичкой и иные разные сорта меду и пр. — одним словом, это было поистине царское и почетное для нас угощение.

24, на Пасху, их царские величества снова через посредство нашего пристава объявили нам свое царское благоволение, почтив нас милостивым поклоном и присылкой нам двойного корма¹⁷ со всякого рода мясными блюдами, большущими рыбами, медами разных сортов и иными напитками, за что мы, как приличествует, и выразили нашу всенижайшую благодарность.

МАЙ

14 мая наш пристав уведомил нас, что в следующее воскресенье нам предстоит явиться в Боярскую Думу для выслушивания ответа. Но в воскресенье утром, через того же пристава, мы узнали, что прием отменен вследствие возникшей уважительной помехи.

21 мая, утром в субботу третьей недели по Пасхе, от нашего пристава мы узнали, что молодой царевич, государь Федор Борисович со всем белым и черным духовенством, боярами и остальными сословиями отправится в процессии, чтобы, отстояв обедню, присутствовать при освящении полевых плодов, и что, так как процессия пройдет мимо нашего дома, нам дозволяется посмотреть на шествие; поэтому мы все вместе с нашими служителями выстроились перед воротами занимаемого нами дома. Процессия происходила в следующем порядке: впереди всех шли священники, потом монашество со всевозможными крестами и хоругвями, а также и образами Господа Иисуса, Пресвятой Богоматери Приснодевы Марии, св. Чудотворца Николая и иных святых, причем иконы, в особенности же Спасителя, Божьей Матери и Чудотворца Николая, были богато украшены жемчугом и драгоценными камнями. Далее следовали три архиерея, первый — московский, от которого мы получили благословение как при въезде в Москву, так и при выезде из нее; второй — новгородский и третий — казанский. За ними шел пешком молодой царевич государь Федор Борисович, за которым вели великолепно, в пышном убранстве, коня, а сам его высочество был в парадной роскошной одежде, блиставшей жемчугом и благородными камнями. Поравнявшись с нами, его высочество поручил посольскому дьяку Афанасию

Ивановичу объявить нам свой царский поклон и благоволение, за что мы выразили нашу всенижайшую благодарность. Позади его следовали бояре, дворяне и всяких чинов служилые люди и, наконец, простой народ — женщины и мужчины. Когда церемония в церкви была окончена, его высочество также, но только переодевшись, проследовал и на обратном пути мимо нашего дома и почтил нас поклоном. В тот же день по окончании шествия царевичу было угодно почтить нас присылкой нам двойного корма с водкой, разными медами, белым хлебом и т. п.

25 мая, после того как мы не раз и словесно, и письменно ходатайствовали об ответе нам, наш пристав, придя к нам вместе с толмачом, объявил, что в следующий четверг нам назначено явиться в Боярскую Думу для выслушивания всемилостивейшего ответа его царского величества; радостно приветствуя это приятное для нас известие, мы выразили за него нашу благодарность.

Согласно сказанному, 26 мая мы прежним порядком, верхом на конях, выехали во дворец. Когда же мы предстали перед думными боярами, они после дружеского приветствия и рукопожатия подобающим образом сообщили нам всемилостивейше объявленное решение его царского величества и юного царевича на наше ходатайство относительно некоторых остававшихся еще не решенными пунктов, на что мы, любекские представители, выразили глубочайшую благодарность; но вместе с тем по поводу еще одного незначительного пункта, равно как и отмены некоторых пошлин, мы в тот же день после обеда составили особое прошение, которое, переданное нами назавтра утром приставу, уже на следующий день было нам возвращено, причем нас уведомили и о близости окончательных решений, а также и о всемилостивейшей прощальной аудиенции.

ИЮНЬ

6 июня наш пристав передал нам радостное известие, что на следующий день мы будем приняты их величествами на прощальной аудиенции; так что после долгого ожидания 7 июня в сопровождении нашего пристава, имевшего при себе еще 50 всадников, в том же порядке, как и 3 апреля, наши послы отправились верхом на конях в царский дворец, где уже было огромное стечение бояр и разного рода дворян. Государь и царевич в пышных царских

облачениях сидели рядом на своих тронах; в царской же палате, как и в прошлый раз, сидели кругом вдоль стены бояре, а равно и в предшествующей ей зале. И приказал его царское величество на русском языке посольскому дьяку передать нам о его царской милости, а именно что его царское величество, не в пример прочим народам всего мира, городу Любеку дарует свою милость и привилегии согласно с нашим желанием, простирая над нами, наравне с своими подданными, свою царскую руку для нашей защиты, и что повелел он снабдить свою царскую привилегию большой золотой печатью, а все, что было говорено с нами, перевести на немецкий язык особо для того назначенному переводчику, или толмачу. После чего его царскому величеству за такую его высокую царскую милость и за все иные разнообразные благодеяния мы в краткой речи (пространные разглагольствования не допускаются, так как государь не любит подолгу оставаться в сидячем положении) высказали нашу всепочтительнейшую благодарность и после целования руки у его царского величества и молодого царевича, пожелав им здоровья, наконец с ними распрощались. Следует еще заметить при этом, что так как при царском дворе не заведено ни труб, ни литавров, ни иных музыкальных инструментов, то обыкновенно всякий раз, как мы ехали во дворец или возвращались оттуда, в честь нас производился звон в огромный колокол (который у этого варварского народа пользуется большим почетом), как это делается вообще для всех иноземных послов. Затем их царские величества вторично удостоили нас присылкой двойного корма, состоящего из вин: бастра, мальвазии и всяких сортов меду, а по части съестного: из превосходного белого хлеба и всевозможной живности — быков, баранов, ягнят, кур, трех живых зайцев, рыбы и многого иного.

9 июня его царскому величеству угодно было почтить нас, прислав со своим вторым посольским дьяком и иными придворными господам любекским и штральзундским послам в дар по серебряному позолоченному кубку соответственно с подарком, поднесенным каждым из них государю, а также 2 сорока соболей. Мы же за царскую милость выразили подобающую благодарность.

11 июня, накануне Троицына дня, перед полуднем, мы, благословясь, оставили Москву, причем господа послы с некоторыми членами своей свиты ехали верхом на царских конях, а наш пристав и другие бояре в сопровождении почти 300 всадников проводили нас за самые дальние городские во-

рота и даже еще немного далее по дороге. После чего господ послы, высказав свою усерднейшую благодарность его царскому величеству и его августейшему сыну за такие почетные проводы и за все иные до самого конца оказанные им царские милости, окончательно со всеми распрощались. В этот день проехали до села Долотова (6 миль), где и ночевали в открытом поле; послы же спали в палатке.

12, в день Пресвятой Троицы, рано утром выехали дальше и, доехав до яма Пески (5 миль), целые полдня там отдыхали. К вечеру отправились дальше и в середине ночи прибыли в город Клин (6 миль), не въезжая в который расположились на ночлег в открытом поле.

13 ранним утром поехали дальше и, прибыв в тот же день на ям Черная (6 миль), там переночевали.

14, доехав оттуда до местечка Городни (6 миль), в нем отобедали. Затем, проехав еще 4 мили до села Власьева, ночевали в открытом поле.

15 достигли города Твери (2 мили) и обедали в находящемся перед городом Тверском яме. В тот же день, выехав с яма и проехав через город, переправились через реку Волгу (в ней Иван Васильевич в начале своего тиранничества, в 1570 году, безжалостно приказал утопить до 60 тысяч человек, мужчин, женщин и детей, из-за чего город этот пришел в крайний упадок, так что даже до настоящего дня не может оправиться и достигнуть своего прежнего благосостояния). Доехали до местечка Медное (6 миль).

16, переправясь через речку Тверцу, доехали до города Торжка (6 миль) и, не въезжая в город, до полуночи оставались на яме, расположенном на берегу названной речки. Это весьма приятная, отличающаяся плодородием местность.

17, прибыв на ям Выдропуск, через который протекает вышеупомянутая Тверца, отобедали и до вечера отдыхали. Вечером же, после 9 часов, отправились дальше и, проведя всю ночь в пути, рано утром именно 18 прибыли на ям Вышний Волок (7 миль). К вечеру отправились дальше и, проехав всю ночь, 19 к утру прибыли на ям Хотилово (7 миль), где и обедали. Затем, в 2 часа пополудни, мы двинулись дальше и, доехав до яма Чедрово (7 миль), ночевали в открытом поле.

20 продолжали путь до яма Валдай (4 мили), где обедали. Того же числа приехали на ям Яжелбицы (4 мили) и там переночевали.

21 ехали до яма Крестцы (4 мили), где провели ночь.

22, доехав оттуда до яма Зайцево (7 миль), ночевали.

23 прибыли на ям Бронницы (6 миль), где остались для ночлега. По дороге между этими двумя ямами было множество длинных мостов.

24 рано утром, пересев на судно, плыли до самого Великого Новгорода, сделав всего 5 миль водой, и потом проехали 7 миль сухопутьем.

Прибыв в 3 часа пополудни в Великий Новгород, мы в нем оставались с 24 до 30 июня. Согласно выданной нам царской опасной грамоте¹⁸, мы обратились к воеводе¹⁹ и дьяку, чтобы нам отвели помещение, но воевода, сославшись на то, что не получал от его царского величества никакого на этот счет письменного приказа, удовлетворить нас отказался.

Новгород весьма старинный город и отличается красивым местоположением; через город протекает река Ловать, или Волхов, направляясь мимо царского замка, который окружен каменной кольцеобразной стеной. В этой реке ловят огромное количество рыбы, так что здесь всяких сортов рыба стоит очень дешево. От Москвы Новгород находится на расстоянии 110 миль. Правят всей областью от царского имени воевода и дьяк (т. е. секретарь). В Новгороде много церквей, большей частью каменных и круглой формы, с куполами, крытыми жостью, а у церкви св. Софии даже золотом. В окрестности города расположено много мужских и женских монастырей; но они находятся в столь бедственном положении, что их обитатели ходят в лохмотьях, а местами даже прямо нищенствуют. При этом следует принять в соображение, что в 1570 г. тиран Иван Васильевич, неожиданно напав со своим войском на этот город, безжалостно повелел избить и казнить несчастных жителей обоего пола. Сверх того он прибегнул еще к следующей военной хитрости: объявив, чтобы те, кто желает получить пощаду, собрались ко дворцу и на мосту через Волхов, тиран приказал, после того как люди с женами и детьми последовали его призыву, всех их безжалостно сбросить с моста и утопить, так что воды судоходной реки были запружены трупами — пример неслыханной жестокости со стороны правителя по отношению к собственным подданным! Из-за разнообразных кровожадных проявлений его тиранства вся область подверглась опустошению и обеднению, так что и по сей день еще не восстановила своего прежнего могущества.

27 с нами расстались штральзундские послы вместе с несколькими лицами из нашей свиты и служителями, взятыми из Новгорода, чтобы отправиться в Нарву, а оттуда, уже на корабле, к себе на родину.

30 числа мы, в свою очередь, оставили Новгород, также пересев на судно; в течение дня мы достигли яма Мшаги, что составит 10 миль водой и сухим путем; переезд сушей был очень затруднен из-за развалившихся мостов и т. п.

ИЮЛЬ

1 июля, прежде чем мы успели встать, рано утром явился к нам пристав и передал нашим послам запечатанное царское письмо, которым препоручались им 5 русских юношей дворянского рода, которые немедленно и оказались налицо и в полном порядке, чтобы отвезти их в Любек для обучения латинскому и немецкому языкам²⁰. Вслед за тем мы пустились в путь в экипажах и, приехав в деревню...* (3 мили), отобедали. Того же числа, сделав 7 миль до яма Зуйлова, переночевали.

2 доехали до деревни Дубровны (4 мили), где мы полдничали, и далее до яма Загорье (3 мили).

3, подвинувшись до села Кеп (4 мили), там обедали. В тот же день достигли Пскова (3 мили), где остановились за городом в отдельном доме, стоящем при реке, по-русски называемой Великая, и тут мы прожили до 8 июля.

Тамошний воевода²¹ (состоящий в кровном родстве с русским царем) почтил наших послов троекратным угощением, прислав нам прекрасных яств и разного сорта напитков; второе угощение состояло более чем из 50 блюд, и сверх того подарил он нам на дорогу добрый бочонок пива, за что мы его как следует и благодарили. Тот же воевода вследствие полученного им царского предписания приказал обоим нашим приставам, при содействии толмача, отвести для нас отдельный дом, в котором на будущее время будут останавливаться и любекские купцы, пользуясь предоставленными им новыми преимуществами, в наше полное и беспошлинное владение. Здесь мы должны упомянуть с сердечным прискорбием, что как в самой Москве, так и по всем местам, где нам пришлось проезжать, царили сильнейшая, неслыханная дороговизна, голод и кручина, так что население целых деревень оказывалось вымершим с голоду в такой мере, что даже в Москве трупы погибших голодной смертью вывозили на 6, 8 и более возах ежедневно. И во время пути мы не раз видали, как бедные люди по деревням собирали барашки орешника или соскабливали с сосен кору, заменяя себе этим хлеб, так что в иных местах вследствие обдирания коры погибли

* Так в тексте.

целые сосновые леса. Иногда же эти несчастные люди пекли себе хлеб из соломы и молотого сена. Но хлеб указанных трех видов скорее походил, с позволения сказать, на черный кал или грязь, и в нем не было ни вкуса, ни смака, ни силы, так что те, кто его ел, особенно если удавалось опять попробовать хорошего хлеба, неизбежно умирали. Одним словом, во многих местах вследствие дороговизны и голода положение было в высшей степени плачевное. Но в утешение и на радость бедноты теперь на полях вдоволь уродилось и хлеба, и всяких овощей, так что с Божьей помощью прекратится и голод, и чрезмерная дороговизна.

8 июля мы выехали из Пскова. Простившись с проводившими нас за город нашими московскими провожатыми и поблагодарив их, мы двинулись дальше с новыми проводниками и того же числа доехали до деревни Печки (8 миль); в ней переночевали.

9 утром, перед нашим отъездом, игумен Печорского монастыря²², красиво расположенного на горе, возвышающейся над упомянутой деревней среди великолепного высокого березового леса, почтил нас присылкой многочисленных блюд из всевозможной рыбы, постных яств, печенья и т. п., равно как и различных напитков. Здесь же и число данных нам из Пскова для нашей охраны провожатых было усилено до 50 человек; все они ехали верхом и были хорошо вооружены ружьями, саблями, луками и стрелами. Проводив нас до самой границы, а именно до Нейгаузена (4 мили), они, попрощавшись, с нами расстались. Когда мы, как сказано, прибыли на границу в Нейгаузен, то последовало, в виде сигнала, два выстрела, и мы не без затруднений добились себе пропуска. Дело в том, что староста, или местный начальник, не хотел было верить предъявленным нами королевским охранным грамотам, пока наконец, получив вместе с писарем от нас золота, решился пропустить нас — причем, однако, удержал одну из двух наших грамот, так что мы еще в тот же день успели сделать $1\frac{1}{2}$ мили и затем заночевали в открытом поле.

10 рано утром мы двинулись дальше и, отъехав $3\frac{1}{2}$ мили, остановились в поле для обеда. Потом продолжали путь и, проехав добрых 3 мили, ночевали в открытом поле около заброшенных изб.

11 рано утром продолжали путь до Адсея (4 мили), где, переправясь через речку Аа, по которой отсюда можно плыть в Ригу, отъехали еще с $\frac{1}{4}$ мили и остановились обедать. Проехав потом еще 3 мили, ночевали в открытом поле, вблизи покинутых жилищ.

13 мы приехали в Венден (2 мили), некогда служивший резиденцией гроссмейстеру немецкого ордена²³. Предъявив проездную грамоту, немедленно отправились дальше и, проехав 3 мили, расположились для обеда в веселой долине, на берегу быстрого, со свежей водой, потока. Того же числа мы проехали еще около 4 миль и заночевали в поле.

14, доехав до переправы 5 миль, мы заставили перевезти нас через речку Брассель и, после того как закусили, поскольку были голодны, прибыли в тот же день в Ригу. Здесь мы остановились в гостинице, которую держал некий почтенный советник, где и провели некоторое время.

Между тем один уважаемый член городской ратуши, равно как и некоторые из рижских граждан и любекских торговых людей, чествовал наших господ послов, щедро одарив их вином и иными предметами; ими было получено свыше 100 штофов вина. Кроме того, представители городского управления не раз посетили послов в гостинице, проводя с ними время в дружеской беседе.

Так как в Риге, лежащей на реке Двине, кончается Лифляндия²⁴, то здесь будет уместно с сердечным сокрушением вспомнить, что эта область находится в столь разоренном и опустошенном состоянии, что на всем пространстве от пограничной заставы Новгорода или Нейгаузена и до самого Вендена, то есть на протяжении 25 миль, нам не встретилось ни единого человека (если не считать лежащей на р. Аа усадьбы Адсель, где проживало от 6 до 8 человек). До такой степени казаки разорили все поселения, выжгли и разрушили их, совершая величайшие и неслыханные насилия над бедными жителями, которых они, безжалостно пытая у них денег, жгли на огне и всячески мучили, а затем, все-таки получив требуемое от этих несчастных, рубили их насмерть, так что повсюду мы видели как целые, так и рассеченные надвое тела и отдельные человеческие головы валяющимися внутри и вне опустошенных жилищ, между тем как поля стояли заброшенными и необработанными, заросшими сорными травами. Кроме того, по всей Лифляндии, в особенности же в округе Динабургском²⁵, свирепствовали такая дороговизна и неслыханный голод, что несчастные люди собирали всякую падаль на полях, снимали с виселицы трупы повешенных и вырывали из могил покойников, употребляя все это в пищу. Попущением Божиим дошло

даже до того, что убивали родители собственных детей, дети — родителей, мужа — жен и съедали, как об этом подробно рассказывается в прилагаемом повествовании, полученном нами в Риге*.

31 июля мы выехали из Риги и, проехав 2 мили, обедали на постоялом дворе, после чего переправились снова через Двину, а потом еще через одну речку. Отъехав далее еще 2 мили до нового постоялого двора, предполагали было там переночевать, но, узнав, что там расположились 250 польских солдат, мы, во избежание грозящей беды, поспешно продолжали путь вплоть до наступления ночи, причем для большей безопасности сделали еще 2 мили и, переправясь через речку, переночевали в открытом поле.

АВГУСТ

1 августа доехали до Митавы²⁶ (1 миля), где отобедали и взяли новые пропускные грамоты. Не решаясь ехать побережьем из опасения крейсеров шведского герцога Карла, насильственного вторжения которого со страхом повсюду там ожидали, ни через Самогитскую область²⁷ из боязни перед польскими солдатами, мы выбрали путь через Курляндию²⁸.

Хотя наши послы и удостоились быть приглашенными от имени нашего милостивого господина курляндского герцога Фридриха²⁹ к нему в замок, но из-за спешности своего путешествия, а также и намерения самого герцога отправиться на охоту они от приглашения почтительнейше уклонились. Тем не менее его светлость всемилостивейше приказать изволил приготовить для них в имении Доблен (мимо которого и без того пролегал наш путь) помещение и стол, для чего и был отправлен вперед особый гоф-юнкер. В тот же день мы успели доехать до Доблена (4 мили).

2 достигли Ауца, дворянской усадьбы (3 мили), и хотя получили от ее владельца приглашение к столу, но тем не менее обедали в открытом поле. Доехав того же числа до постоялого двора Шварден (4 мили), в нем ночевали.

3 утром, сначала порядком проплутав, снова выбрались на прямой путь и, доехав до имения Лютринген, принадлежащего курляндскому рейтмейстеру Брауну, неподалеку в поле отобедали, отказавшись от приглашения в усадьбу, причем лютрингенский староста любезно предоставил нам бочонок пива, кур, рыбы, хлеба, раков

* В публикации 1916 г. не приводится.

и пр. Того же числа прибыли в княжеское имение Шрунден в 6 милях от Шварденского постоялого двора и там ночевали.

4, достигнув княжеского же имения Амботен (3 мили), обедали на постоялом дворе. Затем, доехав до княжеской мызы³⁰ Каллетен (4 мили), переночевали в открытом поле.

5, добравшись до села Рутцау (5 миль), обедали там, а приехав в городок Поланген (4 мили), остались в нем ночевать. Здесь, несмотря на представленные нами королевские польские проездные грамоты, жиды чуть не насильно намеревались взыскать с нас пошлину и отступились, только когда мы пригрозили пожаловаться королевскому величеству.

6 мы прибыли в Мемель³¹, до пограничной заставы Прусского княжества 3 мили, где должны были взять новые паспорта, здесь же мы и отобедали. В тот же день мы переправились через Куриш-Граф и в стоящем на той стороне постоялом дворе провели ночь.

7, доехав до постоялого двора... (3 мили), там ночевали.

8, сев в лодки, плыли до Заркау (9 миль), между тем как наши экипажи следовали за нами по песчаному морскому побережью.

9 пришел наш обоз в Заркау, и в течение дня мы еще успели доехать до морских купаний Кранц.

10 продолжали путь до Кенигсберга.

11 в названном городе отдыхали.

12 выехали дальше и, достигнув княжеской усадьбы Бранденбурга (3 мили), пообедали, между тем как мой господин был приглашен в замок, где беседовал и обедал с королевским польским и шведским послом г. Самуилом Ласким³².

13 продолжали свой путь, проехав сперва через городок Гейлигенбейль, где существует иезуитская школа, до Фрауенбурга (4 мили), и там отобедали. Того же числа, доехав до Эльбинга (4 мили), в нем переночевали.

И так как с Божьей помощью дальше мы ехали по раньше пройденному нами пути, то считаем излишним описывать остальную часть дороги до Любека, а заметим вкратце, что отсюда до Данцига мы проехали 9 миль, от Данцига до Штетина 45 миль и от Штетина до Любека 38 миль, в который мы благополучно и прибыли 29 августа, завершив наше дальнейшее и продолжительное путешествие.

Приведенное описание путешествия в Московское государство сообщено мне моим бывшим помощником Антонием Линдштеденом из Любека, который и сам туда ездил, состоя на службе у любекского секретаря г. Иоганна Брамбаха, в виде дословной выписки из веденного его господином дневника, которую он собственноручно исполнил в 1604 г.

**ПОСОЛЬСТВО ВАН БРЕДЕРОДЕ,
БАССА И ИОАКИМИ В РОССИЮ И ИХ
ДОНЕСЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНЫМ ШТАТАМ**

**Журнал нидерландских посланников
Рейнгоута ван Бредероде, Дидериха Басса и
Альберта Иоакими об их посольстве
в Швецию и Россию в 1615 и 1616 годах.
Представлен 17 октября 1616 г.**

Письменный рапорт, поданный высокомогущим господам Генеральным штатам¹ Соединенных Нидерландов благородными, владетельными и высокоучеными господами Рейнгоутом ван Бредероде, бароном Везенбергским, кавалером, владетелем в Веенгуйзене, Спанбруке, Оостгуйзене, Этерсеме, Гобреде, Саардаме, Квадейке и пр., председателем Верховного совета Голландии, Зеландии и Вест-Фрисландии; Дидерихом Бассом, кавалером, бургомистром города Амстердам; Альбертом Иоакими, кавалером, владетелем Остендским в Гудекенскерке и пр., о посольстве, предпринятом по приказанию их мощностей к светлейшему и могущественному королю и государю Густаву Адольфу², королю шведов, готфов и вендов³ и проч., королю и наследному князю, великому герцогу Эстляндскому и Вестманландскому и проч., и проч., в годах 1615 и 1616, а потом в Россию для заключения мира между упомянутым королевским величеством и светлейшим могущественным князем, великим господином, царем и великим князем* Михаилом Федоровичем⁴, самодержцем всероссийским**.

Высокие и могущественные господа Генеральные штаты Соединенных Нидерландов!

* Далее сокращение в тексте в. к.

** Публикаторы 1868 г. опускают текст данной инструкции, составленной, по их словам, «в самых общих выражениях».

После того как вашим державнейшим властям* угодно было нам, трем нижеподписавшимся, поручить посольство к его величеству** королю шведскому и потом в Россию для присутствования при переговорах между помянутым королем и в. к. московским и для способствования заключению мира, следуя вышеизложенным инструкциям, которые нам, Рейнгоуту ван Бредероде и Альберту Иоакими, вручены были 21 августа 1615 г. вместе с различными грамотами в. д. в. и светлейшего, высокородного князя и владетеля Морица, принца Оранского, графа Нассауского, Катценэльнбогенского, Вианденского, Дицкого etc., — мы отправились 25 того же месяца в Амстердам, сперва тщательно и надлежащим образом постаравшись увериться в основательности известий, полученных за несколько дней перед сим в Гааге из Кельна о том, что вышепоименованный великий князь бежал из Москвы к татарам, вследствие чего съезд для заключения мира будто бы не состоялся и путешествие наше делалось таким образом бесполезным. Но узнав, что купцы, ведущие восточную торговлю, не получали подобного известия, мы, окончив дела в Амстердаме, которые могли служить успеху нашего путешествия, отправились в путь на другой день и к вечеру приехали в Меденблик. Господа бургомистры и советники Амстердама дали нам во все время нашего присутствия в сем городе в честь в. д. в. готовое содержание, которым мы также пользовались 27 числа в Горне и Меденблике утром и в полдень.

28 утром мы отплыли при слабом ветре из Меденблика на остров Фли. Штиль с обеда на вечер обратился в сильный шторм с запада и юго-запада с молнией и громом; многие суда были выброшены на мель, а некоторые даже погибли на глазах наших. Мы отделались лишь потерей одного якоря и в воскресенье, 30, перед обедом, когда утихла погода, переехали на военный корабль, который для нас был назначен и которым командовал капитан Симон Квирейнс Робель. Мы тотчас спросили конвойных людей, не имеют ли они какого-либо известия о том, что великий князь покинул Москву. Так как они нам объявили, что не получали подобного известия, то мы решились тотчас же отправиться, пользуясь приливом, о чем мы в тот же день и донесли в. д. в.; но прилив наступил прежде, чем капитан успел вполне приготовиться к отходу, а затем

* Далее сокращение в тексте в. д. в.

** Далее сокращение в тексте е. в.

поднялся ветер противный; мы должны были дожидаться попутного ветра.

В четверг 3 сентября ночью подул ветер с юга, и мы около обеда подняли паруса, о чем уведомили в. д. в. в тот же день. Прибыли в воскресенье 6 сентября после обеда в Орезунд. Проезжая мимо замка Кроненбург у Эльзенера, мы приказали капитану спустить флаг с мачты и марсель. Мы сделали 6 салютных выстрелов, на это нам отвечали из замка 3 выстрелами по приказанию, данному по сему предмету королем датским перед его отъездом, как нам сказал Исаак Питерс. Его величество за 8 или 9 дней перед сим отправился с малочисленной свитой к герцогу Брауншвейгскому. Тотчас по приезде мы дали знать таможене, кем мы посланы и что мы намерены немедленно отправиться далее, потому что не застали его величества, которому в противном случае засвидетельствовали бы почтение по приказанию в. д. в. Начальник таможни на это ответил, что не может согласиться на наш отъезд и что мы хорошо сделаем, если пошлем кого-нибудь из нашей свиты в Копенгаген, где находились советники короля, чтобы получить позволение на отъезд; это мы нашли неудобным, боясь унижить достоинство Генеральных штатов; но узнав, что принц датский Фридрих, старший сын короля, находился со своим двором в означенном замке Кроненбург, предпочли просить аудиенции у его высочества, чтобы ему поклониться. Аудиенция была назначена нам на другой день в обед через одного из служителей его высочества. Мы сошли с корабля со свитой и были встречены у самого входа в замок королевскими гофмейстером, шталмейстером и капитаном телохранителей. Нас проводили мимо гарнизона замка и гауптвахты короля до самой комнаты принца, которого мы нашли стоящим посреди комнаты с открытой головой. Когда мы подходили к его высочеству, то он сделал несколько шагов к нам навстречу. Поклонившись и пожелав ему всякого благополучия, уверив его в благорасположении Генеральных штатов и предложив ему наши услуги, мы уведомили его высочество о причине нашего путешествия и поручении просить аудиенции у короля, если б его величество не был в отсутствии. При этом мы изъявили его высочеству желание, чтобы он был расположен к Нидерландскому государству, прося его в то же время доложить его величеству королю, отцу его, нашу просьбу не оставить своим благораспо-

ложением государство наше, подданных оного и нас самих. Его высочество через наставника своего поблагодарил нас за посещение, обещал нам исполнить нашу просьбу и пожелал счастливого пути и успешного окончания нашего посольства. Его высочеству было тогда 12 с половиной лет; он для лет своих был высокого роста и хорошего телосложения. Когда мы уходили, нас сопровождали те же господа, которые нас проводили наверх; нас почтили 3 выстрелами из пушек, также и ружейными салютами. Кроме того, принц приказал поставить на свой счет наши расходы в гостинице, в которой мы остановились. Мы написали также письмо к г. Христиану Фризу, канцлеру короля*.

Мы в тот же день известили в. д. в. о вышесказанном письме и о том, что мы представлялись принцу датскому. Мы уведомили его также и о том, что король шведский, как нам говорили, был тогда под Псковом и что уже толкуют о заключении мира между е. в. и в. к. московским при посредничестве посла е. в. короля Великобритании⁶; что за день перед прибытием нашим датскими военными судами были приведены два бискайских судна⁷, захваченные на северном берегу Норвегии за рыбную ловлю без предварительного на то согласия датского короля, и что эти датские военные корабли крейсировали около Шпицбергена с целью захватить по возможности суда, занимающиеся китовым ловом. Нам сказали, что датчане на 10-й день после отплытия от Нордкапа достигли Шпицбергена, который, по их мнению, составляет часть Гренландии, и что другие, занимающиеся там этим промыслом с голландцами, предложили датчанам соединиться с ними, чтобы выгнать или захватить наши суда, но датчане ответили, что они не имеют приказания с кем-либо соглашаться по этому предмету.

Ночью с 7 на 8 сентября мы отплыли при попутном юго-западном ветре и прибыли к Ревелю во вторник утром 13 сентября. Мы тотчас дали знать о своем приезде губернатору, но так как он находился в Швеции, то заведывающий городом начал извиняться, что не может принять нас так, как того требовали сан пославших нас и собственное наше звание, ибо он не имеет надлежащей власти и в городе не существует гостиниц, где бы мы могли остановиться. Тогда мы обратились к бургомистрам,

* Текст письма как «не относящийся к делу русского посольства» опущен в публикации 1868 г.

с тем чтобы нам отвели квартиры. Бургомистры, получив список свиты нашей, поместили каждого из нас особо с 3, иногда 4 лицами из нашей свиты у одного из горожан и распределили остальных между другими. Так нас принимали и угощали по 28 сентября за счет города; кроме того, бургомистры и советники дали в честь нашу прекрасный обед в их канцелярии, показали нам замок, городской арсенал и все прочее в городе, заслуживающее внимания. Город этот был прежде в блестящем положении и считался членом Ганзы, от которой в ту эпоху цветущего состояния старался стать независимым. Теперь же, вследствие продолжительных лифляндских войн, он много потерпел как от поляков, так и от москвитян. Из-за войн и других чрезвычайных бедствий Лифляндия лишилась почти всех своих жителей; кроме того, Ревель перенес две губительные осады москвитян; опустошения, произведенные москвитянами, и незначительность торговли с ними, которая вся ныне направляется на Нарву, довели Ревель до такой бедности и разорения, что он ныне не был бы в состоянии нести издержек Ганзы, даже если бы король позволил ему снова присоединиться к ней. Бургомистры и советники показали нам разные привилегии⁸, дарованные городу королями шведскими, в которых, между прочим, обещано, что никаким иностранным кораблям, идущим в Нарву или в Россию, не будет позволено идти этой дорогой. Они поручали нам не забыть о сих привилегиях в предстоящих переговорах и, когда мы ехали назад, они просили нас откомендовать их город королю, чтобы торговля могла снова хоть несколько подняться, на что его величество изъявил полное свое согласие и благорасположение. Но мы могли заметить, что не все лица, окружающие его величество, питают одинаковое расположение к сему городу, потому что из всех городов, подвластных шведской короне, лишь он один не подчинен шведским законам, королевским губернаторам и наместникам и слишком настаивает на сохранении своих преимуществ как относительно таможенных доходов, которых половина поступает в городскую казну, так и относительно других пунктов.

18 сентября мы оставили Ревель с нашей свитой и с небольшой поклажей, перегрузив остальную часть с военного корабля на любекское судно, потому что плавание в этих краях весьма опасно для кораблей, глубоко сидящих в воде, особенно в тогдашнее время года. Наместник губернатора предложил нам повозки и лошадей для того, чтобы нас доставить в соседний округ. Ревельское началь-

ство прибавило к сему 2 кареты и несколько других повозок, которые оставались при нас до Нарвы. При отъезде нашем почтили нас несколькими пушечными выстрелами, то же сделал и наместник губернатора из крепости. В тот же день мы известили в. д. в. о приезде нашем в Ревель и о намерении оставить город в тот же день. От Ревеля до Нарвы 30 миль через порядочный, но мало обработанный край. Почти на середине дороги находится древний королевский замок, лежащий в стороне и называемый Тользбург, куда мы прибыли 20 числа в обед. 22 числа мы доехали до Нарвы. О приезде нашем мы известили его королевское величество письмом*.

С этим письмом отправились к е. в. (который находился под Псковом) Николай Газелар, Ян Данкарт и секретарь г. посла ван Дика Андрей Мейтрейх в сопровождении служителя, данного бароном Эвертом Бременом, наместником Ивангорода, замка, лежащего на горе на другой стороне реки, именуемой Наровой, не далее от немецкой Нарвы, как на расстоянии ружейного выстрела. Под означенным замком у подошвы горы лежит небольшое укрепление, или маленький городок, защищенное сильными палисадами и населенное русскими, куда спаслись с имуществом своим многие соседние жители во время последних опустошений Новгородской области. Это местечко в прошлом мае сгорело дотла, неизвестно, однако, от несчастия или от злого умысла чужестранных солдат. По реке Нарове до вышеозначенных двух городов могут идти суда, сидящие на 8 футов в воде; выше суда подниматься не могут из-за подводных камней и порогов, и на полмили оттуда находится большой водопад, образуемый водами озера Пейбус, которое, простираясь на 18 миль и принимая более 70 рек и речек, не имеет другого исхода. Е. в. король шведский приказал из Нарвы сухим путем доставить выше означенного водопада разные суда, на которых можно было бы доставлять в лагерь под Псков орудия, военные снаряды, продовольствие и другие вещи.

25 сентября 1615 г. прибыл в Нарву из Швеции г. Аксель Оксеншерна, шведский государственный советник, государственный и королевский канцлер и г. Рютгерзиус, которые несколько дней принуждены были оставаться на весьма опасном Нарвском рейде; той же опасности был подвержен корабль с нашими вещами. Канцлер ознакомил нас с копиями трактатов и письменных условий, заклю-

* Это «церемониальное извещение» опущено в публикации 1868 г.

ченных между русскими и блаженной памяти королем Карлом IX. Эти документы поясняют истоки и причины настоящих недоразумений между шведами и русскими. Мы узнали от его превосходительства, что проезд наш и старания о заключении мира не слишком будут приятны английскому послу, но что ему больше понравилось бы посредничество датского короля, предложившего свои услуги шведскому королю и за несколько месяцев до того приславшего к е. в. секретаря, которому приказано было отправиться далее в Москву, чтобы узнать отношение великого князя к миру, а по получении этих сведений король датский намеревался отправить своих послов на переговоры; но король шведский, рассудив, что из-за предполагаемого путешествия в Москву переговоры будут слишком надолго отложены, отправил секретаря обратно с письмом, в котором е. в. писал, что ему предложения датского короля весьма приятны и он просит как можно поспешнее отправить послов, которые, однако, не были отправлены.

В начале октября прибыл в Нарву светлейший князь герцог Юлий Виртембергский, брат нынешнего владетельного герцога Виртембергского. Путешествие его не имеет другой цели, кроме посещения короля. Так как его светлость был почти во всех государствах и землях христианства, то он хотел посетить и королевство шведское и увидеть достопримечательности Лапландии¹⁰, Биермена и Ботнии¹¹ и через эти страны он в нынешнюю зиму проехал с паспортом короля и на счет е. в. Мы посетили его светлость, и он, в свою очередь, посетил нас.

2 октября возвратились из лагеря под Псковом посланные наши с письмами от 22 сентября к королю шведскому. Они рапортовали нам, что король был весьма доволен нашим проездом и что е. в. весьма тщательно расспросил, были ли мы на пути от Ревеля в Нарву снабжены всеми нужными удобствами и хорошо ли нас содержали в Нарве. Они сказали нам также, что король отправил к нам государственного шталмейстера и что от него и из писем, которые он нам вручить должен, мы узнаем резолюцию короля на предыдущее письмо наше.

5 октября королевский шталмейстер г. Николай Горн передал нам письмо е. в.*

* В публикации 1868 г. опущено это письмо, приведенное послами на старом немецком языке, так как оно «не представляет ничего замечательного: король назначает им дальнейший маршрут».

7 означенного месяца мы уведомили в. д. в. о письме нашем к е. в., о его ответе и также о намерении нашем исполнить желание е. в. Мы разрешили капитану Симону Квирейнсу Робелю с военным кораблем, оставленным нами в Ревеле, возвратиться на родину, с тем, однако, чтоб он высадил в том или другом балтийском городе некоторых из молодых людей, которые приехали с нами и которые по болезни должны были воротиться с ним.

12 октября, когда градоначальники Нарвы, Ивангорода, Яма и Копорья дали распоряжения к отъезду нашему и г. канцлера и когда поклажа, которая должна была быть в Новгороде, была накануне отправлена водой, то означенный г. Николай Горн подарил каждому из нас по 2 лошади; тем, которым следовало ехать в Новгород, карету и еще 2 лошади, говоря, что е. в. прислал бы больше, но что он раздарил почти всех лошадей, находившихся при нем в лагере, рейтарам, лишившимся на войне своих лошадей. Е. в. послал из лагеря вместе со шталмейстером придворного чиновника Андрея Грейпа; он должен был проводить тех из нас, кто отправлялся в Новгород, и должен был служить нам приставом до Стариц-шанца, где он должен был встретить другого еще пристава. С ним и с градоначальником Ивангорода Эвертом Бременом и многими другими дворянами мы — Рейнгоут ван Бредероде и Дидерих Басс — отправились в означенный день в Новгород, а Альберт Иоакими в обществе г. канцлера, г. шталмейстера и многих других шведских и лифляндских господ и дворян с конвоем лифляндской конницы, пришедшим из лагеря, поехал в Псков на свидание с королем. Недалеко от Ямбурга встретил нас по дороге в Новгород градоначальник Ямбурга барон Дитлов фон Тизенгаузен с несколькими дворянами; мы у него остались до утра 16 октября, а потом он проводил нас до Стариц-шанца, в 14 милях от Нарвы. 17 октября, не доезжая означенного шанца, встретил нас градоначальник Копорья Иоахим Бернтс со 120 всадниками и 25 пехотинцами, которые вместе с ним должны были остаться при нас, пока он нас не проводит до уполномоченных е. в. Конница и пехота служили для охраны нас от казаков, которые скрывались в лесах и бродили вдоль по дороге весьма опасной, потому что все пространство между Стариц-шанцом и Новгородом необитаемо, кроме крепости Тессау, принадлежащей королю и лежащей в 10 милях от Новгорода.

25 октября лишь около обеда мы достигли Новгорода, до которого от Нарвы 36 миль. Мы не могли ехать быстро, ибо дни были короткие, дороги очень дурны; почти половина дороги состоит из деревьев, которые кладутся по болоту. Деревья эти во многих местах были переломаны, иногда нельзя было ни проехать, ни пройти; и так как во всей окрестности не было домов, то мы должны были много ночей провести в лесах. Мы не доехали до города, когда встретили нас королевские наместники Ганс Бойэ и князь Иван Иванович Одоевский, один из знатнейших людей России, с сыном. С ними находилось несколько русских князей и бояр и 3 или 4 корнета рейтаров с их командами. Они проводили нас в город мимо вооруженной пехоты, расставленной шпалерами от городских ворот до самого замка. При въезде в город и замок нас почтили несколькими выстрелами из пушек и ружей как конницы, так и пехоты. 2 ноября мы уведомили в. д. в. о прибытии нашем в Новгород и об отъезде г. Иоакими в лагерь под Псковом*.

Канцлер** и спутник его в первый день (после отъезда из Нарвы) не могли сделать более 4 миль; за день или за два до их отъезда из Нарвы в поле, окруженном лесом и водой, для посла в. д. в. была построена крестьянская изба. Канцлер довольствовался небольшой палаткой, которую вез за собой на лошади; на другой день доехали они до Гдова, маленького городка, принадлежащего псковскому воеводству и находящегося недалеко от озера Пейпус, в 12 милях от Нарвы. В прошлом году король взял обратно этот городок у русских и оставил им свободное отправление их богослужения и управления церковным имуществом, несмотря на то что жители незадолго перед тем, во времена в. к. Шуйского, истребили шведский гарнизон, находившийся там и не подозревавший даже неприятельского нападения. Близ означенного городка их встретил русский градоначальник Федоров, так как король во всех городах, принадлежащих ему в России, содержит двух градоначальников, одного шведа или немца, а другого русского, который, однако, над войском власти не имеет.

* В публикации 1868 г. отмечено: «На этом месте прерывается общий журнал послов: ван Бредероде вставляет в свое донесение рапорт об отдельном путешествии Иоакими, командированного к Густаву Адольфу в его лагерь под Псковом. Затем опять следует общий журнал о пребывании послов в Новгороде и отъезде их в дальнейший путь».

** Публикаторы 1868 г. указывают, что «так начинается, отдельно от прочих послов, донесение Иоакими, который отправился с особым поручением к шведскому королю под Псков в сопровождении его канцлера; а главное посольство ван Бредероде двигалось от Нарвы к Новгороду».

Здесь заказаны были другие лошади для поклажи и свиты, так как мы вступали в другой округ, а также, чтобы скорее проехать в один день через опасный лес, лежащий по этому тракту, простирающийся более чем на 10 миль, в котором ежедневно несколько человек убивают и грабят русские, приходящие сюда через Пейпусское озеро искать промысла из Печоры, значительного монастыря по ту сторону Пскова. Но, несмотря на то что канцлер и спутники его, дойдя до окрестностей этого леса, дали целый день отдохнуть лошадям, они, однако, не могли исполнить своего намерения и были принуждены ночевать в означенном лесу.

На другой день, то есть 19 октября, когда миновали лес и поклажа была вне опасности, путешественники оставили ее на руках финской конницы, которая подкрепила конвой у самого входа в лес, и пустились вперед, чтобы доехать в этот же день до лагеря; канцлер и прочие — верхом, а я, Альберт Иоакими, — в королевской карете, которая послана была из лагеря в Гдов для посланника в.д.в.; шталмейстер уехал вперед, чтобы уведомить короля о нашем приезде. Канцлер, не доезжая полмили до лагеря, увидел, что нас никто не встречает, и остановился. Е.в. в это время напал на город с той стороны, где часть каменной стены была пробита пушками, и отряд его войска начал пробираться на стену, но шведы должны были отступить, потеряв около 20 убитых и 30 раненых. Город Псков весьма велик и многолюден, и в него спаслось много жителей из окрестностей. Русские сверх того умеют лучше защищать, чем осаждать города или сражаться в открытом поле. К тому же осадное войско короля было весьма обессилено смертями и болезнями, так что осталось здоровых не более трети того войска, которое было собрано при начале осады, что было известно и осажденным; поэтому-то они и защищались бодрее, несмотря на то что голод начинал теснить их. Мы прождали, как сказано выше, перед лагерем час или несколько более; наконец прибыл ротмистр телохранителей е.в. со своим отрядом и повел нас в лагерь и в помещение короля, где стояла вооруженная пехота, мимо которой шталмейстер провел меня в назначенную квартиру.

На другой день около 11 часов до обеда (меня уведомили за полчаса до того, что я буду иметь аудиенцию) я был приглашен государственным советником Филиппом Сейхдингом и вышепомянутым ротмистром Германом Врангелем явиться к королю. С господами этими было много дворян, латников и солдат, все пешие. За г. канцлером следовала

королевская лошадь, на которую пригласили меня сесть, но мы все вместе отправились пешком мимо пехотных войск, которые в оружии были расставлены до самой залы короля. Зала была довольно велика и с другими боковыми покоем недавно для е.в. построена из дерева. Когда я стал приближаться к е.в., то он сделал несколько шагов навстречу посланнику в.д.в. Поклонившись ему, я сказал, что я и товарищи мои, узнав волю е.в. из письма, писанного к нам 18 сентября, хотели исполнить ее, что они направились к Новгороду и что мы все совокупно решили, чтобы я отправился к е.в. именем всех свидетельствовать почтение, предложить услуги и вручить письма от господ Генеральных штатов и от светлейшего, высоко-рожденного князя Морица, принца Оранского, графа Нассауского. Е.в. передал письма г. канцлеру, который один остался в зале; все же те, которые перед тем находились при короле, равно и те, с которыми мы прибыли, удалились, когда я начал речь* свою к королю. Я изложил е.в. поручение, данное в.д.в. товарищам моим и мне...**

На дружелюбный поклон, желание и предложения наши король ответил в кратких словах, и равно в.д.в. и его светлости пожелал всякого благополучия и потребовал, чтобы предложения [о посредничестве] нами были ему представлены письменно. Дворяне, которые оставили залу, снова вошли. Тут приготовили два стола к обеду; к одному из них сел король под балдахин, пониже е.в. и по левую его руку посадили посланника в.д.в., возле него — г. канцлера, против канцлера — вышеупомянутого государственного советника Филиппа Сейхдинга, а на конце стола — капитана Николая ван Бредероде. За другим столом сидело много дворян и капитанов, а также те, кто провожал меня. За столом е.в. много расспрашивал о военных силах Генеральных штатов, о делах Франции, об Ост-Индии и о торговле вообще. Прежде всего король говорил об осаде Пскова и о происшествиях предыдущего дня. После обеда, когда король уволил меня, вышепоименованные Сейхдинг и Врангель проводили меня на мою квартиру с прежним церемониалом. Вечером начали бросать гранаты в город, которые обратили в пепел около 20 домов. На другой день е.в. приказал открыть батарейный огонь, с тем чтобы осажденные подумали, что он намерен делать новый приступ к городу; огонь разрушил одну башню.

* Издатели 1868 г. текст речи не приводят.

** Здесь и далее уточня, не оговоренные специально, поставлены публикаторами 1868 г.

Король приказал бросать гранаты; к несчастью, одно из орудий опрокинулось, огонь попал в порох, который находился вблизи бомбардира, и от взрыва погибли бомбардир и несколько человек из артиллерийской прислуги; 50 или 60 человек, кроме того, были ранены. Вечером король приказал всю артиллерию погрузить на суда и сделал распоряжения к снятию осады, на что он решился также и потому, что лагерь был ослаблен и наступила зима...

Г. канцлер, который был занят различными делами, не мог принять меня, чтоб проститься, ранее четверга 22 октября. Его превосходительство тут сказал мне по приказанию короля, что е.в. ничего более не желает, как окончания войны между ним и русскими на честных и справедливых условиях, о чем е.в. объявил свое мнение английскому послу, и изъявил вместе с тем желание, чтобы это мнение было и мне сообщено и чтобы мне дано было знать, что король довольствуется уплатой ему 7 млн. риксдалеров, за что он откажется от всех притязаний на Российское государство и некоторые его части, оставит все города и места, занимаемые им в России, кроме приморских городов и Кексгольма, насчет которых король никакого спора допустить не может, как принадлежащих шведской короне на основании особого условия, заключенного с в.к. Шуйским¹². Г. канцлер послал узнать, считаю ли я упомянутые условия вполне благоразумными и на каких условиях можно окончить эти раздоры. На это я ответил, что Генеральным штатам не вполне известно, в чем именно заключаются споры, а равно неизвестны также средства, употребленные как одной, так и другой стороной, чтобы поддержать права свои, и что потому они не могли делать никаких особенных предложений и по этой причине поручили и приказали посланникам своим, рассмотрев тщательно обстоятельства дела, употребить все старания к окончанию войны на справедливых и благоразумных условиях и к основанию и упрочению новых сношений между е.в. и государем российским. Когда же я затем просил уведомить меня, какие именно места король под именем приморских за собой удержать хотел, то г. канцлер ответил мне, что уполномоченные с.в. к заключению мира имеют подробные по этому предмету инструкции; что, однако, главная мысль короля заключается в удалении русских от Балтийского моря и Финского залива, потому что торговля, которую русские ведут в этих странах, неоднократно подавала

повод к недоразумениям между обеими нациями, и что, если король получит 7 млн. риксдалеров, он возвратит все города, замки и земли, принадлежащие им, с Ивангородом, с условием скрыть эту крепость и новой не строить.

На другой день около обеда полковники Сванте Баннер и Самуил Коброн опять проводили меня к королю. Е.в. сказал, что он намерен отпустить меня, с тем чтобы я отправился в Новгород к товарищам моим, и что он в изъявлении искренних желаний Генеральных штатов и в этом важном посольстве видит доказательство особенного искреннего и откровенного благорасположения в.д.в. к его величеству, государствам и землям его. Король, со своей стороны, желает, чтобы Бог всемогущий даровал в.д.в. всякого успеха при постоянном и продолжительном процветании вашего государства, и при этом изъявил мне готовность свою поддерживать дружбу с в.д.в. и всегда хранить существующий союз. Обстоятельный же ответ на все то, что е.в. от имени в.д.в. должно было, король отложил до того времени, когда товарищи мои и я, окончив дело, для которого мы посланы, возвратимся к е.в.; при этом он выразил надежду, что мы употребим все старания наши к восстановлению доброго мира между Швецией и Россией, пожелал всем нам счастливого пути, успешного окончания нашего предприятия и счастливого возвращения к е.в. За столом пили за здоровье короля, в.д.в. и принца Морица, и когда я наконец откланялся е.в., то меня обратно проводили на мою квартиру полковник Сванте Баннер и барон Милер Бьелькенс.

Так как я намерен был отправиться в Новгород 24 числа, то канцлер дал мне знать, что, по мнению короля, мне лучше ехать на Старую Русу, благодаря чему я выиграю 24 мили и даже больше; причиной перемены маршрута было то, что король получил от Якова Понтуса Делагарди графа Леское¹³, предводителя войск е.в. в России, известие о том, что он и другие уполномоченные для переговоров о мире отправились из Старой Русы за 10 миль в Осташков, где хотели дожидаться русских уполномоченных, и что они решились на это по настоятельной просьбе английского посла Джона Мерики, кавалера и тайного советника е.в. короля Великобритании. Посол, отправленный королем английским, чтобы примирить короля шведского с в.к. российским, выехал из Москвы в конце марта 1615 г. и прибыл через 3 месяца в Новгород, после чего отправился к королю шведскому в Нарву. Доложив о поручении, данном ему королем английским, он вручил королю шведскому письмо в.к. о том, чего его цар-

ское высочество¹⁴ требовал от короля шведского. Претензии первого поддержал посол, который находил их весьма справедливыми и защищал всеми возможными средствами и с большим усердием, нежели приличествовало искреннему посреднику; так по крайней мере полагали король и окружающие его. Вследствие этого английского посла заподозрили в пристрастии к русским, и это подозрение подкреплялось тем обстоятельством, что его превосходительство 40 лет жил в России и долгое время занимал должность агента английских купцов. Потому-то король английский, полагая, что, может быть, этот посол не будет приятен Швеции, дал знать королю шведскому, что если он не пожелает посредничества упомянутого Джона Мерика, то к нему будет послан другой. Несмотря на это подозрение и хотя его превосходительство не привез от русских условий, на которых можно было бы заключить мир (кроме вышесказанного письма, в котором они требовали возвращения всего того, что занято было королем шведским в России, с вознаграждением за издержки и убытки), е.в. в собрании, созванном в лагере под Псковом, приказал своим уполномоченным отправиться в Новгород. Уполномоченные, по внушению означенного английского посла, поехали в Старую Русу и потом далее во внутрь России, до местечка Романова. Я немедленно дал знать товарищам о желании короля, чтобы я отправился в Старую Русу и там ожидал их. Я выехал из лагеря 25 числа около обеда, потому что пристав, который должен был ехать со мной и оставаться при посланниках нидерландских до тех пор, пока они будут находиться во владениях е.в., не успел приготовиться. Пристав этот был барон Клас Классен Фуйль, бывший градоначальник Нарвы. Трудно было также достать лошадей для меня и свиты моей, а еще труднее — повозок, или телег, для провизии и поклажи, которые отданы были на руки князю Ивану Никитичу Мещерскому, соградоначальнику Порхова, и им распределены по телегам разных других князей и бояр, отправившихся с нами. Их вместе с прислугой было до 150 человек. Кроме них отправились с нами 5 конных взводов и 3 роты пехоты, частью в качестве конвоя, потому что дороги были очень опасны из-за казаков и шишей (эти последние суть крестьяне, скитающиеся в лесах, грабящие и убивающие проезжих), а частью потому, что им следовало отправиться на зимние квартиры.

28 октября я вторично дал знать своим товарищам, что королю угодно, чтобы мы все вместе съехались в Старой Русе. Я писал к ним из села, называемого Старицей, лежащего в прекрасной равнине, куда иногда великие

князя имели обыкновение отправляться для потехи. На этом месте и в окрестности жило еще несколько людей. Весь конвой остался тут на следующий день, чтобы дать отдохнуть пехоте и успеть исправить гать по порховской дороге длиной около мили.

29 октября прибыл я в Порхов, маленький городок с каменными стенами, принадлежащий большому воеводству Новгородскому. Конвой почти весь оставался за городом. Город населен русскими, кроме гарнизона, который содержится королем шведским под командой немецкого губернатора. Прежде в нем было значительное укрепление, где жило много купцов и крестьян, ибо окружающие его поля весьма приятны и плодородны. Князь Иван Никитич Мещерский прислал мне через своего сына 3 бутылки водки и 2 корзины — одну с белым и другую с ситным хлебом. Когда я отдал ему визит, то при приходе и при уходе моем он дал мне случай увидеть свою хозяйку и поговорить с ней; это у русских почитается за самую большую честь, которую они могут оказать друзьям своим.

1 ноября я уведомил товарищей, что отправляюсь в этот день из Порхова в Старую Русу. Градоначальники — князь Иван Никитич и барон Лаврентий Грасс — проводили меня со многими дворянами и боярами на полмили за город. Из конвоя, пришедшего с нами из лагеря, пошло далее со мной не более одной полуроты рейтаров, из коих 40 человек оставили нас в 2 милях от Порхова. Дорога была недурна для легкого войска и для ненагруженных путников. На этой неделе шиши захватили в этой местности 4 рейтаров, посланных военачальником с письмами. Они связали им руки за спину, отрубили им головы, а двум слугам этих рейтаров велели бросить между собой жребий, кому из них придется отрубить голову другому.

5 ноября мы прибыли в Старую Русу, которая лежит от Порхова в 18 милях; градоначальники, барон Франсуа Дейкер и князь Андрей..,* приветствовали меня весьма радушно; но содержание не было бы хорошо, если бы военачальник не снабдил из Романова всем нужным для кухни и погреба. В то время как я прибыл, приехал человек военачальника с провизией; он отправлялся в Новгород и дал знать товарищам моим о моем приезде в Старую Русу...**

* Пропуск в рукописи.

** Далее следует продолжение прерванного донесения голландских послов, прибывших в Новгород.

Митрополит новгородский, князья и проживающие бояре в Новгороде и все городское общество были весьма рады узнать, что Генеральным штатам угодно было до того принять к сердцу дела русские, что они отправили посланников для прекращения войны между его царским величеством* и королем шведским. Знатнейшие из них выразили свои чувства в совещаниях, которые мы, Рейнгоут ван Бредероде и Дидерих Басс, имели с ними, и некоторые из них, как мы узнали впоследствии, дали знать о приезде посланников его царскому высочеству в Москву и были того мнения, что король шведский снял лагерь под Псковом из-за внушений и убеждений, сделанных ему от имени в.д.в. Они советовали нам письменно просить его царское высочество о присылке из Москвы толмача, или переводчика, и полагали притом, что этим мы приятнее будем его царскому высочеству и русскому совету и будем допущены без затруднения к делам о заключении мира. Мы приняли совет их и решили перепоручить нидерландскому купцу из Зеландии Герриту ван дер Гейдену, который 14 лет жил в Новгороде, доставить письма наши в Москву. До Новгорода угощали нас служители короля, а иногда некоторые князья и бояре делали нам подарки съестными припасами. Королевские уполномоченные для переговоров, узнав о приезде нашем, в письмах из Романава поздравили нас с прибытием и просили нас настоятельно, если в Новгороде не угостят нас приличным и надлежащим образом, приписать таковое обстоятельство долговременной войне и трудностям, с которыми добываются удобства жизни. 12 числа выехали мы из Новгорода в сопровождении тех же лиц, которые вышли к нам навстречу при приезде нашем. Нам при отъезде была отдана та же честь, с которой нас встретили. Дали надлежащий конвой, но за неимением хороших проводников мы должны были провести одну ночь под открытым небом. На третий день мы прибыли на лошадях и в санях по льду в Старую Русу, которая в это время обращена была в шанц, где король содержал гарнизон, состоящий из рейтаров и роты пехоты. Прежде город этот был весьма многолюден, как видно из развалин каменных церквей и монастырей. Здесь прежде добывали много соли из колодца, который находился в городе, и от этого промысла в.к. получал более 40 000 рублей; но все варницы, кроме 8 или 10, и весь город сожжены были поляками 3 года тому

* Далее сокращение е.ц.в.

назад, жители были умерщвлены и вся окрестность города опустошена поляками и русскими, так что король от заводов никакого не получает дохода и осталось около 100 жителей, имеющих насущный хлеб. При приезде в шанц нас встретили градоначальники и почтили пушечными выстрелами.

На другой день, 15(5) ноября, мы, посланники в.д.в., снова соединившись, написали следующее письмо к великому князю:

«Светлейший, державнейший царь и великий князь Михаил Федорович, самодержец Всероссийский, Московский, Новгородский, царь Казанский, Астраханский, Сибирский, владетель Пскова и великий князь Смоленский, Тверской, Ижорский, Пермский, Вятский, Болгарский и многих других господств и земель владетель и повелитель!

Мы во всякое время готовы нижайше служить вашему царскому величеству*, светлейший державнейший царь и великий князь.

Высокие и могущественные Генеральные штаты Соединенных Нидерландов, узнав в прошедшем году из писем в.ц.в. и из устных предложений царского посланника вашего, что ведется война и существуют распри между в.ц.в. и королем шведским, не только в письмах к в.ц.в., но и в письменном ответе, данном посланникам в.д.в. при их возвращении, предложили дружеское посредничество и всевозможную помощь к прекращению помянутых раздоров и также письмами своими настоятельно просили и убеждали е.в. короля шведского согласиться на заключение мира. Так как Генеральные штаты недавно узнали из письма вышепоименованного короля шведского, что е.в. не противится мирным переговорам с в.ц.в. и что уже поэтому благодаря содействию посла е.в. короля английского устроен съезд уполномоченных обеих сторон, то и.д.в.**, желая способствовать успеху означенных переговоров, почили за благо к пользе в.ц.в. и короля шведского отправить нас с поручением явиться на то место, которое назначено будет для упомянутого съезда, и именем и.д.в. употребить все возможные старания к заключению доброго, искреннего и справедливого мира между в.ц.в. и королем шведским. Для того же мы, нижеподписавшиеся, были намерены отправиться к в.ц.в. для вручения кредитных грамот наших, но узнали, приехав сюда, что уже дело о перего-

* Далее по тексту сокращение в.ц.в.

** Их державнейшие власти.

ворах дошло до того, что уполномоченные обеих сторон собрались, чтобы приступить к ним, и предпочли на первый случай отложить путешествие наше к в.ц.в., отправиться прямо на место переговоров и принять, как то нам поручено, участие в них и по силам содействовать успеху; путешествие же наше к в.ц.в. помешало бы нам быть вам полезным. Поэтому мы нижайше просим в.ц.в. с нас за это не взыскать, и, не имея при себе переводчика (здесь же ни одного нейтрального толмача найти не можем, а желали бы иметь переводчика нашей нации или другого, на которого мы бы могли положиться), мы покорнейше просим сделать нам честь милостивейше даровать свободный пропуск сюда Исааку Массе¹⁵ или тому, кого он назначит вместо себя, если он сам будет задержан законными препятствиями. Мы признаем сие за великую царскую милость и почтем себя тем более обязанными служить в.ц.в., моля Бога всемогущего, да хранит он особу, государства и земли в.ц.в. во всегдашнем благоденствии и преуспeyании. Нижайше остаемся готовые к услугам в.ц.в.

Дано в Старой Русе 5 ноября 1615 по Р.Х.»

Мы также просили Исаака Массу приехать к нам или, если то невозможно, выслать нам другого нидерландца, который мог бы быть переводчиком между нами и русскими, и отправили с этими письмами 16 числа вышепомянутого Геррита ван дер Гейдена. 17 числа мы выехали и, проехав весь путь в санях по льду, который не был еще весьма тверд, мы 19 числа прибыли в то место, где помещены были шведские уполномоченные в деревянном укреплении (ретраншаменте¹⁶). Они выехали к нам навстречу на озеро, а именно: Яков Понтус Делагарди (граф Лекоский, барон Эйгольмский, владетель в Колке и Рунзёе, шведский государственный советник и военачальник), Генрих Горн, Венденский и Гезлесский (шведский государственный советник и маршал лагеман Эландский), Арфу Тонисен Тейстербейский, наместник Выборга и верхней Карелии, лагеман Карельского округа, и Манс Мартенс, секретарь е.в., и с ними одна рота пехоты и многочисленная свита. Они приветствовали нас с большим радушием, говоря, что приезд наш им весьма приятен, и проводили в отведенные для нас квартиры, состоящие из 7 или 8 опустелых дымовых изб, на русский лад. Избы эти были остатком деревни, называемой Милагоной, лежавшей на реке. В одной из них люди наши нашли человеческий скелет. В избах, в которых мы провели прошлую ночь, мы также нашли остатки 7 или 8 мертвых тел. Их превосходительства и благородия, извинившись за неудобства наших

квартир и предложив нам все что могли по обстоятельствам времени и места, отправились в свои квартиры, оставив для защиты нашей 28 или 30 пеших служителей, которые были на ночь подкреплены 10 или 12 конными; для большей безопасности и в ограждение от волков и других лютых зверей, водящихся в лесах по обе стороны озера, равно от казаков и шишей, квартиры наши были окружены палисадами. Не желая терять времени, мы на другой день явились в романовское укрепление. Когда шведские уполномоченные узнали, что мы хотели ехать далее, то они нам доставили лошадей. Мы их превосходительством и благородиям объяснили причину нашего прибытия и просили их уведомить нас о настоящем положении переговоров. Они выразили благодарность свою в.д.в. за благорасположение, которое вы питаете к благоденствию е.в. короля шведского и его государства, а доказательством такого благорасположения служит уже отправление послов в качестве посредников между е.в. и русскими. Они благодарили также нас за то, что мы приняли на себя труд столь дальнего и неудобного путешествия. Далее они рассказали нам, что, поверив обещаниям, данным английским послом королю шведскому и им — а эти обещания, однако, не все были исполнены, — они прибыли в то место, где теперь находятся, в окрестность необитаемую и опустошенную, куда все необходимое для людей и лошадей доставляется с большим трудом и великими издержками из весьма отдаленных мест, без всякого обеспечения взаимной безопасности уполномоченных; что вовсе не назначено место, где должны производиться переговоры; что помянутый посол предложил местечко, именуемое Селищами, лежащее почти на половине дороги между Романовым и Поленовым (местопребыванием главных русских уполномоченных); что русские уполномоченные были недовольны этим распоряжением и требовали, чтобы шведские уполномоченные приехали ближе к ним во внутрь России, на берег реки, находящейся еще более чем на 2 мили далее означенного места (на означенной реке в 1614 г. производился размен пленных¹⁷); что из-за того посол предложил другое место, лежащее между обоими вышесказанными местечками и именуемое Дидерином; на это для ускорения дела и согласились шведские уполномоченные, а английский посол отправил к русским уполномоченным одного из слуг своих, чтобы узнать, согласны ли они явиться в то место; что русские уполномоченные за день или за два перед сим написали шведским уполномоченным письмо, исполненное оскорблениями; что на письмо они [шведы] приготовили ответ для защиты чести своей, хо-

тя посол просил их оставить означенное письмо без ответа. Их превосходительства и благородия сказали нам также, что английский посол питает к нам сильную зависть, так как он полагает, что король шведский снял осаду Пскова вследствие увещаний наших, и что он опасается, как бы это обстоятельство не уменьшило доверия к нему русских, так как он не удержал короля от осады означенного города. Они одобрили намерение наше без отлагательств отправиться к русским уполномоченным, просили, однако, нас повременить до возвращения посланного к русским английским послом. Геррит ван дер Гейден, о коем мы упомянули выше, был еще с нами и не мог склонить слугу английского посла отправиться с ним вместе; но слуга, однако, выехал вскоре после него*.

Мы затем просили шведских уполномоченных поторопиться с отправлением тех, кто должен был принимать присягу в безопасности и присутствовать при целовании креста русскими (подобно тому, как шведы имеют обыкновение присягать на св. Евангелии, русские подкрепляют свои обещания целованием образа Спасителя на распятии). Они обещали отправить поверенных своих 28 ноября рано утром не только с этим поручением, но и с приказанием условиться с русскими в том, чтобы обе стороны общими силами противодействовали всем и каждому, кто пожелал бы препятствовать ходу переговоров или вредить им, так как толмач английского посла, прибывший недавно из стана русских, привез известие, что польский полковник по имени Лисовский, известный в России своими набегами, снова приближается с 2500 или 2600 рейтарами. Шведам донесли, что войско его состоит из 7000 всадников и что, служа королю польскому, он имеет намерение воспрепятствовать заключению мира. Мы надеялись на то, что он не осмелится совершить этого, и тем более были уверены, что, поскольку весь край во все стороны опустошен, он не найдет средств к пропитанию людей и лошадей, не говоря уже о возможности получить свежих лошадей взамен негодных к службе. Он имеет обыкновение оставлять слабых коней, и когда ему удастся достать лучших лошадей, то, подобно молнии, бросается вперед, уничтожая все, что ему попадется и чего он не может увезти с собой. Посол, с которым мы говорили об этом известии, сказал, что Лисовского опасаться нечего, потому что великий князь

* В публикации 1868 г. опущено далее несколько страниц, «в которых делается весьма подробный рассказ послов о дошедших до них слухах, что английский посол отклоняется сделать им визит».

имеет довольно сил и средств, чтобы удержать набег его, и что уже 3 полковника с войсками были отряжены на тот случай. Мы после этого узнали, что означенные 3 корпуса не могли поставить более 3000 или 4000 человек и что Лисовский, побыв несколько времени около Торжка, между Москвой и Осташковом, отправился в Ростов, сжег город и пустился далее мимо Ярославля через Волгу до Данилова, по-видимому, чтобы взять в плен купцов и захватить товары, которые шли в это время с Архангельской ярмарки в Москву, и что с Данилова, поворотив на юго-восток через Рязань, он воротился в Польшу, но часть арьергарда его в этом набеге была уничтожена русскими. Боярин, который привез нам письма от великого князя, когда мы из Стокгольма возвращались уже в Нидерланды, рассказал нам, что Лисовский после того потерял много людей в набеге на Волынь и Подолию и сам находится в Смоленске.

Шведские уполномоченные сказали 27 ноября, что английский посол получил письма из Москвы о допущении нас к переговорам.

28 ноября посол сам уведомил нас о получении писем от великого князя из Москвы, в которых его царское высочество уведомляет, что ему весьма приятно, что мы вместе с английским послом будем участвовать в переговорах. Он предъявил нам длинный свиток с этими письмами; потом он предложил нам разные, совершенно излишние вопросы: были ли в 1614 году посланники великого князя приглашены приехать из Гамбурга в Нидерланды? Были ли через них посланы подарки к великому князю и проч.? Наконец, привезли ли мы с собой деньги, которыми в.д.в. обещали ссудить великого князя? Мы сомневались в том, сделал ли посол последний вопрос по поручению великого князя или по собственному своему побуждению, опасаясь, чтобы в.д.в. этим займом не успели бы доставить голландским торговцам выгоды и прибыли в ущерб торговле англичан. Мы отвечали, что нам неизвестно, делали ли в.д.в. подобное обещание, а он сам знает, что в.д.в. должны еще большие суммы денег е.в. королю английскому, почему трудно было бы ссужать других государей значительными деньгами. Он просил нас также сообщить ему, на каких условиях король шведский согласен заключить мир с русскими, и спросил, не готов ли е.в. возвратить все города, завоеванные им в настоящую войну. Мы подозревали, что переводчики его, которые были при нашей конференции (так как он говорил с нами на

своим родном языке), пристрастны к русским, ибо жили и торговали с ними долгое время, и рассудили, что вовсе будет бесполезно, если мысль короля шведского, сколько она нам была известна, через нас дойдет до русских, ибо дела о переговорах шли еще довольно туго. Мы ответили, что ему почти столько же известна мысль короля, как и нам, и, вероятно, из уважения к могуществу короля английского король шведский пространнее и обстоятельнее говорил с послом английским, чем с посланниками в.д.в.; но, несмотря на это, нам и г. послу, коль скоро начнутся переговоры, для пользы обеих сторон следует сообщать друг другу все, что каждый из нас по этому предмету будет знать.

Между тем шведскими уполномоченными отправлены были поверенные для передачи охранительных грамот короля шведского для русских уполномоченных и для получения от великого князя подобных же грамот для шведских уполномоченных. Они также должны были от имени уполномоченных идти к присяге и присутствовать при том, когда русские будут целовать крест по существующим обычаям. Для большей верности шведские уполномоченные приказали форму о присяге и целовании креста изготовить по проекту английского посла и в этой форме дали великому князю титул, который е.ц.в. сам употребляет, заявляя при том еще раз, что они этим не намерены принести ущерба величеству короля шведского в правах его на верховную власть в России, надеясь, что этой уступкой предупредятся все споры, которые иначе русские могли бы поднять относительно составления означенной формы, и, таким образом, можно будет приступить без дальнейшего труда к главным переговорам, которые, по их мнению, весьма удобно можно было бы окончить в 3 недели; на этот лишь срок они запаслись провизией, напитками и фуражом из Новгорода.

Шведские уполномоченные сказали нам также, что русские уполномоченные хотят приписать великому князю титул «Новгородский и Лифляндский», на что шведы согласиться не могут — особенно же на титул «Лифляндский» — и никак не могут уступить русским в требовании их совершить присягу и целование креста без письменного акта; что русские постоянно создают препятствия принятию охранительной грамоты короля шведского, потому что в ней имена короля датского и Генеральных штатов поставлены прежде имени великого князя, потому что в ней

сказано, что переговоры предприняты благодаря увещеваниям королей английского и датского и в.д.в., и, наконец, потому, что г. Арфу Тонисен Тейстербейский именуется наместником Выборгским и Верхней Карелии, лагеманом Карельского округа; из чего явствует, что русские всячески стараются протянуть дело, на что шведы никак согласиться не могут. Поэтому шведские уполномоченные решили, что граф Лекоский отправится к английскому послу и напомним ему обо всех данных им [послом] шведским уполномоченным обещаниях, объяснит все неудобства, проистекающие от времени, места и недостатка в продолствии для долгого продолжения съезда, попросит посла о совершении присяги и целовании креста, на что назначено было следующее воскресенье, и, наконец, объявит ему, что иначе они уедут и бросят все дело. От нас они хотели узнать, не будет ли лучше для успеха дела, если английский посол и мы отправимся к главным русским уполномоченным, чтобы убедить их словесно согласиться на принятую и обусловленную форму. Мы от души согласились на это и объявили, что на другой же день пойдем к английскому послу, чтоб поговорить об этом с ним; но мы были освобождены от этого труда, поскольку на другой день, 3 декабря, шведские уполномоченные дали нам знать, что, по словам английского посла, недоразумение произошло оттого, что переводчики не так поняли дело и не передали, как следовало, мыслей его.

Великий князь писал к английскому послу и просил в случае, если его уполномоченные объявят, что на решение того или другого могущего встретиться дела они приказаний не имеют, дополнить их инструкции по своему усмотрению и что таковые резолюции посла будут им утверждены. Посол, посетив нас с приличной свитой и извинившись, что не был прежде у нас из-за дурной погоды, сказал нам, что главные русские уполномоченные писали к нему о невозможности согласиться на титулы, данные королю шведскому в проекте. Сам же посол твердо уверен в том, что они в этом отношении не уступят; особенно они никак не согласятся на титул «государь многих других земель и государств», и, по его мнению, можно отвратить это затруднение, дав сокращенные их титулы (назвать великого князя Михаилом Федоровичем, царем и самодержцем всероссийским, а короля шведского — Густавом Адольфом, королем шведов и проч.) или принеся присягу и совершив целование креста в присутствии двух его переводчиков, Томаса Смита и Егора Бурхузена, без письменного акта,

или, наконец, тем, что посредники уполномочат от себя означенных двух переводчиков принять присягу и крестное целование от обеих сторон и дать каждому из государей те титулы, которых они пожелают. Английский посол послал форму присяги русским уполномоченным днем ранее, чем шведским.

Мы объявили, что, по нашему мнению, почти все равно, пространные или краткие титулы будут даны обоим государям в акте о присяге и крестном целовании, но нам кажется весьма важным не терять по пустым спорам времени, из-за чего беспрестанно откладываются переговоры. Для того чтобы решить эти споры и другие, могущие возникнуть в предварительных пунктах, мы сделали г. послу то же самое предложение, которое за несколько дней перед сим мы сообщили двум из шведских полномочных, а именно: не лучше ли будет нам постараться о том, чтобы шведские полномочные сообщили нам свои инструкции и дали нам копии с них под наше обещание не сообщать их содержание противной стороне прежде, нежели узнаем содержание инструкции русских; затем отправиться вместе к русским, чтобы заняться главным делом, устройство которого будет, может быть, стоить менее труда, чем устранение всех споров, которые, вероятно, еще встретятся при предварительных беседах; это было бы тем удобнее, что г. послу известно, по его словам, на какие из пунктов великий князь намерен согласиться. На наше предложение г. посол не ответил прямо и откровенно, но сказал, что в тот же день еще увидит шведских уполномоченных и даст нам на другой день знать об их решении; шведы не приняли его предложения, но 6 декабря объявили ему решительный ответ и условия, на которые они согласятся при заверении, что они уедут, если русские не примут одного из их предложений и если не будут совершены присяга и крестное целование к 9 часам будущей среды, то есть 9 декабря. Шведские уполномоченные сообщили нам этот ответ на квартиру нашу 7 числа того же месяца и сказали, что они весьма сожалеют о том, что английский посол перешел на сторону русских, старавшихся приписать великому князю не только титул разных владений, о которых должны были идти переговоры, и таким образом поднимали снова оконченные уже споры, но хотят еще почтить его титулом обладателя (что, по объяснению нашего толмача, значит победитель, господин или как бы защищающий

или прикрывающий крыльями своими, защитник), которого предыдущие великие князья никогда в сношениях своих со шведами не употребляли; а с своей стороны королю шведскому и сановникам его отказывают в законных или издавна употребляемых титулах, что весьма оскорбительно для короля.

В четверг 10 декабря в обед шведские уполномоченные, не получив никакого известия по сему делу, дали нам знать, что к английскому послу прибыли боярин и переводчик, посланные от русских уполномоченных с письмами к нам. Вечером того же дня, когда начинало смеркаться, прибыл к нам дворянин от английского посла с помянутым переводчиком; то был Дидерих ван Немен, который находился в 1614 году с русскими послами в Голландии¹⁸. Дворянин сказал нам, что этот переводчик, посланный к нам русскими главными уполномоченными, принят под покровительство английского посла, что он принес с собой письмо к послу и к нам, о содержании которых посол желал с нами переговорить.

В пятницу 11 числа мы отправились на квартиру английского посла в сопровождении означенного переводчика; его, однако, мы не взяли с собой, когда нам пришлось пройти через квартиры шведских уполномоченных, а велели ему обойти кругом. Мы узнали, что шведский военачальник [Делагарди] обижался, что русские не хотели ставить перед его именем графского титула и после имени выписывать его чинов и звания. Английский посол, в защиту мнения русских, сказал графу Лекоскому и прочим шведским уполномоченным, что русские основываются на той весьма немаловажной разнице, что Данило Иванович [Мезецкий] ведет свой род от князей, а он, Яков Делагарди, недавно еще возведен в графское достоинство. Наконец после долгих прений дело решилось следующим образом: оставить за русскими решение принимать или нет имена уполномоченных. Вместе с тем положено было посредникам отправиться на место собрания в следующий понедельник 14 декабря, чтобы быть ближе к русским уполномоченным и с ними на словах переговорить, если они будут делать какие-либо возражения против вышеизложенного. О всем этом мы уведомили русских уполномоченных ответом на письмо их через переводчика Дидериха ван Немена*.

Отъезд посредников в назначенный день осуществиться

* Ответ нидерландских послов опущен в публикации 1868 г.

не мог, потому что английский посол в этот день и накануне был нездоров.

Во вторник 15 декабря, около 9 часов вечера, шведские уполномоченные приказали сказать нам через одного из дворян своих, что русские затрудняют вопрос о целовании креста, о чем они [шведы] на другой день намерены переговорить с английским послом, и что поэтому отъезд должен быть отложен. В среду гофмейстер графа Делагарди принес нам обстоятельнейшие и вернейшие известия, а именно что русские нас знать не желают и не намерены вписать нас в охранительную грамоту, почему присяга и крестное целование были отложены, и шведские уполномоченные, будучи чрезвычайно недовольны этим, намерены переговорить с английским послом и желают знать наше о сем деле мнение. Мы объявили, что нам кажется весьма нечестным не допускать нас к делу, которого едва бы достигли без нашего содействия, а предвидя, что мы не будем в совершенной безопасности на месте собрания, мы не желаем, чтобы из-за нас на минуту остановилось дело, для успеха которого мы присланы повелителями нашими. Шведские уполномоченные сами знают, что им следует делать. Нам казалось весьма важным не дать обеим сторонам повода спорить о допущении нас к переговорам и об упоминании нас в предварительном акте, так как от того произошла бы заминка в главном деле и мы взяли бы на свою ответственность все неприятности, которые могли бы произойти между враждующими сторонами; к тому же мы надеялись впоследствии получить за это должное удовлетворение. Тот же гофмейстер сказал нам, что английский посол готовится выехать в тот же день около обеда, но Делагарди сказал нам, что он останется до 17 числа, для того чтобы у нас был при себе конвой, так как лошади были слишком слабы от недостатка корма и не могли делать большие, трудные переходы. Граф приписывал все затруднения английскому послу, который, после того как решено было отправить поверенных, просил у него 40 человек крестьян, чтобы очистить ему дорогу, по которой, однако, проезжало множество саней взад и вперед с провизией и фуражом для рейтаров, состоявших при поверенных, уполномоченных и их свите. Припасы эти возились в то место, где должна была совершиться присяга.

В четверг 17 декабря посол и мы отправились к месту, куда уполномоченные должны были съехаться. Недалеко от Глебова, который лежит на расстоянии 6 миль от Романова,

где мы должны были остановиться, встретился нам один из нашей свиты, Ян Данкарт, посланный ротмистром Вагенером и другими поверенными шведских уполномоченных уведомить нас, что русские не хотят включить нас в охранительную грамоту и упоминать в ней вовсе о в.д.в., угрожая отъездом, если в этот же день не совершится присяга, о чем означенные поверенные желали узнать наше мнение. Данкарт говорил нам, что, кажется, будто бы русских побуждал к тому переводчик английского посла Егор Бурхузен, который сказал, что мы и не требовали упоминания нас в охранительной грамоте. Мы в ответ на это поручили посланному дать знать поверенным, что мы сами едем, и сообщили в Глебове о случившемся английскому послу, который жил одной верстой далее.

Между тем ротмистр Вагенер просил ответа господ посредников: приступит ли ему и товарищам его к присяге и крестному целованию или нет? Мы ответили то же, что отвечали 15 декабря посланному шведских уполномоченных. Присяга и крестное целование были совершены в назначенный день по сокращенной форме...

Нам после того говорили некоторые из присутствовавших, как со стороны русских, так и со стороны шведов, что при совершении присяги и крестного целования русские не препятствовали бы упоминанию в грамоте о в.д.в., если бы Томас Смит и Егор Бурхузен не объявили, что английский посол уедет, если о в.д.в. будет упомянуто в акте, и что честь его будет оскорблена, когда посланники в.д.в., которые недавно прибыли, будут пользоваться плодами его трудов, продолжавшихся почти целый год, по этому делу.

Увидев ясно, что нас стараются сделать ненавистными главным русским уполномоченным и что шведы, как казалось, хотели отказать нам в защите и свободном пропуске, а в то же время, желая точнее узнать их расположение к нам, мы написали к ним письмо...

Английский посол также написал в этот же день к русским уполномоченным, чтобы узнать, когда им угодно прибыть в здешнее новое их местопребывание, ибо он затруднялся, не имея предварительного от них известия, назначить с нами день, в который следовало собраться обеим сторонам. 20 декабря возвратились Михайло де Мист и Иорис ван Катц, которые были посланы с вышеозначенными письмами к главным русским уполномоченным. Упомянутый Катц говорил по-русски. Они донесли нам, что были русскими уполномоченными приняты хорошо и

что их повели туда, где уполномоченные пировали в честь совершения крестного целования; им подали также рыбы, так как русские за несколько дней до Рождества соблюдают пост, а пить им подали водки, пива и меду. У квартиры их поставлен был караул, собственно, для того, чтоб они не ушли, а им сказали, что караул дан им для почести. Они принесли на письмо наше ответ, которым русские уполномоченные нас уведомляют, что они будут в Песках 14 декабря и нам дадут знать, когда могут нас принять.

Мы 21 числа уведомили главных шведских уполномоченных о том, что узнали относительно приезда русских уполномоченных, и просили их прибыть в тот же день: то же сделал и английский посол. Он вместе с тем послал шведским уполномоченным свидетельство* об их протесте, о котором упомянуто выше; протест этот сочинен был им на английском языке, потом переведен одним из его домашних людей и подписан им вместе с нами; без такого засвидетельствования, объявили шведы через своих поверенных, они не могут решиться на отъезд внутрь России, в место собрания. В тот же день мы писали русским уполномоченным, прося их приказать перевести их вышеупомянутое письмо, так как у нас нет переводчика...

На письмо это письменного ответа они нам не прислали, а велели только сказать через означенных де Миста и Катца, что в их канцелярии не было оставлено копий означенных двух писем и что они пришлют на другой день толмача Дидериха ван Немена, который переведет нам письма. Князь Данило Иванович Мезецкий, Алексей Иванович Зюзин и Николай Никитич Новоксенов предложили нам все свои услуги и подарили каждому из нас по возу сена. Дьяк Добрыня Семенов приказал сказать, что и он подарил бы нам сена, но что у него самого в сене недостаток. Дидерих ван Немен известил нас о возвращении Геррита ван дер Гейдена, посланного нами из Старой Русы в Москву. Он прибыл к нам 24 декабря, в девятый день по приезде из Москвы, где его задержали только 5 дней и откуда его отправили с письмом великого князя к нам. Ему подарили тюк с 40 собольими шкурами. На пути своем в Москву он задержался из-за набега Лисовского, о котором упомянуто выше...

* Публикаторы 1868 г. опускают это свидетельство (на лат. яз.), «так как оно содержит лишь удостоверение, что шведские уполномоченные, давая Михаилу Федоровичу известные титулы, заявляли при этом, что делают это без ущерба прав короля на владение Россией».

Павел Стерлинг, которого е.ц.в. послал к нам в качестве переводчика, происходит от шотландских родителей и родом из Дансвика. Он был взят в плен русскими 26 лет тому назад в Лифляндии и отпущен на волю с тем, чтобы служить царю переводчиком. По приезде его мы велели присягнуть ему в том, что он будет верно переводить нам с русского языка на немецкий и передавать, по приказанию нашему, все, что другие посланники будут говорить на русском языке, и из того, что он услышит от нас, не будет пересказывать другим более, чем нам заблагорассудится.

22 числа главные шведские уполномоченные препроводили к нам письмо на наше имя от короля Густава Адольфа...

24 декабря, около вечера, прибыли в Глебов королевские главные уполномоченные: граф Яков Делагарди, Арфу Тонисен и Манс Мартенс. Генрих Горн заболел горячкой, возвратился в Новгород и не принимал уже более участия в переговорах. Немного после них прибыли в Пески (на расстоянии I мили от Глебова) главные русские уполномоченные, так как они решили прибыть последними на место, полагая, что это почетнее для них. В тот же вечер прислали они нам воз сена и приказали велеть толмачу Павлу Стерлингу зайти к ним на другой день утром. Мы отправили к ним Миста и Катца поблагодарить за присланное сено (ибо, по их обычаю, нужно благодарить и за безделицу; если же кто замедлит с приношением благодарности, то они напоминают о сделанных ими подарках) и сказать, что е.ц.в. прислал нам переводчика с тем, чтобы мы его оставили при себе, а мы полагали, что ему нельзя ходить взад и вперед, из одного лагеря в другой, что было бы неприятно шведам и во вред царю. Посоветовавшись между собой о нашем мнении, русские уполномоченные одобрили его и велели нам сказать, что в тот же день послали бы нам поклониться и спросить о здоровье, но так как они узнали, что мы здоровы, а поклониться нам было можно через наших посланных [Миста и Катца], то пошлют к нам спустя день или два, и просят нам сообщить, коль скоро мы будем иметь какие-либо сведения относительно переговоров...

28 числа, около 10 часов до обеда, пришли к нам дворянин и Дидерих ван Немен; они поклонились нам от русских уполномоченных, поздравили с приездом и просили отправиться с ними к русским уполномоченным для переговоров. Мы заняли у шведских уполномоченных двое саней кроме тех, которые мы уже имели. При-

ближаясь к местопребыванию русских, мы узнали, что конвой, высланный нам навстречу, по ошибке взял не ту дорогу. В стане русских поставлена была пехота с оружием. У дома уполномоченных приняли нас несколько дворян, а на крыльце у дверей встретили сами уполномоченные, то есть окольниковый, князь Данило Иванович Мезецкий, наместник суздальский, дворянин Алексей Иванович Зюзин, Николай Никитич Новоксенов и Добрыня Семенов. После некоторых приветствий князь Данило сел у верхнего конца стола, посадил первого из нас по левую руку, а потом других, дав нам таким образом место выше прочих русских уполномоченных. Затем из комнаты вышли все, кроме толмача Павла Стерлинга и двух молодых людей, из которых один был на нашей стороне, а другой на стороне его сиятельства и их превосходительств. Князь Данило спросил нас, не имеем ли что сообщить им, на что мы свидетельствовали им поклон в.д.в. и уверили в искренности и откровенности попечения вашего о благоденствии е.ц.в., его государств и подданных.

Русские уполномоченные спросили нас, есть ли у нас какие-либо письма к е.ц.в. Мы ответили, что есть, но прибавили, что они такого рода, что нам нужно самим отдать их в собственные руки е.ц.в. Тут князь Данило встал, приказал встать также всем прочим и вынул из-за пазухи свиток либо для освежения памяти, либо для того, чтобы слово в слово исполнить свое поручение, ибо иногда случается, что некоторых самых важных сановников наказывают розгами и плетью, если только переступят данные им наставления. Это, говорят, случилось с Степаном Михайловичем Ушаковым, когда он в 1614 году воротился с Семеном Саборотским из посольства к римскому императору. Князь Данило Иванович воззвал к Всевышнему и Св. Троице, сказал во многих словах (ибо русские многословны в речах своих), что по смерти покойного царя Иоанна Федоровича митрополитами, архиепископами, всем церковным собором, дворянами и всем народом русским избран царем всероссийским Михаил Федорович, самодержец всероссийский (все его титулы, сказал князь, вы услышите другой раз); что о вступлении своем на престол царь известил брата своего императора римского и Генеральные штаты Нидерландов и Голландии, с которыми царь доселе находился в дружеских сношениях, что е.ц.в. сообщил им также, сколько король польский пролил крови в России, и что умерший и настоящий король шведские отняли много городов и крепостей у России; что он просил помо-

щи в. д. в., которые вследствие того ответили письмами и прислали несколько маловажных подарков, бывших у них под рукой; что после того они отправили Исаака Массу, который был принят почетно и узрел по желанию своему ясные очи е. ц. в. и снова уехал назад с милостивым ответом и подарками, и что с ним уехал посланный е. ц. в. с письмами, чтобы просить помощи; далее царь писал им, что ему весьма приятно прибытие посланников для заключения мира и согласия между е. ц. в. и королем шведским. Русские уполномоченные просили нас действовать заодно с английским послом, князем Иваном Ульяновичем, вместе с ним представить шведским уполномоченным всю несправедливость шведов по отношению к русским и побудить их к возвращению городов и крепостей, занятых ими, оружия и других вещей, вывезенных ими из России, и денег, которые они забрали от народа, равно и вознаграждения за все убытки, понесенные е. ц. в. в сей войне; за таковое содействие ваше, прибавил он, е. ц. в. обещал доставить еще большее покровительство подданным нидерландским.

На это мы ответили, что прибыли в качестве посредников и будем поступать со всевозможным беспристрастием, не держать ни той, ни другой стороны, как следует и приличествует настоящим посредникам. Уполномоченные шведские и русские после того говорили нам, что английский посол, когда в первый раз был у короля шведского в Нарве, предложил ему быть посредником в споре между двумя государями. Русские главные уполномоченные объявили нам также, что они с английским послом положили обеим сторонам в будущий вторник, 29 декабря, раскинуть палатки и начать в следующий за сим день [т. е. в среду, 30 декабря] переговоры, и просили нас зайти к послу по дороге домой и по этому предмету переговорить с ним. Мы ответили, что во всякое время готовы идти к нему для способствования переговорам, коль скоро он того пожелает, но что до сих пор он нам такого желания не объявлял и даже не навестил нас после прибытия нашего в Глебов. Что же касается того, о чем говорили русские уполномоченные, будто они согласились уже с послом [об открытии палаток], то мы полагаем, что лучше для самого дела, если посредники выслушают обе стороны отдельно и порознь, нежели если соберутся они вместе и начнут в присутствии друг друга приносить свои жалобы, что не обойдется без обидных и оскорбительных слов, а это может послужить поводом к замедлению и пресечению всего дела. Они ответили нам, что должны свидеться с шведскими

уполномоченными, так сказано в их инструкциях и так водится. Даже в последующих конференциях нельзя было переменить их мнения по этому предмету. Русские уполномоченные несколько раз еще убедительно просили нас при возвращении нашем зайти к английскому послу и, выслушав с ним обе стороны, начать рассуждать о главном деле. Относительно первого пункта (посещения английского посла) мы остались при прежнем мнении нашем; на это они объявили, что пошлют к нему гонца с просьбой пригласить нас к себе. Относительно второго (выслушать обе стороны вместе) мы повторили прежние наши заявления и предложения, которые они наконец приняли, прося нас быть посредниками. Для того чтобы нам действовать вернее и смелее, мы их два раза торжественно просили ясно ответить нам: хотят и просят ли они, чтоб мы были посредниками вместе с английским послом в переговорах о заключении мира между царем русским и королем шведским? На это они каждый раз отвечали, что хотят и просят. Их превосходительства и благородия сказали нам затем, что им будет приятно, если мы оставим квартиру нашу в шведском стане, потому что им тогда удобнее будет посещать и снабжать нас всеми нужными припасами и напитками. Мы ответили, что уже 5 недель тому назад хотели переехать к их превосходительствам и благородиям, но что исполнение этого намерения отложено было по совету английского посла до совершения крестного целования, что у нас тогда была отдельная от шведов квартира, но после мы просили поселить нас в одном с ними стане для защиты от разбойников и были всегда готовы и теперь еще готовы со всей свитой переехать в их стан, если то им будет приятно. Они сказали нам в ответ, что посмотрят, не найдется ли где-нибудь по соседству удобного места, где мы могли бы поселиться отдельно. Дело о квартире нашей тем кончилось, и о нем больше не говорили; только гораздо позже они предложили взять к себе некоторых слуг наших и содержать лошадей наших в Осташкове или в окрестностях. Они также с 31 декабря до самого конца съезда посылали нам всякий день или через день съестных припасов: мяса, рыбы, хлеба, а из напитков — пива, меду и хлебного вина, однако не в достаточном количестве, так что нам приходилось больше брать у другой стороны (т. е. шведов) для продовольствия нашего и свиты. Провизию привозили издалека, это могло некоторым образом служить им оправданием. Когда мы расставались с русскими уполномоченными после описанной выше конферен-

ции, они приказали принести разных напитков, между прочим, настоек, разных сортов меда и сладкого хлеба. Мы стоя закусили и потом простились с ними...

В этот же день перед обедом русский секретарь изъявил желание поговорить с нами наедине и подал нам записку на русском языке, в которой просил в.д.в., если шведы не захотят сойтись с русскими уполномоченными для переговоров и не согласятся возвратить родовые имения и города, отнятые у царя, помочь царю деньгами и порохом, не оказывать содействия шведам и запретить всем нидерландским подданным вступать на службу к шведам, пока они не помирятся с царем.

30 декабря около 9 часов до полудня английский посол дал нам знать, что русские уполномоченные уведомили его о своем прибытии в 4-м часу дня (восхождение солнца считается здесь первым часом) в его квартиру, и просил нас быть у него несколько ранее назначенного времени, чтобы нам можно было посоветоваться о том, что им сказать. Около означенного времени прибыли с большой свитой рейтаров и слуг Алексей Иванович Зюзин и Николай Никитич Новоксенов. Посол и мы приняли их внизу на дворе у крыльца, точно так, как мы всегда встречали шведского уполномоченного. После приветствия мы предложили им дать шведам копию с их полномочия и сказали, что шведы согласны дать им копию с их полномочия, и что это весьма справедливо и водится так во всех переговорах. Они ответили, что это лишнее, что они верят посредникам, которые утверждают, что полномочия имеют надлежащую силу. Секретарь русских уполномоченных был готов предъявить их полномочия. С большим трудом посредники могли добиться от русских уполномоченных допущения секретаря к передаче шведского полномочия, но никак их нельзя было принудить выслушать чтение его. Предложение составить новую форму полномочия также не понравилось им. Они настаивали единственно на том, чтобы раскинуть как можно скорее палатки и свести уполномоченных обеих сторон. На вопрос наш, сколько они намерены раскинуть палаток и сколько иметь при себе во время собрания войска, они отвечали, что думали для каждого уполномоченного поставить палатку, а потом еще палатку царскую, в которой обе стороны и посредники могли бы рассуждать о делах. В отношении числа рейтаров и служителей они объявили, что чести царя обидно будет, если они приведут с собой меньше 300 человек. Английский посол обнадежил было

шведов склонить русских на то, чтобы с обеих сторон уменьшить число рейтаров для охраны уполномоченных; но русские и на это не согласились. Видя, что возникает еще множество споров как относительно установления палаток, так и относительно титулов великого князя, мы предложили уполномоченным поручить посредникам ход переговоров и отказаться от того, чтобы обе партии встретились и защищали свои притязания в присутствии друг друга. Но все было тщетно; они говорили, что это было бы противно принятым обычаям, поручению и приказанию великого князя и что в акте о присяге и целовании креста говорится о совместном обеих партий ведении переговоров...

За сим шведские уполномоченные пришли к посредникам, благодаря усилиям которых уполномоченные согласились продолжать дело на следующих условиях. Посредники дадут им письменное уверение в том, что находят полномочия достаточными для того, чтобы можно было на основании их приступить к делу. Посредники будут хранить у себя оба полномочия и возвратят их, если переговоры кончатся безуспешно. Если же переговоры будут увенчаны успехом, то русского полномочия не присовокупят к актам трактата, потому что в нем много неправды. Шведские уполномоченные согласились на то, чтобы русские уполномоченные употребили в переговорах все титулы великого князя, кроме титула «Лифляндский»; но с тем, однако, условием, что это не нанесет ущерба королю шведскому, если разведется, не заключив мира. Далее, относительно установления палаток, они согласились раскинуть их на другой день, коль скоро русские уполномоченные согласятся на предыдущие условия и коль скоро решено будет, кому первому говорить в начале переговоров (это их превосходительства и благородия с удовольствием уступили посредникам), сколько с каждой стороны быть войска у палаток (в этом они наперед соглашались с мнением русских) и в которой именно палатке вести переговоры; они не могли согласиться вести переговоры в русских палатках, но предлагали поставить палатки посредников и уполномоченных довольно близко друг от друга, чтобы, открыв палатки, находящиеся в них могли слышать друг друга. Все это было в тот же день сообщено русским главным уполномоченным, которые на другой день, то есть 1 января 1616 г. нового стиля, прислали письменный ответ, где они объявляли, что обязаны и непременно требуют произнести полностью все титулы,

чем Бог пожаловал их великого государя, в присутствии шведов, которые не должны воображать, что они, русские уполномоченные, могли бы согласиться в начале упомянуть о царе по краткому титулу; во время же самих переговоров, где будут упоминаться государи, они согласны на употребление с обеих сторон краткого титула; относительно палаток они настаивали на том, чтобы раскинут был шатер царский, в который и являться шведам для толкования о делах за столом царским; если же шведы захотят раскинуть свою палатку близ царского шатра, то они могут это сделать, с тем, однако, чтобы на переговоры они приходили к русским уполномоченным в шатер царский за царский стол. Посредник же может раскинуть свою палатку и сидеть за собственным столом или за царским, все, однако, с тем, чтобы шведские уполномоченные сидели, как сказано выше; по другим пунктам, кажется, не было затруднений или если были, то весьма неважные. Русские уполномоченные, требуя называть великого князя большим титулом, основывались на том, что при совершении крестного целования, на которое откомандирован был свидетелем Томас Смит, в присутствии придворных дворян обеих сторон, назначенных поверенными уполномоченных, титул царя был произнесен пространно и что то же делалось на прежних съездах со шведами в Тевзине¹⁹ и других местах. Они прибавили, что на то имеют точные приказания, от которых им никак нельзя отступить. В подтверждение сказанного они ссылались на древние обычаи, по коим шведским уполномоченным надлежит явиться в палатку царскую и сидеть за столом царским. Английский посол отвечал им, что шведские уполномоченные упрекать будут его и нас, если русские уполномоченные станут вводить новшества, противные обычаям, существовавшим до настоящего времени между обеими нациями; но тем не менее они согласились на то, чтобы мы все вместе уговаривали как одну, так и другую сторону отступить по означенным пунктам. Шведы, узнав о предложениях русских, опять захотели уехать 2 января; но мы с английским послом удерживали их со дня на день, не переставая уговаривать то одну, то другую сторону и предлагать новые средства к достижению согласия. Шведы утверждали, что имеют приказания от короля не допускать употребления для великого князя титула «Лифляндский»; что им велено непременно прекратить переговоры, коль скоро русские будут настаивать на употреблении этого титула, и что им нельзя действовать противно таким приказаниям под угрозой смертной казни. Они ска-

зали, что, вероятно, русские уполномоченные сказали словесно титул «Лифляндский» при начале Тевзинского договора, но что о том нет следов в актах означенного трактата и что в.к. Василий Иванович Шуйский договором, заключенным в Выборге в 1609 году, отказался для себя, наследников и преемников своих от всех притязаний на Лифляндию и на какую-либо ее часть. Начиная с этого времени как помянутый великий князь, так и междуцарственное правление²⁰ и сын короля польского Владислав²¹ по избрании его великим князем российским воздерживались от употребления означенного титула, и предложение русских клонится лишь к тому, чтоб поднять снова споры, решенные торжественными договорами; относительно же палаток они объявили, что е.в. королю шведскому следует не менее чести, чем великому князю, и что он должен иметь для своих уполномоченных свою палатку и свой стол и что, кроме того, уверения русских уполномоченных, будто бы в Тевзине и других местах переговоры происходили в шатре великого князя, не соответствуют истине: это они могли немедленно подтвердить показаниями двух русских бояр, людей знающих, — Григория Федоровича Болкашина и Даниила Никитича Ворога, которые присутствовали при заключении Тевзинского трактата. Бояре эти показали, что в то время у каждой стороны была своя палатка, в которой и шли переговоры, но за одним и тем же столом, большая часть которого находилась в палатке русских уполномоченных. Они готовы были повторить и подтвердить сказанное в присутствии главных русских уполномоченных. Шведские уполномоченные опирались на то, что после на реке Плюссе, между Ивангородом и Гдовом, и реке Нарове, между городом Нарвой и Ивангородом, русские и шведы переговаривались, сидя каждый в своей палатке; но вместе с тем согласились, чтобы спор был решен посредниками, которым выслушать сперва одну, а потом другую сторону во избежание ссор по этому поводу. Мы с английским послом несколько раз делали представления русским; собравшись 5 января у них, мы старались уговорить их всеми средствами отступить от своих притязаний и, между прочим, предложили им довольствоваться позволением выговорить в начале переговоров все титулы великого князя и даже титул «Лифляндский», но не иначе, как обращая речь свою к посредникам и в отсутствие шведских уполномоченных. Они согласились только на то, чтобы посредники, заседаая в собственной своей палатке, открыли собрание и говорили первые; во всем же остальном настаивали на своем и

говорили, что в переговорах, которые в то же время велись под Смоленском²², русские уполномоченные высказали все титулы великого князя, в том числе и «Лифляндский»; они прибавили, что под Смоленском уже условились и согласились на 6 или 7 пунктов, о чем просили нас уведомить шведов, и настаивали на том, чтобы мы уговорили их согласиться на требования русских во всем следовать прежним обычаям, обещая лишь однажды, в начале переговоров, употребить титул «Лифляндский», а потом воздержаться от него в течение всех переговоров. Нас в тот же день угощали обедом у дворянина Алексея Ивановича Зюзина вместе с английским послом и русскими уполномоченными. Около 10 часов дня прибыли к нам бояре, которые просили нас немедленно пожаловать в стан главных русских уполномоченных, куда уже отправился князь Иван Ульянович (так называли они английского посла) и где был приготовлен для нас обед. Мы поехали к ним точно так же, как и в первый раз, то есть отчасти в санях, занятых у шведов, отчасти в своих собственных. Обед был пышный и состоял по их обычаю из множества блюд, которые подавались одно за другим. Напитки были: рассол, хлебное вино, мед разных сортов, пиво и испанское вино. Во главе стола сидели князь Данило Иванович и английский посол, по одной стороне стола сидели прочие русские уполномоченные, а мы против них. Алексей Иванович, который давал обед, стоял у своего места, чтоб угощать гостей, а потом вперемежку сидело множество русских бояр, англичан и лиц из нашей свиты. У них существует обычай, по которому все сидящие за столом должны встать, когда пьет важная особа. Под конец обеда князь Данило предложил выпить за здоровье царя и великого князя и приказал всем встать и отойти от стола. Он один стоя остался у стола, произнес имя царя со всеми его титулами и выпил за его здоровье; после того подозвал английского посла, подал ему кубок, а потом позвал нас каждого по имени и подал также кубок одному за другим...

Вскоре приготовлено было ровное место на снегу, на расстоянии полувыстрела от квартиры посла. Прямо против фасада означенной квартиры поставлена была поперек палатка посредников, обращенная отверстием к дому. Против этой палатки поставлены были в длину палатки обеих договаривающихся сторон, одна возле другой, обращенные к своим квартирам. Стол был поставлен одним концом в палатку посредников, а другим концом в палатку уполномоченных, как сказано выше. Положено было собраться в 3 часа дня, что соответствовало почти 11 часам утра.

Мы собрались в известный час у английского посла, но было уже за полдень, когда мы получили известие об уполномоченных. Русские сначала дали знать, что едут, и просили уведомить о том шведских уполномоченных, после того присылали с тем же самым поручением еще 5 или 6 дворян одного за другим, по мере своего приближения. Первыми прибыли шведские уполномоченные и оставались на лошадях до приезда русских. Помолвившись Богу и испросив благословения его на успех дела, обе партии заняли места свои за столом одна против другой. Приказано было открыть перегородки палаток, потому что до этого времени противники не видели друг друга. Они пожали руки друг другу, посредникам и снова сели; старший член каждой комиссии занял то место, которое ближе было к палатке посредников. Английский посол сел по правую руку от нас.

Посол начал говорить первый на английском языке (тут были два переводчика, которые немедленно переводили слова его один на русский, а другой на немецкий языки) и сказал вкратце, что он послан светлейшим и державнейшим королем английским для восстановления мира между обоими враждующими великими государями, что он готов этому посвятить все свои усилия, увещевал уполномоченных поступать в этом деле с умеренностью и кротостью и употребить все средства, которые могут чем-нибудь способствовать утверждению общего мира. Он едва успел кончить речь, как князь Данило Иванович Мезецкий и товарищи его встали и князь начал произносить имя и титулы великого царя и великого князя Михаила Федоровича (посредники и шведские уполномоченные равным образом встали и остались с непокрытыми головами). Произнося имя и титулы царя, князь Данило Иванович стоял лицом к посредникам, но потом, окончив титулы, он обратился к шведским уполномоченным: «Вы, главные уполномоченные Густава Адольфа, короля шведов, готфов и вендов...» Шведы, услышав это, остановили его и заявили, что русские не соблюдают поставленных условий, распростились в кратких словах с посредниками, опустили перегородку своей палатки и сели на лошадей, с тем чтобы удалиться.

Мы, со своей стороны, упрекнули посла за то, что, нарушив обещание, в своем вступлении не упомянул ни о в.д.в., ни о нас. Однако, отложив наши упреки, мы поспешили вместе с послом побудить шведов сойти с лошадей и остаться, пока посредники успеют переговорить с русскими и найти средства исправить сделанную ошибку.

Русские извинились лишь тем, что им невозможно преступить приказаний их государя, но согласились, однако, возвратиться в собрание и поблагодарили е.в. короля английского и в.д.в. за то, что отправили послов своих, а нас, посланных, за то, что мы приняли на себя труд содействовать восстановлению мира между царем и королем шведским; вместе с тем просили нас продолжать те старания и усилия, которые мы до сего времени употребили в этом деле. Шведы требовали настоятельно, чтобы русские в благодарственной речи (которой, по справедливости, после произнесения титула великого князя они должны были бы начать) произнесли бы снова титул великого князя, на что русские никак не соглашались, поскольку, по их словам, произнося имя и титулы великого князя, они обращались не к шведским уполномоченным, а к посредникам. Шведы довольствовались этим и поблагодарили сначала е.в. короля английского и в.д.в., а потом нас, называя каждого по имени и по титулу; потом просили посланников продолжать старания свои и торжественно объявили, что они не потерпят — если безуспешно завершится съезд, — чтобы то, что они услышали от русских, или то, что было или будет сделано вперед, послужило бы в ущерб королю их; что в таком случае обе стороны должны остаться в настоящем их положении; что они подтверждают заявленный ими перед посредниками протест; что только по желанию последних они пошли на разные уступки, на которые иначе никогда бы не согласились. Затем русские уполномоченные рассказали содержание их полномочия, объявили, что они посланы для переговоров с главными уполномоченными короля шведского о мире, просили английского посла и нас общими силами представить королю шведскому все зло, причиненное им е.ц.в. и государству русскому, и склонить его возвратить все города и крепости, взятые им у русских, со всеми орудиями, колоколами и другими вещами вывезенными; затем уговорить возместить собранные доходы царские и забранные у народа деньги. Требования эти были отчасти прочтены русскими уполномоченными по свитку, а отчасти высказаны наизусть, так что каждый уполномоченный, с первого до последнего, высказал свою часть. Князь Данило Иванович хотел прибавить еще кое-что, но английский посол просил его отложить до другого дня. Затем первая конференция разошлась, чтобы всем сойтись снова на следующий день к 11 часам...

Когда 14 января посредники и уполномоченные обеих

сторон собрались и сели в палатках своих тем же порядком, как накануне, граф Яков Делагарди начал говорить от имени всех шведских уполномоченных, назвал их всех по имени и по титулам, именуя, между прочим, Арфу Тонисена наместником Выборгским, карельским и лагеманом Карельского округа, и просил русских уполномоченных окончить речь, начатую ими накануне. Русские без споров и претензий обратили речь свою к шведам и объявили им, что накануне, произнося имя и титулы их царя и великого князя Михаила Федоровича, самодержца всероссийского, они обращались к ним [шведам], чего шведы признать не хотели. Обе партии повторили это друг другу по нескольку раз; но наконец мы заставили русских сознаться сначала двусмысленными, а потом ясными и понятными словами, что они накануне обратили речь свою не к шведским уполномоченным, а к посредникам. Затем русские уполномоченные начали грубо спрашивать шведов: имеют ли они поручение возвратить царю и великому князю Михаилу Федоровичу города и крепости, отнятые ими у Русского государства несправедливым образом и противно вечному союзу? Имеют ли они поручение возвратить также орудия и военные припасы, находившиеся в означенных городах и крепостях в то время, когда шведы заняли их, и все доходы царские, забранные ими, как и отобранные у духовенства, дворянства, мещанства и прочих жителей деньги, и вознаградить за издержки войны? На это шведы начали пространно выводить причины, которые вовлекли короля в эту войну, и сказали, что в.к. Василий Иванович Шуйский, осажденный в Москве поляками, литовцами и русскими, приверженцами Лжедмитрия, обратился к блаженной памяти Карлу IX, королю шведов, прося через родственника своего князя Михайла Шуйского²³ помощи короля; и что Карл IX, невзирая на возможные выгоды от войны, которую он тогда вел с Польшей в Лифляндии, поскольку поляки обратили большую часть своих сил против России, в уважение вышеозначенной просьбы отправил уполномоченных своих в Выборг, и они с уполномоченными царя Василия Ивановича условились в 1609 году, что е.в. король пошлет царю на помощь 2000 хорошо снаряженных рейтаров и 3000 пехоты на счет царя, а царь, в свою очередь, обязан на содержание помянутого войска вносить ежемесячно 32 000 рублей или 100 000 талеров; если же царь замедлит с уплатой, то он обязывался заплатить двойную сумму за остальные месяцы, когда войско прибудет в Москву. Сверх того через два месяца

после вступления войска в пределы России крепость Кексгольм и округ ее в знак признательности и благодарности за оказанную помощь и в вознаграждение за издержки похода вспомогательного войска уступались королю Карлу и Шведской короне в вечное потомственное владение. Вследствие чего граф Яков Делагарди был отправлен королем в качестве главного военачальника с 5000 хорошо снаряженными шведскими, финляндскими и иностранными рейтарами и солдатами. При слухе о приближении означенного войска крепости Кексгольм и Новгород, которые до того времени держали сторону Лжедмитрия, сдались царю Василию Ивановичу. Когда граф Делагарди достиг Новгорода, то и Порхов последовал примеру Кексгольма и Новгорода. Поляки, которые числом до 2000 человек под начальством полковника Капнацинского находились в Старой Русе, отступили, услышав о приближении шведского войска, благодаря чему город с окрестностями поступил во власть великого князя; вскоре за сим фельдмаршал Эверт Горн, посланный на разведку, обратил в бегство 3000 поляков, осаждавших Торжок под предводительством полковника Зборовского, и освободил тем город. Шведское войско и русские под начальством помянутого князя Михаила продвигались вперед, встретились в открытом поле с поляками под Тверью и разбили их; 3 дня спустя шведский полководец, вопреки совету князя Михаила, преследовал неприятеля и довершил победу. Несмотря на то что часть войска, которое граф Делагарди привел в Россию, отправлена была обратно в Швецию, потому что русские не только постыдным образом бежали и оставили шведов, но и ограбили их обозы и имущество, он все-таки, желая сколько возможно исполнить волю короля, отправился в Колязин, где стоял лагерем князь Михаил Шуйский, вместе с ним двинулся к Александровой слободе и с помощью Бога заставил поляков, у которых было в поле 18 000-ое войско, не только оставить поле сражения, но изгнал их из городов, крепостей и монастырей, наконец, заставил снять осаду Москвы в то время, когда у них было больше всего надежды овладеть столицей. Из всего сказанного явствует, что со стороны шведов Выборгский договор исполнен был точно; русские же, напротив, не заплатили даже третьей части того, что в силу сего договора им следовало заплатить войску, как видно из данных и полученных квитанций и реверсов. Далее, граф Яков Делагарди только через полтора года после назначенного срока смог добиться от великого князя

приказных грамот, по коим крепость Кексгольм должна была быть сдана королю шведскому. Сдача крепости не была совершена; укрепительные грамоты не были выданы, как не было выполнено русскими условие, заключенное великим князем с военачальником шведским, по которому царь обещал, если вспомогательное войско Делагарди будет больше, чем обещано, наградить короля шведского за такую помощь еще большим числом городов и крепостей; что после сего граф Яков Делагарди с войском своим и князем Даниилом Шуйским, полководцем русским, снова отправился из Москвы, чтобы освободить Смоленск и все государство от поляков, литовцев и русских мятежников; в этот поход прибыло на помощь великому князю еще вспомогательное войско в 3000 человек, присланных королем под начальством фельдмаршала Эверта Горна. Войско это начало роптать и требовать платы, угрожая, если не последует удовлетворения, взять сторону недовольных. По несвоевременной просьбе русского полководца освободить воеводу Григория Валуева, который безрассудным образом подвергнул себя опасности — с 5000-ным войском попасть в плен к полякам или умереть с голоду, — граф Яков Делагарди и Горн не вовремя пустились в поход, не успев усмирить недовольных и уговорить их к покорности. Когда Делагарди дошел до Клушина с войском, совершившим 8-мильный переход, вся неприятельская сила нагрянула на них. Граф Делагарди и Горн лично несколько раз атаковали с конницей неприятеля и, вероятно, одержали бы верх, если бы русские, пользуясь удобным временем и случаем; со своей стороны пошли в атаку. Но наемное, недовольное войско, видя, что русские обращаются в бегство, воспользовались этим обстоятельством, чтобы перейти целыми ротами со знаменами к неприятелю. Один полк немецкой пехоты, в котором были подполковник Конрад Линк и несколько французских капитанов, вступили в переговоры и объяснения с поляками, и когда Делагарди и Горн снова атаковали с конницей, которая осталась им верна, они силой и заряженными ружьями стали удерживать шведских полководцев от стычки с неприятелем, принудили их вступить в сношения с польским полковником Жолкевским и утвердить заключенную с ним капитуляцию, оговаривавшую, что он, Делагарди, с войском, которое захочет с ним идти, может выступить из России куда ему угодно. Он с конницей из 300 человек, оставшихся у него, отправился в Новгород, чтобы в этом городе несколько отдохнуть, пока не получит из Лифляндии и Финляндии новых сил, с которыми он мог

бы снова служить великому князю, надеясь притом на благодарность за благодеяния и помощь, оказанные новгородцам шведскими войсками. Новгородцы же, узнав о приближении Делагарди, послали к нему навстречу гонцов и велели сказать, что его и войско его знать не хотят, что они его будут потчевать лишь порохом и пулями, и приказали ему, не подступая к Новгороду ближе чем на 10 миль, отправляться через Тихвин в Выборг. Они также остановили нескольких посланных короля к фельдмаршалу Делагарди и приказали жителям Нотебурга сделать то же, и действительно, в последнем городе задержано было несколько нарочных, имевших при себе письма и другие важные бумаги, между прочим, и несколько письменных договоров, заключенных между королем шведским и великим князем Василием Ивановичем; в Нотебурге было задержано имущество, принадлежащее полководцу и некоторым другим офицерам. Новгородцы взяли, кроме того, в плен несколько слуг графа Делагарди, которые пошли в Новгород купить разных необходимых для господина их вещей; они выслали также тайным образом казаков и стрельцов, чтобы нападать на шведских фуражиров и убивать их; между тем москвитяне изменили царю Василию Ивановичу, заключили его в монастырь, и со дня на день новгородцы начинали более и более колебаться в своей преданности. Срок, в который надлежало крепость Кексгольм передать королю шведскому, давно уже миновал, и русские, которым приказано было совершить передачу, затягивали время и собрали войско из более чем 300 человек, чтобы напасть на шведов, которые по договору должны были принять крепость. Полководец шведский, желая поддержать право короля на крепость и ее окрестности и предупредить позор, который лег бы на короля, если бы русским удалось коварным образом отстранить короля, осадил Кексгольм и хотел силой овладеть им. Во время этой осады он получил от наместника новгородского и товарищей его, а также и от воеводы Ивана Салтыкова, грамоту, в которой ему объявляли, что Новгород и все другие русские земли избрали государем Владислава, сына короля польского, который, а также как и весь русский народ, вовсе не был намерен хранить и исполнять договор, заключенный между царем Василием Ивановичем и королем шведским. Они поэтому требовали от шведского полководца оставить Кексгольм и русские пределы, объявив ему, что иначе они им покажут дорогу и проводят их до Финляндии с польским и русским войсками. Они уведомили его также, что послали лодки и войско вдоль Ладожского озера для

освобождения Кексгольма. Граф Делагарди двинулся после того с частью войска к Новгороду, чтобы из Нотебурга получить обратно людей, бумаги и имущество, задержанные несправедливым образом, и чтобы убедиться, чего король мог ожидать от русских. Между тем москвитяне, раскаяваясь в том, что избрали сына короля польского великим князем, осаждали поляков в самой Москве, а новгородцы, изменив равным образом своим прежним убеждениям, вступили в переговоры с графом Делагарди, возвратили ему людей, бумаги и большую часть имущества, которые задержали в Нотебурге; боярин и сотник Василий Бутурлин, находясь в Новгороде с поручением русских думных дворян, собранных в лагере под Москвой, вступил с шведским полководцем в переговоры о вспомогательном войске на том основании, что королю шведскому вместо уплаты денег войску дана будет в залог крепость Нотебург. Король, узнав о сем, написал к русским думным дворянам, расположенным под Москвой, увещевал их, между прочим, остерегаться обманов поляков и папистов, советовал им договориться между собой и избрать из среды своей великого князя, который был бы достоин сего звания и был бы намерен хранить договоры, заключенные между обеими державами; помянутый полководец сообщил Бутурлину содержание письма короля к думным дворянам; Бутурлин, посоветовавшись с новгородцами — уверил шведского предводителя, что думные русские дворяне, убедившись на опыте, что им не удалось удачно выбрать царя из своей среды, и не зная никого из своих, кто был бы способен управлять ими, ничего не желают более, как избрать в цари и повелители одного из сыновей короля Карла IX, то есть ныне царствующего короля Густава Адольфа или младшего брата его величества. Вместе с сим Бутурлин повторил просьбу о помощи. Тут предложены были некоторые условия и посланы гонцы к русским думным дворянам, стоявшим лагерем под Москвой, и Бутурлин уверил, что через 14 дней последуют на предложения эти требуемые подробные объяснения; но вместо того посланные целых два месяца не возвращались. В то время заключено было перемирие между предводителем графом Делагарди, с одной стороны, и Бутурлиным и новгородцами — с другой, на честном слове и на условиях, которых русские, однако, не исполнили, так как они не пропускали шведские суда, которые с провиантом хотели идти мимо Ладоги в лагерь под Кексгольмом, а когда шведы старались добывать себе продовольствие, то высланные тайным образом из Новгорода казаки и стрельцы их или уби-

вали, или приводили пленными в город и там подвергали наказанию розгами и другим истязаниям. Шведский полководец, узнав о таких поступках и заметив, что его со дня на день обманывают тщетными, неисполнимыми предложениями и что новгородцы надеются продержат и провести его до того времени, когда бóльшая часть войска его погибнет от голода и других бедствий и тогда напасть на него или заставить его со стыдом отступить, решился вместе с покойным ныне фельдмаршалом²⁴ и другими офицерами взять город приступом, чем неоднократно угрожал прежде; но на его угрозы не обращали внимания, не опасаясь малочисленного шведского войска, которое тем не менее взяло приступом город и овладело одной стороною его. Стольник же Бутурлин с казаками и стрельцами перешел через мост на другую сторону города и грабил, сколько мог в это время, а затем пустился в бегство. Те же, которые были в замке — митрополит, князь Иван Одоевский и прочие лица светского и духовного звания, — выслали депутатов и добровольно заключили со шведами условие, по коему новгородцы обязались признать короля Карла и преемников его, королей шведских, покровителями всего Русского государства, а от имени его царем и великим князем российским одного из сыновей его величества, так как уже предложено было Бутурлиным. Затем король шведский занял ради выгод избранного при содействии русских великого князя Нотебург и Ладогу. Так как Новгород, Ям, Копорье, Гдов и все Псковское господство признали Лжедмитрия и избрали его великим князем, то король почел необходимым занять означенные города, чтобы они не попали в руки поляков, неприятелей его, и чтобы сохранить и поддержать права того из своих сыновей, которого не только новгородцы, но и московитяне, владимирцы и думные дворяне других русских земель, собранные в Ярославле, вторично решились избрать своим царем и великим князем. По желанию означенных сословий новгородцы отправили значительное посольство в Швецию и просили, чтобы светлейший князь и государь Карл Филипп, младший брат ныне царствующего короля, дан был Русскому государству в цари и великие князья. Принц Карл отправился с княжеской блестящей свитой, не без больших издержек, в Выборг, чтобы с уполномоченными помянутых сословий принять условия и приступить к предварительным распоряжениям. Из-за того, что никто не явился, кроме одного посланного новгородского, который к тому же не имел никаких полномочий о чем-либо трактовать, и поскольку до приезда его высочества Тихвинский монастырь

и крепость Гдов вопреки данной русскими клятве отпали от его княжеской милости, а также потому, что наконец шведы узнали, что новгородские князья и бояре, забыв присягу, бежали и разорили весь край и что москвитяне, отбив у поляков Москву, избрали великим князем Михаила Федоровича, его высочество почел за благо не заниматься более делами Русского государства и предоставил любезному своему брату неоспоримое право на Русское государство, в особенности же на господство Новгородское, равно и право искать удовлетворения за нанесенное ему оскорбление. Граф Делагарди кончил речь свою требованием, чтобы русские привели в исполнение означенный законный выбор.

Русские уполномоченные, услышав, что шведы упомянули о выборе герцога Карла Филиппа царем и великим князем России, благодаря чему будто бы король шведский приобрел право на Русское государство, сказали, что об этом выборе и слышать не хотят и что им кажется странным, что посредники могут слушать такие речи, поскольку государи и повелители их признали и признают Михаила Федоровича царем и великим князем российским. Из этого произошли споры и прения, которые заняли всю остальную часть дня.

Погода была так холодна, что не было возможности оставаться в палатках; к тому же некоторые рейтары сильно страдали от мороза; поэтому положено было впредь собираться в квартире английского посла, и вместо 300 рейтаров и пеших солдат, с которыми выезжали главные уполномоченные в этот день и накануне, положено было им иметь при себе только 50 человек конных и 50 человек пеших.

15 января шведские и русские уполномоченные собрались на квартире английского посла. Русские в присутствии посредников начали говорить первые и спросили шведов, какое им дано поручение касательно возвращения городов и крепостей, неправдой отнятых у русских. Шведы возразили, что, хотя русские уполномоченные не хотели в прошедшем собрании ответить на предложение их относительно выбора одного из сыновей короля Карла IX царем и великим князем российским, тем не менее выбор этот имеет законную силу и они твердо усвоить должны, что король шведский не отступит от требования своего, если ему не будет дано другое какое-либо удовлетворение. Русские повторили сказанное ими накануне и прибавили, что они были посланы для переговоров не о выборе принца Карла Филиппа, а о возвращении городов и крепостей, неправым образом отнятых шведами у русских, и о возобновлении мира и согласия между царем и королем шведским;

с этой же целью и посредники отправлены были их государствами-повелителями. При этом возникли споры и прения между князем Данило Ивановичем Мезецким и графом Яковом Делагарди из-за того, что князь Данило назвал графа просто Яковом Понтусом, без всякого титула, а граф, со своей стороны, называл князя просто Данило Ивановичем. Чтобы окончить спор этот и снова заняться главным делом, английский посол решил иметь дело с обеими партиями порознь и просил их объявить условия, на которых они согласны заключить мир. От русских нельзя было добиться, чтобы они назначили сумму денег или другое удовлетворение, которое можно было бы предложить шведам взамен их претензий и за возвращение ими городов и крепостей, хотя мы настойчиво объясняли, что король не оставит притязания свои и не возвратит города и крепости, не получив взамен денег или другого какого-либо вознаграждения. Они просили посредников уговорить шведских уполномоченных не упоминать более об избрании герцога Карла Филиппа и сообщить, какие поручения им даны касательно возвращения отнятого ими у русских. Посредники говорили со шведами отдельно, и последние повторили сказанное выше*.

17 января, до прибытия шведских уполномоченных, русские предъявили нам два письма, полученных ими от царя. В одном из них было сказано, что русские два раза поразили отряд Лисовского, взяли 300 человек в плен и царь приказал принести Богу благодарственное молебствие. В другом письме находилось известие о начале переговоров между русскими и поляками под Смоленском и о том, что царь не желает заключить окончательного договора с поляками, не получив сначала известия о том, как окончатся переговоры со шведами. Русские уполномоченные внушили нам, что дела шведов пойдут хуже, если царь помирится с поляками, и просили сообщить это шведским уполномоченным и предостеречь их...

Когда посредники увидели, что от личных сношений и толков между обеими партиями дело не идет лучше, то они по возможности решились пресечь эти прямые сношения и достигли наконец того, что обе партии согласились на другой день к 9 часам передать письменные условия, на которых каждая из них готова заключить мир. Посредникам предложено было рассмотреть эти письменные объ-

* Опущен в публикации 1868 г. материал о переговорах посредников со шведскими уполномоченными.

явления, поступать вперед, как им, для успешного окончания дела, заблагорассудится*.

Посредники нашли, что из-за характера этих документов их невозможно сообщить спорящим сторонам без явного вреда, и поэтому старались получить дальнейшие объяснения и уговорили наконец обе стороны объявить 21 числа около полудня последние и решительные условия, заключенные в данных им поручениях. Русские были готовы лишь к вечеру. Медлительность русских, как и их просьбы не вести никаких переговоров до 19 числа, увеличили подозрение шведов, которые были уверены, что русские не стараются и не хотят подвинуть вперед дела. Через день или два стали ясны намерения русских. Они хотели, чтобы посредники, узнав решительные ответы уполномоченных о том, как далеко простираются их поручения, были вынуждены писать к обоим государям прежде, чем приступить к окончанию.

25 января после многих трудов положено было, что обе стороны искренне и по доброй воле на другой день представят посредникам письменные условия, на которых им поручено мириться относительно возвращения крепостей и городов, денежных требований, не сообщая содержание этих документов одной партии без предварительного на то согласия другой. Шведы представили четыре условия на выбор русским...

27 числа объявлено было русским уполномоченным, что их требования никак не могут быть приняты шведами и что посредники дали шведам надежду на более умеренные претензии; при этом посредники просили русских уполномоченных сделать предложения благоразумнее. Русские возразили, что данная им власть далее сказанного ими не простирается, и просили посредников, если их предложения не понравятся шведам, взять на себя труд уведомить царя о настоящем положении переговоров, уверяя, что они могут получить ответ от царя через 10 или 12 дней. Предложение это одобрено было английским послом. Мы решили, что для успеха дела следует рассмотреть все спорные пункты, расположить их по статьям с изложением мнений русских и шведских уполномоченных, а эти мнения должны быть утверждены их повелителями. Но русские возразили, что еще не время толковать об этом, и настаивали по-прежнему на том,

* В публикации 1868 г. опущены записки на немецком языке, поданные посредникам как русскими, так и шведскими уполномоченными «с взаимными претензиями».

чтобы посредники уговорили шведов возвратить все города и уменьшить денежные свои требования. Тогда шведский главный уполномоченный объявил: русские полномочные говорят, что им не дано никакой власти предлагать или обещать что-либо за города и крепости, коими король владеет в России, что посредники напишут к царю в Москву, изложат ему положение переговоров для того, чтобы они не пресекались, и что они на это письмо могут получить ответ через 10 или 12 дней. Секретарь английского посла за день или за два перед этим возвратился из Англии с письмами, и посол сказал, что он получил письмо от короля английского к царю, которое, может быть, побудит е.ц.в. предложить королю шведскому известную сумму денег или уступить несколько городов. Посол вместе с тем сказал нам, что король знает о нашем посольстве и что посредничество наше в переговорах ему весьма приятно. Предложение наше не понравилось шведам, которые весьма негодовали на то, что русские уполномоченные явились на переговоры со столь ограниченной властью. Они объявили, что их довольно долго уже продержали даром, что им невозможно остаться долее на переговорах, что они, со своей стороны, ничего более не могут сделать для успеха дела и что если посредники намерены писать к великому князю, то они будут ожидать ответа в Новгороде. От намерения уехать в Новгород не удалось отговорить их. Когда русские уполномоченные узнали, что шведские комиссары уезжают и что нельзя уговорить их остаться, чтобы выждать ответ царя из Москвы, то они убедительно просили нас уговорить шведов не уезжать, просить их вернуть все города и крепости и уменьшить денежное требование. Мы отвечали, что употребили все старания, чтобы удержать шведов, но они твердо намерены кроме требуемых денег оставить еще за собой несколько городов и крепостей. Русские сказали, что они все скорее отдадут шведам жизнь, чем хоть одну горсть земли.

29 числа мы пригласили шведских уполномоченных к себе и просили их отложить отъезд. Они представили нам все неудобства своего положения, недостаток во всех припасах, особенно же в корме для лошадей, и сказали, что по этим причинам им невозможно долее оставаться; они прибавили, что остались бы, пожертвовали бы всеми лошадьми, зарезали бы и съели их, если могли бы надеяться, что русские сделают какие-либо благоразумные предложения; они две или три недели будут ожидать в Новгороде ответа царя на письмо посредников...

Во время описанных выше переговоров несколько че-

ловец рейтаров и пеших перебежало со стороны шведов к русским; они стояли на карауле в квартире английского посла и соблазнены были на побег, что весьма огорчило шведских уполномоченных. В их войске обнаружили также признаки недовольствия по причине тяжелой стоянки в лагере. В ночь на последнее число января один из бежавших к русским отрезал кусок полотна от палатки короля шведского, которая стояла возле московской палатки у дома, занимаемого английским послом. Перебежчик взял это полотно с собой, за что сильно негодовали королевские уполномоченные.

31 января перед обедом, собравшись в квартиру посла, чтобы проститься с ним (шведы хотели ехать на другой день рано утром), они жаловались ему на случившееся хищение и объявили, что этим поступком нарушена была русскими клятва о безопасности уполномоченных и причинена великая обида не только королю шведскому, но и послу английского короля, перед домом и под покровительством которого палатки были поставлены и перед домом которого русские не гнушаются соблазнять шведских солдат делаться шельмами. Русские, как только узнали о случившемся, тотчас рано утром отправили к послу и к нам дворян своих, которые объявили, что главные уполномоченные царские ничего не знали об этих перебежчиках, что они прикажут отыскать их и выдать шведским уполномоченным. Это было обещано шведским уполномоченным с просьбой отложить отъезд до обеда следующего дня; а в этот срок им можно требовать выдачи перебежчиков, если они не будут еще выданы. Они согласились, и мы тотчас послали объявить об этом русским уполномоченным, прося их постараться отыскать и представить беглых. Нам ответили, что главные русские уполномоченные послали нарочного в Осташков, чтоб отыскать перебежчиков, и обещают, как только те будут пойманы, тотчас отправить их к шведам.

Посредники, уладив дело с перебежчиками, просили снова шведских уполномоченных не таить содержания своих инструкций, но объявить свои претензии и уступить что-нибудь из своих требований, после чего и русские сделают свои дальнейшие объявления. Шведы ответили, что ничего не утаивали и объявили свои условия, но полагают, что король не будет пренебрегать миром, если разница между денежными предложениями русских и требованиями короля будет не меньше 500 000 или 600 000 рейсталеров. Им было сказано, что царь не будет препятствовать уступке им Кексгольма и

что русские уполномоченные через два или три дня ожидают из Москвы полномочия, обширнее прежних; посредники просили шведов обождать до истечения этого срока, но они сказали, что не могут дожидаться два дня, потому что лошади и сани, на которых следовало отправить поклажу, уже прибыли и их задерживать нельзя за неимением корма, а по причине дальней дороги нельзя отослать назад и потом снова вытребовать их.

Посредниками предложено три условия, из которых одно должен был выбрать царь. Все условия были умереннее тех, которые объявили шведские уполномоченные посредникам; но когда условия эти сообщили шведам, то они дали понять, что, не испрашивая соизволения короля, заключили бы мир, если бы царь избрал одно из двух последних предложений²⁵.

Изложение означенных условий в виде проекта договора посредники утвердили 10 февраля и решили отправить на другой день к царю вместе с письмами, которые как английский посол, так и мы намерены были писать к царю. Это, однако, отложено было до 14 числа, так как 11 числа письма не были готовы, а 12 русские уполномоченные просили послать царю не весь проект, но только три предложения, касающиеся возвращения городов, говоря, что вовсе не нужно отсылать все в Москву, поскольку они полную имеют власть заключать трактат по всем прочим пунктам. Они повторили по порядку все пункты, как они поставлены в проекте. Они делали затруднения лишь по одному пункту: хотели утвердить из Выборгского договора только право шведов отправляться через Россию в Персию и Татарию, потому что это не оговаривалось в Тевзинском договоре. Относительно 12-го пункта они сказали, что так как царь более значит, чем король шведский, то послан последнего следует первыми приехать в Москву, чтобы присутствовать при утверждении царем мира крестным целованием, и что при отъезде шведских послов из Москвы царь отправит с ними своих послов присутствовать при присяге, которой король, со своей стороны, утвердит мир. Они сначала требовали, чтоб мы сообщили им содержание нашего письма к царю; письменно и словесно одобрив его, они просили нас также написать к царю, что мы об упоминаемых в письме важных делах сами от себя пишем также к королю шведскому, и назвать того, кого мы намерены отправить с письмом к королю. Мы не могли отказать им в этих требованиях, опасаясь появления новых затруднений, хотя мы очень хорошо поняли, что они это

делали для того только, чтобы извлечь из этого новые поводы к отлагательству. Мы назвали имя Андрея ван Вуве, который должен был ехать к королю с письмом, и прибавили в письме нашем к царю, что мы через нарочного дворянина пишем к королю шведскому об этих важных делах.

Копия с письма нашего к его величеству.

«Державнейший, могущественнейший государь и великий князь Михаил Федорович, самодержец всероссийский, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, владетель Пскова и великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и других, владетель и великий князь Новгородский, низовых земель, Чернигова, Рязанской, Ростовской, Ярославской, Белозерской, Лифляндской, Удорской, Обдорской, Кондинской и всей северной стороны, повелитель и владетель всей Иверийской, Карталинских и Грузинских царей, Черкесских и Горских князей и многих других владений повелитель и покровитель!

Мы всегда готовы к нижайшим услугам вашего царского величества, светлейший и могущественнейший царь и великий князь. Письмо в.ц.в., писанное к нам в прошедшем декабре месяце и посланное нам через Геррита ван дер Гейдена, мы здесь с должным почтением получили и с радостью усмотрели из него, равно из присылки нам толмача Павла Стерлинга, который усердно и верно нам служит, что в.ц.в. изволите продолжать милостивое расположение свое к повелителям нашим высоким и высокомогущественным господам Генеральным штатам Соединенных Нидерландов и к нам, посланникам их могуществ и вообще ко всем их подданным, и что в.ц.в. с благосклонностью приняли решение повелителей наших отправить нас для способствования заключению доброго, справедливого и правильного мира между в.ц.в. и королем шведским; из означенного письма видим, что в.ц.в. одобрили наше решение остаться в том месте, где съехались все главные уполномоченные обоих государей, чтобы мы могли присутствовать при переговорах и не упускать из виду того, что могло бы послужить успеху столь доброго дела и пользе и службе в.ц.в. Мы нижайше благодарим в.ц.в. за доброе расположение и за помянутые милостивые уверения и за милостивое внимание, которое в.ц.в. из уважения к нам угодно было оказать помянутому купцу Герриту ван дер Гейдену, отправленному нами к в.ц.в. Желая по возможности изъявить признательность нашу за таковые благодеяния и милости в.ц.в. и желая исполнить

возложенную на нас по приказанию господ Генеральных штатов Соединенных Нидерландов, повелителей наших, поручение, мы употребили все старания и усилия вместе с посланником его величества Иакова, короля Великобритании, Франции и Ирландии, господином Джоном Мериком, кавалером, с.к.в. камергером и советником, чтоб довести означенные переговоры до приятного и полезного для в.ц.в. окончания, но, к крайнему сожалению его превосходительства, который в сем деле весьма ревностно старался о выгодах в.ц.в., и к нашему великому прискорбию, все труды и старания наши по настоящее время не принесли желаемых плодов, поскольку главным уполномоченным обеих сторон были даны столь различающиеся поручения и полномочия, что невозможно было согласить одних с другими, и если бы посол Англии и мы не старались всячески уговорить главных уполномоченных короля шведского, то они тотчас же отправились бы назад по вышеупомянутым причинам и под предлогом, что весьма неудобно в настоящее время года и в опустошенном и разоренном месте продолжать собрание; таким образом, переговоры были бы прерваны и сведены на нет, что было бы весьма жаль. Но нам удалось уговорить их остаться с нами и с английским послом до будущего 15 февраля, чтобы мы в это время могли уведомить в.ц.в. о решительных условиях, на которых, по нашему мнению, король шведский может согласиться заключить мир с в.ц.в., и чтобы мы могли узнать, согласно ли в.ц.в. принять одно из трех предложений²⁶ (на которые как на крайние уступки шведские посланники могут согласиться по данным им полномочиям) с прочими условиями, содержащимися в документе, который будет передан в.ц.в. служителем английского посла и который запечатан его и нашими печатями, и на основании того заключить мир. На первый взгляд условия эти могут показаться тяжкими, но в.ц.в. в мудрости своей, без сомнения, не оставите без внимания следующие и многие другие уважительные причины и примите решение, необходимое для укрепления и сохранения государства. Во-первых, цари, короли и христианские князья получили от Бога власть свою для того, чтобы защищать и хранить в мире подданных своих, чтобы по возможности не допустить пролития крови христианской, чего достигнуть нельзя при продолжении войны. Владения шведского короля в России не могут быть отняты у него без военной силы, отчего земли и люди будут испытывать страдания, и почти все подданные простирают руки к в.ц.в., как боголюбивый отец митрополит, архимандриты, игумены и все духовные особы новго-

родские, так и бояре, оставшиеся в оном, гости и мещане, которые все от продолжительных войн погибнут. Торговля остановится, останутся невозделанными все земли, из которых царская казна добывает большие доходы. Во-вторых, заключением мира в.ц.в. приобретет другом короля, от которого впоследствии получите услуги и выгоды и чья дружба вернее, чем дружба других государей, признающих папу римского главой христианства и коих обещания и клятвы столь шатки, потому что папа присваивает себе власть освобождать и увольнять, сколько ему угодно, королей и государей, признающих верховную власть его, от данных ими клятв и обещаний. К тому же в.ц.в. и король шведский имеете общего и почти непримиримого врага, у которого, если нападут на него оба государя, будет меньше возможности вредить одному или другому. Город Псков, сохранение коего также весьма немаловажно для в.ц.в., освободится от нападения шведов; город этот, хотя и весьма хорошо укреплен, защищен и почти непобедим, но, однако, трудно спасти его, по крайней мере, беспрестанными нападениями и осадами он будет изнурен, доведен до бедности и лишен всякого промысла, что нанесет большой ущерб доходам в.ц.в.; заслуживает внимания и то обстоятельство, что в.ц.в. приобретет немалую силу и блеск внутри и вне государства, если вы, государь, в счастливое царствование приобретете снова столицу повсюду славящегося великого княжества Новгородского и уничтожите притязания шведского короля на государство Российское, в особенности же на великое княжество Новгородское. Кроме славы, которая заслуживает великого уважения в правлении, государство в.ц.в. (которое да умножит и укрепит Бог всемогущий) немало усилится от спокойного владения Новгородом. Не менее уважения заслуживает и то (мы надеемся, в.ц.в. одобрите это наше мнение), что успех войны, которая, как сказано выше, не может быть продолжена без великих издержек, всегда неверен и что войны не всегда оканчиваются так, как воображают государи, ведущие их. Потому государи, опытные в деле правления, справедливо полагали, что вернее откупиться от войны, если только возможно, не вредя явно своему достоинству, и выгоднее выручить требуемое посредством договора, чем употребить на то самые отчаянные средства. Это весьма хорошо постиг и исполнил на деле недавно умерший король французский Генрих IV, один из мудрейших и умнейших королей, носивших венец в наше и отцов наших время. Когда он наследовал французский престол, который от разных партий,

междоусобий и войн почти очутился в чужих руках, то король этот, утвердившись в государстве своем с помощью Божьей, предпочел посредством договора получить обратно от короля испанского несколько городов, несправедливо последним отнятых, и взамен отдать ему другие земли, принадлежащие Франции и королю Генриху, чем погружаться в издержки, которые неминуемо вела бы за собой война, и ожидать неверного окончания и успеха оной. И великий король Генрих в подобных случаях поступил таким образом не только с королем испанским, но и со многими собственными своими подданными, которые овладели различными областями, городами и крепостями; места эти он выкупил из рук их, обещая им значительные пенсии и другие награды; таковые обещания он свято хранил. Доставив таким образом государству своему спокойствие и благосостояние, он оставил его сыну в таком цветущем состоянии, как не многие из его предшественников могли это сделать. Мы просим от всего сердца Бога всемогущего, чтобы государство Российское под правлением в.ц.в. с увеличивающимся успехом процветало и чтобы Бог внушил в.ц.в., какие средства принять во имя блага государства вашего. Мы через дворянина и капитана барона Николая ван Бредероде, которого мы отправили к в.ц.в. с этим письмом, будем ожидать решительного мнения в.ц.в. относительно пересылаемых условий, нижайше прося доставить к нам ответ ранее 15 февраля, так как мы полагаем, что невозможно будет долее удержать здесь шведских уполномоченных или уговорить их продолжать переговоры. Долгое отлагательство без всякого успеха может также во многом повредить пользе в.ц.в., особенно в отношении Пскова, которому, как кажется, поляки угрожают осадой. Если же вовремя заключится мир, то можно весьма удобно снабдить город всем необходимым для того, чтобы остановить поляков.

Затем, светлейший державнейший царь и великий князь, мы нижайше повергаем себя на милость в.ц.в. и просим Бога всемогущего, да хранит он в.ц.в. во всяком царском благополучии.

Дано в Глебове, близ Дидерина, 31 января 1616 г., старого стиля».

Мы после того написали также письмо к королю шведскому и отправили... 18 февраля.

Когда означенный посланник отправлен был в Москву, то князь Данило Иванович Мезецкий, а потом и Николай Никитич Новоксенов пригласили всех посредников к обеду; от одного обеда отказались двое из нас, а от другого один,

потому что с половины января мы все были нездоровы и хворали; то один, то другой из нас не мог присутствовать на собраниях. На последнем обеде не подавали мяса, потому что это было в сырную неделю²⁷, когда русские мяса не употребляют, а после во весь пост они даже воздерживались от молочного. На обоих обедах под конец стола пили не только за здоровье е.ц.в., но и за здоровье е.в. короля английского и в.д.в. тем же порядком, как мы уже раз писали. Граф Делагарди также почтил посредников обедом, пока ожидали возвращения посланного в Москву.

16 февраля английский посол и русские полномочные дали нам знать, что е.ц.в. приказал освободить Яна Эвертса, купца из города Цволле, пойманного во Пскове, об освобождении которого мы просили уполномоченных 20 января. Мы поблагодарили е.ц.в. за эту милость, а уполномоченных за извещение и просили их немедленно приказать исполнить повеление царское, что и было ими нам обещано.

Шведы начали опять говорить, что они по просьбе посредников ждали до того времени, в которое можно было надеяться получить ответ от царя из Москвы, ждали даже долее назначенного дня; следовательно, исполнив желание посредников, они имеют право уехать...

1 марта утром английский посол дал знать шведским уполномоченным и нам, что получил письмо от царя из Москвы. Он вкратце изложил нам содержание этого письма, а в тот же день перед обедом сообщил нам его обстоятельнее в присутствии русских уполномоченных. Содержание письма следующее. Секретарь посла и капитан Николай ван Бредероде прибыли в Москву 21 февраля нового стиля, и хотя великие князья имеют обыкновение в первую неделю поста никакими делами не заниматься и, кроме приближенных, к себе никого не допускают, но, однако, е.ц.в., желая показать стремление свое к миру, приказал 23 февраля допустить к узрению светлых очей своих отправленных к нему послом и нами. Он принял и прочитал принесенные ими письма. Е.ц.в. намерен был немедленно отправить назад наших посланных и ни на один час не откладывать их возвращения, и потому в письме своем просил посла переговорить с нами и вместе с ним убедить шведских уполномоченных дожидаться возвращения наших посланных. Посол прибавил, что вестник, принесший письмо это, выехал из Москвы в ночь с 23 на 24 февраля, и князь Данило Иванович присовокупил, что он уверен в том, что наши посланные отправлены были из Москвы 25 числа до восхода солнца и придут к нам

4 и никак не позже 6 марта. Но после обеда, когда обо всем этом было объявлено шведским уполномоченным и посол, чтобы придать более силы словам своим, взял в руки письмо царя, показал и прочитал им место, где было написано то, что он им сообщил, граф Делагарди и переводчик короля заметили, что содержание письма отличается от сообщенного нам и королевским шведским уполномоченным, что царь допустил к светлым очам своим наших посланных, принял и перечитал письма наши, но намерен был посоветоваться об их содержании со своим советом и боярами, а потом ни на один час не удерживал наших посланных. Затем мы и шведские уполномоченные просили, чтобы нам было отдано это письмо на рассмотрение; но предложение это не понравилось послу, и он прибавил, что словам его следует верить. Он повторил, что письмо содержит действительно то, что он нам говорил, и просил шведских уполномоченных дожидаться возвращения посланных. Они отговаривались прежними доводами и сослались на те места из письма, которые могли привести в подкрепление своего намерения. Шведы снова поблагодарили посредников и хотели проститься, чтобы ехать на другой день, но посол не соглашался, говоря, что он надеется в скором времени получить еще другие письма из Москвы. Русским уполномоченным дано было знать, что шведы хотят ехать на другой день в обед. Они 2 марта пришли к посредникам, и, хотя посол сказал нам, что, рассмотрев повнимательнее письмо царя, он нашел, что граф Делагарди и переводчик Брекель правильно поняли содержание письма, русские уполномоченные утверждали, что наши посланные выехали из Москвы в прошедшее воскресенье и они послали к ним навстречу вестника, чтобы поторопить их. Они опять просили нас остановить шведских уполномоченных; когда же им снова объявили, что истощены были все средства удержать их, то они требовали, чтобы посредники (в случае, если никак нельзя будет уговорить шведов остаться) предложили им перемирие на такой срок, на какой посредникам заблагорассудится. Они предложили следующие условия перемирия. В течение этого года назначить другой съезд, на который обоим государям отправить посланников с достаточными полномочиями и властью. Посланникам английского короля и нидерландских Генеральных штатов по-прежнему быть посредниками. На этом съезде рассуждать и вести переговоры о мире христианства и о наследственных владениях царя, находящихся в руках шведов, сообразно с данными

уполномоченным обеих сторон поручениями. Все военные действия должны быть прекращены до определения срока собрания. Войско короля во время перемирия не должно разрушать церквей и монастырей в Новгороде Великом и других царских городах, занятых шведами, не умерщвлять и не грабить жителей, не увозить ни митрополита Исидора, ни боярина князя Ивана Никитича Одоевского, ни других жителей вообще, не вывозить ни колоколов, ни пушек. Русские просили также, чтобы по заключении перемирия один из нас отправился в Москву с английским послом. Но мы от этого путешествия отказались, говоря, что никому из нас нельзя отделиться от двух прочих. Тогда они предложили всем нам ехать в Москву. Мы ответили, что охотно на то соглашаемся, если посол английский отправится, в свою очередь, к королю шведскому. Это предложение наше весьма хорошо было принято русскими уполномоченными, и они старались уговорить посла ехать в Швецию, но он просил их о том более не говорить. В тот же день посредники посетили шведов на их квартире, и когда никак уже нельзя было уговорить их дожидаться ответа царя на письмо посредников, то им предложены были перемирие и условия, которых требовали русские. Шведы возразили, что на заключение перемирия власти не имеют, но наконец согласились на простое перемирие, без всяких других условий, по которому в продолжение трех месяцев должны быть прекращены все неприятельские действия, и изъявили при этом надежду, что посредники уговорят обоих государей в продолжение этого срока заключить окончательно мир. Относительно требования не разрушать церквей и монастырей, не увозить жителей и не вывозить колоколов и пушек они сказали, что король в городах, которые занимает в России, будет пользоваться вполне правами своими, не допуская, чтобы кто-либо ставил ему в этом условия, и что он вовсе не намерен принимать приказаний или условий от русских. Граф Делагарди выразил надежду, что посредники верят, что он с новгородцами будет поступать, как следует честному и благородному человеку, и что он никаких новых действий предпринимать не станет, если его не вынудят к этому. Он присовокупил, впрочем, что вовсе не желает, чтобы из последних слов его кто-либо мог вывести какое-нибудь право или на том основывать какой-либо иск или требование. Делагарди согласился остаться весь следующий день, чтобы заключить предполагаемое перемирие и чтобы русские полномочные дали для лошадей, которые должны

были повезти нашу поклажу, 6 или 7 возов сена и за деньги уступили бы королевским солдатам хлеб, за что он хотел выслать им свежей рыбы из Новгорода. Русские согласились дать сена, а в хлебе отказали.

3 марта перед обедом русские уполномоченные просили еще о заключении перемирия на предложенных ими условиях; особенно же просили заключить его на 4 месяца и уполномоченным опять собраться в Дидерине. Но так как этого никак нельзя было устроить, то они согласились назначить съезд между Ладогой и Тихвином. Мы поблагодарили русских уполномоченных за хлеб, соль и все продовольствия и напитки, которыми они снабжали нас, равно и за корм для лошадей. Потом мы с ними простились. Они радушно отвечали нам, пообещали многое на время, когда заключится мир, и просили нас продолжать услуги наши царю. Еще они просили нас уговорить короля уменьшить требуемую его уполномоченными сумму денег и не таить зла, если в продолжение переговоров им случилось сказать что-либо для нас неприятное. Шведов вторично старались склонить принять предложенные в перемирии условия, но они настаивали на том, чтобы русские в этот же день написали и подписали проект. Шведы хотели ехать в следующую ночь. После обеда мы дружески простились с английским послом. Он сказал нам, что через нарочных будет сообщать все, что узнает и что сможет послужить успеху переговоров, и употребит все возможные старания у царя, чтобы довести дело до желаемого окончания. Он просил нас с нашей стороны употребить старание у короля и написать к нему, что узнаем по этому делу, что мы и обещали. После того мы подписали с его превосходительством акт протестования* шведских уполномоченных.

Дела были в таком положении, когда шведские уполномоченные просили нас быть готовыми к отъезду до наступления дня. Затем мы написали к царю следующее письмо и вручили его переводчику царя Павлу Стерлингу:
«Светлейший, державнейший и проч.!

Мы всегда нижайше готовы к услугам в.ц.в., светлейший и могущественный государь и великий князь! Последнего числа января сего года мы все нижайше уведомили в.ц.в. об обстоятельствах переговоров, начатых в Дидерине между великими уполномоченными в.ц.в. и могущественнейшего

* Этот документ (на лат. яз.), о котором выше неоднократно упомянуто, в публикации 1868 г. опущен.

короля шведского. Уведомили также, что светлейшего и могущественного государя и повелителя Иакова, короля Великобритании, Франции и Ирландии посол высокоблагородный господин Джон Мерик, кавалер е.к.в., камергер и советник, и мы с большим трудом убедили шведских уполномоченных остаться до 15 числа текущего месяца, чтобы мы могли между тем уведомить в.ц.в. о решительных условиях, на которых, по нашему мнению, король шведский согласится заключить мир с в.ц.в. Так как на конференции, которую впоследствии посол английский и мы имели с уполномоченными в.ц.в., мы узнали, что последние имеют полную власть благоразумно удовлетворить шведов во всех пунктах, истекающих из Тевзинского и Выборгского договоров, и в других пунктах, то посол и мы почли излишним утруждать в.ц.в. означенными пунктами и довольствовались сообщением в.ц.в. трех предложений относительно возвращения городов и крепостей, занятых шведами, о коих не упомянуто в Выборгском договоре. Мы нижайше просили, чтобы в.ц.в. угодно было к вышеозначенному сроку объявить нам решение по упомянутым трем пунктам, дабы губительная война могла быть прекращена и мог быть заключен добрый мир между в.ц.в. и королем шведским. Мы на письмо это до настоящего времени ответа не получили, но узнали, однако, 20 числа сего месяца от посла английского, вышеупомянутого господина Джона Мерика, кавалера, что в.ц.в. всемилостивейше изволил допустить к себе посланного к в.ц.в. с нашими и его превосходительства письмами в среду Федоровой недели, несмотря на то что в эту неделю в.ц.в. не имеет обыкновения допускать кого-либо к себе, кроме приближенных, и что в.ц.в., рассмотрев означенные письма в совете своем, намерены были ни на один час не задерживать посланного нами к в.ц.в. Помянутый господин посол и мы в тот же день объявили о том шведским уполномоченным и настоятельно просили их обождать ответа в.ц.в. на письма английского посла и наши, но они отказались под предлогом, что для их короля обидно, что в столь важном деле, как заключение мира между великими государями, не соблюдаются сроки, назначенные для исполнения тех или других дел и для доставления ожидаемых ответов. Они прибавили еще, что так как они запаслись продовольствием для людей и лошадей не более как до 15 февраля, то им нельзя оставаться без опасения попасть в великие бедствия, могущие произойти от недостатка в припасах. Но, несмотря на то, г. послу и нам

удалось продержать их до сегодняшнего числа в надежде, что придёт ответ в.ц.в. Между тем предложено было отложить переговоры до другого времени, а до тех пор заключить перемирие, о котором, однако, до сих пор не могли ещё сговориться. И так как ныне шведские уполномоченные твердо намерены в следующую ночь ехать обратно в Новгород, то и мы хотим отправиться далее к королю шведскому, представить ему все, о чем здесь было переговорено и условлено, и стараться склонить его приказать окончить дело это с наивозможно меньшим для в.ц.в. ущербом, то есть с тем же намерением, с которым английский посол отправляется к в.ц.в., то мы хотели уведомить об этом в.ц.в. Мы предлагали великим уполномоченным в.ц.в. и послу английскому принять на себя обязанность, которую ныне исполняет посол, то есть отправиться к в.ц.в., чтобы посол отправился, в свою очередь, к королю шведскому стараться об успехе переговоров. Но так как его превосходительство на то не согласился, мы на этот раз должны были лишиться случая целовать руки в.ц.в., на что, даст Бог, представится нам в другой раз возможность. Между тем, где бы мы ни находились, мы всегда останемся низжайшими слугами в.ц.в. и всегда готовы будем с той же ревностью и теми же усилиями, которые были употреблены нами в настоящих переговорах (хотя они не имели желаемого успеха), трудиться на пользу в.ц.в. Уполномоченные царские уведомили нас, что в.ц.в. угодно было приказать, по просьбе нашей, Яна Эвертса, гражданина города Цволле в Нидерландах, освободить из острога, в котором он содержался в Пскове. Мы низжайше благодарим в.ц.в. за то, что прислали в нам своего переводчика Павла Стерлинга, подателя сего письма, коему мы сим даем свидетельство, что он вел себя честно и к удовольствию нашему во все время, в которое он при нас находился. Светлейший, могущественнейший царь и великий князь, в заключение мы умоляем Бога всемогущего, да хранит Он в.ц.в. во всегдашнем благоденствии.

Дано в Глеbove в ночь 22 февраля 1616 г. старого стилия».

За полночь пришли к нам Егор Бурхузен и Дидерих ван Немен, переводчики английского посла и русских уполномоченных, с известием, что точас прибыл к послу дьяк Николай Никитин сын Новоксенов с актом о перемирии и что он просит нас до света быть на квартире вышеупомянутого посла, чтобы переговорить с русскими

уполномоченными, которые также будут там, и что он уведомит нас о прибытии русских уполномоченных. Они, однако, долго медлили; наша кладь и конвой пустились уже в путь, уже рассвело и шведские уполномоченные готовы были сесть на коней, а известия от посла мы не получили. Тогда мы отправились к нему, чтобы поторопить русских. Наконец они пришли и снова настоятельно стали просить поставить в перемирии предложенные ими условия. Но, не имея на то надежды, они просили нас написать царю об обещании генерала шведского короля во время перемирия церквей и монастырей не разрушать, не вывозить из России людей, колоколов и пушек. Мы обещали им постараться получить письменное обещание по означенному предмету. Граф Делагарди ждал нашего возвращения. Он сильно негодовал за то, что хирург роты капитана Аппельмана, который за несколько дней перед этим уже беспрестанно ходил из шведских квартир в квартиру английского посла для лечения его слуг, в прошедшую ночь опять отлучился и не возвращался. До этого времени перебежало от шведов к русским 23 или 24 солдата и 2 рейтара. Чтобы не терять времени, шведские уполномоченные дали нам с собой их акт о перемирии за их подписью и печатью, который следовало оставить у посредников, если русские оставят у них подобный же акт за своей подписью и печатью. Мы акт шведов прочитали русским уполномоченным, и они, видя, что нельзя уговорить шведов продолжать переговоры, вручили посредникам и свой акт...

Оба акта эти оставлены у английского посла. На каждом из них стояли подписи и печати выдавших его уполномоченных, и, кроме того, оба акта имели подписи и печати наши и английского посла. Мы перед этим именно объявили русским уполномоченным, что даем подписи и печати свои только для большего подкрепления перемирия и не хотим, чтобы они могли обязать нас присутствовать при собрании, назначенном между Ладогой и Тихвином, опираясь на разные причины, которые и были приняты вместе с объявлением нашим. Мы потом опять простились с ними и с послом, который повторил нам сделанные им при первом прощании обещания. Мы напомнили русским уполномоченным об освобождении Яна Эвертса из города Цволле, который содержался в Пскове в остроге. Они обещали исполнить и сказали, что для удобнейшего с нами сношения прикажут переводить на немецкий язык письма царя к нам, также письма, которые они обещали от себя

писать к нам, если узнают что-нибудь, способствующее успешному заключению мира. Мы с трудом получили копию с их акта. Шведские уполномоченные просили также подобной копии за подписью посредников, но, увидев, что в нем выписан титул «Лифляндский», они довольствовались копией без титула, за нашей подписью, прося нас извинить их у короля и сказать ему, что титул «Лифляндский» поставлен был в русском акте без их согласия и ведома.

Таким образом, собрание окончилось, и мы в тот же день приехали в Романов, в старую квартиру шведских уполномоченных, которые в Глеbove оставили 30 или 40 человек войска под предлогом, что остался там еще провиант и что поэтому нужна стража. Отряд этот прибыл на другой день в Романов, и мы тогда со всем конвоем 8 марта пустились далее в путь в Новгород. Тут мы нашли градоначальника Ганса Бойэ в сопровождении сына князя Ивана Одоевского, который сам был при смерти, и одной роты рейтаров и многих русских бояр, встречавших нас за городом. Они посадили нас в сани, лучше тех, в которых мы приехали, и сами повезли нас в город. В самом городе встретили нас несколько человек магистрата, поднесли нам два больших хлеба, один из пшеницы, а другой из ржи, и просили нас ходатайствовать у полководца, чтобы их слишком не обременяли.

10 марта мы посетили митрополита, рассказали его преосвященству в присутствии разных игуменов, князей и бояр, чем кончилось собрание в Дидерине, и объявили, что есть надежда на новое собрание, от которого можно ожидать успешного окончания дела. Посол английский тоже писал к его преосвященству об этом и, кроме того, изъявил надежду, что Делагарди не нарушит перемирия ни в духовных, ни в светских делах и не будет увозить жителей, коль скоро деньги, нужные на содержание войска, будут исправно и вовремя поступать. Его преосвященство поблагодарил нас за сделанное ему сообщение, сказал, что требуемые деньги слишком обременительны; он сильно жаловался на бедность и бедствия, постигшие новгородцев, и просил нас склонить графа Делагарди на уменьшение налогов. Он спросил нас, явимся ли мы опять на предполагаемое собрание, назначенное на 31 мая, что было бы весьма приятно для него и новгородцев, но мы не дали твердого ответа. Полководец сказал накануне, что сомневается в нашем возвращении.

13 марта воротился к нам капитан Николай ван Бредероде. Его держали в Москве целых 12 дней и разрешали выходить из квартиры только для того, чтобы

являться перед царем, а еще раз, когда пригласили его английские купцы. При отъезде он награжден был от царя тюком собольих шкур и 20 рублями. Слугам дали по 3 рубля. Члены совета царского дали ему с собой незапечатанный ответ от их имени, а от имени царя запечатанный пакет. Обе бумаги были в Песках переведены на немецкий язык по приказанию уполномоченных царя, с которыми мы вели переговоры в Дидерине, и согласно данному нам обещанию. Русские уполномоченные, кроме того, дали ему для нас запечатанное письмо на немецком языке*.

«От Божьей милостью великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича, самодержца всероссийского, и проч.**», к посланникам голландских и нидерландских Генеральных штатов Рейнгоуту ван Бредероде, Дидериху Бассу и Альберту Иоакими.

Вы прислали к нашему царскому величеству*** вестника своего капитана Николая ван Бредероде с письмами, через него же вы доставили нам на письме три пункта условий, на которых можно н.ц.в. заключить мир с королем шведским. Мы всемилостивейше усмотрели это из писем ваших. Мы увидели также из оных, что вы поняли милость нашу не только к нидерландским Генеральным штатам, но и к их подданным. Вы благодарите нас за нашу царскую милость и расположение, благодарите также за то, что мы ради вас оказали милость посланцу вашему, купцу ван дер Гейдену; из благодарности за царскую милость нашу вы объявили нам готовность по возможности следовать поручениям и приказаниям, данным вам от нидерландских Генеральных штатов, служить нам и с ревностью заниматься делами нашими. Вы писали также, что вы вместе с великим послом е.в. английского короля Иакова князем Иваном Мериком хотите употребить все старания ваши, чтобы столь важные дела могли быть успешно окончены к выгодам и пользе н.ц.в.; вы, кроме того, изъявили нам сожаление о том, что, несмотря на старания ваши, вы до настоящего времени не достигли успеха, поскольку уполномоченным обеих сторон даны были наставления и поручения слишком ограниченные, и по этой причине, как

* «Для избежания повторений» в публикации 1868 г. помещено «лишь письмо царя Михаила Федоровича, как самое полное и заключающее все, что содержат другие 2 письма, а именно: ответ, данный членами совета русского царя капитану Николаю Бредероде», и письмо русских уполномоченных.

** В публикации 1868 г. титул полностью не воспроизводится.

*** Далее по тексту сокращение н.ц.в.

вы пишете, нельзя было прийти к соглашению и побудить их к доброму делу. Мы хвалим вас за то, что вы помните милость нашу и готовы продолжать заниматься, по возможности, делами нашими. Хвалим также вас за то, что вы вместе с послем любезного брата нашего короля Иакова английского настоятельно просили шведских уполномоченных остаться с вами в Дидерине до 15 февраля, пока вы, посредники, напишете к н.ц.в. о всех делах этих в надежде, что можно будет короля шведского уговорить на заключение мира с н.ц.в.

Вы переслали нам три пункта, предоставляя н.ц.в. выбрать тот из них, который нам покажется выгоднейшим и приятнейшим. По первому из них е.в. король шведский Густав Адольф обязуется возвратить искони принадлежавшие нам родовые владения, занятием коих шведы нарушили вечный мир в то время, когда государство наше не имело правителя, а именно: Новгород Великий, Старую Русу, Порхов, Гдов, Ивангород, Ям, Копорье, Ладогу, Нотебург — с жителями и принадлежащими оным городам землями и поместьями. За это н.ц.в. должен заплатить королю шведскому Густаву Адольфу и Короне шведской 2 млн. рублей или 4 млн. рейхсталеров в Нарве или Выборге. Эту сумму можно выплатить за 4 срока, 1 раз в год. По второму пункту король шведский обещает возвратить искони принадлежавшие нам родовые владения: Новгород, Старую Русу, Порхов, Гдов, Ладогу с Сумерской областью, жителями, землями и поместьями, оным городам принадлежащими. Мы же должны за это уступить королю Густаву Адольфу в вечное потомственное владение родовые города наши: Ивангород, Ям, Копорье, Нотебург с предместьями, землями, поместьями, местечками, рынками с таможенным сбором, со всеми доходами, правами и преимуществами на суше и на воде, ничего не исключая, и, кроме того, заплатить ему еще 150 000 рублей. По третьему пункту нам возвращены будут родовые города наши: Новгород, Старая Руса, Порхов, Ладога и Гдов. Н.ц.в. должно оставить за королем в вечное потомственное владение Ивангород с Сумерской областью, Ям, Копорье и Нотебург с принадлежащими к оным поместьями, землями, жителями, предместьями, правами, местечками, рынками, таможняными на суше и на воде, ничего не исключая, и, кроме того, заплатить королю еще 100 000 рублей.

И мы, великий государь, удивились тому, что вы, посредники, пишете к нам, что просили и уговаривали шведских посланников остаться до тех пор, пока вы получите от н.ц.в. письмо и ответ. А мы вам вовсе не приказывали просить о

чем-либо шведов, так как вы посланы были голландскими и нидерландскими Генеральными штатами для того, чтобы восстановить истину между нами, высокомогущим повелителем и королем шведским. Того из нас, который не согласится на доброе дело, кого нельзя будет склонить на спокойствие христианское и отговорить от неправды, вам поручено побудить к тому и расположить к миру. Вам поручено было неговорчивого уговорить, заставить его отказаться от безмерных требований и победить его упорство, а не просить. Мы же ничего не желаем достигнуть просьбами, и нас, вседержавнейшего владетеля, удивляет то, что вы предлагаете нам мириться с королем шведским на присланных вами к нам условиях. Вам самим известно из писем, писанных нами к высокомогущественным господам Генеральным штатам нидерландским через посланника Степана Ушакова, посланного нами к брату нашему императору Матиасу; вам известно также через великого уполномоченного нашего, окольного и наместника суздальского князя Данило Ивановича Мецецкого и товарищей его, сколь неправо прежний король Карл и нынешний король Густав Адольф и вся шведская нация поступили с нами. Вам объявлено было, что они нарушили клятвенную присягу, письменные договоры и заняли во время междуцарствия родовые владения наши, Новгород и многие другие города. В этих городах они разорили святые мощи и иконы в храмах Божьих и предали их посмеянию; разграбили сокровища наши, хлеб и всякого рода оружие, колокола и имения жителей, словом поступили так, что всего исчислить и описать невозможно. Истребили затем множество невинных православных христиан; алча их имения, предавали их столь ужасным пыткам на правеже, что многие из них, желая избегнуть мук, сами себя предавали и перетопили. Шведы и ныне производят в этих городах всякие насилия, которые ум не постигает и которых нехристь постыдился бы. Почему же н.ц.в. отправили бы своих уполномоченных на переговоры со шведами, если бы мы не имели намерения со Швецией хранить мир? Н.ц.в. писал любезный брат наш великий король английский и просил нас повелеть заключить мир с королем шведским, высокомогущественные Генеральные штаты нидерландские через посланника своего Исаака Массу также писали к нам об этом и уведомили нас, что отправят своих уполномоченных к королю шведскому уговорить его изгладить все его неправды, и просили н.ц.в. послать также наших уполномоченных рассуждать со шведскими уполномоченными о добром деле и упрочить мир христианский. Нам сказано было, что посол нашего любезного брата

короля великого Иакова английского и посланник нидерландских высокомогущественных Генеральных штатов будут присутствовать при переговорах и способствовать заключению мира между нами и королем шведским по н.ц.в. воле и требованию. Потому, желая спокойствия и мира христианского, мы отправили, как известно, послу нашего любезного брата короля великого Иакова князю Ивану и вам, великим нидерландским посланникам, своих уполномоченных вести переговоры со шведскими уполномоченными. Последние не имеют искреннего расположения к миру, и умом нельзя постигнуть огромных притязаний их. Они требуют, чтобы родовые города и владения наши поступили в потомственное владение Швеции, на что мы, высокомогущественный повелитель, вовсе не намерены согласиться. Вы же, великие господа посланники, сами рассудите, как благоразумным людям надлежит, возможно ли нам уступить им наши родовые имения и столько городов или выплатить огромные деньги, которых они требуют. Желая, чтобы между нами и королем шведским установились мир и дружба и чтобы между обоими государствами установилось спокойствие и в христианстве царствовало согласие, мы приказали великим уполномоченным н.ц.в. уступить Швеции родовой город наш Карелу со всей областью, отступить от несметных сокровищ и убытков, понесенных нами, и отказаться от всех доходов, полученных шведами в городах наших в течение 6 лет. Вам самим известно, сколь велика и богата земля карельская, сколько она дает доходов. Уполномоченные наши, кроме того, предложили еще заплатить 100 000 рублей, на что они приказаний не имели и которых никаким образом нельзя бы было заплатить. В письме к н.ц.в. вы пишете, что цари и короли поставлены Богом для того, чтобы стоять за своих подданных, защищать их, хранить их в мире и предохранять от кровопролития, что попустому не следует проливать крови христианской, но во время войны это неизбежно. Городов же и крепостей, которые находятся в руках шведов, без войны возвратит нам нельзя было. Вы говорите, что кровопролитие еще увеличится и что в городе нашем Новгороде митрополит, архимандриты, игумены, весь духовный собор и все жители простирают к нам руки свои и поднимают на нас взоры свои, умоляя не допустить войны и опустошений, свирепствовавших до настоящего времени в Новгороде, и что в случае примирения с королем шведским он будет для нас добрый друг и что ни от одного великого государя соседних земель мы не можем извлечь такой пользы, какую получим от мира с ним. Вы говорите также, что другие государи призна-

ют главой христианства папу и им верить нельзя. Далее, вы пишете, что когда мы помиримся с королем шведским, то неприятели наши не будут в состоянии вредить нам и великая для нас будет слава во всех других краях, если мы возвратим себе искони принадлежавшие нам родовые владения, Новгород и другие города, вследствие чего распространится слава имени нашего во всех землях. Вы приводите нам в пример короля французского Генриха, который воевал с Испанией. И мы, великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович, самодержец всероссийский, государь справедливый, милосердный и христоробивый, никогда не желали проливать крови христианской и не подавали повода к вражде и ныне не хотели решиться на войну. Настоящая война начата шведами, и они были причиной ее, как сказано выше в этом нашем письме; они не питают расположения к миру, помышляют только о кровопролитии и снова требуют его. Мы же, как прежде, так и теперь, не хотим видеть пролития крови христианской, а стараемся и думаем о том, чтобы между всеми христианскими государями и великими державами царствовало согласие. Мы желаем, чтобы они стояли один за другого против неприятеля — нехристи и язычника. Мы желаем мира с королем Густавом Адольфом и знаем, что мир с ним выгоднее будет для нас, чем мир с королем польским. Но надменность, упорство и неумеренность шведских уполномоченных не способствует тому, и они не расположены к миру. Вам, господам посланникам, известно, как желают наши уполномоченные мира, спокойствия и согласия христианского, они доказали это, отказавшись от вознаграждения за разорение и убытки, понесенные нами от шведских войск в городах наших; они уступили также искони принадлежавшее нам родовое владение Карелию и, кроме того, предложили еще 100 000 рублей. Шведские уполномоченные не довольствовались этим, и нам, по справедливости, за упорство шведов следовало бы приказать своим уполномоченным с ними далее не переговариваться. Но внимая просьбам любезного брата нашего короля Иакова и высокомогущественных господ Генеральных штатов и вашим, господа посланники, равно и мольбам н.ц.в., бояр и всего совета, всех сословий, народов, не хотим, чтобы продолжалось пролитие крови христианской, а, напротив, желаем видеть мир и согласие и поэтому остановить кровопролитие, и повелели и разрешили нашим уполномоченным вступить снова в переговоры со шведскими уполномоченными и рассудить с ними, каким образом установить любовь и

дружбу между нами и королем Густавом Адольфом и как основать и упрочить мир и спокойствие между государствами нашими. Для этого мы послали нужные приказания и наставления уполномоченным нашим. Мы просим вас, господ посланников великих Генеральных штатов нидерландских, оказать нам ревностные услуги ваши, мудрым умом вашим и правдой отговорить шведов от чрезмерных, несбыточных требований их и склонить их на заключение мира между н.ц.в. и королем шведским Густавом Адольфом и на утверждение спокойствия и согласия между обоими государствами. Мы просим вас увещевать как шведских, так и наших уполномоченных к истине и боязни Божьей, так чтобы не заслужить наказания всемогущего Бога и нарекания соседних христианских государей и владетелей. Мы просим вас отклонить шведов от несправедливости и чрезмерных их требований. Если же между н.ц.в. и королем Густавом Адольфом и обоими государствами стараниями и усилиями посредников будет заключен мир, то к вам, господам посланникам, царской нашей милостью благосклонны будем и доброе дело ваше будет славиться у всех христианских государей. Если же шведские посланники не послушают вас, не окажут расположения к миру, не откажутся от требований своих и если посему мира заключить нельзя будет, то мы просим высокомогущественных господ Генеральных штатов нидерландских сдержать данное ими слово в письмах к нам, держать нашу сторону против шведов в наказание за их неправду и за то, что из-за них пролито столько крови христианской. Мы же будем просить помощи у Бога всемогущего, оправдаем себя в глазах всех христианских государей и будем воевать против короля, чтобы возвратить искони принадлежавшие н.ц.в. родовые владения, сколько в том нам Бог поможет. За кровь же, которая вновь пролита будет, они отвечать будут перед Богом, мы же в этом кровопролитии останемся невинны. Что касается вашего сообщения о намерении поляков осадить город наш Псков и о средствах защищать и кормить оный, то мы уведомляем вас, что бояре и воеводы наши и все начальники заключили под присягой и письменным договором с войсками польскими на границах перемирие на известное время, впредь до дальнейшего приказания н.ц.в. Мы думаем, шведам известно, что при боярах и воеводах наших в Пскове находится большое войско и город снабжен всякого рода продовольствием. Если нам Бог милостью своей поможет, то ни один неприятель не в состоянии нам учинить вреда. Капитан, которого вы отправили к нам, допущен был к

аудиенции и видел н.ц.в. светлые очи по окончании первой недели поста. Мы оказали ему царскую милость нашу и отправили его с письмами к вам*, не задержав его.

Дано в царской столице нашей Москве, в лето от основания мира 7124²⁸, в феврале месяце».

Мы на письмо это ответили 14 марта следующим образом:

«Светлейший, державнейший царь и великий князь Михаил Федорович, самодержец всероссийский, и проч.

Мы во всякое время готовы нижайше служить в.ц.в. Радость, с которой мы из письма в.ц.в., посланного к нам в прошедшем феврале месяце, усмотрели, что старания и ревность, употребленные нами в мирных переговорах между в.ц.в. и королем шведским, были в.ц.в. приятны, немало померкла, когда из того же письма мы узнали, что в.ц.в. не так приняли, как мы надеялись, три условия, или предложения, посланные к в.ц.в. английским послом и нами через нарочных наших. Искреннее и доброе намерение наше клонилось только к тому, чтобы поистине довести до сведения в.ц.в. те условия, на которых, по нашему мнению, можно было бы побудить короля шведского заключить мир с в.ц.в. и отказаться от своих притязаний и от городов и крепостей, которые ныне заняты его войсками. Если бы мы не сделали этого, то посла высокомогущественного владетеля и государя Иакова, короля Великобритании и Франции и Ирландии, высокоблагородного и почтенного Джона Мерики, его величества тайного советника и камергера, и нас по справедливости можно бы было обвинить в том, что мы не употребили возможных средств, могущих послужить к восстановлению мира между двумя столь великими государями, как в.ц.в. и король шведский. Его превосходительство и мы не только изложили письменно вышеозначенные три предложения, но и все прочие спорные между обеими державами пункты, о которых была речь в переговорах, для того чтобы все вместе и сразу представить в.ц.в. и ждать решения, которое в.ц.в. по мудрости своей за благо почтете принять; следствием выбора одного из сих пунктов было бы успешное окончание переговоров к облегчению и утешению страждущих. Но великие уполномоченные в.ц.в., обсуждая с нами все эти пункты, объявили нам, что многие из оных

* В публикации 1868 г. опущены письма русских уполномоченных и английского посла к голландским посланникам как «не представляющие особого интереса».

почитаются решенными и между обеими партиями оконченными; например, Тевзинским договором и Выборгским трактатом утверждена уступка Карелии, совершенная высокомогущественным царем и великим князем Василием Ивановичем покойному королю шведскому Карлу IX; также было решено, что будут преданы забвению все неприятельские действия между обеими державами со времени заключения Тевзинского договора; означенными пунктами уничтожаются между обеими державами все денежные претензии, кроме тех, о которых упоминается в означенных трех предложениях, равно и обсужден был обмен пленных. Уполномоченные в.ц.в. объявили, что имеют полную власть согласиться на все прочие требования Швеции, в том числе на отречение от титула «Лифляндского, Карельского» и других мест, которые, как полагают шведы, будут уступлены в.ц.в. королю и короне шведской, на постановку пограничных столбов между владениями обоих государей, и многие другие пункты, коими, по словам русских уполномоченных, бесполезно и не нужно утруждать в.ц.в. Вследствие того к в.ц.в. посланы были только три предложения, на принятие коих ваши уполномоченные не имели права. Мы, таким образом, не видим, в чем посол английский и мы ошибаться могли, и не понимаем, в чем мы поступили к невыгоде и вреду в.ц.в., тогда как, напротив, мы совершенно спокойны и убеждены, что в переговорах этих мы поступили искренне и беспристрастно, как следует добросовестным посредникам. Мы от всего сердца желали, чтобы дело окончилось к удовольствию в.ц.в., и со всей искренностью и ревностью постараемся окончить уговор²⁹, учиненный в Дидерине в присутствии великих уполномоченных в.ц.в. между нами и английским послом. Мы тогда отправимся послезавтра отсюда, с Божьей помощью, к королю шведскому в Стокгольм. В заключение, благодаря в.ц.в. за милость, оказанную посланному нашему капитану Николаю ван Бредероде, мы просим Бога всемогущего, да хранит он царскую особу вашу, державнейший и высокомогущественнейший царь и великий князь, во всегдашнем здравии, а государство ваше в постоянном благоденствии.

Новгород, 4 марта старого стиля, в лето от Рождества Христа Спасителя нашего 1616».

Мы посоветовались со шведскими уполномоченными о том, какую нам взять дорогу, чтобы скорее быть у короля, и по совету их решились ехать в Ревель, откуда, по их словам, удобно можно было доплыть на корабле до Сток-

гольма, когда Балтийское море освободится ото льда. Когда все было готово к отъезду нашему, мы почтительным образом простились с графом Делагарди и с секретарем Мансом Мартенсом. Наместник же Выборгский за несколько дней пред сим уехал. Мы одарили графа и некоторых из домашних людей его маловажными подарками, потому что их стараниями получали все необходимое во время переговоров и нужное к отъезду нашему в Нарву.

17 марта мы оставили Новгород, по справедливости называемый Великим. Город этот в настоящее время находится в сильном упадке; более половины домов и других строений сторело, и число жителей весьма уменьшилось в сравнении с прежним; многие из них разбежались, другие погибли от чумы, меча и голода. Из оставшихся жителей многие ежедневно умирали от голода, свирепствовавшего весьма сильно не только в Новгороде, но и во всем княжестве Новгородском, воеводстве Псковском и других городах, так что в некоторых местах русские употребляли разную нечистую птицу, даже человеческое мясо. Сверх того новгородцы отягощены были содержанием гарнизона; они также должны были нести все издержки шведов во время переговоров в Дидерине. Расходы эти достигали значительной суммы денег из-за дороговизны и расстояния между этими местами; кроме того, многие из людей, доставлявших припасы, умерли дорогой от холода, нищеты и других бедствий; когда мы ехали из Глебова в Новгород, то видели на дороге много мертвых тел и падших лошадей, отчасти растерзанных хищными зверями.

В ночь на 19 марта мы встретили на дороге между Tessay (Тесовым?) и Заречьем (два шанца, занятые шведскими гарнизонами) Ламберта Массу, брата Исаака Массы. Он повернул назад и следовал за нами до Заречья. Он отправлен был из Амстердама 7 января с письмами от в.д.в. к царю, но у него не было ни писем к нам, ни копий писем к царю, которые могли бы уведомить нас о предмете его путешествия. В Риге он нашел пакет с письмами в.д.в. от 26 октября прошедшего года, в коих вы уведомляете нас о прибытии в Нидерланды русского посланника, о предложениях, сделанных им, и об ответе, данном ему на те предложения. В письмах этих также находилось донесение Исаака Массы и описание того, как он позван был ко двору е.ц.в., как он имел публичную аудиенцию с торжественной церемонией, как, отлично угостив, его с почестью проводили в Архангельск; в этих же письмах находилось описание подарков, полученных

им от е.ц.в., и многое другое. Мы в тот же день отправили далее означенного Ламберта Массу с рекомендательными письмами к графу Делагарди, чтобы доставить ему свободный проезд в Москву.

21 марта мы прибыли в Ям, а 22 в Нарву. Мы везде были приветливо приняты новыми градоначальниками, так как король, возвращаясь из Пскова, осмотрел границы и переменял градоначальников в Гдове, Ивангороде, Яме и Копорье.

24 марта мы в Нарве получили письмо короля шведского...

В Нарве оставались до 27 марта, потому что весьма было трудно получить лошадей и сани, на которых мы должны были с кладью отправиться далее; так что мы принуждены были оставить в Нарве часть наших вещей. При отъезде нас почтили пушечными и ружейными выстрелами; то же было сделано и при въезде нашем в город. Градоначальник Нил Янсен и некоторые другие офицеры проводили нас на полмили за город. В числе этих офицеров находились Самуил Коброн, полковник, командующий полком шотландцев, который вместе с другими изъявил желание вступить на службу в.д.в. и предложил привести в Нидерланды отличный полк в распоряжение в.д.в., не требуя вперед денег; он настоятельно просил нас рекомендовать его в.д.в. Он со значительным отрядом своего полка стоял в городке, или маленьком укреплении, лежащем под крепостью Ивангородом, куда спаслись многие русские из окрестных мест с имуществом своим во время войны; городок этот в прошедшем мае, как уже упомянуто нами прежде, сторел дотла — несчастье, причинившее сильный убыток королю и жителям.

Прибыв 29 марта в Толзбург, мы должны были остаться там на следующий день из-за усталости лошадей. Они с трудом довели нас 31 числа до Колке, поместья и замка, принадлежащего графу Делагарди, который, желая выразить благорасположение свое к в.д.в. и к Нидерландам, из Новгорода дал приказание принять и угостить нас приличным образом в его замке. Он в письме просил знатного лифляндского дворянина Ганса Шаренберга заступить его место, принять и угостить нас.

2 апреля мы прибыли в Ревель. На некотором расстоянии от города от имени губернатора эстляндского Гавриила Оксеншерны принял нас барон Нильс Бьелкенс в сопровождении нескольких дворян и слуг. При въезде нашем в город почтили нас пушечными выстрелами из города и из крепо-

сти. Губернатор приказал извиниться, что не встретил нас лично; он получил письма от короля и занят был чтением их и ответами на них; он спешил отправить вестников, ибо они должны были ехать льдом через Финский залив, а погода грозила оттепелью. Он посетил нас 5 числа, а на другой день был у нас Генрих Горн, государственный маршал, один из уполномоченных короля на переговорах, о котором говорено было выше. Мы словесно уведомили его о том, что происходило на переговорах. За 3 дня перед этим, когда он находился еще в поместье своем в Вендене, в 12 или 13 милях от Ревеля, мы, по просьбе его, сделали краткое письменное изложение переговоров. Магистрат отправил также некоторых из членов своих посетить нас; они подарили нам бочку рейнского вина и за незначительность подарка извинились малыми доходами города. На другой день после приезда мы 9 лошадей, оставшихся при нас из 21, которые даны были нам именем короля в Ивангороде, Яме и в лагере под Псковом для путешествия нашего, представили губернатору с тем, чтобы возвратить их в конюшни его величества.

7 апреля возвратился к нам Андрей ван Вуве, посланный нами из Глебова с письмом к королю шведскому вместе с вестником английского посла. Путешествие его через Финляндию было чрезвычайно трудным — народ разбежался и совершенно обеднел от беспрестанных походов шведского войска в Россию и обратно. Мы через него получили письмо от короля...

23 числа сего месяца мы препроводили к в.д.в. краткое содержание этого письма и рапортовали о том, как и почему разъехалось собрание. Мы уведомили также о получении письма вашего от 26 октября. В другом письме, от 27 числа, мы просили, чтобы в.д.в. благоволили приказать заплатить бургомистру Яну Питерсу Рекселю в Амстердаме 1500 рейхсталеров, взятых нами у него на дорогу. В Ревеле мы не смогли отправить письма в Нидерланды, так как лед покрывал еще Финский залив, поскольку в этом году в здешних местах зима была холоднее, чем в последние 25 или 30 лет, а сушей также ехать нельзя было, потому что на реках начинал таять лед.

Пока мы в Ревеле ожидали открытия судоходства, несколько человек из свиты нашей занемогли. В городе также было много больных; они страдали от болезни, которая вспыхивает в это время года и называется голодной лихорадкой. Многие из больных умирали; из наших умерло двое, а именно 24 апреля Ян Экзальто, сын покойного Ивана Экзальто, доктора медицины в Лейдене, и 29 —

Томас Бурмания из Фрисландии, которые в разные дни похоронены были один подле другого с почестью по тамошнему обычаю.

7 мая нового стиля прибыл в Ревель морем, с большим трудом, Бернард Гельфрих, лифляндский дворянин, секретарь короля. Он отправлялся в Ригу с поручением узнать о состоянии дел в Польше. Он вручил нам письмо короля и после разных приветствий просил нас подготовиться к отъезду в Россию к следующему числу мая месяца. Нам неизвестно, приглашал ли он нас на это по приказанию короля или сам от себя, как то делали все лифляндские помещики, которые почитали мир между Швецией и Россией весьма для себя выгодным...

Тогда прибыло несколько кораблей из Голландии. Между тем, узнав, что королевский корабль, о коем писал нам е.к.в., едва мог быть в Ревеле ранее 3 или 4 недель, мы решились нанять одно из голландских судов и отправиться в Або, как только узнаем, что фарватер между финскими шхерами очистился ото льда; о таком намерении нашем мы известили короля...

Мы пробыли в Ревеле еще до 19 мая, ожидая погоды и попутного ветра; 19 мая все благоприятствовало нашему отъезду, мы сели на корабль после обеда, около 3 часов. Накануне мы уведомили в.д.в. о намерении нашем оставить Ревель. Г. маршал Генрих Горн, который в Ревеле также ждал корабля, чтобы отправиться к королю, г. губернатор Гавриил Оксеншерна и бургомистры Ревеля проводили нас до самого корабля. Нас весьма учтиво приняли и угощали во все время пребывания нашего в Ревеле, и с нами особенно ласково обошлись губернатор и другие карельские офицеры. За несколько дней до отъезда маршал Горн сам от себя, частным образом, снабдил нас быком, зайцами, хлебом и другими припасами на дорогу. При отъезде нашем издержки, сделанные нами, были поставлены на счет короля, и корабль наш снабжен хозяином, у которого мы жили, значительным количеством съестных припасов для нас и свиты нашей.

Ветер был попутным, и 20 числа утром мы находились уже в финских шхерах, а около обеда недалеко от Барезонда, где обыкновенно зимует часть военных кораблей короля. Командир их Яков Фейеррот, родом шотландец, посетил нас, отдал в наше распоряжение один из лучших кораблей по имени «Меркурий» и послал нам навстречу несколько шлюпок, которые на веслах доставили нас в Барезонд, где встретили нас большим числом пушечных

выстрелов. Мы отблагодарили губернатора за посещение и услуги и на другой день отправились далее. В этот же день мы встретили вестника, отправленного королем, чтоб ожидать нашего приезда и уведомить короля, как только мы доедем до Терфзонда, находящегося в 4 милях от Або. Недалеко до Терфзонда, перед обедом, встретил нас лифляндский дворянин Роберт Розен с двумя лодками, на коих находились живые бараны, быки и другие съестные припасы и напитки. Он именем короля просил нас направить путь прямо на Стокгольм, не заезжая в Або, потому что король сам готов был к отъезду и ждал только прибытия кораблей из Барезонда. Хотя мы бы предпочли откланяться королю и проститься с ним в Або и вовсе не заезжать в Стокгольм, однако мы исполнили волю короля. Мы принуждены были держаться на якоре на расстоянии мили от Або, ожидая лоцмана, который должен был быть послан к нам из города. Между тем под вечер посетил нас на корабле от имени короля г. Ян Делагарди, барон Эхгольмский, наместник Абоский, а через несколько часов после того был у нас г. Аксель Оксеншерна, канцлер короля, с которыми мы много говорили обо всем происшедшем на переговорах. Сановники эти расстались с нами на заре, которая показалась прежде, чем мы успели заметить наступление ночи; в это время года ночи весьма коротки. Канцлер просил нас пробить на якоре еще несколько часов, пока он успеет сообщить королю все, что он узнал от нас. Он после этого прислал нам единственного лоцмана, которого в то время можно было сыскать в Або и который знал местность и фарватер не более как на милю от того места, где мы находились, так что мы принуждены были искать других лоцманов на шхерах и островах, из коих многие обитаемы и почти на всех растут деревья и другие растения. Путь между островами кажется весьма приятным и удобным на взгляд, но опасен, особенно осенью или во время плохой погоды, из-за подводных камней, о которые мы несколько раз ударялись, несмотря на то что по тамошнему обычаю мы каждые 2 или 3 мили меняли лоцманов.

25 числа, получив следующего лоцмана, мы проехали чрез Аландский залив; градоначальник Аланда пришел к нам на корабль и предложил нам свежих припасов, если мы хотим подождать час или полтора; но так как мы были достаточно запасены всем нужным и ветер был весьма хорош, то мы поблагодарили его и поплыли далее чрез Ботнический залив. 26 числа мы достигли шведских шхер

у Стекезунда, отдаленного менее чем на полмили от замка Ваксгольма, мимо которого все корабли, идущие в Стокгольм, должны проходить через узкий пролив и платить королевскую пошлину. Мы в этот день совершили около 30 миль.

28 числа под вечер был опять попутный, но весьма слабый ветер. Мы проехали мимо Ваксгольма, где нас почтили барабанным боем, пушечными и ружейными выстрелами и ракетами, а в следующую ночь мы отправились в Стокгольм с намерением держаться на якоре в полумиле от города, потому что на другой день, 29 числа, должен был праздноваться в городе Троицын день. Но утром рано был у нас адмирал Клерк, шотландец, который был на службе в.д.в. в качестве капитана флота. Он получает еще небольшую пенсию из Роттердамской конторы и из благодарности оказывает при случае услуги голландским купцам, торгующим в Швеции. Он просил нас пересесть на две большие яхты, с которыми он прибыл к нам и на которых находились королевские флаги и гербы, и потом отправиться в город. Мы ранее 6 часов утра прибыли в город, прежде, нежели национальная стража узнала о нашем прибытии. Из крепости салютовали из пушек, и вскоре после приезда нашего нас посетили советники: Яков Якобсон Баат, древнего королевского происхождения, и Оке Аксельсон; двум этим сановникам поручено было принять нас от имени государственных советников, которые, пользуясь праздником, почти все уехали в загородные дома свои*.

* В публикации 1868 г. «последняя часть донесения голландских уполномоченных, от прибытия их в Стокгольм до возвращения в Гагу, 4 августа», не приводится, т. к. «не имеет ближайшего отношения к русской истории».

А. Роде

**ОПИСАНИЕ ВТОРОГО ПОСОЛЬСТВА
В РОССИЮ ДАТСКОГО ПОСЛАНИКА
ГАНСА ОЛЬДЕЛАНДА
в 1659 году**

24 марта после обеда прибыл нарочный из Москвы и предложил нам собираться и продолжать путь к столице¹. Поэтому мы немедленно отправились дальше и по милости Божьей проехали последние 3 мили нашего путешествия так же благополучно, как и всю совершенную нами дорогу. За четверть мили до Москвы пристав привел нас в одну из слобод, то есть предместий, которых тут несколько, и задержал нас здесь, чтобы снова сообщить в Москву о прибытии г. посланника и получить оттуда дальнейшие предписания. Тем временем г. посланник переоделся и приготовился к въезду. Через час вернулся нарочный с приказанием приставу с посланником тронуться в путь, и тогда мы не спеша последовали за приставом и скоро увидели посланного нам навстречу всадника, который быстро повернул назад, как только убедился, что г. посланник приближается. За ним вскоре появился другой всадник и сообщил нашему приставу, по какой дороге тот должен был везти посланника в город, а именно через Москву-реку по направлению к Тверским воротам². Когда мы подъезжали к этим воротам, прискакал третий всадник и приказал нам сделать круг³, после чего мы и продолжали свой путь, пока четвертый всадник не предложил нам остановиться и ожидать дальнейших распоряжений, которые привез наконец пятый гонец, объявивший, что мы должны двинуться дальше, так как уже приехали те лица, которым поручено встретить посланника от имени великого государя. После этого, подъезжая очень медленно к городу, мы заметили 36 всадников, направлявшихся к нам на-

встречу, они вели с собой в поводу 3 лошадей: двух с седлами и одну без седла; последняя была белая, и ею потом в городе заменили лошадь, которая была впряжена в сани посланника. За этими всадниками следовало 3 больших боярских саней, из которых одни, предназначенные для г. посланника, были обтянуты красной камкой и, кроме того, красиво убраны коврами. Двое остальных саней, покрытых только медвежьими шкурами, предназначались для обоих приставов, но так как они вдвоем поместились в одних санях, то вторые поехали за ними порожняком. Все сани были запряжены белыми лошадьми, причем по русскому обычаю уши лошадей и дуги были густо обвешаны лисьими хвостами. Перед санями, на довольно большом расстоянии, ехал младший толмач по имени Алексей, который попросил г. посланника остановиться и сойти с саней, чтобы выслушать титул великого князя, который он должен ему прочесть, что и было исполнено. Затем стали приближаться приставы; навстречу им торжественно направлялся г. посланник на своих красиво убранных санях, и когда он находился уже близко от них, то свернул со своими санями на правую сторону дороги. Тут, однако, вопрос о том, кому первому выйти из саней, вызвал длинные переговоры, так как один из приставов, человек преклонных лет, по имени Василий Васильевич Жидовинов⁴, заявил, что г. посланнику следовало бы сойти первым, так как он приехал по поручению своего короля, чтобы оказать честь его царскому величеству. Посланник же на это не соглашался, возражая, что приставы были посланы великим князем, чтобы встретить его с подобающими почестями как представителя его все милостивейшего короля, и таким образом оказать королю честь. Наконец решили, что и те, и другие выйдут из саней одновременно. Когда это было сделано, подошли к нам оба пристава, а именно: Василий Степанович Жидовинов и Яков Семенович⁵; они были наряжены в персидские парчовые кафтаны и плащи из сукна лимонного цвета с шарфом, расшитым золотом и серебром, на головах же их были собольи шапки. Все это им было выдано из великокняжеской казны. Один из них прочел великокняжеский титул, приветствовал г. посланника от имени своего государя великого князя и спросил его о путешествии и здоровье. На это г. посланник ответил, произнеся титул короля Дании и Норвегии. Затем он сел в свои сани и в сопровождении 36 всадников, ехавших впереди, и двух приставов, следовавших в своих санях по сторонам его

саней, через Тверские ворота торжественно въехал со своей свитой в Москву.

Недалеко от Неглинного моста мы заметили г. полковника Баумана⁶ с несколькими голландскими и германскими офицерами. Он велел оседлать всех своих лошадей, но его слишком поздно уведомили о приезде г. посланника, поэтому он не мог осуществить свое намерение выехать навстречу г. посланнику за город и пришел пешком, чтобы хоть на улице приветствовать г. посланника. Однако и это г. полковнику не удалось, так как приставы запретили остановить сани г. посланника, и мы ехали без остановок до Персидского, или большого Посольского, двора, недалеко от Кремля, где нас и поместили. Этот двор весьма просторен и обширен, так что в нем могли бы поместиться 200 человек, но он лишен всяких удобств, необходимых в особенности в то время года, в какое мы приехали; ни в одной из комнат, даже в той, которую отвели посланнику, не было исправных окон и хороших печей. Поэтому мы все удивлялись, что нас привели в холодный и непригодный дом, между тем как мы, порядком промерзнув в дороге, были бы рады удобному и теплomu помещению. Когда мы об этом заявили приставам, они обвинили смотрителя дома, и, пообещав, что на следующий день все будет приведено в порядок, откланялись.

24 марта утром явился к нам подъячий, по имени...*, человек низшего разряда, и привез посланнику грамоту из приказа. Этот дьяк объяснил, что он прислан думным дьяком Алмазом Ивановым⁷, чтобы приветствовать от его имени посланника и чтобы по исполнении этого собрать сведения о положении дел в Дании, о мирном договоре, заключенном со Швецией, о землях, обещанных и уступленных Дании на основании этого договора, о причинах, так внезапно вызвавших эту недавнюю войну, об осаде Копенгагена, о морском сражении и, наконец, о том, кто одержал верх⁸. На все эти пункты мы ему подробно отвечали, и он все это велел записать своему писцу. Мы обещали, кроме того, дать ему книжечку с очерком политики Швеции за последнее время и вызванной ею несправедливой войны; г. посланник же поручил ему передать Алмазу Иванову, что ему очень хотелось бы возможно скорее получить аудиенцию у его царского величества и поэтому он просит думного дьяка о содействии. Под вечер тот же подъячий пришел вторично и сообщил, что соизволением его царского величества аудиенция назначена на

* Пропуск в рукописи.

следующий день. Одновременно он принес два пакета с письмами, полученными здесь для г. посланника; при этом он передал от имени великого князя, что в знак тесной дружбы и добрых отношений к его величеству королю датскому великий князь повелел вручить г. посланнику эти письма в полной сохранности и невскрытыми с просьбой известить его о сообщаемых в них вестях.

25 числа утром явились оба пристава и просили, чтобы г. посланник к седьмому часу дня (т. е. по нашему около двух часов после обеда) был готов для аудиенции, так как они к этому времени, по повелению великого государя, должны заехать за ним. Кроме того, они спросили, прислал ли его величество король датский подарки великому государю; и когда мы ответили, что г. посланник на этот раз поднесет подарки только от себя лично, они пожелали их видеть, чтобы доложить об этом Алмазу Иванову. Их желание было исполнено.

В восьмом часу прибыли на подворье г. посланника 12 всадников на белых конях и привели красиво убранных лошадей такой же масти для должностных лиц г. посланника. Затем были привезены для г. посланника запряженные прекрасной белой лошастью красивые и удобные сани, и за ними следовали оба пристава, наряженные в парадную одежду из царской казны, причем каждый из них сидел в особых санях. Приставы нам объявили, что их великий государь уже восседает на престоле, готовый дать г. посланнику узреть свои ясные, светлые очи, и что поэтому пора двигаться в путь. Г. посланник тотчас собрался и быстро направился к выходу, пристава же поспешили за ним, чтобы сесть в свои сани, если и не первыми, то по крайней мере одновременно с г. посланником. Впереди нас ехали вышеупомянутые 12 всадников, за ними следовали прежде всего наш гофмейстер и затем наш секретарь с верительной грамотой его королевского величества. Перед самыми санями посланника несли подарки, именно: большое зеркало в раме из черного дерева, которое держали двое, далее два красивых серебряных позолоченных кувшина и, наконец, большой золоченый бокал. За подарками ехал г. посланник, а с ним его толмач, который стоял впереди в санях; по сторонам же следовали оба пристава. Проехав в таком порядке через мост, мы прибыли в Кремль, где, окруженные тремя стенами, находятся дворец и целый ряд довольно обширных, принадлежащих знатным боярам домов, большей частью деревянных. Мы увидели здесь, что по обеим сторонам пути были расставлены двойным строем стрельцы под ружьем, то есть с мушкетами; все

они были в парадной одежде; большая часть из них — свежие, молодые люди.

Недалеко от дворца, по правую руку, стоит огромный колокол, единственный в своем роде на всю Европу. На него пошло 8750 с чем-то пудов меди, то есть считая пуд в 40 фунтов, 350 000 с чем-то фунтов. Затем, доехав до дворца, мы остановились у крыльца, которое ведет в палату, где была назначена аудиенция, и г. посланник вошел в сени, где кругом сидело очень много людей в золотых кафтанах и высоких горлатных шапках; они при его входе встали. Затем из приемной палаты вышли для встречи от имени его царского величества стольник князь Василий Богданович Волконский и дьяк Павел Гаврилович Симановский¹⁰, оба в великолепном платье. Они произнесли титул великого князя, объявили г. посланнику, что великий государь его уже ожидает, и повели его в приемную палату, которая оказалась довольно мрачной и скромной, так как украшением ее служили лишь красивые ковры, которыми были увешаны стены и покрыты пол и подоконники. Около дверей, по правую руку, сидело 18 бояр в парадной одежде; кроме того, стояло в палате больше 50 или 60 человек в золоченых кафтанах из великокняжеской казны, все с непокрытыми головами. Сам великий князь восседал по правую сторону палаты на высоком серебряном троне, наверху которого был изображен двуглавый орел. На голове у царя была шапка из серебряной ткани, отороченная собольей камкой шириной в 3 пальца и увенчанная маленькой коронкой. Верхняя одежда его была тоже из серебряной ткани, в руках же он держал серебряный жезл. Впереди царя, по двое с каждой стороны, стояли молодые люди, наряженные в очень красивые одежды, с шапками на голове, державшие в руках топоры с широким лезвием, откинутае на плечо. По правую руку царя стоял его тесть Илья Данилович Милославский, а по левую — Борис Иванович Морозов, женатый на сестре царицы¹¹. Как только г. посланник вошел с своей свитой, ему и одному из приставов, а именно старику, который присутствовал при въезде, по имени Василий Васильевич Жидовинов, указали место против великого князя. Затем стали рядом должностные лица г. посланника по старшинству. Остальные лица свиты, то есть служители, должны были стать немного позади. Между великим князем и г. посланником находился думный дьяк Алмаз

Иванов, который ходил то к тому, то к другому и, казалось, получал указания великого князя о том, что он должен был объявить г. посланнику. В остальном здесь происходило лишь то, что обыкновенно происходит в подобных случаях и что описано Олеарием в его Персидском путешествии¹². Толмач думного дьяка стоял немного в стороне за г. посланником; обязанности эти исполнял на этот раз по болезни г. фон Дельдена¹³ пленный и перекрещенный лифляндец Василий Багус¹⁴.

Когда по предложению думного дьяка г. посланник обратился к царю с речью от имени нашего всемилостивейшего короля и государя и передал прямо в царские руки свои верительные грамоты, думный дьяк от имени великого князя ответил ему, что по повелению великого государя (затем следовал его титул) грамоты его величества короля Дании и Норвегии будут распечатаны и переведены, а потом и объявлен ответ. После этого принесли для г. посланника скамейку и пригласили его сесть. Когда же г. посланник последовал этому приглашению, то пристав, полагая, что приглашение коснулось также и его, сел рядом с г. посланником, но скоро встал, заметив насмешливые взгляды присутствовавших. Вслед за тем г. посланнику были заданы вопросы о здоровье его величества короля Дании, о его собственном здоровье и о том, благополучно ли он ехал, на что г. посланник давал подобающие ответы, присовокупив к этому просьбу о секретной аудиенции.

После этого было объявлено, что великий государь и царь жалует г. посланника вечером того же дня кушаньями от своего стола, а теперь допускает его к своей руке. Когда г. посланник исполнил этот обряд, были удостоены этой же милости секретарь, толмач и гофмейстер, которые, последовав приглашению, целовали мягкую и пухлую руку царя. Но во избежание того, чтобы они как-нибудь не дотронулись до руки великого князя, как это сделал толмач прежнего нашего посольства, сановники, стоявшие возле царя, следили за тем, чтобы никто не поднял своих рук¹⁵. Затем г. посланник отклонялся и вернулся на свое подворье в том же порядке, как приехал. Немного погодя явился к нему, как и при прежнем посольстве, князь Юрий Иванович¹⁶ с царским угощением. Впереди шел человек со скатертью и рядом с ним другой, который нес на золотом блюде пару больших ножей с черенками, золочеными и украшенными хрустальной инкрустацией. За ними следовало более 56 человек, несших большей частью на серебряных и золоченых блюдах кушанья, состоявшие по случаю Великого поста исключительно из рыбы,

причем некоторые рыбы были очень вкусно приготовлены; другие же, а именно жареные, не возбуждали нашего аппетита, так как были приправлены чесноком и постным маслом, поэтому для нас было достаточно и одного запаха. Затем принесли напитки: вино, мед и водку, в 7 серебряных и позолоченных кувшинах разной величины и в 5 больших оловянных кувшинах; что же касается пива, то его привезли на санях. Когда стол был накрыт, то поставили на него столько блюд, сколько на нем поместилось, остальные же передали нашей прислуге; и затем пригласили посланника к обеду. По русскому обычаю, прежде всего для возбуждения аппетита предложили ему выпить весьма крепкой водки из очень красивой чарки, оправленной золотом. Потом всем сидящим за столом налили по большому бокалу рейнвейна, но в ожидании предстоящих здравиц никто пока не решился прикоснуться до него. Как только мы начали есть, присланный к нам князь повелел подать стоявшие против нас серебряные и золоченые кувшины, затем вынул свиток, на котором были отмечены здравицы, которые он должен был провозгласить, и пил прежде всего за здоровье великого князя, затем за его величество короля Дании, за молодого царевича и, наконец, за нашего королевского принца. Когда это было выпито, князь хотел снова взяться за свой свиток, но ввиду поста и так как г. посланник просил извинения, указывая на то, что уже не в состоянии больше пить, он этим удовольствовался. По окончании угощения г. посланник повел князя Юрия в свою комнату, чтобы ему показать и, в случае его желаний, поднести ему портреты его королевского величества короля Дании, королевы и его королевского высочества, гравированные на меди. Но оказалось, что, когда во время обеда говорили об этих портретах, наш толмач не слышал, что г. посланник сам намерен их преподнести князю, почему и принес снизу один экземпляр, привезенный с собой в Москву, который он передал тут же князю. Это очень рассердило г. посланника, но толмач оправдывался тем, что он портрет передал не от себя, но от имени г. посланника. Для того, однако, чтобы князя привели в эту комнату даром, ему показали два бокала и кубок чеканной работы и попросили его выбрать один из этих предметов в благодарность за его сегодняшние хлопоты. Он вежливо отказывался от предложенного, но едва ли искренно, а скорее потому, что не знал, на чем остановиться, так как бокал ему нравился по весу, кубок же по отделке. Тем не менее он отклонял все, объясняя, что он сделал лишь то, что ему было повелено его великим государем, так что исполнил только свой долг и не заслужил

никаких подарков. Г. посланник же, хорошо поняв, чем вызваны эти деликатные слова, поднес ему не только кубок, но и бокал, с просьбой принять все это. Теперь уж наш князь не отказывался, а принял охотно подарок и сказал, что он доложит об этой любезности г. посланника его царскому величеству и покажет ему еще сегодня вечером подарки. Вскоре после этого он простился, приказав своим служителям, которые должны были стоять перед ним в санях, держать подарки, и таким образом поехал прямо наверх к великому князю.

Сегодня имел до нас аудиенцию бранденбургский посланник Петр Гофман, и так как толмач Василий Багус, который присутствовал при этой аудиенции, исполнял свои обязанности и на нашей аудиенции, то он раза два ошибся, когда произносил имя нашего всемилостивейшего короля, назвав его Фридрихом Вильгельмом вместо Фридриха.

26 числа пришли оба пристава и сообщили от имени его царского величества, что, в случае желанья, г. посланник сегодня же будет всемилостивейше принят на второй аудиенции. За это г. посланник выразил искреннюю благодарность и полное согласие, выражая надежду, что аудиенция состоится только после полудня и тогда у него будет возможность изложить не только устно, но и письменно свои предложения в тайной конференции. Приставы вернулись около десятого часа (т. е. по нашему времени около четырех) и обождали у нас, пока им сюда не принесли для аудиенции из великокняжеской казны платье и шапки, затем они переоделись и, когда из дворца были присланы лошади и сани, г. посланник поехал наверх в таком же порядке, как вчера. Здесь его встретили с таким же почетом, как первый раз. Он поблагодарил за вчерашнее милостивое угощение, так как пристава ему напомнили, чтобы он этого никоим образом не забыл, и снова просил о тайной конференции. Потом принесли для него скамейку и пригласили его сесть, причем опять спросили о его здоровье и наконец ему объявили, что уже назначены уполномоченные лица для тайного совещания с ним. За это г. посланник поблагодарил подобающим образом, откланялся великому князю и затем, провожаемый толмачом Василием Багусом, отправился с думным дяком и с теми двумя князьями, с которыми он вел переговоры уже при первом посольстве¹⁷, в другую палату, стены которой были украшены плохой живописью. Из лиц его свиты при нем остался только его толмач; другие же, вместе со многими придворными, одетыми в золоченые кафтаны, остались в снях, где стояло несколько скамеек, обитых частью красной,

частью желтой камкой¹⁸. Переговоры продолжались приблизительно полтора часа; предложения, изложенные сначала устно, г. посланник представил на бумаге, и затем они разошлись. Предварительно, однако же, потребовали думного дьяка к великому князю, откуда он, впрочем, скоро вернулся. Затем наш секретарь вручил русскому толмачу извлечение из новостей, полученных нами на днях в наших письмах и ведомостях, и мы опять поехали домой. Около часа спустя пришел к нам русский толмач Василий Багус и объявил по поручению думного дьяка от имени великого князя, что ходатайство г. посланника, представленное им в тайном совещании, о разрешении его свите выходить на улицу, ему самому принимать у себя тех из иноземцев, которых он пожелает видеть, всемилоостивейше уважено с тем, однако, условием, чтобы свита не заходила в Кремль.

Г. посланнику и его свите, кроме того, были предложены на следующий день лошади и особое место на возвышении, чтобы они, при желании, на следующий день могли присутствовать при праздновании Вербного воскресенья. За эту милость г. посланник поблагодарил подобающим образом и принял предложение. Толмач, уходя, передал еще по поручению думного дьяка, что царь изъявил согласие принять, невзирая на большой праздник, г. посланника на следующий день в аудиенции, чтобы дать ему окончательный ответ на все его предложения и отпустить его, если он торопится домой и желает, чтобы его не задержали, причем, однако, великому князю не будет неприятно, если г. посланник пожелал бы еще немного остаться. Тогда г. посланник выразил свою благодарность за большую благосклонность, оказываемую великим князем королю датскому, и изложил причины, в силу которых ему при всем желании пока невозможно собираться в дорогу, и просил уведомить об этом думного дьяка. Сегодня, кроме того, вместо старого Василия Васильевича Жидовинова, который, вследствие преклонных лет, не был в состоянии исполнять обязанности пристава, к нам был назначен Петр Иванович¹⁹, чему мы не особенно рады были, так как он, состоя приставом при прошлом посольстве, причинил г. посланнику много хлопот. Наконец сегодня же мы послали Якову Семеновичу, нашему второму приставу, а равно младшему толмачу и домашней прислуге 8 блюд из кушаний от царского стола, которыми нас вчера угощали; это считается высшей честью, которую можно оказать этим людям.

27 числа были приведены для г. посланника и его свиты 5 белых хорошо убранных лошадей, и затем прибыли оба

пристава, чтобы провожать г. посланника на то место, откуда возможно было хорошо видеть совершение их праздничного обряда. Место это находилось недалеко от дворца, то есть Кремля, по левую сторону, и было довольно возвышенно, так что мы могли все видеть. Здесь же стояли две огромные пушки, каждая в 3 сажени длины или в рост высокого человека, взятый три раза, причем жерло одной пушки в диаметре было 9 четвертей, другой же — 6 четвертей локтя. Так как мы прибыли сюда довольно рано, то видели, как приходили некоторые полки стрельцов и выстраивались около полков, прибывших раньше нас. Они были все хорошо одеты и заняли вплотную всю площадь перед Кремлем и храмом Входа Господня в Иерусалим; кроме того, стрельцы были еще расставлены по некоторым улицам в два ряда. Людей, мужчин и женщин, собралось столько, что они не поместились на площади. Поэтому они заняли крыши ближайших домов и сараев, из-за чего некоторые крыши от большой тяжести провалились. Здесь можно было видеть убранство русских женщин, которые большей частью красивы; но все они, как красивые, так и дурные, портят себя румянами, которыми злоупотребляют. Они, как и мужчины, носят два кафтана: нижний в обтяжку, верхний же пошире, с длинными рукавами до земли. Кафтан этот, смотря по знатности особы, бывает наряднее или проще, причем даже женщины скромного происхождения шьют его из тафты или дамаска²⁰ и украшают его со всех сторон золотыми или серебряными кружевами. Богатые женщины носят на кафтане изготовляемые золотых дел мастерами большие серебряные или позолоченные пуговицы величиной в довольно большое яблоко, которые при ходьбе или езде производят довольно сильный шум.

По совершении главного богослужения великий князь обратил свой взор к тому месту, где стоял г. посланник, который тот час же вместе со своей свитой низко поклонился ему. Тогда великий князь слегка кивнул головой и повелел думному дьяку Алмазу Иванову справиться о здоровье г. посланника и объявить ему, что он сегодня жалуется его двойным количеством яств и напитков. Думный дьяк немедленно прислал другого дьяка, чтобы сообщить об этом г. посланнику, который поблагодарил за оказанную ему честь и отвесил поклон великому князю.

Пение тем временем все продолжалось, и наконец двое, изображавшие апостолов, привели за повод коня в белой попоне, заменявшего осла и впряженного в обитые красным сукном сани, на которых было установлено дерево, увешанное яблоками. На этого коня положили поперечное

седло и повели его к крыльцу. Тогда великий князь с митрополитом²¹ спустился вниз, окруженный громадной толпой народа, а митрополит затем сел на лошадь, изображавшую осла, и великий князь вел ее до Кремля, поддерживаемый при этом под руки двумя ближними людьми, которые держали повод коня, так что великий князь к нему почти не прикасался. Впереди ехали упомянутые выше сани с деревом, и в них сидели трое детей самых знатных бояр и раздавали народу яблоки. По пути назначенные для этого мальчишки постилали пальмовые ветки, а монахи и народ, который провожал шествие, громко пели. Таким образом, совершилось празднование Вербного воскресенья, и если только митрополит заплатил за оказанную ему великим князем честь столько же, сколько обыкновенно платят патриархи, то великий князь получил 95 рублей, или червонцев, за то, что он вел за повод осла. Однако этого узнать нам не удалось. Сегодня, а равно в течение всей следующей недели и на Пасху, почти непрерывно днем и ночью звонили в колокола.

Когда г. посланник отсюда возвращался верхом домой, к нему присоединился подполковник Шневиц, желавший поздравить его с благополучным приездом. Шневиц, полковник Бауман и другие офицеры совершили дорогу в Москву вместе с г. посланником, когда тот в первый раз был отправлен сюда²². Однако же, когда мы приехали на наше подворье, пристав Петр Иванович не хотел разрешить полковнику остаться у г. посланника на обед. Тогда г. посланник сделал ему строгий выговор, так как пристав вздумал запретить ему то, что сам великий князь разрешил, и оставил у себя подполковника. Сегодня вечером толмачу было поручено доставить королевские письма Давиду Рютцу²³; но так как вышеупомянутый пристав запретил стражникам впредь до нового распоряжения выпускать со двора кого-либо из людей г. посланника, то пришлось пока отложить это дело.

28 числа была составлена записка с жалобой на пристава, чтобы представить ее думному дьяку; но она не была отослана, так как пристав сам пришел и извинился перед г. посланником, заявляя, что он не виновен в том, что сделала стража. В полдень г. посланника посетил полковник Бауман с пастором Иоганесом Фокеродтом²⁴, которого он привез с собой из Дании, и майор Фридрих Мейер²⁵, состоявший толмачом при князе Данииле Мышецком в Дании. Все они очень обрадовались нашей блестящей победе и поражению шведов под Копенгагеном

и в Зунде. Так как мы уже долго не причащались, то обратились к пастору с просьбой читать у нас проповедь и дать нам причастие 31 числа.

29 числа секретарь и толмач были посланы с кредитными письмами к Рютцу и Марселису²⁶; но оказалось, что оба лежали в постели. Марселис заболел с горя, что его жена выкинула, вдобавок его мучила подагра; у Рютца же появился Антонов огонь в ноге и причинял ему сильную боль. Марселис, впрочем, не скрывал, что он очень огорчен тем, что по поводу векселя в 1000 рейхсталеров писали также и Рютцу, как будто он сам не в состоянии достать эту сумму.

30 числа у нас не было гостей, и мы готовились к великому святому делу, которое мы хотели исполнить на следующий день.

31 числа утром г. Фокеродт говорил проповедь, после чего мы причащались; затем он остался у нас обедать.

1 апреля, то есть день Страстной пятницы, мы проводили тихо и спокойно: пели псалмы, читали Евангелие и молились.

2 апреля толмач был послан в слободу, чтобы справиться о здоровье г. фон Дельдена. Вся эта неделя у русских считалась до того святой, что даже служебными делами никто не занимался, и мы узнали, что по особому приказанию великого князя все занятия были прекращены и все присутствовали на богослужении; вследствие этого днем и ночью не переставая звонили в колокола. На этой неделе русские, кроме того, очень строго соблюдали пост, воздерживаясь от пищи, которая могла бы вызвать отрыжку, так что все, не исключая и самого великого князя, довольствовались хлебом и квасом.

3 числа, то есть на первый день Пасхи, стрельцы, которые были у нас на карауле, поднесли нам несколько крашенных яиц со словами «Христос воскрес». Принимая яйца, нужно отвечать: «Воистину воскрес». Этот обычай соблюдается не только простыми людьми, которые даже на улице, целуясь, поздравляют друг друга, но и всеми сановными и даже великим князем, который по своему благоусмотрению приглашает своих бояр, офицеров и других служилых людей, а равно и купцов, чтобы собственноручно одарить их красными яйцами. Немецкие купцы, однако же, не считают большим удовольствием узреть ясные очи великого князя по тому или другому торжественному случаю, так как им подобная милость обходится довольно дорого, поскольку без подарков они не встретили бы милостивого приема и убедились бы в том, что ясные очи великого князя омрачились. Оба приста-

ва, которые всю прошлую неделю у нас не показывались, так как это мешало бы им говеть, теперь снова явились и поздравили нас с праздником, а один из них, именно Яков Семенович, поднес г. посланнику пасхальное яичко. На это г. посланник ответил подобающим образом и сказал, что он, желая присутствовать при пасхальном богослужении и предполагая поехать на следующий день верхом в слободу в церковь, просит приставов уведомить об этом думного дьяка и позаботиться, согласно данному ими в свое время обещанию, о том, чтобы ему и его свите были предоставлены лошади из великокняжеской конюшни. В полдень зашел полковник Бауман со своей невестой, остался обедать у г. посланника и, между прочим, предложил свои услуги в случае надобности.

4 утром была приведена для г. посланника белая верховая лошадь для поездки в слободу; свите же пришлось просить лошадей у полковника Баумана, который, согласно своему обещанию, прислал нам необходимое их количество. Полковник Бауман проводил нас в церковь офицеров, которые из-за того, что в другой лютеранской церкви тесно, отделились от купеческого прихода; у них есть свой собственный пастор, Иоганес Фокеродт. Выслушав проповедь, мы обедали у Михаила Тунова, куда кроме пастора зашел и полковник Штрасбург, родом лифляндец, который во время разговора, весьма, впрочем, вежливо, держался стороны шведов. Он участвовал в осаде Риги, при которой находился сам царь, и там от взрыва гранаты пострадал его слух. Вскоре после обеда г. посланник навестил г. фон Дельдена. Он настолько оправился от геморроидального приступа, что мог встать и выйти нам навстречу. Он сидел даже с нами целый час, после чего мы разошлись, чтобы не утомить его.

5 числа были у нас в гостях полковник Бауман и оба пристава, и мы беседовали с Петром Ивановичем о бессмертии, причем он с русской точки зрения давал очень удачные ответы. Потом полковник сообщил несколько эпизодов, характеризующих нравы русских и рисующих их выдающуюся способность обманывать и губить друг друга, чему немцы, долго там жившие, до такой степени у них научились, что превзошли даже своих учителей. Особенно отличались в этом отношении лифляндцы, которых полковник назвал старонемцами в том смысле, что они утратили старонемецкую добродетель. В доказательство этого он приводил два примера,

а именно: какой-то полковник, родом из Лифляндии, живший долго в Москве, хотел погубить своего собственного шурина, доброго и честного человека, состоявшего в чине подполковника, за то, что тот в присутствии двух русских отозвался довольно откровенно о великом князе. И полковник привел бы свое намерение в исполнение, но упомянутые русские оказались честнее его: когда он по секрету заявил им, что им придется быть свидетелями относительно слышанных ими слов подполковника в случае, если это потребуется от них, они предупредили последнего и просили его повторить им еще раз свой отзыв о великом князе и объясниться по этому поводу, так как им иначе в качестве свидетелей пришлось бы дать против него показания. Этому совету последовал подполковник и дал такие объяснения, что полковник уже не мог к нему придаться. Другой случай произошел с двумя капитанами, из которых один, тоже старонемец, родился и женился в Москве. Он из-за старшинства не мог ужиться со своим товарищем-капитаном и в один прекрасный день, когда они вместе ездили по городу, приглашая знакомых на похороны умершего товарища, решил воспользоваться этим случаем, чтобы отомстить. С этой целью наш капитан-старонемец привел своего товарища в дом своей тещи, предлагая ему пригласить прежде всего ее, и здесь, в комнате, стал его бить и колотить изо всех сил до такой степени, что тот едва оттуда мог выползти. Когда же пострадавший капитан хотел подать на это жалобу, то оказалось, что другой капитан уже подал заявление о том, что, когда он оставил своего товарища в комнате вдвоем со своей женой, выйдя, чтобы о чем-то распорядиться, тот вздумал воспользоваться этим и совершил над ней гнусное насилие, вследствие чего она кричала, пока он сам не явился и силой не вырвал ее из рук товарища. Принимая во внимание, что это подтвердили и свидетели, а именно капитан, его жена и теща, то другой должен был примириться с побоями и пострадал бы, кроме того, еще жестоким образом, если бы в числе сновников не нашлось никого, кто бы заступился за него. Мы просили также полковника Баумана, чтобы он при случае разузнал у князя Юрия Ивановича Ромодановского, у которого, как у своего начальника, он часто бывал, когда именно князь, согласно данному им обещанию, намерен быть с визитом у г. посланника.

6 числа толмач опять был послан к Давиду Рютцу, чтобы получить ответ на королевские к нему письма, но и на этот раз безрезультатно, потому что Рютц, мучимый сильной болью, никого не принимал и из его домашних никто не решился беспокоить его вопросами. Вышедшая в свет печатная книжечка с достоверным повествованием о событиях, происшедших после мирного договора, заключенного нами с Швецией, была тоже сегодня, вручена приставам для перевода ее на русский язык²⁷.

7 числа после обеда пришли к г. посланнику в нетрезвом виде подполковник Шневиц, майор фон Зален и капитан Бем. Но когда они вздумали отозваться неодобрительно о действиях полковника Баумана и даже бранить его за то, что он в своем полку, состоящем из 3000 человек, назначил подполковником кроме Шневица еще Варборга и майором кроме фон Залена еще Фридриха Мейера, им сделали строгий выговор за пьянство, вследствие чего они сами скоро убралась.

7 апреля пришли к г. посланнику полковник Бауман и майор Мейер; последний хотел проститься, так как получил приказание выехать в Тулу, а оттуда выступить еще дальше с 1000 человек из полка Баумана, которые там были расквартированы в окрестностях. Полковник оставался у нас до поздней ночи и рассказывал нам, между прочим, о столкновении, которое произошло между шотландским генерал-майором Друммондом и неким купцом с острова Эзеля Карлом Кодем. Последнего генерал-майор велел избить батогами под предлогом, что тот-де в присутствии Анны Юнгманс, дочери какого-то полковника, любящей вести беседы с щедрыми людьми, выразился непочтительно о нем и обо всех шотландцах. Экзекуция была произведена следующим образом: генерал ласково пригласил к себе в дом Коля, когда тот проходил мимо, затем запер двери и напал на него с целой компанией, причем полковник Джонстон, тоже родом из Шотландии, приставил ему к голове заряженный пистолет со взведенным курком, угрожая застрелить его, если он окажет сопротивление или будет кричать о помощи. После того разрезали ему на спине его кожаный пиджак, заткнули ему рот и затем прислуга генерала била его усердно по спине палками, пока не прибежали посторонние, главным образом торговцы. Они осыпали генерал-майора упреками и довели дело до суда, который решил, что генерал-майор должен просить у Коля прощения и дать ему 60 червонцев за его поругание. Деньгами этими, впрочем, Коль сам не

воспользовался, а пожертвовал их бедным. И если бы в то время так сильно не нуждались бы в офицерах, то генерал-майор по царскому приговору лишился бы даже правой руки и обеих ушей.

Полковник Бауман далее рассказывал про полковника Мейна, тоже родом из Шотландии и вероисповедания реформатского, что тот ложно обвинил в измене своего законоучителя, который ушел от него, поссорившись с ним, и затем получил в слободе место преподавателя. Вследствие этого доноса несчастного человека посадили в тюрьму, и он погиб бы, если бы купцы не заступились и не опровергли обвинения полковника. И тогда уже полковник едва ли не сам пострадал, так как Илья Данилович Милославский сказал ему, какое наказание он заслужил за ложный донос; но его простили.

8 числа был у г. посланника богатый русский торговец, чтобы выразить свою благодарность за то, что его человеку разрешили ехать в нашей свите от Кенигсберга до Москвы. Купец преподнес г. посланнику два блюда с яблоками, блюдо имбирного варенья и бутылку францвейна, и все это несли на руках перед ним его служители. Наш толмач получил тоже блюдо с яблоками и тарелку с имбирным вареньем и очень обрадовался оказанному ему вниманию. Сегодня же потребовали полковника Баумана и его офицеров к великому князю; он был допущен к царской руке и получил от царя три пасхальных яйца, другим же офицерам дали только по два.

9 числа пришли оба пристава и заявили, что великий государь царь пожаловал г. посланника двойным количеством яств и питья. Сегодня далее Марселис заявил, что он один уплатит по векселю на 1000 рейхсталеров; от Рютца же ответа не было получено, потому что его состояние с каждым днем ухудшалось и вследствие его жестоких болей с ним нельзя было говорить.

10 числа зашел к нам полковник Бауман, когда мы уже окончили воскресную молитву, и остался на обед. Он сообщил, что князь Юрий намерен в ближайшее время быть у г. посланника с визитом, и рассказал подробно, как патриарх после обедни, отслуженной в какой-то праздничный день, топтал ногами свое облачение и золотой крест, которым он благословлял народ, заявляя при этом, что он считает себя недостойным высокого сана патриарха²⁸. Таким образом, он отказался от своей должности и удалился сначала в монастырь, расположенный в городе, а затем в другой, за 10 миль от Москвы, чтобы здесь жить

в уединении монахом. По мнению полковника и других лиц, это было вызвано тем, что патриарх хотел преобразовать церковь и уничтожить иконы, против которых он и проповедовал открыто, но боялся, что это ему не удастся, так как все сановники были против него. Хотя великий князь несколько раз требовал от него, чтобы он вернулся, он тем не менее настоял на своем и продолжал жить в уединении, занимаясь постройкой монастыря, который он назвал Новым Иерусалимом²⁹; с этой целью он и заказал у купцов в слободе золоченой жести на 24 000 рейхсталеров. И все это тем неприятнее для москвитян, что они не могут выбрать патриарха, пока этот жив, так как он увез с собой тот знак, который патриарх непременно должен иметь; но что это за знак, мы не могли узнать наверное.

Сегодня переменилась погода и стала очень неприятной; шел снег и дождь, и это продолжалось несколько дней, так что дороги, которые уже начали подсыхать, сделались топкими и непроходимыми.

11 числа полковник Бауман пригласил к себе секретаря и голмача и показал им чертеж огромной мортиры, которую предполагалось отлить в Туле на литейном заводе Марселеса из 8750 с чем-то пудов металла (считая каждый пуд по 40 фунтов). Но для того чтобы эта мортира была получше, ее хотели отлить таким образом, чтобы пасть над камерой по желанию можно было разбирать на 3 части и складывать, и заделывать винтами так, чтобы она опять была прочна и крепка, будто из одного куска. Модель гранаты к ней, которую предполагали отлить тоже в Туле из 14 050 фунтов железа, была так высока, что она от земли доходила до подбородка довольно высокого человека. Для начинки этой гранаты требовалось 2000 фунтов пороху и для заряда камеры, для воспламенения гранаты — 200 фунтов пороху. Полковник нам показал тоже чертеж пушки, которую изобрел сам великий князь.

12 числа г. посланник отдал визит полковнику Бауману, который его принял очень любезно и показал ему чертеж большой мортиры, далее модель гранаты к ней и целый ряд чертежей пушек, которые предполагалось отлить. В числе последних были и изобретенные им полевые пушки, для передвижения которых было достаточно одной лошади, причем для приведения их в действие требовалось всего два человека прислуги. Ввиду того что эти пушки были вылиты с камерами и заряжались сзади, их можно было заряжать и производить из них выстрелы быстрее, чем это мог сделать самый

ловкий солдат при стрельбе из своего мушкета. Полковник доказал это на опытах, предпринятых в присутствии царя, так как 12 подобных пушек уже были готовы. Полковник сообщил далее, что он, кроме того, составил проект укрепления из телег, в котором могли поместиться более 1600 всадников и пеших и которым можно было пользоваться на коротких и на дальних переходах при нападениях казаков и татар³⁰. Он попросил г. посланника и его свиту остаться у него и угощал нас очень хорошо, но во время обеда пришел пристав Петр Иванович и заявил, что он получил строгое замечание за то, что г. посланник выехал без сопровождения одного из приставов и что ему было приказано думным дьяком Алмазом Ивановым отыскать г. посланника и остаться при нем. Он был, кажется, очень весел, потому что отыскал г. посланника и оставался при нем, пока тот не уехал от полковника. Затем он провожал г. посланника домой и просил его никогда не выезжать без ведома его или другого пристава, так как во исполнение строгого предписания всегда один из них должен находиться при нем и наблюдать за тем, чтобы пьяные люди, встречающиеся в это время часто на улицах, не причинили бы обид ему или кому-либо из его свиты. Сегодня под вечер умер Давид Рютц. Он уже вчера лишился речи и лежал почти без памяти и сознания.

13 посетили г. посланника купцы из слободы, а именно: Бахерах и Герман фон Троек³¹. Они весьма обстоятельно засвидетельствовали свое почтение и пожелали нашему все милостивейшему королю и его государству счастья и победы над всеми врагами, уверяя, что они готовы ко всяким услугам. После этого они были приняты подобающим образом, приглашены к обеду и угощены на славу.

14 числа пришел г. фон Дельден и прислал г. посланника к себе в гости на следующее воскресенье; он остался у нас обедать вместе с Петром Ивановичем и был в хорошем расположении духа, так как совершенно выздоровел от болезни. После обеда зашел полковник Бауман с другим приставом, и оба они присоединились к нашей компании. В этот же вечер в слободе произошло нечто неслыханное между супругой какого-то генерал-майора и ее служанкой, а именно следующее: генеральша эта, родом англичанка, весьма распутная дама с наглым выражением лица, расправилась со своей служанкой, которая не хотела уступать хозяйке по части распутства или, по крайней мере до известной степени, подражала ей.

15 повели генеральшу в приказ к Илье Даниловичу на допрос. Здесь она не только созналась в своем злодеянии,

но даже выразила сожаление, что она с этой развратницей не поступила еще более жестоко. Отсюда ее отправили в какой-то монастырь. Великий князь, говорят, сам вынес ей приговор и, принимая во внимание, что потерпевшая женщина осталась в живых, повелел отрубить генеральше правую руку, отрезать ей нос и сослать ее в Сибирь. Теперешний муж ее, который имеет только чин полковника и находится в походе против казаков, был лишен командования полком и вызван в Москву, так как он тоже должен идти в ссылку в Сибирь. Исполнение приговора, однако же, было приостановлено, и полагают даже, что генеральша будет освобождена после внесения известной суммы денег, так как у нее есть много хороших друзей, которые теперь, желая спасти ее, сделали подарки влиятельным лицам; к тому еще Илья Данилович был ее крестным отцом.

16 числа секретарь был послан по поводу упомянутых выше 1000 рейхсталеров к г. Марселису. Он согласился внести эту сумму и затем, когда его просили, рассказывал о разных замечательных вещах, например об одном жернове, в котором, когда он случайно сломался, нашли ветку елки и целую редьку; в другом же жернове нашли будто бы целые ветки. Далее он рассказал про огромную щуку, которая появилась в озере, находящемся по дороге в Архангельск; щука эта пожирала всех людей и животных, приближавшихся к берегу, пока ее наконец не поймали на маленький якорь, к которому был привязан теленок. Когда же Марселису возражали, что это сказка, он усерднейше уверял, что в каком-то монастыре монахи теперь еще пользуются стульями, сделанными из хребта этой щуки. Он показал далее громадный клык какого-то великана, уверяя при этом, что за этот зуб шведский посланник предлагал ему 100 червонцев, но он не уступил. Кроме того, он сообщил, что ему обещали еще один зуб, несравненно больше упомянутого, выломанный каким-то дворянином около Казани из черепа таких огромных размеров, что 14-летний мальчик мог пролезть в одну орбиту и выйти в другую.

18 рано утром г. посланника пригласили на погребение г. Рютца через людей, принесших латинское письмо, написанное реформатским пастором Иоганесом Кравинкелем. Сегодня же г. посланник через приставов обратился к думному дьяку с заявлением, что он, желая, чтобы его дела были решены возможно скорее, и предполагая, что это иначе невозможно, просит о разрешении ему прислать

теперь же, по примеру прошлого посольства, своего секретаря и толмача в Посольский приказ, чтобы сообщить туда обо всем, что, по его мнению, еще необходимо обсуждать.

19 числа приставы принесли ответ, что вчерашняя просьба г. посланника не может быть уважена и что все его предположения должны быть доставлены по назначению через них, тем более что они с этой целью и назначены состоять при нем. Они обещали затем выполнить все как следует, но нам было очень досадно, когда мы потом узнали, каким образом они исполнили свое обещание. Сегодня до обеда были у г. посланника с визитом господы фон Дельден и Марселис, и их пригласили к обеду. После обеда общество увеличилось, так как еще зашли полковник Бауман и Герман фон Троен, немецкий торговец, искренне симпатизирующий нашему государству.

20 числа были похороны г. Рютца, на которые были посланы пятеро из нас, а именно: секретарь, толмач, гофмейстер, Петр Гуварт из Данцига и камердинер. Из них первые трое заехали сперва с полковником Бауманом в слободу к Иоганну фон Дельдену и затем вместе с последним в дом Генриха Свелленгревера, то есть зятя покойного, куда принесли гроб два дня тому назад. Все участники траурной церемонии уступали нам, как представителям посланника, почетное место не только здесь...* и за столом, так как нас два раза весьма хорошо угощали, но и в церкви. Когда мы вошли в дом, то увидели, что в той комнате, в которой обыкновенно собираются мужчины, были накрыты три довольно длинных стола, тесно уставленных вареньями и другими яствами, предназначенными для завтрака. Кроме того, нам подавали холодный пивной суп из очень больших серебряных чашек, в которых лежало по ложке такой величины, что 6 подобных ложек, наверное, могли наполнить целый горшок, а затем пили согретое вино из маленьких серебряных кубков. После завтрака, около двух часов, нас пригласили на вынос; повесили тело, покрытое по нашему обычаю черным сукном, между двух лошадей и повезли его на кладбище при нашей церкви, где хоронят без различия вероисповедания всех немцев. За телом следовали верхом все присутствовавшие без соблюдения особого порядка и затем с

* Так в тексте.

кладбища все опять поехали в кальвинскую церковь, где впереди были поставлены мягкие кресла для секретаря, толмача и гофмейстера, и здесь они слушали проповедь, текст которой «Да возлюбил Бог свет» был взят из третьей главы Иоанна. Выслушав проповедь, мы опять поехали на кладбище, тело еще не было погребено. Здесь снова было сказано слово о бренности людской, после чего опустили покойника в могилу. Затем пастор поблагодарил от имени всей родни всех оказавших покойнику последнюю честь и попросил пожаловать еще раз в упомянутый выше дом, чтобы принять участие в приготовленном там угощении. Когда мы снова приехали туда, столы уже были покрыты и уставлены прекрасными кушаньями; блюда сменялись три раза, и угощение было превосходно. Говорят, что у здешних иноземцев всегда предлагают такое роскошное угощение при похоронах, вследствие чего несостоятельным у них приходится расходовать деньги выше своих средств, так как они не желают уступать другим. Угощение продолжалось около трех часов, и затем все поехали опять домой, за исключением представителей г. посланника, которых вместе с полковником Бауманом и фон Дельденом пригласили к Гордерту Герцу, где им предложили хорошее угощение.

21 утром мы просили приставов ходатайствовать у думного дьяка от имени г. посланника о том, чтобы он возможно скорее представил на благовоззрение его царского величества статью, касающуюся зерна, и сообщил поскорее г. посланнику о последовавшем решении, чтобы тот мог уведомить о том своего короля для своевременной присылки необходимых кораблей. Приставы обещали исполнить это.

22 числа секретарь и толмач были у наследников Рютца по поводу 1000 рейхсталеров, о которых было написано ему в грамоте его величества, и энергично требовали уплаты этой суммы ввиду того, что Рютц при жизни принял грамоту и не отказывался выполнить, что в ней требовалось. С этим соглашался и пастор Кравинкель и обещал поддержать наше требование у других опекунов. Отсюда мы зашли к молодому Мартину Бюхлингу, куда также явился князь Юрий Иванович Ромодановский с двумя другими князьями. Но так как он хотел говорить о чем-то по секрету с Бюхлингом, то они оба вышли в другую комнату. Через час князь Юрий позвал туда и нашего толмача и, выпив за здоровье нашего посланника, любезно поручил ему передать г. посланнику свой

привет, уверение в дружеском расположении и обещание навестить его в ближайшее время.

23 г. фон Дельден принес хорошую весть о большом поражении шведов под Копенгагеном, где они во время приступа потеряли много генералов и высших офицеров. Он просил, однако же, чтобы мы о том никому не сообщали, так как иначе при дворе могли обвинить его в распространении вестей, которые в приказе пока еще держали в секрете. Получив, таким образом, хорошие вести, мы поблагодарили Бога и провели весь день весело вместе с полковником Бауманом, фон Дельденом и Дидерихом Геллингом, немецким купцом.

24 числа г. посланник получил приглашение на следующий день в гости, в слободу, к купцу по имени Бахерах, и, так как сегодня у нас никого не было, мы пригласили обедать с нами наверху экипажного мастера великого князя, родом из Дании, который сидел внизу у камердинера. Он рассказал, между прочим, что он в настоящее время занят изготовлением железных частей великокняжеской кареты, которые везде по разрезам будут позолочены, на что потребуется больше 2500 рублей или червонцев.

25 числа под утро вспыхнул большой пожар недалеко от Кремля; целых три улицы загорелись, и большое количество образов, которые продавались во всех лавках на одной из этих улиц, вознеслись на небо в этом огне и жаре. Ведь русские уверены, что образа не сгорают в огне, а поднимаются на небо, хотя оставшийся от них пепел, конечно, все видят. Этот пожар был тем опаснее, что по соседству находились большие склады пороху, который поэтому был весь брошен в воду. Так как огонь приближался к нам, мы начали складывать свои вещи, чтобы спрятать их в каменном доме покойного Давида Рютца; но, слава Богу, в этом не оказалось надобности. Около полудня г. посланник согласно данному вчера обещанию поехал в гости к г. Бахераху, который пригласил еще полковника Баумана, фон Дельдена, Марселеса, фон Троена и своего зятя Вернера Мюллера. Хозяин сделал все что мог, чтобы оказать посланнику величайшее почтение.

26 снова был сильный пожар, но на этот раз уже за городом в каком-то монастыре, и возник вследствие того, что угостившиеся монахи не смотрели за восковыми свечами, горевшими перед образами. Говорят, что пожар уничтожил много драгоценностей и останки многих бояр и вельмож, которые покоились там. Великий князь принял этот пожар близко к

сердцу и повелел осматривать немедленно все дымовые трубы по всей Москве и строго приказал всем домовладельцам, чтобы они осторожнее обращались с огнем. Повеление великого князя было обнародовано по отдельным частям города некоторыми из сановников, сопровождаемых большим количеством всадников, из которых двое держали в руках связку палок толщиной в маленький палец. Два сановника заехали и на наше подворье и строго приказали ярыжникам, которые в кухне помогали повару, во избежание батогов и других строгих наказаний смотреть внимательно за огнем. Но наш гофмейстер заявил им, что мы сами строго за этим наблюдаем и никогда не ложимся спать, пока не убедимся, что все обстоит благополучно. За эту осторожность они нас похвалили и затем уехали. Кроме того, по монастырям монахам было воспрещено ставить в нетрезвом виде свечи перед образами. Сегодня утонуло в Москве-реке более 50 человек, когда они переправлялись, так как баржа с ними опрокинулась. Одна женщина, с ребенком на руках, удержалась на поверхности благодаря юбкам и была довольно далеко отнесена течением, пока наконец ее не спасли вместе с ребенком.

27 снова вспыхнул пожар у св. Николая и охватил всю церковь. Чтобы поддержать и поощрить расположение купцов, засвидетельствованное ими г. посланнику на Пасху, сегодня кроме полковника Баумана были к нам приглашены в гости господи фон Дельден, Марселис, Бахерах, Гордерт Герц, Дидерих Геллинг и Вернер Мюллер. Настроение гостей под конец было столь веселое, что все они без исключения начали плясать в одиночку; г. Марселис, который вследствие своей подагры не был горазд танцевать, хотел тем не менее доказать свою веселость и прыгал, опираясь на свою палку. Когда они ехали домой, то дорогой, по вине провожавших их слуг, произошло столкновение с некоторыми русскими, и Вернер Мюллер получил кирпичом удар в лицо и изрядную порцию тумачков. Полковник же оставался у нас, пока не опьянел окончательно, так что, возвращаясь домой, три раза падал с лошади, но он не пострадал, и все обошлось благополучно.

28 мы спросили приставов, которые несколько дней к нам не заходили, не получен ли ответ на наше ходатайство. Тогда они извинились и заявили, что из-за губительного пожара, уничтожившего два приказа и причинившего много тревог, они пока еще ничего не узнали; однако же обещали возможно скорее продолжать свои хлопоты по этому делу. Сегодня был тоже вынесен весьма строгий приговор над двумя

князьями, на какой-то пирушке поссорившимися с генералом Долгоруким из-за места, которое они требовали для себя по своему происхождению, между тем как генерал его требовал по своим заслугам, указывая на то, что он неоднократно успешно воевал с неприятелем и, между прочим, взял в плен польского полковника Гонсевского. Так как этот спор между ними разгорался и они не могли прийти к соглашению, то Долгорукий ушел с пира, а великий князь потребовал к себе обе стороны и сам решил, что оба князя с непокрытой головой должны следовать пешком за Долгоруким, ехавшим верхом, и что они с женами и детьми будут его холопами, так что он властен распоряжаться ими и их имуществом по своему усмотрению. За эту великую милость Долгорукий поблагодарил царя, но дарованной ему над обоими князьями властью воспользовался только отчасти, заставив их согласно решению великого князя провожать его до своего дома пешком с непокрытой головой наравне с другими своими слугами. Потом он их поблагодарил и отпустил на волю со всеми их домочадцами.

29 г. Марселис уведомил нас, что если г. посланник желает отправить письма, то три молодых купца через день или три уедут в Гамбург.

30 мы опять просили приставов доставить нам ответ на наше ходатайство, но они уклонялись, ссылаясь на разные препятствия (болезнь думного дьяка и обременение его делами); поэтому мы им сделали серьезный выговор за то, что они так мешкают и так медленно исполняют дела, столь важные для г. посланника. Но они оказались толстокожими, обратили мало внимания на наши доводы, и мы от них ничего не добились.

1 мая были привезены в Москву 40 пленных казаков со связанными руками, причем москвитяне шумели и ликовали, будто пленных было в сто раз больше. В этот же день секретарь был послан к г. фон Дельдену, чтобы узнать, привели ли к какому-либо новому результату переговоры между Москвой и Швецией, которые пока закончились 3-летним перемирием³¹. Он вернулся с известием, что ожидают в скором времени возвращения дворянина, посланного с великокняжеской грамотой в Швецию, чтобы узнать о времени и месте для съезда уполномоченных, назначенных с обеих сторон для размежевания границ. Таким образом, до возвращения этого гонца нельзя было рассчитывать на новые вести. Чтобы отпраздновать первый день мая, все живущие здесь англичане согласно установившемуся у них обычаю поехали сегодня в Марьину рощу, которая, говорят, весьма красива,

несмотря на то что погода дождливая и что роща еще не покрылась зеленью.

2 числа мы писали письма в Данию и передали их г. Марселису, чтобы он их отправил в своем пакете. Кроме того, толмач зашел к опекунам наследников Рютца, так как некоторые из них не были согласны на уплату 1000 рейхсталеров.

3 числа секретарь был послан к г. Марселису, чтобы узнать, не согласен ли он одолжить г. посланнику еще известную сумму, если наследники Рютца не пожелают уплатить денег, требуемых королевской грамотой. Он, однако же, извинился и заявил, что без согласия г. Гиндриха Миллера и его брата ничего сделать не может; зато обещал поговорить с наследниками Рютца и, со своей стороны, убеждал их уплатить деньги в случае, если посланнику оказалось бы невозможным обойтись теми 1100 рейхсталерами, которые он, Марселис, уплатил. Он хотел также сам зайти еще в этот же вечер к посланнику, чтобы поговорить с ним по этому делу и по поводу зерна, о котором посланник ходатайствовал у великого князя. По его мнению, г. посланнику надо было ходатайствовать о разрешении покупать эти запасы одновременно через своего фактора и вывозить их из Архангельска, но не следовало просить о получении их из житниц или казны великого князя, потому что в таком случае пришлось бы довольствоваться плохим и старым зерном и к тому же еще платить за него гораздо дороже, чем за хорошее зерно в другом месте. Вечером этого дня наш повар, который вообще забавный человек, представил нам при помощи своих ярыжек, или, как он их называл, пажей, балет и устроил весьма комичное зрелище.

4 числа великий князь получил дурные вести, а именно о том, что под Клюквой, которая находится в 6 верстах от Путивля, его войско было разбито казаками, причем сам кн. Трубецкой едва спасся с немногими ратниками. Он осадил крепость, в которой заперлись около 60 000 казаков, имея в своем распоряжении всего 16 000 человек, и, так как он не был осведомлен о количестве казаков, которые себя в крепости держали тихо и осторожно, он решил взять ее приступом. Казаки, однако, взорвали сделанные ими мины, когда неприятель ворвался в крепость, и причинили ему таким образом большой ущерб. Затем они сделали вылазку и перебили тех, кто не успел спастись бегством, в том числе и многих храбрых немецких офицеров³². Из них были убиты, перевезены в Москву и здесь похоронены полковник Бринг и майор Балк. Сегодня же полковник Бауман со своими офицерами

должен был в присутствии великого князя произвести испытание мортиры и других огнестрельных орудий, но так как это расстроилось вследствие вышеизложенных вестей, Бауман навестил вместе с фон Дельденом г. посланника.

5 мая снова мы настаивали, чтобы приставы нам принесли ответ думного дьяка на сделанные нами уже давно заявления. Тогда они объявили, что г. посланнику в непродолжительном времени будет дана аудиенция, где он получит все желаемые им сведения, поэтому ему следует приготовиться, чтобы явиться без замедления туда по предложению великого князя. Желая вследствие этого поторопить думного дьяка со скорым благоприятным решением нашего дела, г. посланник составил памятную записку для Алмаза Иванова и передал с приставом с просьбой доставить ее по назначению. Сегодня, кроме того, было написано письмо реформатскому пастору по поводу вышеупомянутых 1000 рейхсталеров с просьбой оказать содействие при решении этого вопроса.

5 мая к обеду пришли к г. посланнику подполковник Шневиц, майор фон Зален и один капитан. Все они были уже навеселе, когда к нам явились, и так как они у нас еще выпили, провозглашая здравицы, то скоро совсем опьянели. Возвращаясь домой, майор фон Зален подъехал к какому-то торговцу и захотел купить у него яиц, выражая при этом желание осмотреть предварительно несколько штук, чтобы убедиться в свежести их. Но когда они ему были переданы, он бросил их одно за другим торговцу в лицо и запачкал его таким образом совершенно. Свидетели этой выходки прибежали и страшно избили майора и его слугу; они стащили майора с лошади и покончили бы с ним, если бы не подоспели стрельцы, которые вырвали его из рук этих людей. Стрельцы повели его отсюда в приказ Ильи Даниловича Милославского, где ему пришлось сидеть до следующего дня.

6 числа Илья Данилович доложил об этом происшествии царю и при этом сильно сгущал краски, так как ненавидит немецких иноземных офицеров, служащих под командой Ромодановского, с которым он в натянутых отношениях. Великий же князь потребовал последнего к себе и сделал ему выговор за то, что он так распустил подчиненных ему офицеров. Когда Ромодановский вздумал защищаться, великий князь в припадке гнева оттащил его за бороду так, что он не на шутку пострадал. Это так сильно огорчило Ромодановского, что он немедленно запретил полковнику Бауману и другим своим офицерам навещать г. посланника, у которого

любитель яиц до такой степени напился, что причинил этим неприятности другим людям. Об этом запрете он велел известить от имени великого князя офицеров, и им пришлось этому подчиниться.

Сегодня секретарь был тоже по некоторым делам у Дидериха Геллинга, куда в числе других русских зашел и некий старик по имени Сергей Андронникович Малой, который когда-то был посланником в Швеции. Это был самый вежливый из всех русских, которых нам пришлось видеть. Он предлагал нам свои услуги, несмотря на то что уже не был в силах оказывать таковые.

7 числа толмач был у наследников Рютца и настаивал, чтобы они возможно скорее решили денежный вопрос. Они наконец заявили, что охотно уплатили бы сумму в 1000 рейхсталеров, требуемую в королевской грамоте, если бы покойный Рютц имел на хранении деньги его величества или если б в Дании время было не такое тревожное. Но чтобы избавить г. посланника от затруднений и принимая во внимание предстоящее ему дальнейшее путешествие, они согласились тем не менее уплатить требуемые деньги при условии, что г. посланник им выдаст обязательства с обещанием уплатить эти деньги как личный свой долг, если они не будут уплачены его величеством или датским правительством. Г. посланник на это согласился и просил, чтобы они сами составили текст обязательства по их усмотрению. В эту ночь умерла младшая дочь великого князя; в живых остались три дочери и царевич.

9 похоронили покойную царевну в Новодевичьем монастыре³³; ведь московитяне не оставляют стоять покойников две ночи, а хоронят их возможно скорее. Царь следовал сам за гробом в фиолетово-коричневом кафтане и шапке такого же цвета, окруженный всеми своими вельможами, которые были одеты очень скромно. Нам очень хотелось увидеть процессию, но это не удалось, так как иностранцев в подобных случаях не допускают. Великий князь и все его придворные и вельможи постились до вечера, и после, говорят, он их угощал и велел раздать всем священникам, которые присутствовали на похоронах, водку и другие напитки. Придворный траур продолжается целых 6 недель, и за это время великий князь никого не допускает к себе, разве только в особенно важных случаях; вельможи же показываются только в фиолетово-коричневом платье, так как этот цвет считается у московитян траурным. В полдень секретарь был послан от имени г. посланника к полковнику Бауману, чтобы навестить его, так как ему запрещено ходить к г. посланнику. Он при-

нял секретаря очень радушно и говорил, что запрещение Ромодановского для него так больно и чувствительно, что он предпочел бы умереть, чем дольше жить в подобном рабстве. Поэтому, считая, что ему не удастся получить разрешение посетить г. посланника до его отъезда, он и просил секретаря убедить г. посланника, чтобы тот по приезде в Копенгаген ходатайствовал перед королем о послании к царю грамоты с требованием отпустить его ввиду того, что он как подданный его величества короля датского был отпущен только на определенный срок, который в настоящее время почти уже истек. Этим способом он надеялся вернее всего вырваться из этой некультурной страны.

10 числа мы совещались с приставами о нашем обратном путешествии и о лучшем и безопасном пути; ведь, не получив писем и вестей о положении вещей в других странах, мы сами не знали, какую выбрать дорогу. Однако мы надеялись, что по повелению царя позаботятся о г. посланнике и его свите, принимая во внимание, что его величество король датский поступил таким же образом, когда царский посланник был у нас³⁴.

11 числа обедал у нас г. фон Дельден, и мы весело праздновали день рождения г. посланника.

12 обедал у нас пристав Петр Иванович и был очень любезен, так как надеялся, как он, впрочем, уже раньше намекал, что его, может быть, в качестве посланника отправят вместе с нами к его величеству королю датскому. Он просил поэтому, чтобы г. посланник в этом случае оказал ему содействие и принял бы его в свою компанию; это и было ему обещано. Когда после обеда упомянули о полковнике Баумане, г. посланник дал понять приставу, как ему больно и досадно, что полковнику запретили приходить к нему, тем более что полковник как подданный его величества короля датского был отпущен к его царскому величеству только на определенный срок по просьбе князя Даниила, который тогда находился в Дании в качестве посланника. Указывая далее на то, что срок этот теперь уже почти истек, посланник выразил надежду, что ему удастся достичь того, что он в непродолжительном времени сможет беседовать с полковником в Дании вольно и беспрепятственно. Сегодня в 7 верстах отсюда, около Измайлова, полковник Бауман и его офицеры метали снаряды и стреляли из мортир, и тогда полковнику по его просьбе снова было разрешено приходить к г. посланнику. Об этом он нас уведомил в тот же вечер, говоря, что он

на другой день утром будет у нас, чтобы засвидетельствовать свое почтение г. посланнику.

13 мая явился к нам, согласно вчерашнему обещанию, полковник. Он был в очень хорошем настроении и пригласил г. посланника с его свитой на послезавтра в Марьину рощу. Его предложение было принято, и мы обещали ему приехать туда.

14 числа было покончено дело о 1000 рейхсталерах с наследниками Рютца, и деньги затем уплачены. В полдень мы заявили приставу, что г. посланник на другой день желает слушать проповедь в слободе и после того с полковником Бауманом немного прогуляться в Марьиной роще, и просили далее уведомить об этом Алмаза, а также позаботиться о том, чтобы нам для поездки были предоставлены лошади. Но пристав отказался исполнить наше желание, всячески извиняясь и вообще всеми силами стараясь помешать исполнению нашего плана. Однако он вскоре убедился, что ему не удастся отговорить г. посланника от принятого им решения. Тогда он отправился прямо к Алмазу, который выразил сожаление, что на завтра из великокняжеской конюшни лошадей дать нельзя, потому что об этом необходимо было предварительно доложить царю, и что теперь уже неудобно беспокоить его этим. Но если г. посланник пожелает все-таки выехать, добавил он, то ему разрешается взять лошадей у полковника. На это посланник был вполне согласен.

15 мая после богослужения поехали верхом в Марьину рощу, расположенную по крайней мере в полумиле от слободы. Туда ведет хорошая ровная дорога; по правую сторону ее лежит Покровское, где находится соколиный двор великого князя, весьма изящно построенный из дерева, и здесь, говорят, есть весьма красивые помещения, украшенные чудными обоями и бархатом. Говорят также, что великий князь здесь часто бывает, потому что он большой любитель соколиной охоты и до того интересуется этими птицами, что недавно, когда две из них не хотели есть, очень встревожился и велел узнать, не найдется ли кто-нибудь из иноземцев, который мог бы их вылечить. Тогда предложил свои услуги фельдшер полковника Баумана; он приготовил рубленое голубиное мясо, и соколы опять стали есть. За это ему в награду дали 25 рублей и три пары хороших соболей, кроме того, его оставили в Москве и дали какую-то службу по соколиной части, когда полковник выступил в поход.

Когда мы доехали до рощи, г. полковник встретил

г. посланника и принял очень любезно его и других приглашенных, а именно: фон Дельдена, Бахераха, Гордerta Герца с женой, фон Троена, Геллинга и др. Полковник угощал нас под шатром, в котором красиво в виде сердца было сделано из земли нечто вроде стола, за которым могли сидеть более 30 человек. Когда мы кончили обед, к нам присоединились Петр Иванович и наш старый пристав, который сопровождал нас от Смоленска до Москвы; мы были в наилучшем настроении, как вдруг явился пристав полковника, присланный к нему князем Юрием Ивановичем Ромодановским, с требованием явиться к князю возможно скорее по важному делу. Это очень огорчило полковника, но он оставил общество, попросив фон Дельдена хозяйничать, а сам поспешил в Москву, где получил предписание готовиться немедленно со своими офицерами к выступлению в поход, так как великий князь приказал ему как можно скорее присоединиться к армии. Вечером мы возвращались в город в сопровождении прежнего и нынешнего приставов. Они скоро простились с нами и поехали по другой дороге, но потом опять присоединились к нам.

Мы их тогда еще раз хорошо угостили водкой и наконец спровадили.

16 утром пришли оба пристава и объявили г. посланнику, что ему назначена аудиенция на 11-й час, (т. е. по нашему около 4 часов пополудни). Приставы просили, кроме того, г. посланника, чтобы он со свитой по случаю великокняжеского траура приехал на аудиенцию в возможно скромных нарядах, так как это великому князю будет очень приятно. Посланник согласился на это. Когда привели великокняжеских лошадей, которые теперь по случаю траура были не белой, как прежде, а все черной масти и очень скромно убраны, г. посланник поехал верхом между двух приставов в таком же порядке, как прошлые два раза, ко дворцу, где стрельцы, распределенные по ротам, с их знаменами, приготовленными заново из тафты темного цвета, стояли до самого крыльца, по которому мы поднялись. Те же князья, а именно стольник князь Василий Богданович Волконский и князь Павел Гаврилович Симановский, которые уже прошлые разы встречали посланника в передней, вышли сюда и на этот раз, прочли великокняжеский титул и объявили, что великий князь ожидает г. посланника. Затем они ввели его в знакомый нам уже зал для аудиенций, так называемую Золотую палату, где все было убрано очень скромно: великий князь сидел на

троне, покрытом фиолетово-коричневым бархатом, был одет в кафтан и шапку того же цвета и держал в руках жезл без украшений. Окна были обвешаны вперемешку фиолетово-коричневым бархатом и дамаском, а креп и тафта были такого же цвета. В остальном все происходило так же, как и в прошлой аудиенции, с той лишь разницей, что церемония была проще, причем все вельможи, которые присутствовали, на этот раз были одеты в свое обычное платье.

Г. посланник принес прежде всего великому князю благодарность за все милости, оказанные ему и на этот раз во время пребывания в Москве, и выразил надежду получить ответ на все свои предложения, сделанные на тайном совещании и неоднократно повторенные им потом письменно. Вместо ответа великий князь сам вручил ему великокняжескую грамоту к его королевскому величеству, думный же дьяк объяснил еще краткими словами относительно хлеба, что разрешено отпустить в этом году 5000 четвертей за определенную цену, упомянутую в грамоте. После того как мы поцеловали руку великого князя, нас быстро отпустили, и мы поехали домой. Вскоре принесли нам стол его величества, который состоял из 56 блюд и 15 кувшинов с напитками. Тот же князь, как и в прошлый раз, приехал к нам, чтобы руководить угощением, и выполнил это с теми же церемониями и теми же здравицами, что и прежде. Затем он получил в дар две золоченые солонки и уехал с заведывающими напитками и кушаньями, которые тоже получили подходящие подарки деньгами. После нас был допущен к царской руке полковник Бауман со своими офицерами, как это принято всегда, когда офицеры выступают в поход.

Так как г. посланник не мог быть доволен данным ему отпуском, он составил записку для Алмаза, в которой он жаловался на то, что в данной ему накануне аудиенции он, собственно, не получил ответа ни на одно из заявленных им предложений и, вследствие этого повторив их все, просил дать ему письменный ответ и сообщить содержание грамоты к его величеству королю Дании, потому что он иначе не намерен уезжать отсюда, не считая возможным явиться так к своему всемилостивейшему королю.

Эту записку мы дали 17 числа обоим приставам для доставки думному дьяку, но они не захотели принять ее без разрешения Алмаза, который тогда велел передать, что у них не принято представлять или принимать что-нибудь после прощальной аудиенции. Ввиду этого г. посланник был очень озабочен и спешно велел

сообщить Алмазу, что он не намерен оставить Москву добровольно, пока не получит письменного ответа на все, что ему было поручено его всемилостивейшим королем и повелителем и что им было предложено в совещании, так как он иначе не мог бы докладывать своему королю и повелителю ни о чем и с позором попал бы в крайнюю немилость. Тогда думный дьяк обещал удовлетворить вполне г. посланника, который после этого успокоился. В полдень зашли господа фон Дельден, фон Троен и Геллинг, чтобы попрощаться с г. посланником перед его отъездом, полагая, что нам придется выехать по установившемуся русскому обычаю уже на второй или третий день после прощальной аудиенции.

18 числа были доставлены подарки великого князя посланнику и всей свите его, каковые несли 4 подьячих; вручил же их дьяк. Г. посланник получил два сорока и две пары соболей, считай один сорок по 150, другой же по 100 червонцев в великокняжеской оценке; лица его свиты получили по две пары каждый, слуги же по паре. После обеда пришел полковник Бауман и остался у нас почти до утра. Он неоднократно заявлял, что Москва ему надоела и что он желал бы освободиться от великокняжеской службы.

19 были у нас оба пристава на обед, и мы настоятельно требовали, чтобы они принесли обещанный ответ думного дьяка и распорядились как следует относительно предстоящего нам путешествия; они же обещали исполнить все это сейчас, после приезда думного дьяка, который с разрешения великого князя поехал на несколько дней в свое имение под Москвой. В тот же день Карл Коль поднес г. посланнику сетку от комаров и рассказал о вышеупомянутом столкновении с генерал-майором Друммондом.

20 утром был г. фон Дельден у г. посланника и на память получил в дар довольно большой серебряный кубок чеканной работы.

21 мы укладывались и готовились к отъезду.

22 секретарь, выслушав проповедь в слободе, зашел к полковнику Бауману, который был очень огорчен тем, что великий князь отказывался утвердить собственноручной подписью его договорную запись, и, хотя князь Юрий от имени великого князя на словах обещал, что он будет получать все по договору, полковник не был уверен в этом. Он клялся тоже, что не выступит в поход до выяснения этого вопроса. На этом же сильно настаивали фон Троен и через своего служителя Иеронима Иоган фон Горен,

который в Амстердаме от имени великого князя обязался заплатить полковнику неустойку в размере 24 000 рейхсталеров в том случае, если великий князь в Москве не утвердит договор, и поэтому Горен не мог избавиться от этого обязательства, пока полковник не получит полное удовлетворение.

23 числа г. посланник был на прощание в церкви и обедал потом у г. фон Дельдена, куда зашел и полковник Бауман, когда уже встали из-за стола. Он находился в очень мрачном настроении, потому что не мог покончить со своими делами. Г. Бахерах прислал сюда человека, чтобы известить г. посланника, что шведы на море потерпели сильное поражение.

24 числа зашел к нам фон Троен и передал, что Нащокин-отец в Кокенгузене палачу велел бить кнутом своего сына за то, что тот притеснял бедных латышей и несколько раз оставил без внимания предписания великого князя³⁵.

25 числа были у нас в гостях г. фон Дельден, реформатский пастор, г. Бахерах и его зять Вернер Мюллер, который пригласил г. посланника со свитой на завтра.

26 числа г. Вернер Мюллер нас угощал очень хорошо, и было очень весело, пока не явился неотесанный русский боярин, который своей грубостью немного нарушил настроение, но от него скоро отделались. Г. полковник Бауман выступил сегодня в поход, так как князь Юрий ему поручился за то, что заключенный с ним договор будет точно соблюден.

27 числа приставы принесли письменный ответ на заявление г. посланника, грамоту архангельскому воеводе и 60 червонцев на дорогу. Наш новый дорожный пристав по имени Дмитрий, который обыкновенно исполняет должность греческого толмача, пришел тоже; кроме того, привезли 35 подвод для нас и нашего багажа.

28 числа настаивали на том, чтобы мы выехали, и уже привели на наше подворье великокняжеских лошадей для г. посланника и его должностных лиц, но их увели опять до завтра, потому что г. посланнику сегодня не хотелось ехать. Сегодня, кроме того, был у нас г. Эрдман Свелленгребер, и мы ему вручили великокняжескую грамоту к архангельскому воеводе по поводу зерна, взяв от него расписку в получении грамоты.

29 числа утром пришли оба пристава с нашим дорожным приставом, и, когда привели великокняжеских лошадей, мы в сопровождении двух купцов, а именно Германа фон

Троена и Михаила Энгельса, с Богом пустились в путь. Г. фон Дельден должен был прощаться с нами в городе, так как его спешно требовали в приказ, чтобы перевести письмо Дугласа.

Таким образом, мы в радостном настроении оставили столицу великого князя, которая замечательна по своей величине, а не красоте, и сильна не своими стенами, которые местами весьма плохи, а своими войсками. Но говорят, что великий князь в настоящее время намерен укрепить ее валами и рвами. Проводив нас за город, оба наших прежних пристава, а также и г. фон Троен простились с нами; но Михаил Энгельс провожал нас верхом еще приблизительно полмили. Мы еще обедали вместе в открытом поле, затем простились и сделали в этот день 12 верст до красивой деревни Спас на Сходне, где мы остались ночевать.

30 мы по некоторым причинам остались здесь до обеда, причем какой-то пьяный священник нам подарил откормленную овцу, за что мы ему поднесли бутылку водки и большую кружку пива, что ему как любителю выпить было очень приятно. Этот же священник велел немилосердно бить батогами какого-то крестьянина, чтобы проучить его, потому что тот несколько раз обращался к жене другого крестьянина с нескромными предложениями, на что она принесла жалобу. После обеда мы продолжали дальше наш путь и ехали еще 12 верст до деревни Нахабино, принадлежащей патриарху. Ямщики, то есть великокняжеские извозчики, которые получают от великого князя не только по куску земли для свободного пользования и обработки без всяких податей, но и ежегодно 5 червонцев за каждую лошадь, которую они держат, были очень удивлены, что наши слуги их дорогой побили, и заявили здесь, что выпрягут лошадей и уедут, чтобы довести о дурном обращении до сведения великого князя. Но мы легко задобрили ямщиков ласковыми словами и чаркой водки, и обида была забыта. Здесь мы получили письма от г. фон Дельдена и г. Энгельса и послали им отсюда же ответ.

31 числа шел дождь, вследствие чего дорога сильно испортилась, так что мы до обеда с большим трудом сделали всего 15 верст; обедали же мы в открытом поле. Потом мы поехали далее и прибыли в деревню Истру Большую, принадлежащую патриарху. Деревня эта получила свое название от протекающей здесь реки, шириной в полтора полета брошенного камня. Обыкновенно переезжают через эту реку на паромках, но на этот раз оказалось

возможным переправиться через нее вброд. На противоположном берегу реки находился монастырь патриарха, именуемый Воскресенским, где и находится Новый Иерусалим, воздвигнутый патриархом с большой энергией и тратой значительных сумм. После обеда мы сделали всего еще 15 верст и ночевали в деревне Ядромине.

1 июня мы сделали 7 верст до Петровского, где кормили лошадей, а затем до вечера по страшно болотистой дороге сделали с трудом лишь 15 верст и ночевали в селе Петровском.

2 июня утром мы тронулись в путь и, сделав 12 верст, прибыли в Волоколамск, то есть крепость, выстроенную по московскому образцу, где мы и обедали. После обеда мы прибыли к красивой реке Ламе, которая неширока, но зато очень глубока, так что пришлось переправляться на паромах, что оказалось весьма затруднительным, так как паромы были плохого качества и русские неумело с ними обращались. Здесь едва не утонул один из провожавших нас стрельцов: в нетрезвом виде он лежал на одной из телег, в то время как запряженная в нее лошадь, испугавшись чего-то, недалеко от берега толкнула телегу с плота в воду. Днем мы сделали всего 18 верст и ночевали в открытом поле.

3 числа сделали 27 верст и прибыли к большой деревне Красный Холм; после обеда мы сделали еще 9 верст и ночевали в открытом поле.

4 числа мы сделали 18 верст и обедали затем в открытом поле на берегу реки Вазузы. Вода была на этот раз очень мелка, так что можно было переправиться вброд. Багаж свой мы, однако же, переправляли в большой лодке, чтобы не подмочить его. Река Вазуза здесь впадает в Волгу, и между этими обеими реками находилась, говорят, сильная крепость, которая много лет тому назад была разрушена московитянами. В настоящее время тут находится только маленькая деревня. Вазуза и Волга имеют здесь ширину около полутора ружейного выстрела.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ О ПУТЕШЕСТВИИ ПОЛЬСКИХ ПОСЛОВ В МОСКОВИЮ, ИМИ ПРЕДПРИНЯТОМ в 1667 году

ЧАСТЬ 1

*о их приезде в столичный город Московии и о
приветствовании ими великого князя*

Ничего не могло быть тягостнее и скучнее читателю, в том числе и тебе, светлейшему принцу, утомленному столь продолжительным странствованием, чем многосложность рассказа, водящего его по околичностям, по которым москвичи, народ лукавый и надменный, любят иногда водить чужеземных послов ради показа обширности их империи, тогда как сии места часто нечто иное, как негостеприимные пустыри. Кроме естественного изнурения эти мужи, привыкшие к более светлому небу и иному образу жизни, от лишений всяких удобств в столь долговременном пути подвергаются со стороны туземных проводников разным оскорблениям, выказываемым теми проводниками как будто бы от неблагоприятного состояния атмосферы, и все это переносится послами с великодушным терпением и пустым иногда желудком. Но ты сам знаешь, великий принц, что трудности путешествия облегчаются в странах образованных жителей. Так и в настоящем случае, чем водить тебя, светлейшего принца, любознательного до всего полезного и приятного, по околичностям многоглагольства и наскучивать неинтересным описанием пустырей, желаю ввести тебя прямо к более радостным предметам, а именно: к великолепному митрополитанскому, иначе, столичному (названия одинаково принятые) граду Московии, в резиденцию великого князя царя (т. е. цесаря, как зовут его), в град, удивляющий глаз каждого.

Повествование же мое, почерпнутое из известных мне польских рассказов, излагаю на латинском наречии, а придерживаться буду правил, принятых историками и дошедших до нас в виде образцового писания.

Отрицать нельзя, что по мере приближения нашего¹ к столичному граду встретились мы с изобилием всякого рода и отрадным гостеприимством² и даже почестями. На расстоянии одного путевого камня² выехал навстречу нам отряд из 95 всадников, москвичей и немцев, отличающихся не только блеском оружий, но и пышностью одежд, и при том же отряде была многочисленная пешая дружина, искусная во всяком ратном деле. Одновременно усматривалась стоявшая с левой стороны кучка из 16 бояр (иначе дворяне-разночинцы³), сопровождаемых небольшим другим отрядом конных латников, наподобие наших гусар. Были также тут другие 4 отряда тяжелой конницы, сияющие изящностью шишаков и остального вооружения и ценностью одежд. На наш вопрос, кто они, отвечали, что из состава войска великого царя; частью же вооружены были македонскими длинными копьями. Еще была тут дружина из 56 легкоконных, одинаково вооруженных и одетых, обратившая особенное внимание наше как учебная команда военного искусства, составляющая, как нам о том сказали, дворцовый отряд великокняжеских телохранителей. В тылу их виднелась пехота, каковой мы насчитали 4 роты; всякая со своим особенным военным знаком. Первая рота была в голубой одежде, вторая в белой, третья в красной, а четвертая в зеленой. Перед каждой ротой были военные орудия большого калибра, называемые простонародьем «мучителями», каковых мы насчитали до 35, все поставленные на телеги и уже запряженные, как бы готовые поступить в дело. При каждом таковом орудии находилось два человека для управления ими; кони все одношерстные белые, а зарядные ящики красные. Такого же цвета была одежда трубачей и литаврщиков, и все пешие дружины отличались стройностью. Перед первой ротой стояли 16 орудий, перед второй 7, перед третьей также 7, а перед четвертой 10. Когда же послы увидали колымагу, приготовленную для их въезда в город, повернутую к городу, так что пришлось бы послам ехать впереди всех, они для избежания подобного (неприличного, по мнению их) распоряжения перешли на правую сторону, и тогда все шествие тронулось желаемым ими порядком по направлению к столице, предшествуемое по установленному обычаю всем войском; орудия же шли перед каждой ротой. Около столицы вышел навстречу послам поезд, замыкающийся с правой стороны 14 отря-

дами всадников из немцев, хорошо знающих военное устройство, и перед отрядами ехали вооруженные герольды. Немало вышло также городских обывателей, желающих посмотреть на наш въезд. С левой же стороны, за пехотой, растянуты были до самых городских стен 14 других конных дружин, значительных не столь числом людей, как статностью коней и изяществом вооружения; у самых стен стояли еще три дружины из высшего дворянства и придворных великого князя, а у ворот ожидала послов великолепная царская колымага. Нас сопровождали многие дворцовые чины с их помощниками (а у них называемыми приставами), назначенные для почетного приема послов как представителей державных особ, чем немало увеличивалась отдаваемая нам честь. Сановники те были богато одетыми, к чему имеют врожденную склонность, но здесь того требовало приличие, а возники колымаг были в длинных шелковых с бархатом кафтанах. Когда послы уселись в царской колымаге, москвичи хотели ехать впереди нас, на что послы не соглашались как на излишнюю и не подобающую им честь, вследствие чего завязались прения; они же утверждали, что таков дан им наказ самим великим князем, и потому поезд остановился на три часа, пока не получен был царский ответ, за каковым отправлен был нарочный. Ответ был, чтобы московские дворяне и великокняжеские придворные, составляющие три отряда, шествовали бы впереди, а позади них отряд польских сановных людей: боярские дети же, коих было 15, должны были ехать перед самой колымагой; сообразно указанному порядку москвичи и наши снова тронулись. Хотя москвичи выехали навстречу нам в восьмом часу до полудня, был уже восьмой час вечера, и при закате солнца мы добрались до дворца, подготовленного к приему послов. Сам же великий князь смотрел на наш торжественный въезд с башни ворот Китайского стана, через которые мы проезжали в третий стан. Первый стан Зеленый⁴; второй Белый; третий Китайский; а четвертый зовут Кремлевским, живет в нем сам великий князь, и весь стан представляет собой крепость. Как только мы приехали во дворец, приготовленный послам, к нам приставили сторожей и караульных, чтобы препятствовать нам выходить оттуда до времени поклонения царю. Отборные яства были заранее припасены для послов, но, изготовленные по московскому вкусу, были им неприятны, сверх того были еще принесены по именному повелению великого князя 16 особенных блюд с кушаньем для каждого посла и их секретарей для употребления в католические постные дни. Тут были рыбные и иные роскоши, любимые туземца-

ми, но противные польскому вкусу. На следующий день пришли приставы от имени великого князя с заявлением, что он назначил день 30 октября для приема послов, в каковой день прибыли упомянутые приставы в великолепной колыхаге везти послов к царю. Поезд сопровождался сотней легкоконных, из коих 20 в нарядных одеждах белого сукна, 20 других в красном сукне, 20 в голубом, остальные же в разноцветном. Конвой этот ехал по заранее устроенному порядку по обеим сторонам колыхаги, изъявляя готовность оказывать послам всякого рода услуги, а на небольшом от поезда расстоянии стояла в три ряда пехота, вытянутая длинной линией до самой дворцовой площади, со знаменами, трубами и литаврами; в то время играла военная музыка.

Впереди послов и до самого дворца шел легкоконный отряд по три в ряд, а за ним следовали наши всадники и польская прислуга. За ними везлись подарки для поднесения великому князю, состоявшие из купленной у французского посла колыхаги роскошной отделки, запряженной шестерней огромного роста дорогих жеребцов, сияющих золотой и серебряной сбруей, и из лоханки с рукомойником, вещи столь тяжелой, что двое людей с трудом несли ее. Оба подарка были от его величества короля; за ними несли подарки великому князю от послов. Вся дворцовая площадь была уставлена пехотой, перед которой стояли орудия большого калибра с прислужгой, у каждого из коих висел на груди блестящий знак; орудия стояли по обеим сторонам, а было их до сотни. Пеших дружин в разноцветных одеждах насчитывалось до 120, они заполнили входной царский двор по обеим сторонам до ступеней дворцовой лестницы, а на галерее стояли янычары (так зовутся у турок и москвичей дворцовые воины) с обеих сторон в три ряда и великокняжеские личные телохранители, также с обеих сторон, но в один только ряд. Телохранители эти были в шелковых разноцветных одеждах, обшитых снизу скифскими соболями; иные же делились по десяти человек. Первая горница при входе была хорошо убрана турецкими коврами и полна людей в длинных до пят рясах, обшитых богатыми соболями; люди эти, как нам объяснили приставы, были местные граждане. Второй покой был также убран большими коврами, но более значительной ценности и фряжского тканья золота с шелком, словно живописным искусством: в том покое толпились вельможи и царедворцы, иные с длинными бородами. Здесь восседал на возвышенном троне великий князь в сияющей золотой одежде с короной на голове и скипетром в руке. Возле него немного ниже сидел на другом троне наследный принц⁵, весьма видный из себя

юноша, в шапке отборных соболей пепельного с черным цветом, и держал в руках посох чистого золота с алмазами, схожий с посохами наших и греческих епископов. Подойдя к великому князю, послы поклонились до земли и изложили цель их посольства следующими словами: «Прибыли мы к тебе, светлейший обладатель, от имени всемилостивейшего государя нашего светлейшего Иоанна Казимира, польского короля и литовского великого князя и проч., не токмо для изъявления тебе его королевской радости и сердечного его благоволения недавно заключенному Андрусовскому миру⁶, приведшему к окончанию столь многоскорбной войны, но и для сообщения удовлетворительного короля нашего на то согласия, и таковое же имеем обратно представить ему от тебя, когда сами услышим клятвенное твое обещание, данное на Евангелии, подтверждающее сей мирный договор, и когда будем свидетелями твоего доброго намерения исполнить все имеющееся в том договоре. Сим же действием ты увековечиваешь славу пресветлейшего державного твоего имени и даруешь сокровища, паче каковых нет в целом мире; даруешь ты союз всему христианскому имени, столь много — увы! — пострадавшему от распрей и легкомысленности; даруешь ты покой не одному светлейшему королю нашему, но и твоему государству и даже всему христианскому миру, притесняемому варварами и утомленному борьбой с ними. Вот что светлейший король наш повелел нам передать тебе и одновременно пожелать тебе с непритворным и братолюбивым чувством доброго здравия и во всех делах твоих успехов, сверх чего повелел он также уведомить тебя, что он сам, весь двор его и вся наша республика облеклись в глубочайший траур по случаю кончины светлейшей королевы Людвиги-Марии. Он же из глубины души и братскорасположенного к тебе сердца молит Небесного Царя царствующих отвратить от тебя и от всего августейшего твоего дома подобное горе, также об укреплении во всякой добродетели сего отрока твоего, надежду твоей державы, обещающего уже сделаться образцовым примером всего похвального, и чтобы он, отрок твой, прославился бы в будущем успехами против общих, не токмо Польши и Московии, врагов, но и всех христиан, наших и ваших притеснителей и вечно угрожающих спокойствию нашему». После сего черниговский воевода как старший посол и первый сановник при принятии прошений для Литвы⁷ (то, что у нас зовется рекетмейстером) добавил немногими словами, что он-де и его товарищи посланы от светлейшего короля всего Польского королевства и великокняжества Литовского присутствовать при клятвенном под-

тверждении им, великим князем, недавно заключенного договора. За ним третий оратор, вице-префект королевства, добавил, что, прежде чем великому князю приступить к присяге, нужно созвать совещание по некоторым статьям того договора и определить смысл и силу тех статей, и потому просил о назначении уполномоченных с обеих сторон. Когда он кончил говорить, черниговский воевода вручил великому князю верющие грамоты (называемые обыкновенно креденциялами), писанные его величеством королем, принимая в руки каковые, великий князь встал, что сделал и его сын, и спросил послов: «Каково здравие брата нашего Иоанна Казимира, литовского князя?» На это воевода отвечал, что при выезде послов из Варшавы его величество король находился в той его резиденции в вожделенном здравии, после чего поднесли подарки великому князю одному. Тогда канцлер Докторов, передатчик царских речей, предупредил послов, что наступило время целованию руки священного царского величества, и они, поднявшись по ступеням к престолу, приложились к руке великого князя и его сына, после чего тот же канцлер приказал поднести скамью для послов, а свите их указал подходить по очереди к руке великого князя и его сына. Послы сели на принесенную лавку с покрытыми головами, при виде чего канцлер с упреком начал настаивать, чтобы они раскрыли бы головы, иначе наносится-де оскорбление священной царской особе, но они, приподняв немного шапки, объяснили свой поступок тем, что таков был издревле принятый у них обычай даже в присутствии самого короля. Против сего первый великокняжеский министр Нащокин возразил, что в бытности своей на аудиенции у короля он все время не накрывался, но послы ответили, что на то была его добрая воля. Во время этой размолвки польская свита и прислуга исполняли обряд рукоцелования, но спор не прекращался, и послы добавили, что москвичам, привычным-де к рабству, неизвестно о римском обычае нераскрытия головы. По окончании рукоцелования поляки отступили, и затем канцлер от имени великого царя пригласил послов к обеденному столу, куда они, исполнив возложенные на них (вступительные) поручения, отправились. Яства все подавались на серебряных блюдах, всех же насчитывалось до 107, а напитков разных родов до 82. По принятому обычаю на малых пирах москвичи приносили все яства в один раз, и потому незатруднительно было расставлять их по порядку на стол; помощники приносивших блюд быстро уносили их, приказывая нести новую смену; подносили также кубки гостям. Послы, поднявшись со своих мест, с наполненными до краев

кубками в руках в витиеватых речах провозглашали здравие великому князю. Но из всех холодных яств мы ни до одного почти не дотрагивались из-за неприятного их вкуса. Шереметев, родственник главнокомандующего того же имени в последней войне (и поныне находящегося в плену у татар), угощал послов от имени великого князя. Скоро, однако, послы вырвались оттуда и возвратились на свою квартиру.

На следующий день они получили повеление явиться снова во дворец и отправились туда тем же церемониальным порядком, как накануне, проезжая через два ряда стоявшей пехоты. В тот день великий князь, восседая на престоле, менее возвышенном, чем прежде, принял послов в другом приемном зале, и сына при нем не было. По окончании тайного с великим князем разговора послы поднесли ему подарки от собственного своего имени, после чего канцлер уведомил их, что по повелению великого князя он, Нащокин, и еще третий из багрянооблаченных вельмож (имя коего я запамятовал) начали с послами беседу по особенным предметам, вследствие чего мы все вышли в совещательный зал. Москвичи пытались начать прения предстоящими турецкими делами, но послы возражали против того, настаивая, что следовало начать с условий о вознаграждении некоторых граждан республики, насильственно в военное время потерявших свое имущество, перешедшее вследствие трактатов во владение великого князя, на каковое заявление москвичи дали согласие.

Все остальное, касающееся сей первой части, мы заимствуем из писем знаменитейшего господина Бростовского, литовского рекетмейстера, от 2 числа ноября 1667 г.

Мы были приняты великим князем весьма торжественно: церемониал въезда нашего продолжался 12 часов, от девяти утра до девяти вечера уже при факелах. Множество жителей всех сословий, податного и дворянского, в том числе и царедворцы, вышли из города нас встречать в богатейших одеждах, к каковому чванству они весьма склонны, можно сказать даже, что все Московское государство хотело выказать нам в тот день свое убранство. Вышли также встречать нас боярские дети и сам великий канцлер, распорядившийся всем церемониалом. Въезд наш в город совершился 27 числа истекшего месяца; 30 же числа были на поклонении великому князю и его сыну, ради нас присутствовавшего: принц сидел на престоле ниже своего родителя. Тут завязался было продолжительный спор между нами и москвичами по поводу снятия нами шапок единовременно с ними при входе в трон-

ный зал, где восседал уже великий князь: мы отказались исполнить подобное их требование, доколе не подойдем к самому великому князю, и спор прекратился, только когда один из великокняжеских приближенных, присланный к нам, заявил, что царь соизволяет нам оставаться с накрытой головой, хотя не ради упрямства нашего, а по его братолюбивой дружбе к светлейшему королю. На следующий день была дана нам вторая аудиенция великим князем в другом зале при отсутствии его сына: принял же он нас весьма ласково. Тут выступил Нащокин и от имени великого князя сообщил пространной речью о царской скорби по случаю смерти светлейшей нашей королевы, и затем началось первое прение послов с великокняжескими уполномоченными, в продолжение коего Нащокин и канцлер молчали. Удостоверившись первоначально о полномочии всех трех комиссаров, мы приступили к рассмотрению затруднительных статей Андрусовского договора, из коих была одна о способах вознаграждения польских и литовских изгнанников — возвращением взятого имущества или соответственной денежной им выдачей. Уполномоченные ничего положительного по сему не отвечали, но обнадеживали лишь, что тех людей постигнет великокняжеская милость, однако же добавили, что будет решаться самим царем. Надеемся приступить сегодня ко второму прению. Насколько мне кажется, препятствий не будет к заключению условия о соединении воинских наших сил с московскими против общего врага, потому что уполномоченные заявили о готовности единодушно с нами действовать в том предприятии; более всего заботит меня освобождение задержанных наших граждан, боюсь, что возникнут препятствия, потому что здешние вельможи действуют во многом без ведома своего государя. Будем надеяться, что Бог поможет окончить хоть как-нибудь это дело до нашего возвращения ко времени сбора королевского главного сейма, где наше присутствие необходимо. Впрочем, нет выгоды самим москвичам слишком затягивать настоящие прения, и мы твердо надеемся заключить здесь желаемый республикой договор о соединении обоюдных сил против нечестивых. Дай Бог, чтобы Он отвратил всякое бедствие от нашего отечества. Сын великого князя кажется принцем отменных наклонностей, роста он среднего, однако же высокого по летам, говорит и действует, как будто бы минуло ему 15 лет⁸, щедрейшего нрава, горячо любимый своим родителем и вообще юноша обходительный и весьма приветливый со всеми.

Извлечение из писем того же лица от 6 ноября 1667 г.

Вчерашнее заседание подало нам наконец надежду о воз-

возможности скорого отсюда выезда с окончанием всех дел, в том числе мы добились без затруднений предложения о выдаче 1 млн. флоринов вознаграждения польским выходцам, но стараемся о прибавке той суммы: успеем ли мы в том, еще неизвестно. Сердечно желаем скрепить обоюдный союз не только словами, а на деле.

ЧАСТЬ 2

о присяге великим московским князем в подтверждение мирного договора и о торжественном угощении польских послов

Вручены были 20 ноября великому князю письма светлейшего королевского величества посольским канцелярским дьяком. Тогда же назначен следующий день для объяснений с великим князем, не состоявшихся до тех пор в течение двух истекших недель по иным важным причинам. Объяснения эти касались предметов, включенных в Андрусовский договор, между прочим, соединения военных сил польских и московских и иных условий будущего договора, ратифицируемого царем. Великий князь через стольника своего Толочанова и его помощника дал знать послам, что он назначил вельмож и иных думных советников и министров для окончательных пояснений по поводу Андрусовского договора, и что затем приглашает послов на следующий день к своему обеденному столу; таковое известие было принято послами тем более радостно, что они чувствовали себя утомленными ежедневным медлительным ходом переговоров. В назначенное время вельможи и министры прибыли к послам и продолжительно беседовали от девятого часа утра до четвертого пополудни на правильных весьма основных началах.

Послы поехали во дворец 22 ноября в великокняжеской карете при дворцовой страже, драбантах, дворцовых сановниках и вельможах, все при своих по церемониалу надлежащих местах. Сначала ввели их в так называемый Золотой зал и оттуда в тот самый, в котором они впервые поклонились великому князю. По мере приближения к великому князю они повстречались с людьми, раздающими двойное благословение. Когда же послы подошли к самому царскому трону, черниговский воевода, выступив вперед, приветствовал великого князя следующей краткой речью: «С торжественностью и полнотой чувств благодарности подходим мы ныне к

престолу священного твоего величества, о государь! За тем приносим мы тебе радостное известие о вожделенном здравии и благоденствии светлейшего нашего короля, брата, друга и соседа твоего величества. В-третьих, мы удостоверяемся очами нашими о твоём также вожделенном здравии. И, наконец, представляем с подобающей почтительностью взорам твоим сей подлинный документ Андрусовского мирного договора, утвержденный и подписанный светлейшим королем нашим и светлейшей досточтимой нашей республикой. Ради сего усматриваем мы радость, выражающуюся в августейших очах твоих и во взорах окружающих престол твоего величества знаменитейших вельмож, министров и царедворцев. Ликуют также, в том нет сомнения, подданные твои, жители многочисленной сей твоей столицы. Вскоре будут одинаково ликовать все прочие жители, рассеянные по всем провинциям твоего государства. И также возрадуются вскоре лучшая часть вселенной, все носящие имя христиан. Но в таковой же мере, как все мы ликуем, будут скорбеть и гневно сокрушаться враги Христова имени, препятствовавшие доселе всем благим нашим предначертаниям. Пусть же они узрят ныне всеобщую нашу радость. Но поистине лай псов сих не дойдет до слуха людей, стремящихся изо всех сил, как мы, достигнуть столь высокой и похвальной цели, между тем как сами будем одушевляться надеждой, что от соединенных наших сил, столь еще недавно разрозненных лютейшей войной в позор не токмо славянским племенам, но и всему христианскому миру, обуздается окончательно пасть свирепого зверя. Да будет Всевышний милосерд ко всем грехам нашим и да вспомоществует Он нам в сем предприятии не ради расширения границ владений наших, но для охранения их прав, не удовлетворения ради ненасытного тщеславия, но из необходимости защиты себя. Итак, прими могущественнейший повелитель сей утвержденный светлейшим королем и республикой договор, он же благовоннее отзывается всякого ароматного масла. Прими сей знак общего к тебе доверия, сей залог искренней дружбы и доброго соседства, и чтобы при божественной помощи Властителя всей вселенной ты успел бы похвально довершить остальную на тебе лежащую долю в сем благом деле». Докончив речь, воевода принял из рук товарища своего Шелинга подписанный мирный договор, каковой передал в собственные руки великого князя, от

имени коего канцлер отвечал следующими словами: «Его священное царское величество поздравляет вас, послов светлейшего короля Польского государства и великого князя литовского, с вожделенным здравием светлейшего короля вашего, а его царского величества брата и с благополучным окончанием настоящего дела и не столько с сим одним он, царь, поздравляет всех вас и самого себя, но еще с тем, что Бог соблаговолил соединить в дружественном союзе сердца двух наимогущественнейших князей вселенной. Священное царское величество одинаково поздравляет самого себя и все государство по случаю заключения с вами Андрусовского мира и с вещественным о том доказательством, изложенным в сей дипломатической хартии (называемой москвичами грамотой), подтверждающей сказанный мир. И потому то, что осталось совершить по сему делу его священному царскому величеству, то есть подтвердить под присягой по принятому церковному обряду, он непринужденно и при вас исполнит». Когда канцлер замолк, принесена была лавка, на которую послов пригласили сесть, после чего великий князь, осведомившись о здравии их самих и также лиц, при них состоящих, приступил к обряду торжественной присяги великим князем. Он начал тем, что передал одному из своих вельмож скипетр, а другому царскую свою головную повязку, после чего, встав с трона и подозвав к себе послов, он положил грамоту мирного договора на Евангелие и внятно начал читать слова клятвенного обещания. Призывая в свидетельство по установленной формуле присяги пресвятую Троицу, Спаса нашего Иисуса Христа и непорочную Богоравную Деву, он прослезился и с взволнованной душой и величайшей набожностью довершил чтение, по окончании которого послы возвратились к прежнему месту. Тогда черниговский воевода в качестве старшего посла вторично выступил вперед и, обращаясь к великому князю, сказал: «О сколь есть счастливое и многопредвещающее настоящее событие, о светлейший государь! Возвращением благотворного мира обоим вам, великим повелителям, и народам вашим и всему христианству, ты превращаешь недавнюю общую скорбь в общую радость и благодаря тебе ликуют ныне небеса и земля. И мы также, послы его священного королевского величества и республики, возрадовались неоцененным сим благом, от тебя исходящим, отечеству нашему. Поистине подобает нам в день сей воздавать должное благодарение и похвалу милосердию и премудрости Всевышнего, ниспославшего столь долго ожидаемое нами благоденственное событие, по Божьему мановению совершившееся, каковым является

тесный союз северных государей и их подданных — союз, предвещающий прочное на будущее время единодушие. Но особенно к тебе, о богобоязненный, добродетельный и великодушный государь, относится сие наше ликование. За нелегкие твои труды ради успешного окончания столь великого дела предвещаем, что готовится тебе достойное в небесах возмездие. Но более еще нас ликуют все именующиеся Христовыми поклонниками, утешенные и ныне успокоенные давно желаемым союзом могущественнейших государей и их народов. Кто не предвидит предстоящего несомненного и окончательного падения басурманского господства, на что имеем уже залог и на что надеемся? Кто не видит, что мы возвращаем усладительную свободу братьям нашим, угнетенным нечестивым и жестоким игом неверных, и оставшимся там в оковах невольникам и пленным? И, наконец, кто же из нас, коим поручено было великим королем заключить сие дело, не возрадуется столь благополучным его исходом? Сомнения нет, что оно станет источником будущего блага всем народам и потому будет запечатлено на скрижалях истории и праздноваться будущими поколениями. Грамота сия, подписанная и скрепленная, уподобляется апокалипсической книге с семью печатями: она же — многозначащее подтверждение нерушимости подписей под присягой двух сильнейших монархов и двух могущественных народов; словом, документ, который не подвергается никакой адской силе и никаким басурманским козням».

Великий князь с заметным вниманием слушал посольскую речь, по-видимому, нравившуюся ему: на лице его выразилось душевное волнение, глаза налились слезами, но состояние это постепенно перешло в спокойную радость. Да и все там находившиеся московские вельможи весьма одобряли ту речь, а иные попросили даже копию с нее для самого великого князя. После столь счастливого начала великий князь обратился к послам со словами: «Уполномоченные послы, прошу вас на свой обед», — и одновременно пригласил также, но через своего канцлера, прочих лиц из состава посольства и из более приближенных к послам, а вслед за тем послов повели в обеденный зал, называемый Золотым. Там готовился уже пир, продлившийся до глубокой ночи, а в начале его московские столовые приставы старались занять послов разными разговорами; это продолжалось несколько часов. Между тем подошел к послам нарочно присланный великим князем один из первых его министров Михаил Золотов, муж весьма начитанный, его же послал московский государь, дабы веселой беседой развеять на полчаса скуку, на-

веянную на послов столь долгим ожиданием обеда; но таков уже у них обряд. Золотов, между прочим, сказал, что последняя речь старшего посла пришлась весьма по сердцу великому князю, а когда он ушел, столовые приставы снова принялись за прежние свои разговоры с послами, но не могли заглушить алкающих пустых желудков послов. Наконец еще через полчаса пришли окольничьи-царедворцы и пригласили послов к царскому столу; они пошли и там увидели великого князя, сидящего опершись на богачейший трон, облаченного в белую одежду, значащую, что он угощает личного своего друга. Перед ним стоял накрытый длинный общий стол, составленный из нескольких столов, возвышенный семью ступенями около великокняжеского трона и тремя ступенями выше другого конца, за которым сидели послы. На столе ничего покуда не было видно, кроме хлеба. Когда послы и придворные сановники уселись на указанные им места, вышли из соседней комнаты 50 столовых распорядителей, москвичами называемых стольниками, в богатых разноцветных одеждах, дорогими соболями пепельного оттенка обшитых, и в шапках такового же меха вышиной в локоть, выходили же они длинной вереницей по двое в ряд, в них можно было опознать людей, приближенных к особе великого князя. Стольники эти обошли особый стол из массивного золота и серебра, стоявший в стороне, на котором расставлена была посуда и прочие столовые принадлежности, после чего вышли в помянутую соседнюю комнату и там занялись наливанием в золотые чаши разных напитков, потребных к обеду; подносились же те напитки следующим порядком. Один из главных лиц, длинноволосый, в золотой парчевой одежде и в превысокой шапке дорогого меха, которую не снимал с головы, обратился к послам по древнегреческому обычаю со следующими словами: «О ты, великий и уполномоченный посол Станислав Казимир Биеневский, воевода и генерал черниговский», — после чего другой таковой же сановник принял из рук стольника, выходящего из соседней комнаты, большой наполненный до края кубок и также обратился к послам со словами: «Великий царь и князь подает на здравие». Таковым же порядком поднесены были кубки второму и третьему послу, а затем всем остальным числящимся при посольстве полякам. После сего подана была на стол первая холодная смена яств, состоящая из жареной свинины, начиненной чесноком, и свинины, приправленной солеными лимонами, а затем последовала без замедления вторая смена горячих яств, преимущественно жареное мясо. Москвичи поднесли послу-

воеводе яшмовую чашу с зажженным в ней вином, но он отказался от этого напитка, сказав, что не в их обычаях употреблять такое в обеденное время, и потому унесли чашу. В продолжение всего обеда великий князь сидел с непокрытой головой, каковому примеру последовали послы из приличия, что следует отметить в похвалу им. На верхней ступени около царского трона и стола стояли против царя 12 дворян в блестящих одеждах, они были его кравчими и держали чаши и салфетки, разными цветами расписанные, но держали для виду, и вещи эти не употреблялись. На конце царского стола возле самого трона стояли люди с обнаженными мечами по три в ряд. Столовые приставы подносили гостям разные вина и меды в золотых кубках и чашах, называя каждого гостя поименно и по его прозвищу, и понуждали пить, дотрагиваясь до него большим бумажным свитком; однако наши воздерживались от лишнего употребления всех напитков, коих было множество и разных родов. В середине обеда великий князь приказал разнести всем гостям кушанья с собственного своего стола, начиная с послов, но это делалось лишь для виду, ибо по принятому в Московии обычаю подобные яства только ставятся на стол, но их не едят. Когда эти блюда подносили назначенному лицу, он вставал и униженно благодарил великого князя за честь, а яства относились каждому на дом на следующий день. Великому князю служили за столом высокопоставленные лица и приближенные царедворцы, а форшнейдером (резчиком) был некий Вруссовий из знатнейших дворян; главным же распорядителем стола был Богдан Хитров, исполнявший должность дворцового маршала. Он подошел к послам с заявлением, что царь желает выпить за здоровье польского короля и для того просил их подойти ближе к трону, что они исполнили. Великий князь, встав, многими словами поздравил послов с началом дружеских отношений между ним и его королевским величеством вместе с республикой, пожелав при том польскому королю и его державе всякого благополучия, и выпил до дна хрустальную чашу, а вслед за тем собственноручно подал другую полную чашу послам и их сановным людям, в числе коих находились польские духовные лица, приглашенные к столу, а за сими приближенным также людям послов. Когда эту смену блюд унесли, подана была другая, вся из сахарных хитрых изделий, изображающих яблоки, груши и разных животных; были также другие роды сластей, из коих иные не ставились на стол, а отсылались распорядителями стола по квартирам гостей. Одна смена шла за другой, подавали напитки

большими уже стопами, и пир продолжался до одиннадцатого часа ночи, и тогда только Нащокин объявил послам, что они могут отправиться домой. Сановники дворцовые вышли с ними из столового зала, и в сопровождении Шереметева, начальника царского стола, и упомянутого Толочанова послы отправились в великолепной карете, и до самой квартиры провожали их оба вельможи при носильщиках с факелами, яркий свет коих заменял солнечные лучи; иные же из них несли также кубки с разными напитками.

На следующий день около вечера прибыли на квартиру послов до 200 дворцовых служилых людей со сластями и другими яствами с царского стола, окруженные толпой, во главе коих шел упомянутый Золотов, сказавший следующее от имени великого князя: «Священный царь, он же всемилостивейший наш государь, не желая упустить никакую возможность доказать свое доброжелательство особе светлейшего короля вашего и республике, повелел мне поднести вам, знаменитейшие послы, сласти сии и иные прочие лакомства, отложенные в сторону во время вчерашнего пира, и в этом вы можете увидеть, что с нашей стороны ничего разумного не упущено для подкрепления мира, искренней дружбы и братского между нами союза. По той же причине имеем и мы повод надеяться на подобное отношение с вашей стороны; а так как неусыпные наши старания клонились к тому, чтобы переполнилась мера ваших ожиданий, желательно нам, чтобы мы стремились к одинаковой цели. Дай Бог, чтобы все сии лакомства и сласти, предлагаемые вам благосклонностью его священного царского величества, отозвались бы наисладостнее в устах ваших и вместе с тем оставались бы напоминанием в душах ваших дружелюбивых наших к вам чувств. Остается мне лишь просить вас принять с признательностью разные сии пития, мной принесенные по повелению его царского величества и от его имени вам и чиновным людям, при вас состоящим, и чтобы вы могли бы тем убедиться о царском к вам неравнодушии». На таковое приветствие послы отвечали немногими словами, выражающими их благодарность за царские милости, и говоря, что они сами и его священное королевское величество и весь польский народ сердечно благорасположены к особе великого князя, к его министрам и ко всем вообще его подданным. Но так как несвоевременно было распространяться долгими речами ввиду царских закусок и напитков — приманки голодным желудкам, послы пригласили к своему столу Золотова и иных, московских

царедворцев и просидели с ними за столом до позднего вечера, между тем как дружелюбные чувства высказывались наяву с постепенно увеличивающимися размерами кубков и стоп, из коих послы потчевали своих гостей. На следующий день посольские высшие служивые люди разделили поровну царские лакомства меж своими и московскими второстепенными дворцовыми людьми; итак, ничего не упущено было для подкрепления обоюдного союза и дружеских чувств, как и надлежит между добрыми соседями.

ЧАСТЬ 3

о случившемся перед отъездом послов

Между тем как послы готовились в обратный путь, великий князь просил их к себе на частную аудиенцию, на каковой Нащокин говорил следующее: «Всем достаточно известны, о великие королевские послы, обширная территория и заслуженная слава знаменитого славянского племени, в состав коего мы и вы одинаково входим, и нет, конечно, под солнцем другого народа или племени, который дерзнул бы равняться с нами. Достаточно будет назвать Далмацию⁹, Иллирию¹⁰, Либурнию, Истрию¹¹, Боснию, Мизию¹², Рецию¹³, Богемию¹⁴, Лузанию, Силезию¹⁵, Скандинавию, Булгарию, Вандалию¹⁶ и иные кочующие племена и наши с вами государства с их народами, говорящими на славянском наречии, от Адриатического до Германского¹⁷ моря и до Северного океана, словом, до пределов Европы. Если бы я пожелал распространяться о сем предмете, вы могли бы мне сказать, что не менее моего вам самим все это хорошо известно. Итак, очевидно всем, каким пространством земель владеют оба наши светлейшие и могущественные государи, и потому достаточно сказать, что, в сущности, наши только две державы правильно назвать империями. И какой бы славы достигли оба наши народа, если бы они соединились в одно под одной монаршей державой! Но поймите, однако же, что мы не желаем отнюдь завладеть достоянием вашим и не были бы мы озабоченными на счет наследства вашего государства, если бы был кто-нибудь хоть с каплей ягеллоновой¹⁸ крови в его жилах, кроме светлейшего короля вашего, обремененного уже летами и перенесенными им трудами, и если бы не отсутствие у его величества ближних всяких родственников, что внушает нам справедливый страх. А что должны мы на

столь важное обстоятельство обратить как соседи особенное внимание, очевидно также всякому здравомыслящему человеку, и никто не может ставить нам в упрек желание наше о соединении в единое обоих наших родственноплеменных и соседних народов. И потому заявляем ныне перед лицом Царя царствующих и Повелителя всех держав, что крайняя необходимость изложенных выше обстоятельств понуждает нас приступить к следующим соображениям. Независимость ваша, столь беспримерная во всей вселенной (и чему следует поистине изумляться), должна быть не только сохранена всецело по-прежнему, но наипаче должна возрастать — того требует безопасность соседних вам государств, в том числе и наша. Вы сами могли убедиться, что мы пользуемся здесь всякой возможной свободой, которая только доступна в самодержавном правлении всемилостивейших царей, государей наших, и в особенности под державой благочестивого и всеми признанного наиболее нынче царствующего государя. А что касается вашей свободы, которую следует нерушимо и навеки сохранять вместе с вашими древними обычаями для блага не одних соседей ваших, но и для всего христианского мира, мы сами того желаем как для вашей, так и для нашей собственной пользы. И вот почему его священное царское величество разумно и безобидно предлагает через меня размышлению вашему, какая бы могла последовать слава всем славянским племенам, благополучие нашему и вашему народу и христианской вашей республике, если бы светлейший и предназначенный для великих дел сын священного царского величества всемилостивейшего государя нашего, если бы, говорю, отрок сей, предстоящий ныне перед вами, отличающийся уже похвальными склонностями не по его летам, предполагаем был бы вашим светлейшим королем, которому душевно желаем долголетия и всякого успеха до конца жизни, к избранию своим королевским наследником через свободную общую подачу голосов. Вы сами свидетельствовали, с каким тщанием готовится светлейший сей наш принц к достойному и успешному управлению нашим государством. Сверх сего, выставляем вам на вид, что его священным и благочестивым царским величеством совершено в отношении к светлейшему сыну своему то, что, с прискорбием должны мы сознаться, не имело доселе примера между нами, но отныне служит подтверждением благосклонности всемилостивейшего государя нашего к вашему польскому народу; этим желая сказать, что он прилежно тщился украсить дорогого своего сына, одаренного по природе великими способностями и

качествами сердца, не токмо знанием греческой и латинской грамотности, но даже изучением польского наречия, а главное, что таковое родительское попечение имеет целью сделать из сего царского отрока способного правителя столь же нашего, как и вашего народа. Предполагаемому единодержавию над двумя государствами воспоследует воздержание соседних стран в надлежащих границах, восстановление согласия между враждующими врагами святой православной церкви и даже совершенное уничтожение ересей в ваших пределах, то самое, к чему вы благополучно приступили с недавнего времени по похвальному примеру, данному вам нами, Италией и Испанией. Отрадный же образец просвещенного того воспитания вы сами с соизволения священного нашего царя ныне узрите». Затем наследный принц обратился к послам с речью на польском языке, в которой намекал о родительском и его собственном благорасположении к послам, после чего, переходя к латинскому наречию, сказал: «Сколь великая слава, о послы, предстояла бы всем славянским народам и какие бы великие предприятия увенчались бы успехом через соединение сих племен и через употребление единого наречия, распространенного в лучшей части вселенной, вам самим о том известно. Ведомо мне, что между соседними народами, хотя связанными священными и гражданскими узами, существует злейшая вражда, как недавно еще существовала между нами и вами. И поистине душеприкорбное представляется нам зрелище! Повсюду возникают раздоры от честолюбивых происков; верность ничем не охраняется; спокойство соседних стран не обеспечено; нигде не пекутся о народном благе, и даже дружба и терпимость между родными братьями сделались необыкновенными явлениями! Но ныне возвращением нашим и вашим народам благодати и примирения и совершением события, соединяющего нас обоюдными братскими узами, должны мы возрадоваться и поздравлять друг друга. Не допускаю мысли, чтобы в излишнии искренних чувств почтения и преданности особе его светлейшего царского величества государя и родителя моего вы отставали бы от нас самих, от вельмож и от всех верноподданных его, сердца коих принадлежат ему всецело. Вам же предстоит хранить сие событие в благодарной памяти вашей, и от вас будет отныне зависеть созидание общего нам отечества. Что же касается нас, москвичей, вы всегда найдете нас таковыми, как ныне и как надлежит нам быть не токмо по значению законности союза, но для общих нам выгод, не теряя из виду обоюдно нам грозившей опасности от варваров

татар, требующей неразрывного согласия, единомыслия и единодействия. Собственно же о себе скажу, что, если желания и старания мои будут с Божьей помощью приняты благосклонно народом вашим, никогда не дам вам повода расканиваться в доброжелательстве вашем ко мне». Послы выслушали таковые слова с душевной благодарностью, выраженной на лицах, и старший по званию отвечал: «Сколь неожиданно было, но столь же нам и радостно, о священный царь, и ты, светлейший принц, все то, что мы нашими ушами ныне услышали, и ликование сердец наших не дает почти нам возможности находить достойные слова ответа на столь великую вашу к нам благосклонность. Тем не менее ради чести светлейшего короля и республики нашей, ради чести самих вас, о августейшие князья, а также ради чести звания, нами носимого, голос наш молчать не должен и потому немногими словами постараемся вместить многое, и экспромтной речью станем отвечать на заранее приготовленную вами речь. Что действительно великая слава и превосходство над прочими есть удел славянских племен, известно о том всей вселенной. Хранятся в наших архивах неоспоримые памятники, подтверждающие, что 79 народов, рассеянных по востоку, югу и северу, употребляют один и тот же славянский язык, общий нам и вам, и доказать это нетрудно. И если бы оба наши народа соединились в единое государство для обоюдной славы и благополучия, и главное, при укрепительной помощи их святых православной и католической церковей для успешного истребления ересей, к чему мы недавно приступили по похвальному примеру Италии и Испании, если бы, говорим мы, все вышесказанное сбылось на деле, в таком случае и мы также думаем, что столь великая цель могла бы быть достигнутой, но при том, что дело сие не встретило бы затруднений и преград как в наших двух государствах, так и вие. Но какая бы ни была будущность, ожидающая подобное дело, нам не приличествует в настоящем случае рассуждать о нем, так как ничего не имеется по сему в данном нам наказе его светлейшим величеством. Тем не менее принимаем с благодарностью и почтительностью мысль о столь великом блаженстве, которое свыше всех наших надежд. Между тем радостно весьма было нам, о великий царь, услышать из уст знаменитого и наипочитаемого министра твоего, но наипаче из уст светлейшего юного принца, дражайшего твоего сына, коему предназначено совершить великие дела, услышать не токмо на польском, известном многим наречии, но на латинском (вещь поистине

дивная!), столь разнящемся от польского своим красноречием, услышать, говорим мы, утешительное подтверждение о твоей и сыновней благосклонности к особе светлейшего нашего короля и к нашей республике. Поздравляем еще и еще наш и ваш народ с благополучным миром, положившим конец столь скорбной недавней войне, и, принимая несомненные доказательства вашего к нам благорасположения, осмеливаемся уверять, что сии ваши заявления не обращаются к недостойным и неблагодарным людям, но что мы и сами питаем подобные чувства к вам. Поздравляем вас также и с тем, что вы сумели столь достойно ввести свет ученой словесности в ледяной ваш север, в похвалу людей, сердца коих воспламеняются ко всему честному и возвышенному в мире; превосходное же изображение такового мужа олицетворено было в сей же час перед нашими глазами в свободной и изящной речи светлейшего принца. Поистине сказать можем без зависти, что от подобного направления должны родиться под московским небом великие мужи, которые будут давать доблестные примеры. Да и может ли оно быть иначе, тогда как сын великого государя и великого князя столь неожиданно и красноречиво изъясняется на научном языке, будто бы он воспитывался меж латинцами. Слушая речь сего принца, сына великого государя и великого князя, мы, послы великого короля и великого князя, воображали себя перенесенными в Италию и слушающими сына этрусского великого герцога, также начитанного, красноречивого и примерного во всем юноши из рода прославленных предков, бывших некогда в родстве с нашим королем. Остальное же, касающееся слияния в единовластие двух наших держав вместе с великокняжеством Литовским, мы непременно донесем его светлейшему королевскому величеству и всей нашей республике». Таковыми приветливыми и дружелюбными речами кончилось это прение, немедленно после чего начался по воле великого князя разговор послов с антиохийским и александрийским патриархами, находящимися на этом прении. Прибыли же оба сии патриархи в недавнем перед тем времени в столичный город Московии для низложения московского патриарха, обвиняемого в поползновении к изменению священных догматов и в прежней его наклонности вмешиваться в гражданские дела, обвинение, формулированное под греческим названием *πολυπράοιτρον*¹⁹. Антиохийский патриарх сказал следующее: «Действительно, есть чему возрадоваться всем нам, носящим имя христиан как в сем государстве, так и между вашими народами, — после свирепейшей в памяти людей войны

даруется ныне нам благодетельный вполне мир. Оба вы народы славянского источника, однокровные, говорящие одинаковым наречием и с одинаковыми жизненными обычаями. Но не достаточно еще свершения союза вашего гражданским путем и порядком, хотя бы и под присягой, а предстоит вам всенепременно соединиться воедино не токмо телесами вашими, но наипаче сердечно и душевно, и потому необходимо возвратиться вам к единому вероисповеданию и согласию. В нашем граде Антиохии, коим я, недостойный раб Божий, по Его соизволению председательствую, поставлен был первый престол блаженным Петром, апостольским князем, и потому св. Златоустом названный главой и матерью восточных церквей; тот же блаженный верховный апостол поставил блаженного евангелиста Марка на александрийский престол, и этот патриарх, брат мой, присутствует ныне здесь. А что после таковых блаженного апостола Петра действий он сам наконец перенес престол свой в Рим и там преставился; вы сами, латинцы, в то веруете. Итак, согласно учению о том святого Григория, римского епископа, одна и та же кафедра блаженного Петра апостола имеется в трех местностях, и таково утверждено было святыми предшественниками нашими, эти кафедры пользуются одинаковым между собой достоинством и одинаковыми правами. И вот на каком основании мы вседушевно желаем восстановления прежнего согласия с третьим патриархом, иначе папой римским. Да и во многом ли рознится ваша западная церковь от нашей восточной? Одно только истолкование о происхождении св. Духа разделяет нас с вами; наше же учение о сем догмате не иное заключает в себе, как союз и любовь, то есть вселенское братолюбие. Поистине, в священных канонических писаниях ясно говорится, что Дух святой происходит от Отца, и таково было определено в святом константинопольском синоде, названном вторым вселенским собором. А что прибавление «и от Сына исходящего» не было в то время приложенным, свидетельствуется древними деяниями и письмами. Из тех же источников вы сами можете узнать, что папа римский Лев III в память сего определения и для верного хранения константинопольского символа без всяких к нему прибавлений повелел поставить в Риме серебряную доску на престоле позади тела св. апостола Павла. Веруем и мы, что св. Дух послан был и снизошел через Сына, но не иначе, по учению нашему, как соизволением Отца: и святые отцы латинские называют также Отца творцом и началом, но наши называют Отца причиной всего, в том числе и Сына; и разногласие

сие не заслуживает столь упорного спора. И потому употребите, знаменитейшие мужи, возможное старание и ходатайствуйте при светлейшем короле вашем и республике о восстановлении союза между обеими церквями». На это старший посол отвечивал: «Вы исполнили, о почтеннейшие мужи из священного звания, предстоящую вам обязанность поздравить всех нас с водворением мира, дружбы и согласия между государями, властвующими над народами не токмо одинаково славянскими по крови, но христианскими; сие же великое дело касается всех вас, стенающих под жестоким и лютым рабством вашего восточного злейшего тирана. Но безумные покушения его и дерзостные и богопротивные его замыслы легко, надеемся, сокрушатся перед преградой настоящего союза доблестных государей и могущественных двух народов. Что же касается устройства церковных дел, мы как христиане душевно желаем, чтобы упомянутое вами примирение состоялось при посредничестве влиятельных лиц из православных католиков; однако же пояснить следует, что представляем все такового рода дела епископам и прочим духовным людям, на которых исключительно возложено попечение о спасении душ наших, и потому одним им подлежит разбирательство подобных вопросов». Так кончилась и эта беседа, сопровождаемая изъявлениями обоюдных дружеских отношений. Напоследок и по окончании всех посольских дел послы стали заблаговременно готовиться к отъезду в столь продолжительный предстоящий им путь и в назначенный для того день выехали из московского столичного града; отъезд же их совершился с надлежащей торжественностью и пышностью и при нескучных знаках дружелюбия и щедростей с обеих сторон, каковых не бывало до того времени.

Писан мною сей рассказ из Гамбурга во время въезда в тот град светлейшего Косьмы, великого принца этрусского, в начале марта месяца по грегорианскому исчислению, в лето от Р. Х. 1668.

Флетчер Дж. О ГОСУДАРСТВЕ РУССКОМ. — Печатается по изд.: О государстве Русском. Сочинение Флетчера. Изд. 3-е. Спб., 1906. С. 5—129.

¹ В русских источниках название «Россия» появляется в 15 в. Во второй половине следующего столетия оно утверждается в титуле царей («на всех Российских государствах») и в литературе и постепенно вытесняет старое название «Русь». И хотя в названии своей книги Флетчер называет государство «Русским», в тексте он повсюду пишет о России как о стране.

Сарматы — общее название ираноязычных племен, расселившихся с 3 в. до н. э. по 4 в. н. э. в степях от Тобола до Дуная. Сарматы как союзники скифов участвовали в 1 в. до н. э. в войнах понтийского царя Митридата VI против Рима. С этого времени бывшая территория Скифии в античной географии стала именоваться Сарматией.

² В средние века существовало несколько объяснений происхождения слова «Россия»: генеалогическое (от Руса, брата или внука Леха); топографическое (от г. Русы); биологическое (от цвета кожи или волос ее обитателей); античное (Россия — наследница Роксоланов); лингвистическое (от слова «рассеяна»).

³ Роксоланы — античное название одного из сарматских племен Поволжья и Приуралья, которое обитало в Причерноморье до нашествия гуннов (4 в. н. э.).

⁴ Область расселения балтского племени ливов в 12 — начале 13 в. Со второй четверти 13 в. по 1561 г. — вся территория совр. Латвии и Эстонии, завоеванная германскими крестоносцами и входившая в конфедерацию Ливонского ордена и четырех духовных княжеств под номинальной властью императора Священной Римской империи.

⁵ Важская земля находилась в «треугольнике», образуемом Сухоной и Северной Двиной. В зимнее время путь по р. Ваге являлся прямой дорогой от Вологды к Белому морю.

⁶ Понт Эвксинский (букв. «гостеприимное море») — древнегреческое название Черного моря.

⁷ Лапландия.

⁸ Ногаи — тюркоязычная народность, относящаяся к кыпчакской группе, сложившаяся в 14—15 вв. в результате смешения различных тюркских племен в южной части Золотой Орды, на территории бывшего владения темника (военачальника) Ногаия (ум. 1300), к имени которого и восходит данный этноним.

⁹ Это объяснение относится не к Новгороду Великому, а Новгороду Нижнему. «Низовскими» называли земли в междуречье Оки и Волги.

¹⁰ Югра, Югорская земля — в русских средневековых источниках — название территорий Северного Предуралья (между р. Печорой и Уральским хребтом) и Зауралья, занимаемых племенами ханты и отчасти манси.

¹¹ Имеются в виду земли Волжско-Камской Болгарии — государственного образования народов Среднего Поволжья и Прикамья. К 12 в. это территория от Самарской Луки до Северной Чувашии и Южного Приуралья. В 13 в. вошла в состав Золотой Орды. В первой половине 15 в. болгарские земли к югу от Камы завоеваны русскими феодалами. Самостоятельной осталась только Казань, ставшая столицей Казанского ханства.

¹² Бассейн р. Удоры (Вашки) — притока р. Мезени.

¹³ Территория совр. Ямало-Ненецкого автономного округа. В 1595 г. в этом районе основан г. Обдорск (совр. Салехард).

¹⁴ Земли по р. Конда (левый приток Иртыша).

¹⁵ Юрьев — Тарту (совр.).

¹⁶ Самый северный русский посад — на р. Коле, впадающей в Баренцево море.

¹⁷ Верста равна 1,07 км; миля (английская) сухопутная (уставная) — 1,61 км; старая русская миля — 7,47 км.

¹⁸ Гавань в устье Северной Двины, вблизи которой в 1584 г. основан Архангельск.

¹⁹ Так в подлиннике. Здесь и ниже должно быть 700.

²⁰ 1 ярд равен 91,44 см.

²¹ Ошибка автора. Должно быть: из Иванова озера.

²² Меотийское море (болото) — Азовское море. Меотида — название Азовского моря у древних греков и римлян, начиная с 7 в. до н. э., возводивших его к наименованию местных племен — меотов.

²³ Путь «из варяг в греки» известен в русских землях издавна. Это важнейший водный торговый путь в Киевской Руси в 9—12 вв., связывавший Северную Русь с Южной; Скандинавию, Прибалтику и Русь — с Византией. Проходил от Балтийского (Варяжского) моря по Неве, Ладожскому озеру, реке Волхов, озеру Ильмень, реке Ловать, волоком до рек Западная Двина и Днепр, а затем в Черное море и далее в Константинополь (Царьград). Был связан с другими водными путями Руси; по нему совершались и военные походы русских воинов на Византию.

²⁴ Северная Двина.

²⁵ Западная Двина.

²⁶ Ям, Ямбург — прежние названия г. Кингисеппа.

²⁷ Зунд (Эресунн — дат.) — пролив, соединяющий Балтийское море с проливом Каттегат.

²⁸ Автор путает здесь Вычегду с Камой.

²⁹ Алтын (тюрк.) — русская счетно-денежная единица, известная с 14 в., равная 6 деньгам, позже — 3 копейкам. Деньга (тюрк.) — русская серебряная монета, чеканившаяся с последней четверти 14 в.

³⁰ Фунт, фунт стерлингов — денежная единица, равная 20 шиллингам или 240 пенсам. Вес 240 серебряных пенсов («стерлингов») равен английской единице веса — фунту. Отсюда название денежной единицы «фунт стерлингов».

³¹ Русская мера объема сыпучих тел, равная 209,91 л.

³² Мера объема жидкости и сыпучих веществ, равная 36,37 куб. дм.

³³ Английская монета и счетно-денежная единица, равная 12 пенсам или $\frac{1}{20}$ фунта стерлингов.

³⁴ Рубль (от глагола «рубить») — русское название денежной гривны; часть серебряных слитков, которые в виде взвешенного серебра находились в обращении до 14 в. С началом собственной чеканки монет легкий рубль стал служить весовой и счетно-денежной единицей, из которой чеканили 100 денег весом около 0,93 г.

35 Мера веса, равная 16,38 кг.

36 Единица массы в системе русских мер, равная 409,51 г.

37 Прежнее название марийцев.

38 Черниговщина. Северская земля расположена в бассейне Десны и

Сожа.

39 Городецк — совр. Бежецк.

40 Мера длины, равная 30,48 см.

41 Русская мера длины, равная 2,13 м.

42 Рыбьим зубом называли моржовую кость.

43 Город с таким названием известен с 1252 г.; с 16 в. назывался

Устюжна Железнопольская; совр. г. Устюжна.

44 Аршин равняется 71,12 см.

45 Берос (*греч., вавилон.* Белрушу) (около 350—280 до н. э.) — вавилонский жрец, историк. Возможно, здесь автор имеет в виду подложную историю Бероса, изданную в 1510 г., где говорилось, что основателем многих городов в Европе и Азии был некий Моск.

46 Имеется в виду Иван (Иоанн) I Данилович Калита (? — 1340), князь московский (с 1325), великий князь владимирский (с 1328).

47 Возможно, здесь автор спутал князя московского Даниила Александровича (1261—1303), чьим сыном был Иван Калита, с Даниилом Романовичем (1201—1266), королем галицким.

48 Имеются в виду стены Кремля (1485—1495); стена Китай-города (1535—1538), фрагменты которой сохранились до наших дней; стена Белого города, или Царь-города (1586—1593), ныне по этой линии проходит Бульварное кольцо столицы.

49 Василий III Иванович (1479—1533) — великий князь московский. Сын Ивана III; отец Ивана IV. В его княжение завершено объединение Руси вокруг Москвы.

50 За совр. Спасоналивкинским переулком жили иноземцы, служившие при Василии III. Он позволил открыть здесь кабак с продажей вина. Позднее воспользовались этим питейным заведением и соседи-стрельцы (поселились здесь в 1550 г.), говорившие, входя к иноземцам: «Налейка!» Иностранцы, слабо понимавшие русскую речь, называли все Замоскворечье «Налейки». Позже это название превратилось в «Наливки». Построенная здесь в 17 столетии церковь, называвшаяся «Спас в Наливках», дала название соседним переулком — Спасоналивкинские.

51 Ошибка автора. Гида, дочь Гаральда (ум. 1066), была женой Владимира Мономаха (1113—1125), сына Всеволода (1078—1093), а не Ярослава Мудрого (1019—1054).

52 Происхождение названия «Белый» неизвестно. Здесь автор, развивая теорию о родстве венгров с уграми северо-востока Европы, возводит его к имени венгерского короля Бела II Слепого. Современные исследователи допускают, что такое словоупотребление связано со значением «благородный», «царствующий», которое не отмечается в специальных словарях, но на которое указывают древние источники.

53 Антонио Бофиний (ум. 1502), итальянец, по приглашению венгерского короля Маттиаша Корвина написал историю Венгрии, которую довел до 1495 г.

54 Речь идет об Андрее I (1047—1060); его преемнике Беле I (1060—1063).

55 Бела Слепой правил в 1131—1141 гг.

Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584), великий князь (с 1533), первый русский царь (с 1547). При нем начался созыв Земских соборов, составлен судебный кодекс (Судебник 1550 г.), проведены реформы управления и суда. Пытался укрепить самодержавие и централизацию. В его правление установлены тесные политические отношения со странами Западной Европы.

Федор (Феодор) Иванович (1557—1598), царь (с 1584). Женат (с 1575) на Ирине Федоровне (ум. 1605), сестре Бориса Годунова.

⁵⁶ Гунны — кочевой народ, сложившийся во 2—4 вв. в Приуралье из тюркоязычных хунну и местных угров и сарматов.

⁵⁷ Римская провинция, занимавшая западную часть совр. Венгрии, северную часть совр. Югославии и восточную часть совр. Австрии.

⁵⁸ Иван III Васильевич (1404—1505), великий князь московский (с 1462 г.). В его правление сложилось ядро территориально единого Российского государства, началось образование центрального государственного аппарата. В его княжение свергнуто монголо-татарское иго (1480), составлен Судебник 1497 г., положивший начало юридическому оформлению крепостного права.

⁵⁹ Василий III Иванович.

⁶⁰ Дмитрий Иванович (1582—1591), царевич, младший сын Ивана IV.

⁶¹ О причине ссоры Ивана Грозного с царевичем Иваном (1554—1581) — старшим его сыном — источники рассказывают противоречиво. Большинство их свидетельствует, что Иван Иванович пострадал, заступившись за свою жену.

⁶² В Угличе.

⁶³ Имеется в виду Мария (дочь князя Владимира Старицкого), вышедшая в 1570 г. замуж за Магнуса Гартока (ум. 1533), герцога, принца датского. При бездетности царя Федора Ивановича вдова Магнуса действительно оказывалась претенденткой на престол «по крови» вслед за царевичем Дмитрием и царией Марией Нагой (это была седьмая жена Ивана IV, и брак мог быть сочтен церковью недействительным). Мария Владимировна пострижена и заключена в монастырь.

⁶⁴ Речь идет об Успенском соборе (построен в 1475—1479 гг. Аристотелем Фиораванти) на территории Московского Кремля.

⁶⁵ То есть с «шапкой» (царским венцом) и «святыми бармами», как сказано в «Чине венчания» царя Федора Ивановича. Приводимые тут молитвы и речи взяты издателями 1906 г. также из «Чина венчания». Шапка и бармы — символы великокняжеской, а с 1547 г. царской власти. Шапка, хранящаяся в Оружейной палате, — остроконечный головной убор с соболиной опушкой и драгоценными камнями среднеазиатской работы 14 в. Бармы — оплечье с изображениями религиозного характера, украшенное драгоценными камнями.

⁶⁶ В «Чине венчания» так названо приготовленное для царя место.

⁶⁷ Из «большого титула» здесь пропущено следующее: «государь Иверские земли, Грузинских царей и Кабардинские земли, Черкасских и Горских князей и...»

⁶⁸ Царь (от *caesar* — *лат.*) В Древнем Риме цезарь — это император, в России в 1547—1721 гг. официальный титул главы государства. При Петре I заменен титулом «император» (*imperator* — повелитель — *лат.*), но наравне с ним неофициально существовал до свержения самодержавия в 1917 г.

⁶⁹ Канцлер (*Kanzler* — *нем.*) — одно из высших должностных лиц в государстве; зачастую (как в данном случае) — руководитель внешнеполитического ведомства. Здесь — Андрей Яковлевич Щелкалов (ум. между 1597 и 1599 гг.) — думный дьяк, возглавлявший ряд приказов, с 1570 г. — Посольский приказ.

⁷⁰ Толмачами называли устных переводчиков в отличие от письменных.

⁷¹ Борис Федорович Годунов (ок. 1549 или 1552 — 13 апреля 1605), боярин, воевода, конюший, царь (с 1598). Крупнейший государственный деятель. В 1567 г. значится опричником; в 1575 г. — «дружка» на царской свадьбе; годом позже — кравчий; с 1580 г. — боярин. Умер от апоплексии.

сического удара. Жена (дочь Малюты Скуратова — Мария Григорьевна) и сын Федор умерщвлены 3 июня 1605 г.

⁷² Дьяк (от *diákonos* — служитель — *греч.*) — начальник и писмоводитель канцелярии разных ведомств в России до 18 в. Дьяки руководили работой местных учреждений и приказов. Думные дьяки — 4-й (низший) чин членов Боярской Думы (после бояр, окольничих, думных дворян). Дьяками называли также секретарей — служащих, занимающихся делопроизводством.

⁷³ Законопроект, внесенный на рассмотрение парламента.

⁷⁴ Стефан Баторий (1553—1586), король польский с 1576 г.

⁷⁵ Н. Р. Юрьев (ум. 1586), воевода, боярин, дворецкий; рындой стал (1547) сразу после свадьбы своей сестры с Иваном IV. После смерти царя до октября 1584 г. возглавлял регентский совет при царе Федоре Ивановиче.

⁷⁶ Иван Михайлович Глинский, князь, боярин (с 1585—1586), воевода. В 1571 г. упоминается как рында. Женат на дочери Малюты Скуратова.

⁷⁷ Приказы (от «приказать» — поручить) как органы центрального управления существовали в России в 16 — начале 18 в. Так же именовались местные органы дворцового управления и стрелецкие полки в 16—17 вв. Четверть — это область (в 16—17 вв.) и учреждение, заведующее ею (напр. Новгородская четверть). Чети — центральные государственные учреждения, ведавшие финансами отдельных территорий (напр., Галицкая) и питейными доходами (Новая). Взимали с податного населения «четвертные доходы». Так же называли территории, подведомственные областным четям. Вероятно, автор буквально понимает слово «четверть» — как четвертую часть, называя 4 (не единственные!) четверти, или приказа.

⁷⁸ Василий Яковлевич Щелкалов (ум. 1610), ближний дьяк и печатник (1586—1601).

⁷⁹ Сапун (Сапунец) Василий Тихонович Абрамов (Аврамов) — подьячий, затем дьяк Разрядного, Московского судного, Пушечного приказов. Участвовал в посольстве на литовский рубеж в 1583/84 г.; с 1593/94 г. до воцарения Лжедмитрия I (1605) — думный дьяк Разряда; позднее был вторым воеводой в Кореле.

⁸⁰ Елеазар (Елизар) Данилович Вылузгин, крупный деятель в дьячьем аппарате управления при Иване IV. Впервые упоминается на службе в 1578 г.; в августе 1581 г. при встрече А. Поссевино был в «в дьячье место» (т. е. или подьячий, или жилец). С 1583 г. — сначала дьяк, потом думный дьяк, в 1595 г. — ближний дьяк. Участвовал в приемах многих иностранных послов; в следствии по «Углицкому делу» (о смерти царевича Дмитрия). Последний раз в документах упоминается в 1601—1602 гг.

⁸¹ Ошибка автора. Должно быть: Петелин.

⁸² Губой называли в 16—17 вв. территориальный округ; в его пределах действовала юрисдикция губного старосты.

⁸³ Сотня — древнерусская сословная единица, на сотни делилось городское купечество. В Москве известны уже в 14 в. сурожане (торговавшие с Сурожем) и суконники. Торговцы и промышленники из посадского населения Москвы носили общее название торговых людей черных сотен и слобод. Каждая черная сотня составляла особую местную корпорацию, управлявшуюся, подобно сельскому обществу, своим старостой, или сотским.

⁸⁴ Марка как денежная единица в Англии хождения не имела. Но как весовая единица (единица массы) применялась в западноевропейских странах в 9—19 вв.

⁸⁵ В России до середины 19 в. — название различных денежных налогов. Социальные группы феодально-зависимого населения. Население, платившее подати, называлось податными сословиями.

⁸⁶ Иностранные источники по вопросу об общей численности русского войска приводят самые разные цифры — от 60—80 до 150 тыс. человек.

- ⁸⁷ Должно быть: Василий Федорович.
- ⁸⁸ В. И. Шуйский (1555—1612) — князь, боярин, царь (1606—1610). После свержения увезен в Польшу (в качестве пленника), где и умер.
- ⁸⁹ Ф. М. Трубецкой.
- ⁹⁰ Должно быть: Григорий Андреевич.
- ⁹¹ Должно быть: Богдан Юрьевич.
- ⁹² И. В. Сицкий (Сицкой) (ум. 1608), князь, боярин (с 1585), воевода, наместник нижегородский. Принадлежал к старинной знати. На службе впервые упоминается в 1577 г. В начале 1580-х гг. участвовал в переговорах с английским посланником Дж. Баусом; затем — в составе посольства к Стефану Баторио. При Борисе Годунове — в опале. Сослан; умер в монастыре.
- ⁹³ Иван Михайлович.
- ⁹⁴ Федор Васильевич (ум. 1589), боярин с 1584 г.
- ⁹⁵ В 15 — начале 18 в. — денежные и натуральные государственные повинности крестьян и посадских людей.
- ⁹⁶ В 16—17 вв. — единица обложения. Так же называлась структурная часть приказной избы; другое название — повьтье. Выть как мера земли равнялась 19 десятинам (в десятине 1,09 га).
- ⁹⁷ Единица податного обложения в 13—17 вв. Сохой также называли меру земли, которая в зависимости от качества, местности, времени составляла от 600 до 1800 десятин.
- ⁹⁸ Симеон Бекбулатович, касимовский «царь» крестился (1573) и принял имя Симеон; «посажен» Иваном IV на престол (1575—1576) и как «великий князь всея Руси», причем сам Иван IV именовался князем московским. После «сведения» с великокняжеского престола Симеон Бекбулатович получил в удельное княжение Тверь и Торжок; в 90-е гг. сослан Борисом Годуновым.
- ⁹⁹ Современные исследования показывают, что в это время иммунитетная политика не изменилась.
- ¹⁰⁰ Ям — селение, крестьяне которого отправляют на месте почтовую гоньбу и где для этого существует почтовая станция. Под почтой понимали учреждение срочного сообщения, гоньбы для пересылки не только писем, вещей, но и для езды путников.
- ¹⁰¹ Строгановы — русские купцы и промышленники, крупные землевладельцы и государственные деятели 16 — начала 20 в., выходцы из разбогатевших поморских крестьян. В Соли Вычегодской обосновался Федор Лукич Строганов, а сын его Аникей (Аника) (1497—1570) завел в 1515 г. солеваренный промысел. В 1558 г. Иван IV пожаловал ему и его преемникам огромные владения по рекам Каме и Чусовой. Семен Аникеевич (ум. 1609) и внуки Аникея — Максим Яковлевич и Никита Григорьевич — участвовали в организации похода в Сибирь Ермака. За большую денежную, продовольственную и военную помощь правительству во время иностранной интервенции начала 17 в. Строгановы получили (1610) звание именитых людей.
- ¹⁰² Склавонский — видоизменение термина «славянский», так как у римлян и греков не было сочетания «сл».
- ¹⁰³ Пример взят из Заемной кабалы 1588 г.
- ¹⁰⁴ Емкость для измерения жидких и сыпучих тел, равная 26,24 л.
- ¹⁰⁵ В английском тексте — «Cherkasy». Можно предположить, что черкасами называли польских пленников или выходцев из Польши, поселенных на южной окраине (Украине) государства. Кроме того, черкасами называли тогда и украинцев.
- ¹⁰⁶ Новгород Великий был присоединен в 1478, Псков — в 1510, а Смоленск — в 1514 гг.
- ¹⁰⁷ Александр I — великий князь литовский (1492—1506) и король польский (1501—1506).

¹⁰⁸ Василий II Темный (1415—1462); великий князь московский (с 1425), отец Ивана III.

¹⁰⁹ Начало присоединения Сибири положено походом Ермака Тимофеевича с казачьим отрядом в 1581—1584 гг. (или 1585) на Сибирское ханство. В результате разгрома основных сил хана Кучума в Москву привезены знатные пленники, перешедшие затем на царскую службу. Одним из них был крупный военачальник, племянник Кучума, попавший в Москву, видимо, в 1585 г.

¹¹⁰ Крымский хан Девлет-Гирей в апреле 1571 г. двинулся на Москву. Царь направился было к Серпухову, но известия о стремительном продвижении ханского войска заставили его повернуть через Александровскую слободу к Ярославлю, а потом бежать в Белозерский монастырь. Под Серпуховом хан разгромил опричный отряд Я. Ф. Вольинского, после чего путь на Москву был открыт. Данные о численности татарского войска (по иностранным источникам) колеблются от 30 до 200 тысяч. Источники сообщают разные версии о бегстве царя. Большинство их сходится на том, что Иван IV направлялся к Ярославлю, но дошел только до Ростова.

¹¹¹ Иван Дмитриевич Бельский (ум. в мае 1571) участвовал в качестве воеводы в Ливонской войне 1558—1583 гг. и в войнах с Крымским ханством. С 1560 г. — боярин, в годы опричины — первый боярин в земщине.

¹¹² Бела IV (1206—1270), король венгерский с 1235 г.

¹¹³ В английском тексте: «in the Polish character», что можно перевести как «польскими буквами», «буквами польского алфавита». Контекст позволяет допустить, что автор имел в виду латинские буквы в отличие от тюркского письма.

¹¹⁴ Современные английские публикаторы допускают, что здесь автор (в тексте слово «veij») имел в виду латинское слово «vinea» — вина, осадный навес (подвижный деревянный навес с двускатной крышей и плетеными стенками, защищенный от огня шкурами и мокрыми мешками).

¹¹⁵ Лаоник Халкондил — византийский историограф, родился в Афинах, жил в середине 15 в. в Греции. Написал 10-томную историю турок и историю падения Византийской империи (1298—1463).

¹¹⁶ Михаил VIII Никейский (1259—1282), основатель династии византийских императоров Палеологов.

¹¹⁷ Андроник II Палеолог Старший (1282—1328).

¹¹⁸ В специальной литературе высказываются предположения о происхождении слова «Казань» от гидронима р. Казан'у (Казанки), преобразовавшегося в Казан'а, и о восхождении его к дотюркскому языку субстрата угро-финского происхождения.

¹¹⁹ В древности страна на западе Малой Азии, населенная племенами лидийцев. В 7—6 вв. до н. э. независимое государство. В 6—4 вв. до н. э. под властью персов, затем входила в державу Александра Македонского, государства Селевкидов, Пергама и Рима.

¹²⁰ Область на юго-западе Малой Азии. С конца второго тысячелетия до н. э. ее населяли карийцы. В 6—4 вв. до н. э. под властью Ахеменидов, в конце 4 в. — Александра Македонского, с 3 в. — Селевкидов. В 129 г. до н. э. вошла в римскую провинцию Азия.

¹²¹ Древняя страна в северо-западной части Малой Азии. В 10—8 вв. до н. э. — царство со столицей Гордион.

¹²² Область в центре Малой Азии. Во втором тысячелетии до н. э. на ее территории находилось ядро Хеттского царства.

¹²³ Имеется в виду первый султан Осман (1288—1326), от которого идут Османы, или Оттоманы.

¹²⁴ Мурат II (1421—1451), 6-й оттоманский правитель.

¹²⁵ Луговая сторона — территория к востоку от Казани вдоль берегов

Волги. Основное население этой местности — мари и удмурты, известные под обобщенным именем «луговой черемисы».

¹²⁶ Историческая область в северо-западной части Иранского нагорья. В 70-х гг. 7 — середине 6 в. до н. э. — царство со столицей в Экбатане. В 550/549 гг. завоевана персами. Возродившееся в последней четверти 4 в. до н. э. Мидийское царство занимало южный Азербайджан, который позже называли Мидией.

¹²⁷ Этнонимом «самоядь» на Руси со времен «Повести временных лет» обозначали самодийские народы (энцев, ненцев, нганасан).

¹²⁸ Это не единственный пассаж, заимствованный автором у С. Герберштейна: «Золотая Баба, то есть Золотая Старуха, — это идол, стоящий при устье Оби в области Обдора на том берегу. По берегам Оби и по соседним рекам расположено повсюду много крепостей, правители которых, как говорят, все подчинены государю московскому. Рассказывают, а выражаясь вернее, баснословят, будто идол Золотой Старухи — это статуя в виде старухи, держащей на коленях сына, и там уже снова виден еще ребенок, про которого говорят, что это ее внук. Более того, будто бы она поставила там некие инструменты, издающие постоянный звук, вроде труб. Если это и так, то я полагаю, что это происходит от сильно и постоянно дуящего на эти инструменты ветра» (Герберштейн С. Записки о Московии. — С. 160).

¹²⁹ Поп — от греческого слова «pappas» — отец, батюшка. Обиходное название священника в России.

¹³⁰ Имеется в виду женитьба Ивана III, сына византийского императора Михаила II Палеолога, на Анне, дочери великого князя московского Василия I.

¹³¹ Владимир I Святославович (Владимир Красное Солнышко) (ум. 1015) — князь новгородский (с 969 г.), киевский (с 980 г.). Предпринял попытки утверждения единой религии: сначала в виде единого пантеона языческих богов, а затем — христианства (988—989 гг.). Анна (ум. 1012) — дочь греческого императора Романа II.

¹³² Так в оригинале. Должно быть: Иеремия.

¹³³ Визит Иеремии состоялся после разорения турецким султаном его патриархии, когда за долги кафедральный патриарший храм был отобран для мечети, а с ним и все патриаршие дома. К тому же из-за внутренних споров и частой смены патриархов долги константинопольской патриархии сильно возросли. Русская церковь составляла одну из митрополий константинопольского патриархата, и по решению его собора Иеремия II был отправлен в Россию как уполномоченное лицо для сбора «милостыни».

¹³⁴ Николай Варкоч. О нем см. Предисловие.

¹³⁵ То есть императора Священной Римской империи.

¹³⁶ То есть Сигизмунда III Вазы (1587—1632).

¹³⁷ Антоний Поссевино (1534—1611), иезуит, папский посланник в Речь Посполитую, Россию. Первая его поездка к Ивану IV состоялась в августе — сентябре 1581 г. и имела официальной целью посредничество в заключении мира со Стефаном Баторием. Кроме того, папская курия связывала с этой миссией и определенные планы по окатоличиванию России. Второе посещение легатом Москвы (февраль — март 1582 г.) отмечено диспутами с царем и Церковным собором о вере.

¹³⁸ Автор ошибся в датировке события. В 1589 г., «генваря в 26 день по повеленью благочестивого и христоролюбивого великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии самодержца вселенский патриарх Иеремия на московские и всеа Русии патриаршество Иева митрополита в патриархи по нареченью поставил» (Цит. по Посольская книга по связям России с Грецией. — М., 1988. — С. 39).

¹³⁹ На Константинопольском соборе 1590 г. за русским патриархом признано пятое по чести место и все права предстоятеля автокефальной церкви.

140 Митрополиты были также в Москве и Казани.

141 Архиепископов было 5 — в Вологде, Рязани, Смоленске, Суздали,

Твери.
142 В это время епископы были также в Коломне и Пскове.

143 29 августа.

144 По мнению исследователей, сообщение автора о сожжении какой-то типографии в Москве не относится к типографии Ивана Федорова, так как все его последующие издания в пределах Речи Посполитой и московские издания его последователей, напечатаны тем же шрифтом и даже с теми же украшениями, что и его московские издания.

145 Имеется в виду Троице-Сергиев монастырь (в 75 км к северо-востоку от Москвы), основанный в середине 14 в. Основатель и первый игумен его — Сергей Радонежский (ок. 1321—1392) — уроженец Ростова, инициатор введения общежитийного устава в русских монастырях; политический деятель, поддерживавший объединительную и освободительную политику Дмитрия Ивановича (Донского) (1359—1389). Причислен к лику святых.

146 Гимнософистами (нагие мудрецы — *гrec.*) называли греки индийских философов, строгих аскетов, отвергавших даже одежду, проводивших жизнь в созерцании.

147 Василий Блаженный, Московский (ум. 1552). Юродивый, похороненный в одном из приделов храма Покрова что на рву (построенного на московской Красной площади в 1555—1560 гг.); по имени его эта церковь известна как «собор Василия Блаженного». Сказание о «праведном нагоходе» Василии Блаженном сохранилось в летописи.

148 *Ferch* (*англ.*) — мера длины, равная 5,03 м.

149 В то время в России сутки делились на часы дневные и на часы ночные (от восхода и захода солнца).

150 Жильцы — разряд феодалов-землевладельцев, занимавших промежуточное положение между чинами московскими и городовыми служилых людей. Служили при царском дворе в Москве (по охране дворца и для срочных поручений). В походах включались в «государев полк». За службу получали поместное жалованье.

151 Кравчий, крайчий — от кроить, кроить, рушать — придворный чин, сан. Тот, кто «рушит» за столом жаркое, пироги, режет съестное.

152 Капеллан — в католической и англиканской церквях: священник при часовне (капелле) или домашней церкви, а также помощник приходского священника.

153 Не вполне ясно, что автор имеет в виду. А. П. Клешнин в это время был окольничим.

154 Заведывал великокняжеской (царской) спальней, мастерской палатой, в которой шили белье и платья для царя и членов его семьи. Хранил личную печать царя и часто возглавлял его канцелярию. Управлял слободами дворцовых ткачей.

155 Заготовитель съестных припасов; фуража; квартир для армии.

156 Автор ошибочно отождествляет эти понятия. Стряпчий — царский чиновник при хлебном, конюшем и других дворах.

157 Ферязь, ферезь — мужское длинное платье, с длинными рукавами, без воротника и без пояса. Ферязью называлось также женское платье, застегнутое донизу.

158 Суровая шерстяная ткань.

159 Верхняя длинная одежда с прорезами под рукавами и четырехугольным откидным воротом.

160 Долгополый кафтан без ворота с прямым запахом и пуговицами, однобортный.

161 Гладкая, тонкая шелковая ткань.

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В МОСКВУ НИКОЛАЯ ВАРКОЧА, ПОСЛА РИМСКОГО ИМПЕРАТОРА, в 1593 году. Печатается по изд.: Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. (Далее: ЧОИДР) — М., 1874. — Кн. 4. — Отд. 4. — С. 1—36.

¹ Немецкая географическая миля равнялась 7,42 км.

² Историческая славянская область в верхнем и среднем течении Одры. В 10 в. в составе Польского государства, в 14 в. — земель Чешской короны. С 1526 г. (за исключением княжеств Севежского, Освенцимского, Заторского) — под властью Габсбургов (до 1742 г.).

³ Первоначально — территория в бассейне рек Варта и Нотец, населенная полянами. Центр формирования в конце 10 в. Польского государства. В дальнейшем область, обозначаемая этим понятием, менялась.

⁴ Историческая область Польши в среднем течении Вислы и нижнем течении Нарева и Буга. Название — от племени мазовшан. С 10 в. — княжество, в 13 в. делилось на уделы. С 1526 г. под властью польских королей.

⁵ Легкие воины; служители для прислуги при езде.

⁶ Двухколесная повозка.

⁷ Верховой, конный.

⁸ Историческая область Польши по берегам среднего течения Буга, включающая часть совр. Белостокского, Люблинского, Варшавского воеводств. С 14 в. — в составе Литвы; в 1520 г. образовано Подляшское воеводство; с 1569 г. — в составе Речи Посполитой.

⁹ То есть с рекомендательными письмами.

¹⁰ Помощник старосты.

¹¹ Здесь — безлюдное, ненаселенное место.

¹² Имеется в виду Стефан Баторий.

¹³ Сопровождающие лица.

¹⁴ То есть предъявить проездные документы.

¹⁵ В титул (см., напр., выше, у Флетчера) входили такие дефиниции, как «великий князь», «государь», «царь», «самодержец» и т. д. Зачастую авторы публикуемых в томе записок ограничивают «величание» русского монарха одним-двумя определениями, чаще всего это «великий князь» и «царь».

¹⁶ Во время данного посольства Смоленск был у России.

¹⁷ Смоленск был не только крупнейшим ремесленным и торговым центром на западе России, но и важнейшей пограничной крепостью.

¹⁸ Помощник конюшего.

¹⁹ В 1591—1592 гг. была возведена очередная система оборонительных сооружений Москвы. Первоначально укрепления состояли из рва и вала, увенчанного высокой деревянной стеной с башнями (на планах Москвы 17 в. их от 52 до 58, из них 12 проездных, или «воротных»), и именовались Земляным городом, Деревянным городом. Протяженность стен (более 16 км), имевших высоту более 6 м, необычность конструкций Скородома (такое название объясняется быстротой строительных работ — 1 сезон) поражали иностранцев. Летопись называет его «град древян окрест всех дальних посадов»; не случайно, что именно линией этого укрепления ограничивается изображение Москвы на подавляющем большинстве планов города 17 в. Территорию, заключенную между стеной Белого города и Земляного (линия совр. Садового кольца) города, называли Земляным городом.

²⁰ Верующие грамоты (позднее — верительные) — документ, удостоверяющий личность посла как представителя государства. Так, формуляр русских «верующих» грамот, строго установленный, не изменялся: от великого государя, царя (полный титул) к королю, императору (полный титул); кто посылается (имя и положение). Далее содержалась просьба верить: «И что от нас учнет тебе говорить, и ты б ему верил...» Указывались также место и время составления грамоты.

²¹ Рынды-оруженосцы, телохранители; во время торжественных придворных церемоний стояли по обеим сторонам трона в белых одеждах, опущенных горностаем, в высоких шапках, с серебряными топориками в руках.

²² Назвать «братом» — значило признать другого монарха равным себе.

²³ Здесь — А. Я. Шелкалов.

²⁴ Андрей Андреевич Телятевский (ум. 1612), князь, боярин с 1600 г.

²⁵ После русско-персидских переговоров Б. Ф. Годунов писал шаху, в частности: «И Рудельфа цесаря [посол] посылал к послу вашего [шахского] величества дворянина цесарева, и вашего величества посол к цесареву послу посылал потому же дворянина вашего...» (Цит. по Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. — М., 1976. — С. 190).

²⁶ Это Полад бег или Булат-бек, или Булат Ага.

²⁷ Федор Никитич Романов (ок. 1554/55—1633), патриарх (1608—1610 и с 1619) Филарет. Отец царя Михаила Федоровича; боярин (с 1587). Приближенный царя Федора Ивановича, при Борисе Годунове в опале (пострижен в монахи). При Лжедмитрии I с 1605 г. ростовский митрополит; в 1608—1610 гг. — в Тушинском лагере. В 1610 г. возглавлял «великое посольство» к Сигизмунду III, задержан в польском плену. С 1619 г. фактический правитель страны.

²⁸ Грановитая палата.

²⁹ Старший боярин, распорядитель.

³⁰ Дворцовый (придворный) чин, должность. Первоначально так называли людей, прислуживавших князьям (царям) во время торжественных трапез, сопровождавших их в поездках. Позднее назначались на воеводские, посольские, приказные и другие должности.

³¹ Род печеня.

³² Тарч — предохранительное вооружение: щит с железной рукавицей, надеваемой на левую руку. Наручи — налокотники, часть латных доспехов: бляха, жолобом покрывающая снизу локоть до кисти руки.

³³ Могарыч, запивка, попойка при купле-продаже.

³⁴ Имеется в виду Красная площадь, известная с давних пор как место оживленного торга.

³⁵ Так называли специальное ограждение, которым перегораживались на ночь улицы города.

Из рассказов *Дон Хуана Персидского*. ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕРСИДСКОГО ПОСОЛЬСТВА ЧЕРЕЗ РОССИЮ ОТ АСТРАХАНИ ДО АРХАНГЕЛЬСКА в 1599—1600 гг. Печатается по изд.: ЧОИДР. 1899. — Кн. 1. — Отд. 3. — С. 1—19.

¹ Аббас I (1571—1629), шах (с мая 1587 г.), из династии Сефевидов.

² Посол.

³ Братья Антони и Роберт Ширли прибыли с отрядом около 30 человек (источники по-разному определяют это число) с неопределенными пол-

номочиями и расплывчатыми предложениями Англии о союзе против Турции и об установлении торговых отношений. Братия были приняты шахом в октябре 1598 г.

⁴ Город на северо-западе Ирана, столица Персидского государства в 1555—1597/98 гг.

⁵ Ормуз — остров в Персидском заливе.

⁶ Это Николай де Моле и Альфонсо Кордеро.

⁷ Рекомендательные письма.

⁸ В специальной литературе отмечается, что Аббас не принял братьев Ширли всерьез. При этом приводятся ссылки на неопределенность задач посольства; цитируется, в частности, верительная грамота, выданная А. Ширли шахом: «И вы, принцы, верующие в Иисуса Христа, знайте, что он [А. Ширли] положит дружбу между вами и мной...» (Цит. по Бушеву П. П. История посольств.— С. 340).

⁹ Исфахан — столица Персидского государства в конце 16—18 вв.

¹⁰ Байат Хосейн Али-бек.

¹¹ А. Ширли из посольства сбежал и в Иран не вернулся.

¹² Гилян — историческая область в Иране. В древности здесь обитало племя гелов (предки совр. гилянцев).

¹³ Каспийское море.

¹⁴ Кызылузен, река в Иране. Сливаясь с рекой Шахруд, образует реку Сефидруд, впадающую в Каспийское море.

¹⁵ Скорее всего, речь идет о морских тюленях.

¹⁶ Туркмены.

¹⁷ Издатели 1899 г. предполагают здесь ошибку испанского переводчика и считают, что речь идет о могиле какого-то мусульманского святого.

¹⁸ Старинное испанское лье равно 5,5 км.

¹⁹ 1 фанега равна 0,6 л.

²⁰ Это было посольство Пер Кули-бека. В отличие от автора русские власти определяли численность посольства (не считая самого посла) в 46 человек.

²¹ Real — исп. и португ., буквально: королевский. Старинная серебряная монета; в обращении с 15 в.

²² Полуденная линия проходит через точки Север и Юг. В истинный полдень тень от предметов падает на полуденную линию.

²³ Именем *Negetia silva* римляне называли лесистые горы Средней Германии к северу от Дуная, от Рейна до Карпат.

²⁴ Что касается искажения имен собственных, то публикаторы 1899 г. возлагают вину за это скорее на испанского переводчика, чем на автора-персиянина, который едва ли мог переделать «на испанский лад», например Владимир, превратив его в Валья де-амор.

²⁵ Это было годом позже.

²⁶ Если вести расчет по приведенным автором дням переездов (в Астрахань они прибыли в начале октября, а в Казань — в начале января), то в Москву они не могли приехать ранее середины февраля 1600 г.

²⁷ Церемония встречи персидского посольства на данном этапе (до аудиенции) не отличалась от установленных правил.

²⁸ Это был Посольский двор, окруженный высоким забором.

²⁹ Целование шахской грамоты царем и немедленный перевод ее на приеме — отступление от обычного, строго соблюдавшегося церемониала.

³⁰ Локоть равен 62,23 см.

³¹ Арроба равна 11,5 кг.

³² Асумбр равен 1,64 штофа, а в штофе — 1,23 л.

³³ Дукат — старинная серебряная, затем золотая монета; появилась

в Венеции в 12 в. Позднее чеканилась во многих западноевропейских странах (иногда под названием цехина или флорина).

³⁴ Цари одаривали послов серебряными позолоченными кубками, притом меньших размеров (а не в полгаллона, т. е. на 2,27 л вина).

³⁵ Он покинул Москву в конце августа 1600 г.

³⁶ Скорее всего, это Переяславль.

³⁷ Вероятно, что это река Вологда, приток Сухоны.

³⁸ Публикаторы 1899 г. замечают, что, так как отсюда путешественники плыли по Северной Двине, то город, где они сели на суда, был Вологда.

³⁹ Публикаторы 1899 г. предполагают, что Северную Двину автор называет именем Барента (или Баренца), в 1594—1596 гг. впервые исследовавшего Северный Ледовитый океан.

⁴⁰ А. Ф. Жировой-Засекин (направившийся вскоре в Иран с ответным посольством) должен был разъяснить при шахском дворе, что посольство Байата и «англичанина дон Онтона» из Москвы отправили на Запад через Архангельск, а не через Польшу, так как Сигизмунд «ныне с турским [султаном] в миру и в дружбе» и поэтому «велел переимать [персидское посольство] и к турецкому [султану] б отослал», в этом случае «Аббас шахову б делу в том порука учинилася» (Цит. по Бушев П. П. История посольств. — С. 346).

ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ ГАНЗЕЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА ИЗ ЛЮБЕКА В МОСКВУ И НОВГОРОД, в 1603 г. Печатается по изд.: Сборник материалов по русской истории начала XVII века. — СПб., 1896. — С. 13—45.

¹ Рейнвейн, рейнское, ренское — вино с Рейна; виноградное вино вообще (в противоположность хлебному, горячему), или белое виноградное вино (в противоположность красному).

² Герцогство (с 1170 г.) на побережье Балтийского моря; главный город — Штетин (совр. Щецин).

³ Издатели 1896 г. определяют 1 ом («в Данциге и Риге») равным 110 штофам.

⁴ Шеффель как мера сыпучих тел определяется издателями 1896 г. равным 2,09 четверика. Считая четверик в 26,24 л, получим: 1 шеф. = 54,84 л.

⁵ Орсталер, орт — монета в $\frac{1}{4}$ талера (в Любеке, в Померании). Талер в Любеке равнялся 12 шиллингам по 12 пфеннигов каждый. Талер — монета, чеканившаяся с 1484 г. на тирольском монетном дворе. Сначала называлась гульденгрошен. С 1518 г. в Иоахимстале (Чехия) стали чеканить чешские гульденгрошены. С середины 1520-х гг. за этими монетами закрепилось название «иоахимсталер», позже просто талер. Под этим названием они были заимствованы многими языками, став самой распространенной монетой в истории монетного дела. В 1556 г. по решению рейхстага в Аугсбурге талер получил название рейхсталер.

⁶ В России бочку считали за 491,96 л.

⁷ Тонна пива в Брауншвейге равнялась 101,18 л, в Бремене — 169,72 л, а в Гамбурге — 173,88 л.

⁸ Русский ласт в конце 16 в. составлял 1179,36 кг, а в 17 в. — 1920 кг. Австрийский ласт = 4000 кг. Публикаторы 1896 г. считают 1 ласт равным 20 шеффелям, т. е. 1096 кг.

⁹ Правильнее: Николая Христофора Радзивилла. Это был Николай

Сиротка (1549—1616). Пользовался расположением короля Сигизмунда III; после 1589 г. получил воеводство Троцкое, а с 1604 г. заседал в сенате как воевода Виленский.

¹⁰ Имеются в виду последствия Ливонской войны.

¹¹ Здесь — либо князь Никита Трубецкой, либо Григорий Вельяминов.

¹² Возможно, дьяк Григорий Клобуков.

¹³ Это объясняется церковным праздником, на который пришлось приезд посольства.

¹⁴ Здесь — Афанасий Иванович Власьев.

¹⁵ Фунт = 409,51 г; золотник = 4,27 г.

¹⁶ Имеется в виду Входоиерусалимский придел собора Василия Блаженного.

¹⁷ Довольствие, получаемое натурой. Отсюда — кормовые деньги, выдававшиеся русскими властями иностранцам на приобретение продовольствия и фуража (для содержания посольства, переходившего с момента пересечения границы на обеспечение Русского государства).

¹⁸ «Оберегающая», охранная грамота.

¹⁹ Здесь — князь Василий Иванович Буйносов-Ростовский.

²⁰ Б. Ф. Годунов направил за границу для получения образования около 20 молодых людей (в т. ч. в Англию — 4 чел., во Францию — 6, в Любек — 5 чел.). Они скоро выучили иностранные языки, но в Россию возвратился лишь один; 3 чел. служили при дворе шведского короля. Что касается посланных в Любек, то о них в ноябре 1606 г. любекские бургомистры писали царю Василию Шуйскому, что они «непослушливы и поученья не слушали, и что двое из них бежали неведомо за что».

²¹ Здесь — Ждан Степанов сын Сабуров.

²² Печорский Успенский монастырь расположен в 60 км от Пскова; игумен — Иоаким, переведенный сюда в 1594 г. и в 1605 г. возведенный в сан архимандрита.

²³ Совр. Цесис, на территории Латвии. Город известен с 1206 г.; являлся резиденцией главы (гроссмейстера) Ливонского ордена — католической государственной и военной организации немецких рыцарей-крестоносцев в Восточной Прибалтике в 1237—1561 гг.

²⁴ Немецкое название Ливонии в 13—16 вв.; официальное название территории Северной Латвии и Южной Эстонии в 17 — начале

20 в. ²⁵ Динабургом до 1893 г. назывался г. Даугавпилс.

²⁶ Так до 1917 г. называлась г. Елгава, столица Курляндии.

²⁷ Историческая область в Прибалтике, населенная племенами жмудь и самогиты.

²⁸ Официальное название Курземе до 1917 г. Историческая область в западной части Латвии; древняя Курса. В 13 в. захвачена немецкими рыцарями, часть Ливонии. С 1561 г. Курляндское герцогство и Пилтенская область; в 1795—1917 гг. Курляндская губерния Российской империи.

²⁹ Фридрих (1569—1642), герцог курляндский с 1587 г.

³⁰ Эст. mois, в Эстонии — отдельная усадьба с хозяйственными постройками, хутор.

³¹ Официальное название г. Клайпеда до 1923 г.

³² Публикаторы 1896 г. отмечают, в частности, что он, будучи королевским ротмистром, в 1598 г. был послан Сигизмундом III в Швецию с дипломатическим поручением.

ПОСОЛЬСТВО ВАН БРЕДЕРОДЕ, БАССА И ИОАКИМИ
В РОССИЮ И ИХ ДОНЕСЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНЫМ ШТА-
ТАМ. Печатается по изд.: Вестник Европы. — 1868. —
Т. 1. — Кн. 1.—С. 240—255; Т. 2. — Кн. 4. — С. 718—762;
Т. 4. — Кн. 8. — С. 767—796.

¹ Генеральные штаты (фр. Etats généraux; голл. Staten—Generaal) — высший орган сословного представительства (духовенства, дворянства и городов) в феодальной Франции и Нидерландах. После буржуазной революции 16 в. за северной частью Нидерландов закрепилось название Республика Соединенных провинций. Генеральные штаты стали высшим постоянно действующим законодательным органом республики, где были представлены делегаты от штатов семи провинций: Голландии, Зеландии, Фрисландии, Гелдерна, Утрехта, Гронингена, Оверэйселя. Однако сохранился такой пережиток феодальной монархии, как должность провинциального статхаудера (штатгальтера, наместника).

² Густав II Адольф (1594—1632), король (с 1611) Швеции, сын шведского короля Карла IX.

³ Готфы, готы — племена восточных германцев. Венеды, венеты, венды — древнейшее наименование славянских племен (по-видимому, их западной ветви).

⁴ Михаил Федорович, первый царь (1613—1645) из династии Романовых.

⁵ Христиан IV.

⁶ Джон Мерик (в России его называли также Иван Ульянов и Иван Ульянович) — английский купец, посол английского короля Иакова I в августе 1614 г.; посредник между Россией и Швецией на переговорах в январе — феврале 1616 г. и в декабре 1616 — феврале 1617 г.

⁷ Бискайя — самая северная из трех древних провинций в Испании.

⁸ Имеются в виду документы, содержащие привилегии.

⁹ То есть эмигрантами.

¹⁰ Территория на севере Норвегии, Швеции, Финляндии и в западной части Мурманской обл.

¹¹ Историческая провинция Швеции.

¹² Выборгский договор 1609 г., по которому Швеция предоставляла Русскому государству войска для борьбы с польской интервенцией.

¹³ Родной замок Деллагарди — Лёберёд в округе Мальмё (южная Швеция). Деллагарди происходят от старого французского дворянского рода в Лангедоке. Родоначальником шведской ветви этой фамилии был Понтус Деллагарди (1550—1585). Сын его — Якоб, впоследствии граф (р. 1583), в ранней молодости участвовал в Ливонской войне; в 27 лет он был назначен главнокомандующим шведским отрядом, посланным на помощь царю Василию Шуйскому. После свержения Шуйского и вследствие невыполнения русскими некоторых условий союза (в частности, удержание за собой Кексгольма) Я. Деллагарди обратил свое оружие против России (в 1610 г. взял Ладогу, в 1611 г. — Кексгольм и Новгород). В феврале 1617 г. Деллагарди подписывает Столбовский мир с Россией. Впоследствии — он в числе сподвижников шведского короля в войне против Польши.

¹⁴ Шанц, шанец — название полевых укреплений, сооружавшихся для усиления крепостей, прикрытия путей сообщения, защиты приграничных пунктов. В плане — правильный четырехугольник с бастионами по углам со сторонами 200—240 м.

¹⁵ И. Масса, являвшийся долгое время торговым резидентом Голландии в России.

¹⁶ Вспомогательное фортификационное сооружение, являвшееся 2-й

линией укреплений в крепостях и укрепленных лагерях, а также в системе полевых позиций.

¹⁷ Размен пленных проходил в 1615 г., с 30 апреля до 22 мая. Русских выменено 119 человек обоего пола, шведов — 46 человек. Посольский съезд был на реке Яуне, между Осташковом и Русой, на полдороге между деревнями Мошино и Пески.

¹⁸ В июне 1613 г. через Архангельск к императору отправились (на голландских кораблях) посланник Степан Михайлович Ушаков и дьяк Семен Заборовский. Они имели поручение посетить и Голландию, чтобы вручить Генеральным штатам и штатгальтеру принцу Маврикию грамоты от Михаила Федоровича с извещением о вступлении его на престол и с просьбами о помощи в примирении со шведами. Русские представители вернулись в Москву в августе 1614 г., привезя с собой грамоты из Голландии, датированные мартом и июнем 1614 г.

¹⁹ Тявзинский мирный договор (1595) подписан князем И. Турениным и думным дворянином Е. Пушкиным и тремя шведскими уполномоченными. Россия вновь получала область на побережье Финского залива и города Корелу, Орешек, крепость в устье Невы Ниеншанц, Копорье, Ивангород, Ям. Эстония с Нарвой оставались за Швецией, а Кольский полуостров и Карелия — за Россией.

²⁰ Имеется в виду Семибоярщина («седемочисленные бояре») — русское правительство, образовавшееся после свержения в июле 1610 г. В. И. Шуйского.

²¹ Владислав IV Ваза (1595—1648), король польский (с 1632 г.). В феврале 1610 г. провозглашен царем. Отказался от претензий на русский престол по Поляновскому миру 1634 г.

²² Там шли в это время русско-польские переговоры.

²³ Имеется в виду князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (1587—1610), известный военный деятель, племянник царя.

²⁴ Имеется в виду Горн.

²⁵ На основании этих данных посредники решили составить проект трактата, но, так как этот договор не был заключен, издатели 1868 г. его не публикуют.

²⁶ Эти предложения подробно изложены в ответе царя на настоящее письмо.

²⁷ Перед масленой неделей.

²⁸ В 10 в., с принятием христианства, в Древнюю Русь перешло летосчисление, применявшееся римлянами: юлианский календарь, римские наименования месяцев и семидневная неделя. Счет лет в нем велся от «сотворения мира», которое якобы произошло за 5508 лет до н. э. Год начинался с 1 марта. В конце 15 в. начало года было перенесено на 1 сентября.

²⁹ Договоренность о том, что Дж. Мерик должен был ехать в Москву, а голландцы — к шведскому королю.

А. Роде. ОПИСАНИЕ ВТОРОГО ПОСОЛЬСТВА В РОССИЮ ДАТСКОГО ПОСЛАННИКА ГАНСА ОЛЬДЕЛАНДА в 1659 году. Печатается по изд.: Голос минувшего. — 1916. — № 7/8. — С. 359—398.

¹ «Описание» охватывает не весь путь из столицы датского государства, а начинается с событий, непосредственно предшествовавших вступлению посольства в Москву.

² В районе совр. пл. Белорусского вокзала.

³ Скорость продвижения посольства к столице регулировалась в зависимости от степени готовности к приему гостей в Москве.

⁴ Ошибка автора, впрочем, исправленная буквально через несколько строк. Этот пристав — дворянин Василий Степанов сын Жидовинов. Ниже автор

⁵ опять именует его «Васильевичем».

⁶ Подьячий Поместного приказа Яков Чернцов.

⁷ Полковник Н. Бауман, датский подданный, был приглашен в 1657 г. в Копенгагене на русскую службу князем Д. Мышецким. Впоследствии Бауман был произведен в полные генералы. В декабре 1670 г. царь отпустил его на родину.

⁸ Иванов Ерофей («Алмаз») (ум. 1669), русский дипломат. Посетив в молодости страны Востока, он изучил персидский и турецкий языки. В 1649 г. в составе русского посольства он ездил в Стокгольм, а в 1652 и 1653 гг. — к польскому королю. Получил чин думного дьяка и был назначен начальником Посольского приказа. Принимал деятельное участие в переговорах с приезжавшими в Москву иностранцами, а иногда вел эти переговоры единолично. Во время русско-польской войны 1654—1667 гг. он активно участвовал в многочисленных посольских съездах с поляками. Носил звание «печатника», то есть хранителя большой царской печати.

⁹ Речь идет о Рошильском мире (февраль 1658), подписанном Данией и Швецией, а также об очередной войне, начавшейся в августе того же года между этими странами.

¹⁰ Горлатные шапки — высокие меховые шапки, на которые употреблялся мех от горла зверя.

¹¹ «А встреча была посланнику перед золотой [палатой] в сенях, стольник князь Василий княж Богданов сын Волконской да дьяк Павел Симановский» (Цит. по Дворцовые Разряды. Дополнения к т. III. — СПб., 1854. — С. 178).

¹² Жена царя Алексея Михайловича — Мария Ильинична (ур. Милославская); ее отец (ум. 1668) получил боярский чин, а после 1648 г. возглавил московское правительство; сестра ее — Анна Ильинична — стала женой царского воспитателя боярина Морозова.

¹³ Автор имеет в виду сочинение Адама Олеария «Подробное описание Голштинского посольства в Московии и Персию в 1633, 1636 и 1638 гг.»

¹⁴ В русских источниках он называется Иваном Адамовым. В 1654 г. был отправлен в Вену с посланником Иваном Баклановским и дьяком Иваном Михайловым. А. Олеарий отмечает: «В числе царских переводчиков находится прекрасный человек по имени Иоган Бекер фон Дельден, родом из Копенгагена, хорошо образованный, много путешествовавший и владеющий многими языками, так подобного переводчика в Москве прежде не было» (цит. по Голос минувшего. — 1916. — № 7/8. — С. 364).

¹⁵ В русских источниках — Василий Бауш.

¹⁶ Этикет позволял лишь целовать руку царя, но ни в коем случае не прикасаться к монарху.

¹⁷ Стольник Юрий Иванович Шеховской.

¹⁸ «А в ответе с посланником были: боярин и наместник Муромский князь Федор Федорович Волконский и окольный и наместник Кашинский Иван Афанасьевич Гавренев, да думный дьяк Алмаз Иванов» (Дворцовые Разряды. Дополнения к т. III. — С. 179).

¹⁹ Шелковая цветная ткань с узорами.

²⁰ Стряпчий П. И. Протопопов.

²¹ Дамаск — шерстяная ткань.

²² Автор точен в наблюдении. В этот раз на осляти ехал, действительно, не патриарх (Никон в июле 1658 г. удалился в Воскресенский монастырь),

а его заменял на церемонии митрополит Крутицкий (управлявший в это время делами патриаршества).

²² Вместе с Бауманом выехали в 1657 г. из Дании в Россию подполковник Альбрехт Шневиц, один майор и восемь капитанов.

²³ В русских источниках это «Галанские земли торговый немчин Давыд Николаев», фамилия — Рутс. По происхождению нидерландец, в России занимался крупными торговыми делами (сначала на собственный счет, а затем в качестве агента короля Дании).

²⁴ Иоган Дитрих Фокеродт, родом из Мюльгаузена в Тюрингии; по предложению и на счет Баумана отправился с ним в Москву. Тут Фокеродт занял место умершего в 1658 г. пастора второй лютеранской общины.

²⁵ Фридрих Мейер (в России его называли — Федор Меер) был в 1656 и 1657 гг. переводчиком при русском посланнике в Копенгагене.

²⁶ Петр Марселис, сын гамбургского купца, торговавшего в России. П. Марселису в 1637 г. была дана торговая жалованная грамота, возобновленная годом позже. В 1643 и 1665 гг. он был в Дании в качестве посланника. После смерти Д. Рутса занял место последнего (как приказчик датского короля в Москве). Умер в Москве в 1674 г.

²⁷ Публикаторы 1916 г. предполагают, что речь идет о напечатанной в 1658 г. на датском языке брошюре «Kaart och sandfaerdig bereining, anlangende huis som siden freden, der imellem hans Kongl. Maytt aff Danmark oc Norge, oc kongen af Sverig den 26 Februarii Anno 1658 i Roeskildbleff sluttet. Kjebenhaffn».

²⁸ Здесь излагается случай, имевший место с Никоном 10 июля 1658 г., в праздник Ризы Господней в московском Успенском соборе.

²⁹ Новый Иерусалим, или Воскресенский монастырь, начат строительством в 1656 г. по инициативе Никона.

³⁰ Во время русско-польской войны новый (после смерти в 1657 г. Богдана Хмельницкого) гетман Иван Выговский (1657—1659), бывший сторонником польской ориентации, переманил на свою сторону часть казацкой старшины. Следствием этого было народное восстание на Украине, подавленное летом 1658 г. В борьбе с восставшими гетман опирался главным образом на татар и наемные войска.

³¹ Осенью 1659 г. по поручению русского правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным. Но позиции сторон были непримиримы. Русский представитель добивался возвращения России Ингерманландии, даже ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно требовали восстановления предвоенных границ.

³² 26 марта князь Трубецкой выступил из Путивля, направился через Константинов на Суле к Конотопу, где находился приверженец Выговского полковник Гуляницкий, и 19 апреля начал осаду этого города. Автор имеет в виду поражение войск Трубецкого 28 апреля (с шестого часа ночи они со всех сторон штурмовали город, но были отбиты и должны были отступить в шанцы).

³³ 9 мая «за два часа до рассвета» умерла царевна Анна Алексеевна. Похоронена в Вознесенском девичьем монастыре (монастырь располагался почти у самой Фроловской (Спасской) башни Кремля. Основан в 1387 г. княгиней Евдокией, женой Дмитрия Донского. На 80 с лишним метров монастырь тянулся вдоль Спасской улицы. В центре его стоял каменный собор, ставший местом захоронения великих княгинь, цариц и царевен. На месте монастыря теперь — здание Президиума Верховного Совета СССР).

³⁴ Имеется в виду князь Д. Е. Мышецкий, бывший в Копенгагене в 1656 г.

³⁵ Нащокин-отец — ближний боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-

Нащокин (ок. 1607—1680), крупнейший дипломат, «царственные большие печати и государственных великих посольских дел обергатель». Его сын — Воин — в начале 1660 г. бежал за границу, но через несколько лет возвратился в Москву. В 1667 г. сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, позже был воеводой в Галиче (до 1678).

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ О ПУТЕШЕСТВИИ ПОЛЬСКИХ ПОСЛОВ В МОСКОВИЮ, ИМИ ПРЕДПРИНЯТОМ в 1667 году. Печатается по изд.: Исторический рассказ о торжественном въезде знаменитейших и превосходнейших господ Станислава Казимира Биеневского, генерала и черниговского воеводы, Киприяна Бростовского литовского рекетмейстера, и Н. Шмелинга вице-префекта королевства и королевского пристава, посланных светлейшим Иоанном Казимиром польским королем и великим князем литовским, к светлейшему Алексею Михайловичу московскому князю в качестве чрезвычайных послов в столичный град Московии, также и о их приветствовании того великого князя, о заключении с ним мирного договора, в чем дано было им клятвенное обещание, и наконец о их выезде отсюда.

Переведено с польского наречия на латинские вирши [весь рассказ в прозе] и с покорностью посвящено Светлейшему принцу Косме Медичи, третьему того имени великому герцогу Этрусскому, по случаю его приезда в город Гамбург Станиславом Лубиенцем Лубьеницким ролицким польским кавалером // Бумаги Флорентийского Центрального архива, касающиеся до России. Итальянские и латинские подлинники, с русским переводом графа М. Д. Бутурлина.— Ч. II. — М., 1871. — С. 394—431.

¹ Отсюда автор начинает говорить как бы от имени самих послов.

² У римлян ставились на дорогах большие камни в 1000 шагов один от другого, составляющих милю.

³ Дворяне — изначально придворные люди, составлявшие «двор»; знатный человек на службе у государя; чиновник при дворе. Разночинец — человек неподатного сословия, но без личного дворянства.

⁴ Вероятно, стан имеет здесь значение части города, применяющееся к Китай-городу и к Белому городу. Издатели 1871 г. допускают, что «Зеленый» стан может быть объяснен по сходству слов «зеленый» — «земляной», которым обозначалась часть Москвы.

⁵ Здесь царевич Федор Алексеевич.

⁶ Русское и польское государства в 1667 г. заключили в деревне Андрусово (между Смоленском и Мстиславлем) перемирие на 13,5 лет. Уполномоченным был с русской стороны А. Л. Ордин-Нащокин. По этому договору Россия отказывалась от Литвы, но приобретала Смоленск, Северскую землю, Левобережную Украину, а на правом берегу Москва удерживала за собой на 2 года Киев.

⁷ Должностное лицо для приема бумаг на высочайшее имя.

⁸ Царевичу было тогда 6 лет. Он родился 30 мая 1661 г.

⁹ Историческая область в Югославии, на территории совр. Хорватии и Черногории.

¹⁰ Историческая область в северо-западной части Балканского п-ва. С 27 в. до н. э. — римская провинция Иллирик, состоявшая из Нижнего Иллирика (Далмации) и Верхнего (Паннонии). Позднее в Иллирик входили также Верхняя Мезия, Реция, Норик и Дакия, Македония, Греция.

¹¹ Историческая область в Югославии. Расположена на одноименном п-ве в северной части Адриатического моря.

¹² Может быть, имеется в виду Мезия — римская провинция, располагавшаяся между Нижним Дунаем и Балканскими горами. В 86 г. была разделена на Верхнюю Мезию и Нижнюю Мезию.

¹³ Римская провинция в Альпах (территория совр. Тироля, частично Баварии и Швейцарии).

¹⁴ Первоначально так называлась территория, на которой образовалось государство Чехия. В 1526—1918 гг. — это официальное название Чехии, входившей в состав Габсбургской империи.

¹⁵ Историческая славянская область в верхнем и среднем течении Одры.

¹⁶ Вандалы — группа германских племен.

¹⁷ Балтийское море.

¹⁸ Ягеллоны — королевская династия в Польше (1386—1572), Великом княжестве Литовском (1377—1401, 1440—1572), Венгрии (1440—1444, 1490—1526); Чехии (1471—1526). Основатель — Владислав Ягайло (Ягелло) (ок. 1350—1434) — великий князь литовский (1377—1392), король польский (с 1386 г.).

¹⁹ Оба патриарха прибыли в Москву в 1666 г. по делу о патриархе Никоне, самовольно покинувшем свою кафедру.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббас I 3, 13, 167, 352-354.
 Абрамов Сапун В. Т. 53, 59, 346
 Август Цезарь 170
 Авлик В. 140
 Аделунг Ф. 11
 Ази Хозрев 154
 Аксельсон Оке 284
 Александр I Ягеллон 85, 347
 Александр Великий (Македонский) 98, 348
 Алексей 286
 Алексей Иванович - см.: Зюзин
 Алексей Михайлович 20, 21, 24, 359, 360
 Алмаз Иванов (Иванов Еврофей) 22,
 287-290, 294, 302, 310, 313, 315, 358
 Алпатов М. А. 4
 Алферьев Р. В. 59
 Амурат 168
 Амурат VI (Мурат II) 97, 348
 Андрей I 38, 344
 Андрей 222
 Андроник Старший 95, 348
 Анна, дочь Василия I 349
 Анна, жена Владимира I 103, 349
 Анна Алексеевна 359
 дон Антонио - см.: Шерли
 апельман 268
 Аристотель Фироваанти 345
 Ассур, библи. 35
 Афанасий Деменьев сын 75
 Афанасий Никитин 5
 Ахемениды 348

 Баат Я. Я. 284
 Багус (Бауш) В. 290, 292, 293
 Байат Хосейн Али-бек - см.: Хусейн-Али-
 Бек
 Баклановский И. 358
 Балк 309
 Баннер С. 220
 Барент (Баренц) 354
 Басс Д. 15, 17, 19, 208, 215, 223, 271, 35
 Бауман Н. 287, 295, 297-302, 304-307,
 310-313, 315, 317, 358, 359
 Баус Дж. 348
 Бауш - см.: Багус
 Бахрах 302, 306, 307, 314, 317
 Бегичев К. Д. 146
 Безобразов И. О. 132
 Бекман Р. 7
 Бела, династия 39, 40, 48, 53
 Бела I 38, 344
 Бела II Слепой 38, 344
 Бела IV 91, 348
 Белрушу - см.: Бероз
 Бельский И. Д. 90, 348
 Бем 299

 Берг А. 140
 Бернте И. 215
 Бероз (Берос, Белрушу) 35, 344
 Бисневский С. К. (Беневский) 23, 332, 360
 Бойз Г. 216, 270
 Болкашин Г. Ф. 243
 Бонфиний А. 38, 344
 Борис, Борис Федорович -- см.: Годунов
 Б. Ф.
 Ботеро Х. 171, 172, 175, 178
 Брамбах И. 3, 15, 185, 190, 193, 207
 Браун 205
 герцог Брауншвейгский 210
 ван Бредероде Н. 18, 19, 218, 262, 263,
 270, 271, 278
 ван Бредероде Р. 15-17, 19, 208, 209, 215,
 216, 223, 271, 356
 Брекель 264
 Бремен Э. 213, 215
 Бринг 309
 Бростовский Киприан 23, 326, 360
 Буйносов-Ростовский В. И. 355
 Булат-бек, Булат Ага - см.: Поляд Бег
 Булгаковы-Голицыны 51
 Бурхузен Е. 230, 234, 268
 Бурмания Т. 282
 Бутурлин В. 251, 252
 Бутурлин И. М. 59, 348
 Бутурлин М. Д. 360
 Бухольцер П. Б. 140
 Бушев Д. 60
 Бушев П. П. 352-354
 Бьелкенс М. 220
 Бьелкенс Н. 280
 Бюхлинг М. 305

 Вагенер 234
 Ваза, династия 38, 39
 Валуев Г. 249
 фон Вальштейн Г. 140, 146, 150, 160
 Варбург 299
 Варкоч Г. 141
 Варкоч Н. 3, 8, 11-13, 139, 166, 349, 351
 Варкоч Ф. 140
 Воряг 25
 Васерман М. 140
 Василий I 350
 Василий II 103
 Василий II Темный 86, 348
 Василий III. Иванович 36, 39, 85, 90, 344,
 345
 Василий Блаженный 113, 350
 Васильев Туркан 162
 Васильевич 152
 Вельяминов Г. 45
 Вельяминов И. Г. 147

- Виртембергский, владетельный герцог 214
 Виртембергский Юлий 214
 Владимир I Святославич 50, 102, 349
 Владимир Всеволодович Мономах (Влади-
 мир-Ярослав) 37, 344
 Владимир Старицкий 345
 Владислав IV Ваза 243, 250, 357
 Владислав Ягайло (Ягелло) 361
 Власьев А. И. 161-162, 197-198, 355
 Волконский В. Б. 289, 314, 358
 Волконский Ф. Ф. 358
 Волынский Я. Ф. 348
 Ворог Д. Н. 243
 Воротыньские 51
 Врангель Г. 217, 218
 Всеволод 344
 ван Вуве А. 259, 281
 Выговский И. 360
 Вылузгин Е. Д. 53, 59, 156, 247
- Габсбурги 12
 Гагарин Н. А. 358
 Гаврилко Яковлев сын 75
 Газелар Н. 213
 Гаральд 37, 344
 Гармерс К. 185
 Гартумф А. 140, 150
 Гаславец (Гославский) Г. С. 140, 150
 ван дер Гейден Г. 223, 225, 227, 235, 259,
 271
 Гейман П. 140
 Гейс (Гизен) С. 12, 140, 144, 154
 Геллинг Д. 303, 304, 306, 307, 311, 314,
 316
 Гельфрих Б. 282
 Генрих IV 261, 262, 275
 Генрих VIII 9
 Герберштейн С. 9, 10, 23, 349
 Герц Г. 303-305, 307, 314
 Гида 345
 Гизен - см.: Гейс
 Глинские 50, 51
 Глинский И. М. 58, 80, 348
 Годунов Б. Ф. 7, 10, 13, 15, 44, 50-52, 54,
 59, 61, 63, 121, 127, 132, 152-154, 156,
 162, 186, 193, 195, 345, 347, 352, 355
 Годунов Г. В. 59, 61, 132
 Годунов Д. И. 59
 Годунов И. В. 59, 133
 Годунов С. В. 59, 63, 132
 Годунов Ф. А. 133
 Годунов Ф. Б. 193, 196, 197, 346
 Годунова К. Е. 186
 Годуновы 50, 56, 113
 Голицын В. Ю. 50
 Голевин П. 50
 Гонсевский 308
 фон Горен И. 317
 Горн Г. 225, 281, 282
 Горн Н. 214, 215
 Горн Э. 248, 249, 357
 Горсей Дж. 9, 10
 Горский Ю. 145
 Гославский - см.: Гаславец
 Гофман П. 292
 Граас Л. 222
 Грезинг А. 140
 Грейп А. 215
 Грютора Н. 102
 Григорий Иванович 191
 Гуварт П. 303
 Гуляницкий 359
 фон Гуняерт Х. Уирут Младший 139, 140,
 146, 154
- Густав II Адольф 16, 19, 20, 208, 216, 230,
 245, 251, 272, 273, 275, 276, 356
- Давид, библ. 41
 Даниил Александрович 36, 344
 Даниил, Даниил Иванович - см.: Мезен-
 кий Даниил Романович 344
 Данкарт Я. 213, 234
 Дарий Гистасп 95
 Девлет-Гирей 348
 Дейкер Ф. 222
 Деллагарди, род 356
 Деллагарди Поппус 356
 Деллагарди Я. П. 220, 225, 230, 232, 233,
 247-251, 253, 254, 263-265, 269, 270, 279,
 280, 356
 Деллагарди Ян 283
 фон Деллден (Иван Адамов) 290, 296, 297,
 302-307, 308, 310, 312, 314, 316-318, 359
 Джонстон 299
 Дивей-мурза 117
 ван Дик 213
 Димитрий, архиепископ 105
 Диннисс Н. 185
 Дмитрий, пристав 318
 Дмитрий Иванович, царевич 10, 346, 347
 Дмитрий Иванович (Донской) 350, 359
 Долгорукий Ю. А. 308
 Дохторов 325
 Дрейер Р. 186
 Друммонд 22, 299, 316
 Дуглас 318
 Дуков - см.: Суков
 Дьюкер Х. Г. 5
- Евдокия, княгиня 359
 Елизавета I 6-9
 Ермак Тимофеевич 347, 348
 Ерофеев Н. А. 4, 5
- Жидовинов Василий Степанович (ошиб.:
 Василий Васильевич) 286, 289, 293, 358
 Жировой-Засекин А. Ф. 14, 354
 Жолкевский 249
- Заборовский (ошиб.: Саборотский) С. 237,
 257
 Зак Л. А. 4-5
 фон Зален 299, 310
 Замойский Я. 12
 Зборовский 248
 Звенигородский С. Г. 149, 163
 Зигель Г. 140
 Золотов М. 331, 332, 334
 Зубов П. И. 146
 Зюзин А. И. 235, 237, 240, 244
- Иakov I 260, 267, 271, 272, 274, 275, 277,
 356
 Иван, Иван Ульянович - см.: Мерик
 Иван (Иоанн) I Данилович (Калита) 36,
 344
 Иван III 3
 Иван III Васильевич 14, 15, 39, 85, 86,
 344, 345, 348
 Иван IV Васильевич (Грозный) 10, 38, 39,
 45, 48, 60, 64-66, 85, 86, 89, 104, 105,
 200, 201, 344-349
 Иван Адамов - см.: фон Деллден
 Иван Васильев сын 75
 Иван Иванович, царевич 345
 Иван Никитич - см.: Мещерский
 Иван Федоров 350

- Иванов Еврофей — см.: Алмаз Иванов
Ивашка 113
Иев 349
Иеремия П. (ошиб.: Иеровим) 103, 105, 349
Иероним 316
Илья Данилович — см.: Милославский
Иннокентий IV 36
Иоаким 355
Иоакими А. 15, 17, 19, 208, 209, 215–217, 271, 356
Иоанн, библ. 305
Иоанн, император 102
Иоанн Златоуст, библ. 340
Иоанн-Казимир 325, 326, 360
Иоанн Федорович (ошиб.) — см.: Федор Иоаннович
Иоганн 186, 196
Иосиф, библ. 26
Ирина Федоровна (ур. Годунова) 345
Исидор 265
Истель П. 140
- Казан 96
Капнацинский 248
Карамзин Н. М. 6
Карацуба И. В. 5
Карл 205
Карл IX 17, 214, 247, 248, 251–253, 273, 278, 356
Карл X 21
Карл-Филипп 252–254
Карнковский Ш. С. 141
ван Катц И. 234–236
Керкринк Г. 185, 193
Кий 25
Кир 95
Кириак-Мурза 94
Клерк 284
Клещнин А. П. 59, 132, 350
Клобуков Г. 355
Ключевский В. О. 4
Кнович 139
Коброн С. 220, 280
Козов М. 162
Коль К. 299, 316
Кон И. С. 5
Кондырев И. Г. 16
Константин 103
Косс Г. 21
Косьма III Медичи 341, 360
Кравинкель И. 303, 305
Крамер Г. 142, 144, 150, 154
Куплинский Я. 144
Куракин Григорий Андреевич (ошиб.: Андрей Григорьевич) 59, 347
Куракин-Булгаков А. 50
Кучум 348
- Лаский С. 206
Лев III 341
Лейхтер Г. 140, 150, 153, 154
Лех — см.: Лях
Лёб Ю. 140, 154
Лжедмитрий I 346, 352
Лжедмитрий II 247, 248, 252
Ли С. 7
Либальд Т. 140
Лимонов Ю. А. 5
Линдштеден А. 207
Линк К. 249
Линкс Л. 140
Липпман У. (Lippman W.) 4
Лисовский 227, 228, 235, 254
Лотман Ю. М. 24
- Лубиенец С. 360
Лыбедь 25
Людовика-Мария 324
Лях (Лех) 89, 342
- маврикий 358
Маттус Гарток 40, 50, 345
Магог, библ. 36
Мадай, библ. 35
Максимилиан, курфюрст 103
Максимилиан, эрцгерцог 12, 163
Малой С. А. 311
Мария Владимировна 346
Мария Григорьевна (ур. Скуратова) 346
Мария Ильинична (ур. Милославская) 358
Мария Кривавая 9
Мария Нагая 347
Марселис П. 296, 300–304, 307–309, 359
Маргене М. 225, 279
Марш А. 7–9
Масса Н. 225, 238, 273, 279, 356
Масса Л. 279, 280
Маттиас (Маттиаш Корвин) 273, 344
Мезецкий Д. И. 18–20, 232, 235, 237, 244–246, 255, 262, 263, 273, 312
Мейер З. 190
Мейер (Меер) Ф. 295, 299, 359
Мейерберг А. 22
Мейн Я. 300
Мейнерте Г. 149
Мейтрейх А. 213
дело-Мело (де Моле) Н. 168, 353
Мерик Джон (Иван Ульянов) 17, 19, 20, 220, 221, 238, 244, 260, 267, 271, 274, 277, 356, 357
Меццерский И. Н. 221, 222
Миллер Г. 309
Милославский И. Д. 289, 300, 304, 310
де Мист М. 234 236
Митридат VI 342
Михаил II 349
Михаил VIII 95, 96, 348
Михаил Федорович 16, 208, 224, 230, 235, 237, 245, 247, 253, 259, 271, 275, 277, 352, 356, 357
Михайлов И. 358
Моисей, библ. 26, 119
де Моле — см.: де-Мело
Мориц, принц Оранский 209, 218, 220
Морозов Б. И. 289, 358
Морозова (ур. Милославская) А. И. 358
Моск 344
Мосох, библ. 35, 36
Мстиславский Ф. И. 58, 80
Мстиславские 50
Мурат II — см.: Амурат VI
Мухаммед 167
Мухаммед-Ага 167
Мыслов И. 161
Мышецкий Д. Е. 21, 295–296, 358, 359
Мюллер В. 307, 317
- Нагие, 39
Нацокин (Ордин-Нацокин) А. Л. 23, 24, 317, 325–327, 334, 335, 359, 360
Нацокин В. 360
Немврод (Сатурн), библ. 35
ван Немед Д. 232, 235, 236, 268
Никита Сидоров сын 75
Никита Романович — см.: Юрьев
Никола Салос 113
св. Николай, архиепископ мирликийский 120, 128, 129
св. Николай (Можайский) 148
Никон 359, 360, 362

Новоксенов Н. Н. 235, 237, 240, 262, 268
Ногай 95, 342
Nasirow Андрей Михайлович 149, 163

Огузлып 97
Одоевские 51
Одоевский И. 252, 270
Одоевский И. И. 216
Одоевский И. Н. 265
Оксеншерна А. 213, 283
Оксеншерна Г. 280, 282
Олеарий А. 9, 290, 358
Ольделанд Г. 20, 21, 285
Ольн Ю. 163
Ордин-Нащокин — см.: Нащокин А. Л.
Ортогул 97
Орудж-бек Баят — см.: дон Хуан Персидский
Османь (Оттомань) 348
Отоман (Осман) 97, 348

Палеологи 348
Пантелеев (ошиб.) — см.: Петелин
Пахимер Грек 95
Перголи-бек (Пер Кули-бек) 14, 180, 353
Петелин (ошиб.: Пантелеев) Д. 53, 59, 346
св. Петр 340
Петр I 16, 345
Петр Иванович — см.: Протопопов
Пивов Р. М. 59
Питерс И. 210
Питириский С. 140, 150
Полей Г. 140
Поляд-Бег 155, 352
Поссевино А. 104, 178, 346, 349
Протопопов П. И. 293, 295, 297, 302, 312, 314, 358
Пушкин Е. 357

Рабле 3
Радзивилл Н. Х. (Николай Сиротка) 188, 354
Радзивилл Х. 142
Рексель Я. П. 281
Рельф Р. 117
Робель С. К. 209, 215
Рогожин Н. М. 24
Роде А. 3, 20, 285, 357
Розен Р. 283
Роман II 349
Романов Ф. Н. (Филарет) 156, 352
Романовы 16, 356
Ромодановский Ю. И. 298, 300, 305, 310, 312, 314, 316
Рудольф II (Рудельф) 11–13, 157, 352
Рус 342
Рюрик 25
Рютгерзиус 213
Рютц Давид (Рутс Давид Николаев) 295, 296, 299, 300, 302, 304–306, 309, 311, 313, 359

Сабороцкий (ошиб.) — см.: Заборовский
Сабуров Богдан Юрьевич (ошиб.: Иванович) 59, 347
Сабуров Ж. С. 355
Салманасар 7
Салтыков И. 250
Сапега А. 144
Сармат (Сармоф) 26
Сатурн — см.: Немврод
Свелленгребер Э. 317
Свелленгревер Г. 304
Свен 37
Свифт Р. 18

Сейддинг Ф. 217, 218
Селевкиды 348
Семенов Д. 235, 237
Сергий Радонежский 112, 350
Середонин С. М. 4
Сесиль 9
Сефевиды 352
Сигизмунд II Август 141
Сигизмунд III Ваза 141, 349, 352, 354, 355
Симановский П. Г. 289, 314, 358
Симеон Бекбулатович 66, 347
Симеон Полоцкий 24
Синеус 25
Сицкой (Сицкий) И. В. 59, 156, 347
Скуратов М. 346
Смит Т. 230, 234, 242
Софи Мираа 167
Стерлинг П. Т. 236, 237, 259, 266, 268
Стефан Баторий 11, 50, 85, 142, 143, 346, 347, 349, 351
Страбон 25
Строганов А. 65, 347
Строганов Г. 65
Строганов М. Я. 347
Строганов Н. Г. 347
Строганов С. 65, 347
Строганов Ф. Л. 347
Строганов Я. 65
Строгановы 347
Стромберг Б. 140
фон дер Струза Ф. Крейшельвиц 140, 154
Суков (ошиб.: Дуков) В. 162

Тамерлан (Тимур) 95, 170, 172
Татевы 51
Татищев И. П. 59
Тейстербейский арфу Тонисен 225, 230, 247
Телятевские 51
Телятевский А. А. 151, 352
Тиверий 65
фон Тизенгаузен Дитлов 215
Толочанов 328, 334
Троескуров Ф. М. 59
фон Троен Г. 302–304, 306, 314, 316–318
Трубецкие 50
Трубецкой А. Н. 309, 359
Трубецкой Н. 355
Трубецкой Н. Р. 59
Трубецкой Т. Р. 59
Трубецкой Ф. М. 59, 80, 347
Трувор 25
Тунов М. 297
Туренин И. 357
Тюдоры 9

Ушаков С. М. 237, 273, 357

Федор Алексеевич 24, 360
Федор 216
Фейеррот Я. 282
Феодор Иванович 10, 12, 40–42, 65, 85, 132, 165, 237, 309, 345, 346, 349, 352
Феодор Михайлович — см.: Трубецкой Ф. М.
Филарет — см.: Романов Ф. Н.
Флетчер Дж. (Fletcher Giles) 3, 4, 6–11, 25, 98, 342, 351
Флетчер Р. 6
Флетчер Ф. 6
Фокеродт И. 295–297, 359
Фредерик III 21
Френкенберг Г. 139
Фридрих, герцог 205, 355
Фридрих, принц, затем король 210, 292
Фридрих Вильгельм 292

- Фриз Х. 211
 Фрийда Н. X. 5
 Фуйль К. К. 221
- Халхакондил (Халхондил) Л. 95—97, 102, 348
 Хворостинин Д. И. 59, 80
 Хворостинин Ф. И. 59
 Хилков А. Д. 159
 Хитрово Б. 334
 Хмельницкий Б. 359
 Хорив 25
 Христиан IV 358
 дон Хуан (Жуан) Перейдеский (Орудж-бек Баят) 3, 13, 14, 167, 352
 Хусейн-Али-Бек (Баят Хосейн Али-бек) 13, 14, 169, 353, 354
- Ципфер М. 142, 144, 150, 153, 154
- Черемисинов Д. И. 59
 Черкасский Б. К. 80
 Чернцов Я. С. 286, 293, 297, 358
 Чиниха Н. 91
 Чистякова Е. В. 5
- Шаренберг Г. 280
 Шекспир 3
 Шелинг 330
 Шепкельс М. 140
 Шереметев 326, 334
 Шереметев Ф. В. 59, 347
 Шерли А. (дон Антонио, дон Онгон) 13, 168, 169, 182, 184, 352—354
 Шестунов Ф. Д. 59
 Шеховской Ю. И. 290, 291, 358
 Ширли, братья 353
 Ширли А. — см.: Шерли
 Ширли Р. 352
 Ширмер М. 140
 Шмелинг Н. 360
 фон Шмольц Реймунд Утман 140, 146, 150, 160
- Шневиц А. 295, 299, 310, 359
 Шредер Г. 15
 Штейленберг И. 185
 Штейнбах фон Штейнбах Г. Р. 139, 140, 146, 150, 160
 Штрабург 297
 Шуйские 50
 Шуйский А. И. 50
 Шуйский В. И. 58, 216, 219, 243, 247, 248, 250, 278, 347, 355—357
 Шуйский Д. 249
 Шуйский П. П. 50
 Шуйский-Скопин М. В. 247, 248, 357
 Шуйский-Скопин Василий Федорович (ошиб.: Иванович) 58, 347
- Щек 25
 Щелкалов А. Я. 7, 53, 59, 156, 345, 352
 Щелкалов В. Я. 53, 59, 156, 346
- Эвер, библи. 26
 Эверс Я. 263, 268, 269
 Экзальто И. 281
 Экзальто Я. 281
 Энгельс М. 318
- Юнгманс А. 299
 Юрий, кн. — см.: Ромодановский
 Юрий, Юрий Иванович, кн. — см.: Шеховской
 Юрьев Н. Р. 50, 346
- Ягеллоны 361
 Яков Понтус — см.: Деллагарди
 Яков Семенович — см.: Чернцов
 Янович Н. 143
 Янсен Н. 280
 Янусы 93
 Ярослав Мудрый 344

СОДЕРЖАНИЕ

Иностранные дипломаты о России XVI—XVII веков. <i>Н. М. Рогожин</i>	3
<i>Флетчер Дж.</i> О государстве Русском	25
Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла римского императора, в 1593 году	139
Из рассказов <i>Дон Хуана Персидского.</i> Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599—1600 гг.	167
Отчет о поездке ганзейского посольства из Любека в Москву и Новгород в 1603 году	185
Посольство ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным штатам	208
<i>А. Роде.</i> Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году.	285
Исторический рассказ о путешествии польских послов в Московию, ими предпринятом в 1667 году	320
Комментарии	342
Именной указатель	362

Мемуары

**ПРОЕЗЖАЯ ПО МОСКОВИИ.
(Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов)**

Редактор *Аузан Е. Б.*

Оформление художника *Ворончихина Ю. Г.*

Художественный редактор *Водчиц С. С.*

Технический редактор *Гусева З. Д.*

Корректор *Казанцева Э. С.*

ИБ № 1784

Сдано в набор 15.03.91. Подписано в печать 26.06.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журнальная. Гарнитура таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32+0,84 печ.л. вкл. Усл. кр.-отг. 22,89. Уч.-изд. л. 24,03. Тираж 25 000 экз. Заказ № 128. Цена 6 руб. Изд. № 1-и/91. Издательство «Международные отношения» 107078, Москва, Садовая-Спасская, 20. Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР. 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Качество иллюстраций обусловлено использованием архивных фотографий.

3-52
6 руб.